Тайна Эдвина Друда

Часть II

оконченная духом Ч.Диккенса
посредством медиума
Т.П.Джемса[1]

Эта часть заключает в себе продолжение
(части I) романа, изданного автором до
окончания его жизненного
поприща

_____

«Cogito, ergo Sum»[2]

_____

Бедным
и
честным труженикам всех стран, которых давит неумолимая рука нищеты, но для коих скоро настанет великий день *возмездия*, день, в который они станут рука об руку с самыми Высшими сей земли, –

посвящаются эти страницы
автором,
с искренним его уверением, что счастливейшими часами земной его жизни были те часы, в которые он видал старания свои облегчить несчастным бремя жизни увенчанные успехом, или же когда ему удавалось словом или делом способствовать их благополучию.

[1] *Т.П.Джемс* – новый американский *медиум*, *Братлборо* (Массачусетс), Соединённые Штаты. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[2] «Мыслю, следовательно, существую» (*лат.*) – утверждение французского философа и учёного Р.Декарта (1596–1650).

Перевод этого романа сделан мною *прямо* с первой рукописи *Джемса*, которая была писана им в бессознательном состоянии и слово в слово под диктовку, как уверяет медиум,

духа Диккенса.

В напечатанном впоследствии романе оказались странные переделки, которые, по словам критиков, много испортили оригинальность сочинения. Кто взял на себя эту переделку к худшему – неизвестно. Ходят слухи, что бостонское духовенство *пресвитерианцев* платило большие деньги тамошней типографии за корректурные листы этой повести, которая и вышла совершенно изувеченной. Книга по манускрипту будет напечатана впоследствии.

(Примечание перевод[чика]).

Бостон.
3го октября.
1873.

Предисловие медиума[3]

В видах удовлетворения общественному любопытству и далеко до полного окончания второй части этого сочинения я согласился дозволить напечатать некоторые отрывки из оного. Единственною моей целью было желание дать возможность нетерпеливой публике заранее составить себе мнение о тождественности слога настоящей книги со слогом прочих романов г. Диккенса и таким образом вполне удостовериться, что это посмертное сочинение проистекает из одного и того же пера.

Результат был тот, которого и следовало ожидать. Некоторым из читателей известные характеристические черты слога г. Диккенса тотчас же бросились в глаза, другие, напротив того, не могли найти в этой части ничего такого, что бы могло хоть издалека напомнить им о произведениях великого писателя. Один говорил: «Глаголы в этой части романа вовсе не походят на глаголы, обыкновенно употребляемые Диккенсом», но когда попросили этого критика подкрепить свой довод каким-либо доказательством, то он не сумел привести ни одного примера; одно только знал он, что глаголы были *не те*, потому что кто-то другой заметил ему это!? О, достойные представители достойнейшего класса! Но всё же вы заслуживаете несколько более уважения, нежели некоторые вожаки ещё худшей категории общества (категории весьма немногочисленной, замечу с удовольствием). Эти господа, сознав бессилие своё найти что-либо достойное справедливого порицания или осуждения в книге, возымели блистательную идею напасть соединёнными силами лично на «медиума», пустив в ход самую бессовестную клевету, надеясь подобной хитростью отвлечь общественное внимание от самой книги и тем «убить её до рождения»!

Но, к несчастью их, всё это имело весьма мало влияния на читающую публику, которая справедливо рассудила, что личные обвинения, заслужены ли они или нет в несчастном происшествии молодости[4], не могут ни на один волосок прибавить либо убавить к достоинству самой книги.

Вероятно, в силу «неисповедимых путей Его»[5], Господь Бог соблаговолил сотворить на нашей планете некую касту людей, которые, находя умным, прекрасным и непогрешимым всё совершенное ими самими, находят всё деланное другими «скверным». Идея их о собственной персоне – «великая», идея о прочих смертных – «дрянь»! Такие особы постоянно являются на поле аргументации с непокрытыми головами в полной уверенности, что найдут себе чью-нибудь чужую шляпу, которая хоть и не всегда нравится им, но зато ловко сидит на голове, да и удобно её носить. Следовало бы полагать после этого, что вследствие такого произвольного выбора они или будут продолжать носить её, или же снимут шляпу и замолчат, но выходит противное: эти оралы продолжают толкаться в толпе, недовольные собой и внушая к себе отвращение в прочей публике.

---

[3] Т.П.Джемс, которому теперь 28 лет, служил до февраля 1873 г. простым разносчиком при маленькой провинциальной типографии. Джемс с трудом может подписать своё имя, и орфография ему совершенно неизвестна (примечание перевод[чика]). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[4] Несколько лет тому назад г. Джемс был посажен в тюрьму по подозрению кражи денег из кассы типографии. Но проступок этот не мог быть доказан (прим[ечание] перевод[чика]). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[5] Рим. 11, 33.

В предисловии к этой книге (г. Диккенса) говорится иносказательно о двух шляпах: на одной из них читается надпись «совиная мудрость», на другой – «невежды, ханжи». Высшим образом было поучительно видеть, как легко и скоро открыли вышеупомянутые индивидуумы, что обе шляпы как раз приходились им впору. Факт этот даёт мне право предполагать, а со мною и многим другим, что характер мистера *Cancea*[6] не утрирован автором.

Чтобы дать некоторое понятие публике о нелепых предположениях, сочиняемых по поводу авторства этой книги подобными особами, – невзирая на то, что их предположения всегда оказывались во сто крат невероятнее самой истины, называющей эту повесть *посмертным* романом Диккенса, – приведу два примера.

Одна из гипотез следующая: рукопись второй и последней части «Тайны Эдвина Друда» была окончена г. Диккенсом при жизни его; после смерти его один из наследников покойного писателя, желая подшутить над публикой, произведя *сенсацию,* послал эту рукопись в Америку и выбрал *меня* агентом своим для издания оной под видом «посмертного сочинения». Другой вымысел состоит в следующем, – добавлю, что это самый популярный из всех, – всю эту штуку сотворила нечистая сила! Говорили шёпотом, что в известный час ночи его Сатанинское Высочество влетает в трубу дома моего, оставляя после себя такой запах серы, что час спустя прохожие задыхаются от него. Полагаю, что редко когда случалось невинной трубе, построенной из безвреднейшего кирпича, обращать на себя большее внимание и вселять такой ужас в народе, как довелось это трубе моей квартиры.

Мне положительно известно, что три или четыре человека ждали по целым часам, – проводя часть ночи в подобном положении перед моими окнами, – в ожидании этого феномена или, скорее, чертовщины в полной уверенности, что терпение их будет вознаграждено лицезрением самого беса; и странно подумать, эти самые люди никак не могут поверить в возможность возврата на землю умершей особы для свидания с друзьями, несмотря на то, что в этом факте они могут убедиться несравненно легче и скорей.

Мне не приходится рассуждать самому о достоинствах либо недостатках этого сочинения. Одно скажу: я передаю его публике слово в слово, как оно было продиктовано мне. Так как всем известно, что я простой и необразованный человек, то никто и не имеет права взыскивать с меня за могущие оказаться в книге грамматические либо другие ошибки. Не стану ни сознавать, ни отвергать их. Конечно, я мог бы легко избежать этого порицания, отдавая предварительно рукопись свою на рассмотрение компетентных особ, которые сгладили бы всё, поправив. Я предпочёл отдать её на суд публики так, как оно было написано под диктовку автора.

Те, которым хорошо известны все законы спиритизма и его физические проявления, легко поймут, что первое произведение *медиума* под прямым и непосредственным влиянием овладевающего им дȕха (Controlling Spirit) непременно будет содержать в себе различные неправильности, тем более когда и дух, и медиум – равно новички ещё своего дела, и оба не совсем развиты для подобного писания, но я вполне надеюсь, что будущие обещанные г. Диккенсом сочинения через моё посредничество будут вполне очищены от подобных шероховатостей, если только найдутся они в настоящем сочинении.

С истинным счастьем я передаю публике объявление Чарльза Диккенса в том, что первая глава его будущей повести «Жизнь и приключения Боклея *Уикльгиппа*»[7] окончена; судя по первым страницам её и всего характеристического начала, можно смело предположить, что этот роман окажется достойным сравнения со всеми лучшими повестями, написанными автором во время его земной жизни.

В заключение скажу следующее: происхождение[8] настоящей книги и первоначальное заявление о ней основаны не на одном *«ничем не гарантированном уверении моём»,* как выражаются некоторые скептики. Правдивейшие в мире, известные честностью своей и прямотой люди, всем известные и уважаемые, ручаются за справедливость приводимого мною факта, так как

---

[6] Сапси (Sapsea).

Имена и топонимы по-русски в примечаниях здесь и далее приводятся по: *Диккенс Ч.* Тайна Эдвина Друда / пер. О.Холмской // Собрание сочинений в 30 т. Т. 27. – М.: Государственное издательство «Художественной литературы», 1962.

[7] «The Life and Adventures of Bockley Wickleheap».

[8] Далее зачёркнуто: этой.

все они были свидетелями и очевидцами и знают наверняка, *из какого источника* являлось писанное мною: они *видали* то, в чём *удостоверяют*.

С сердцем, переполненным благодарностью к тем друзьям, которые так твёрдо стояли за меня во время борьбы моей и тяжких 8[ми] месячных трудов[9], и к тем, которые сумели поддержать падающий дух мой в те горькие часы, когда я чувствовал, что «должен погибнуть средь пути», желаю я клеветникам моим найти что-нибудь полезное и хорошее для них в книге г. Диккенса, если уж они решились не находить ничего, кроме скверного, в «медиуме». С этим желанием, заранее благодаря читателя за его внимание, скажу ему: «До свидания».

Т.П.Джемс.

Братлборо (Вермонт), 25 октября 1873 г.

Предисловие автора (духа Диккенса)

Во время духовной работы моей над этим сочинением я несколько раз чувствовал сильное желание (как это случалось со мною постоянно и во время жизненного поприща моего) узнать скорее, какими комментариями будет оно встречено публикой. Поэтому я искренне обрадовался, когда последнее его слово было дописано, при мысли, что вот теперь я узнаю правдивую оценку его из разнородных мнений читателей и критиков. Если я живо чувствовал подобную боязнь во время моего воплощения, то легко понять, что это чувство усилилось во мне теперь ещё более: я отдавал на суд света сочинение, каждое слово которого могло быть написано только с помощью земных рук, которыми я должен был действовать вроде того, как телеграфист употребляет свой аппарат, посредством которого миллионы слов передаются за тысячи миль в одну секунду и одной силою электричества. Недалёк уже тот день, когда тысячи и десятки миллионов людей, считающих теперь *спиритизм* за пустую бредню и за шарлатанство, поверят и лучше поймут его, чем понимают его теперь; в тот день человечество усовершенствуется, а те, которые окончили своё земное поприще, равно как и те, которым скоро предстоит конец его, возрадуются при мысли, что милые сердцу их родные и близкие, оставленные ими на далёкой земной планете, смотрят на отсутствие их только как на *временную разлуку* и не томятся более неизвестностью. Как мало понимают ещё люди всю мудрость и благость Всевышнего Творца, создавшего каждую былинку с мудрой целью... Того, который, несмотря настолько на бесчисленные доказательства, рассеянные Им перед глазами земных детей Его, – в полное подтверждение того, что ничто не пропадает бесследно в природе, – видит, как немного ещё есть между ними тех, которые верят искренне в бессмертие души человеческой, этой частицы собственного Духа Его!

В этом сочинении я не имею никакого намерения влиять на кого бы то ни было или заставлять кого изменять своему прежнему мнению. Конечно, я был бы рад видать кровных близких и всех земных друзей моих, внимательно вникающих в сокрытую истину, содержимую в этой науке, – религиозной науке, добавлю я, – чувствуя, что это принесло бы им более счастья и пользы, нежели всё земное прочее. Никто не имеет права отвергать того, чего он ещё не знает, не имея самых разумных доказательств под рукой для подкрепления своего неверия. Доказательства же противные – в пользу *спиритизма*[10] – под рукой у всякого. Но если вам и так хорошо жить на свете, или же если вы боитесь уронить этим своё достоинство, то как хотите, но пощадите вы, по крайней мере, чувства любимых вами когда-то и перешедших в духовный мир друзей! Не побивайте презрением, не делайте посмешища из того, что для них есть *живая истина*, если уж сами вы не хотите знать правды!

С этой самой минуты, как посредством медиума я объявил о желании моём продолжать начатое мною на земле сочинение, я следил за мнениями людей. Горько мне было иногда видать, как старались они в различных статьях всего света обратить эту идею в насмешку, но, сознаюсь, не

[9] Очевидцы странных феноменов, овладевающих Джемсом во время его бессознательного писания, говорят, что страдания его доходили до такой невозможной муки, что много раз присутствующие при нём доктора серьёзно боялись за него, ожидая, что дух покинет тело его каждую минуту (примечание перевод[чика]). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[10] См., например: *Е[вгений] Б[арабаш].* Мистический элемент в жизни Диккенса // Ребус, 1890, №44, 4 ноября.

менее было забавно мне следить за неутомимыми кривляниями «совиной мудрости» якобы в лице тех невежественных ханжей, которые воображают, что «весь свет был создан только для людей, а люди эти они сами и есть». И жаль нам этих устарелых дураков и вместе с тем утешительно подумать, как наказаны будут они, когда, покинув на земле своё грешное тело, о котором они такого высокого мнения, они явятся сюда и найдут, что этот новый для них мир совсем не то, что они воображали себе о нём на земле.

Искренне надеюсь, что найдётся ещё достаточно честных людей обоего пола, которые, прочитав эту книгу, не станут повторять вместе с прочими, что «всё это плутни», как выражались многие далеко до появления её в свет и не прочитав ещё ни единой строчки из неё, но что искренние и справедливые особы легко проследят в этом сочинении одно и то же постоянно одушевляющее автора чувство – теперь, как и при жизни его, – желания заинтересовать читателей своих в пользу разыгрывающих его «актеров». Если я хоть сколько-нибудь успел в этом и доставлю публике хоть несколько часов развлечения, которые, если и не сделают её лучше, то, по крайней мере, заставят на минуту забыть все земные дрязги, то я останусь довольным.

Не могу кончить, не заявив всем милым моим дорогим друзьям, которых я так любил на земле, – с каким горячим чувством я жду прибытия их сюда: собственный опыт докажет им лучше всяких слов, сколько истины заключается в моих рассказах на различных сеансах о нашей настоящей, а для них – «будущей жизни»[11]. Бог да сохранит вас и благословит. Вот самая горячая моя молитва.

Ч.Диккенс.

Примечание переводчика издателю

Находя ненужным снова переводить то, что было уже многократно переведено русскими журналами, т.е. 1ю часть неоконченного романа Ч.Диккенса «Тайна Эдвина Друда»[12], я начинаю свой перевод с 24й главы сочинения, во время которой смерть автора прервала работу великого писателя, а «тайна» оставалась неразгаданной до той минуты, когда духу Диккенса удалось овладеть медианимической[13] способностью некоего юного, но далеко не презентабельного бостонца. Я видала его несколько раз в нормальном виде и во время писания под диктовку невидимой силы, называющей себя Чарльзом Диккенсом. Привычные стенографы едва успевали следить за словами медиума, который писал, повторяя вслух писанное им, не останавливаясь ни на минуту. Не входя в напрасные рассуждения, повторяю только буквально то, что сама видала.

Е[лена] Б[лаватская].

[11] В Англии, как и в Америке, Ч.Диккенс часто является на зов во время сеансов и посылает различные повестки и рассказы друзьям и родственникам. Многие из них печатаются спиритическими журналами (прим[ечание] перевод[чика]). – *Зачёркнутое примечание Е.П.Блаватской.*

[12] См., например: Русский вестник, 1870, Приложение; Всемирный труд, 1870, №3–6, 8–12; Собрание иностранных романов, рассказов, повестей, 1870, кн. 4–10; Заря, 1870, №4–10; Отечественные записки, 1870, Приложение, №5–10; отдельное издание (СПб., 1870).

[13] медиумической (*англ.* medianimic, от *фр.* médianimique).

Оглавление

Главы, написанные Ч.Диккенсом *при жизни*.

I. Заря.
II. Декан и приход.
III. Монахиня.
IV. Мистер Сапсеа.
V. Мистер Дёрдльс[14] и друзья.
VI. Филантропия в углу минор-канона[15].
VII. Более поверенностей, чем нужно.
VIII. Кинжалы готовы.
IX. Птички в кусте.
X. Выравнивая дорогу.
XI. Картина и кольцо.
XII. Ночь с Дёрдльсом.
XIII. Оба стараются.
XIV. Когда эти трое встретятся снова?
XV. Обвинён.
XVI. Преданный.
XVII. Филантропия, профессиональная и простая.
XVIII. Поселенец в Клоистергэме[16].
XIX. Тень на солнечных часах.
XX. Бегство.
XXI. Встреча.
XXII. Шероховатое время настало.
XXIII. Опять заря.

Главы, продиктованные Ч.Диккенсом *по смерти*.

XXIV. Что рассказывал орган.
XXV. Свет проливается на Степл-Инн[17].
XXVI. Джон Джаспер видится с агентом, а читатель знакомится с Педларами[18].
XXVII. Цепь куётся.
XXVIII. Читателя отправляют в билликинскую[19] гавань, где он встречает старого знакомого.
XIX. Встреча и признание.
XXX. Другая ночь с Дёрдльсом.
XXXI. Миссия Фопперти[20] и внезапное исчезновение.
XXXII. Отворяющая двери мистеру Брòбити[21].
XXXIII. Представляет публике Джо Слоджерса[22], и что из этого происходит.
XXXIV. Трактует о разных разностях, и для вящего объяснения предыдущей главы знакомит читателя с мистером Питером Пеккрафтом[23].
XXXV. В которой мистер Грейджиус[24] заботится о благосостоянии питомицы.

---

[14] Дёрдлс.
[15] младший каноник (Minor Canon).
[16] Клойстергэм (Cloisterham).
[17] Staple Inn.
Имена и топонимы по-английски здесь и далее приводятся по: Part Second of the Mystery of Edwin Drood. By the Spirit Pen of Charles Dickens, through a Medium. Brattleboro, VT: Published by T.P.James, 1873.
[18] Padler.
[19] Billickin.
[20] Fopperty.
[21] Brobity.
[22] Sloggers.
[23] Peter Peckcraft.
[24] Грюджиус (Grewgious).

XXXVI. Счастливая встреча.

XXXVII. Джон Джаспер страдает нервами, а мистер Сапсеа оскорблён в своём достоинстве.

XXXVIII. Розы и тернии.

XXXIX. Попутчик догоняет невидимые силы, а мистер Грейджиус зрит картину и кольцо.

XL. Путешествие мистера Пеккрафта в Клоистергэм. Эдвину Друду позволяют встать и объясниться.

XLI. Свидание мистера Пеккрафта с Джаспером заставляет последнего принять сильное решение.

XLII. Заря для других, для Джаспера ночь.

XLIII. Старый друг является и старая пословица оправдывается.

XLIV. Приводит читателя к тому месту дороги, где должно проститься.

XLV. Берег достигнут и мы должны сказать: «До свидания».

XLVI. Заключение.

Глава XXIV

Что распевал орган

Хор отправился. Регент *не* отправился, но остаётся ещё после ухода подчинённых, как это случается с ним по временам; один раздувающий меха мальчишка остаётся с ним для компании.

Он сидит теперь перед органом и разыгрывает одну из бессмертных сонат Бетховена[25]; и по мере того как под его мастерскими пальцами звуки то раздаются[26] громче и громче, то понижаются почти до шёпота, он весь предаётся музыке и как бы забывается в переливах дивной гармонии, производимой его собственными руками. Когда временами раздаётся аккорд мягче и сладостнее ещё предшествовавшего, а сам инструмент как бы трепещет и стонет, ему мерещится, что весь воздух наполнен сладкими голосами; мелодия переходит в торжественный громовой гул – он чувствует возле себя присутствие *Чего-то,* что стоит возле него, и голосом, похожим на жалобное завывание ветра, оно шепчет имя – имя Эдвина Друда!

Но он всё-таки играет, не замечая вокруг себя ничего, кроме всепоглощающего своего инструмента, и мелодия продолжает изливаться сотнями гортаней своих.

Вдруг он слышит другой голос; голос ещё нежнее прежнего чудится ему в мелодии; грустный, жалобный голос шепчет имя... Имя это напоминает ему прелестную девушку, которая много лет тому назад, очнувшись от чудного сна любви и увидя себя обманутой, умерла от разбитого сердца.

Всё-таки мелодия продолжается; на клиросе раздался лёгкий шорох, тихие шаги приближаются к нему, но он не слышит ничего, кроме голосов, и мелодия не перестаёт. Тихо, но всё ближе раздаются шаги и неслышно останавливаются за орга́ном. Быть может, мозг раздувающего меха мальчишки до такой степени пропитан мелодией, что он в первую минуту не видит и не слышит, как к нему подходит кто-то и стоит за спиною его. Быть может также, что *никакой* мозг *никакого* раздувающего меха мальчишки не подавал никогда более очевидных признаков страха, как в ту минуту, когда глаза его останавливаются на некой странной фигуре. Раздаётся писклявый, пронзительный крик, и мальчик пропадает из виду, оставляя регента хора, вперившего взор на лицо, которое таращит на него из-за органа свои кошачьи слезливые глазки. Ещё секунда, и он узнаёт Принцессу Курилку.

Смешанное чувство сомнения и изумления выражается на лице Джаспера; удивление как бы парализует джасперовские уста, которые не испускают ни малейшего звука. Но старуха, видимо, не разделяет его смущения: с лукавой улыбкой и кошачьей поступью подходит она ближе, всё ближе к нему, вот подошла и, наклоняя к его лицу свою лукавую рожу, шепчет:

«Ох, родименький, бедные мои лёгкие находились в таком плохом состоянии, что я почувствовала как бы какую необходимость в перемене воздуха; вот я и прибрела сюда. Много годов, долгих годов, голубчик, прошло с тех пор, как видала я *нутро* святых мест; думаю, возьму да отдохну в них; и не прошло и пяти минуточек, как глянь, а ты здесь, наверху; я так обрадовалась, когда узнала тебя, что даже махнула тебе ручкой, да ты не видал того, – так говорю я себе: подожду чуточку и может случай подвернется поговорить с ним, коли, по крайности, никто не увидит нас».

Джон Джаспер оправился, но лицо его бледно от злости при этой фамильярности старухи. Он чувствует, что напрасно было бы ему отпираться от своего имени или же сделать вид, что не узнает её, и поэтому, принимая приятный и добродушный вид, он спрашивает её, какая её нужда до него.

«Всё для твоего же блага, ягнёночек, для твоего же блага; чудо небесное, да и только, что встретила я тебя так нечаянно. Нечего тебе бояться, мой красавчик, что я узнала тебя. Милость это Божья для тебя; теперь ты сам пожелаешь, чтобы я приходила да приносила с собою тебе лучший товар свой. Я останусь в «Двухпенсовом», видишь ли, и могу давать тебе знать из-под руки, когда могу встретиться с тобой. Я стану приносить лучшие горшочки с трубочкой и порошком и ты

[25] Людвиг ван Бетховен (1770–1827) – немецкий композитор и пианист.
[26] Далее зачёркнуто: всё.

можешь держать всё это у себя на *фатере*[27], прямо у себя, голубчик, не рискуя своим драгоценным животиком, лазая по тем старым, гнилым лестницам, которые чуть не вышибли весь дух из меня, пока я не попривыкла к ним. Не для всякого бы сделала я, дружочек, то, что делаю для тебя, да и для тебя бы не стала делать, когда бы не жалела тебя, сироту».

Мистер Джаспер, видимо, мало разделяет дружбу, звучащую в речах Курилки, но, кивнув утвердительно головой, спрашивает:

«Какая твоя ещё другая цель в этом свидании?»

Сильный пароксизм кашля мешает ей тотчас же отвечать ему, но, утихнув немного и оправившись, она говорит:

«Не называй это целью, дружочек, так как ты знаешь лучше сам в глубине сердца твоего. Один случай свёл меня с тобой, вот вся правда. Но теперь, так как мы здесь одни с тобой лицом к лицу, голубчик, и никого здесь нет такого, кто бы подслушал нас, может ты и согласен будешь потолковать со мною побольше о том путешествии... за морями... Может также, прежде чем ты покончишь с ним, тебе понадобится помощь; так знай, родименький, что я всегда буду стоять за тебя как самый верный друг, не бойся», – добавляет она с хитрым, лукавым взглядом, говорящим красноречивее всех слов.

Внимательно, очень внимательно смотрит Джон Джаспер в морщинистое лицо женщины, как бы стараясь заглянуть в самую глубину сердца старой ведьмы; в свою очередь она не спускает с него глаз, искрящихся тем же лукавством, которое блестит в животных кошачьей породы... Наконец, Джаспер заливается громким хохотом. Отойдя немного от неё и снова приблизясь, он быстро произносит следующее:

«Милая моя, овладевшая было мною несчастная привычка курить опиум, привела меня в соприкосновение с весьма странной компанией. Привычка эта заставила меня также искать твоего общества, чего бы никогда не было, если бы только я мог подозревать, до какой степени ты глупа и тупоумна, – что ты и доказала сегодня. Но я желаю оказать тебе снисхождение, веря, что ты ещё не совсем оправилась от последнего опьянения. Поэтому спрошу у тебя одно: отправишься ли ты сейчас же назад в Лондон так, чтобы я и духу твоего не слыхал более, или же предпочитаешь, чтобы всякий назначенный тебе фунт стерлинга отправился[28] в карман соперников твоих? Понимаешь ли ты меня?»

Он сурово смотрит ей в лицо, но она возвращает ему взгляд за взгляд с той же лукавой улыбкой.

«Ну-ну, ладно, голубчик, – говорит она в ответ примирительным тоном, – надеюсь, что ты извинишь старуху, которая от души желала услужить тебе. Коли не хочешь, так я и не вернусь сюда более, ягнёночек, но приберегу для тебя лучший товар свой, когда ты завернёшь ко мне случаем. И так, призываю Божие благословение на вас, мой добрый господин, счастливо оставаться».

И одержимая снова тяжёлым пароксизмом кашля, который продолжается до самой выходной двери собора, она исчезает и направляется к трактиру «Два пенса», но едва достигнув первой удобной позиции, скрывающей её, по собственному соображению, от взоров музыкального учителя, она грозит кулаком по направлению собора, и лицо её принимает самый дикий вид.

«Так, так, мой цыплёночек! – бормочет она свирепо. – Так ты легко и отделаешься от меня. Как не так! Теперь-то я узнала тебя наверняка. Ты можешь надуть другого кого, да только не меня. Моё время ещё не пришло, да и недолго придётся ждать ещё, скоро, скоро настанет и мой денёк. Можем и повременить!» – и с этой угрозой она удаляется.

Мистер Джаспер горячо надеется, что никто не заметил старуху в то время, как она выходила из собора, так как он боится расспросов. С этой мыслью мистер Джаспер приближается к окну, дабы вполне убедиться в том, что она действительно ушла. Он следит за нею глазами, пока она окончательно не пропадает из виду, и намерен уже удалиться сам, когда слух его поражается напевом, который он слышал где-то прежде:

Уѝде – уѝде – ти!
Я – словил – его – после – десяти,

[27] квартире (*устар., прост.*).
[28] Далее зачёркнуто: бы.

Уѝде – уѝде – ду!
Коль – не пойдёт, – камень – я – возьму.
Уѝде, уѝде, уик! В него – пу-щу!

«Неприятности гуляют компанией»[29] – говорит старая пословица, которая и применяется в эту минуту к Джасперу; едва освободился он от присутствия старухи, радуясь, что она исчезла незамеченной, как, взглянув по направлению голоса, он открывает Депутата, который, широко раскрыв глаза и рот, таращится на него через полуоткрытую дверь.

Он идёт к мальчику, но, дошед до двери, находит, что сей юный джентльмен мигом очутился уже на другой стороне улицы, откуда и рассматривает музыкального учителя с весьма вызывающим видом, вооружившись вдобавок приличной величины камнем, который он приготовляет в руке с таким видом, что Джасперу остаётся лишь убедиться окончательно в его намерении пустить ему им в голову при первом удобном случае.

«Это ты что вздумал беспокоить меня своим визгом, нахальный мальчишка?» – спрашивает Джаспер, подвигаясь ближе к неприятельской линии.

«И не думал обеспокоивать вас, – получает он в ответ от Депутата, который, впрочем, пятится на несколько шагов. – Да гляди в оба, прошу не трогать меня опять, не то я махну вона этим кременьком прямо в глаз; вы разорвали уж мне подтяжки раз, вы, Джарспер, да стара штука, другой раз того не будет».

«Я вовсе и не желаю трогать тебя, болван, – говорит Джаспер, в то время как новая внезапная мысль мелькает у него в уме. Взяв в кармане несколько мелких монет, он показывает их мальчику, продолжая. – Сослужи мне службу, и я тебе дам всё это».

«Какую такую службу», – осведомляется чёртов «младенец», всё ещё сомнительно косясь на него.

«Подойди поближе и тогда узнаешь».

«Да вы не труните надо мной?» – спрашивает мальчишка подозрительно.

«Для чего мне обманывать тебя?»

«Так скажите так: “Пусть лопнут глаза мои, коль надую я его”», – подсказывает Депутат.

«Что ж, пожалуй, – говорит добродушно Джаспер. – Пусть лопнут мои глаза, коль я надую его».

«Ладно, Джарспер, – восклицает мальчик, решаясь подойти к регенту. – Ну а теперь, что может малый сделать для вас?»

«Во-первых, я хочу знать, видал ли ты одну особу, которая только что вышла отсюда, и узнаешь ли ты её, коли опять увидишь где?»

«Коль скажу, что не видал её, то совру, а коль присягну, что узнаю её опять, коль увижу, так то будет правда».

«Хорошо, – говорит Джаспер, – так теперь я хочу, чтобы ты следовал за ней, куда бы она ни пошла, и узнал бы, уехала ли она в Лондон; сделай всё это проворно и ты получишь шиллинг от меня в награду, – только смотри, не пытайся обмануть меня, не то я выдеру палкой всю жизнь из тебя».

«Джарспер, – с важностью заявляет Депутат, – я никогда не надуваю. Коль раз сказал, что сработаю вам что, так тому и быть. А куда мне прийти за шиллингом», – добавляет мальчик.

«Приходи ко мне на квартиру через час, и если я останусь довольным тобой, то не бойся, не будешь каяться».

Мальчишка издаёт внезапно длинный пронзительный свист; разом отбросив камень, который он продолжал держать в кулаке в виде предохранительной меры против фантастического Дёрдльса в образе тумбы, стоящей на другой стороне дороги, он бросается со всех ног по направлению трактира «Двухпенсовый приют путешественников».

[29] Troubles never come singly (*англ.*) – неприятности никогда не приходят одни.

Глава XXV

Свет проливается на Степл-Инн

В одно утро, несколько дней после описанных нами в предыдущей главе сцен, мистер Грейджиус, вернувшись от обычного своего посещения Розы, сидит у письменного стола. Хотя, видимо погружённый в глубокую думу, он бросает временами косвенные взгляды на Баззарда[30], сидящего неподалёку от него у другого письменного стола, занятого писанием; так усердно занят сей джентльмен, что даже ни разу не поднял он во всё это время глаз с бумаги. Несколько раз уже мистер Грейджиус казался как бы желал заговорить со своим столь мрачным товарищем, но всякий раз снова впадает в ту же задумчивость. Во время этой медитации дверь отворяется и пропускает никем не замеченного незнакомца. Посетитель стоит между дверью и мистером Грейджиусом, но он всё ещё не замечает его; долго мог бы так стоять новый гость, когда бы ему не вздумалось крикнуть чрезвычайно громким голосом:

«Дома ли кто-нибудь?»

Для такого угловатого человека мистер Грейджиус слишком испуганно вскакивает, а Баззард даже роняет перо и бросает на незнакомца взгляд, не менее удивлённый того взгляда, каким бы он подарил своего патрона, увидев его неожиданно стоящим на голове. Суматоха, произведённая его появлением, заставляет гостя улыбнуться; заметив, что он очень жалеет, причинив им такой переполох, он извиняется тем, что несколько раз стучал в дверь и, не получая ответа, осмелился войти сам.

«И весьма, весьма хорошо сделали, сэр, – перебивает мистер Грейджиус, приближаясь к нему, – весьма, сэр. Извиняться следует мне. Не правда ли, Баззард, что извиняться следует нам?»

Прямо атакованный мистер Баззард, который едва оправился от испуга, сурово бормочет: «Слушаюсь, сэр», и вновь принимается за столь неожиданно прерванную работу.

Посетитель оказывается ни более, ни менее как сам мистер Дэтчери[31], который, отодвигая от себя стул, предложенный Грейджиусом, уведомляет сего джентльмена, что он пришёл по частному делу и желал бы сказать ему несколько слов наедине.

«Конечно, конечно», – любезно отвечает Грейджиус и, хотя на лице его выражается некоторое изумление, уводит своего гостя в другую комнату.

Войдя в неё, Дэтчери просит позволения запереть дверь и, получив оное, приступает сам к этой операции, замечая притом, что он всегда чрезвычайно рад, когда видит у дверей задвижку, а не ключ, так как замочные скважины довольно-таки наделали вреда на этом свете. Оба джентльмена сели, и Дэтчери сразу приступает к делу, рекомендуясь хозяину:

«Мистер Грейджиус, – говорит он, – имя моё Дэтчери и я живу в Клоистергэме».

Услышав имя этого городка, мысль Грейджиуса немедленно перескакивает к таинственному исчезновению во время Рождества, и он смутно надеется услыхать от посетителя что-либо такое в виде разъяснения. Наклонив голову утвердительно, он замечает, что был бы рад слышать остальное.

«В эту минуту, – продолжает Дэтчери, – дело состоит не в том, чтобы много говорить о самом себе. Главная цель в желании моём видеться с вами касается прямо и непосредственно как до вас, так и до тех лиц, которых обязанность ваша охранять. Моё же вмешательство проистекает единственно из желания помочь тому, кто может нуждаться в моей помощи. Надеюсь поэтому, что, вникнув в моё положение, вы не станете приписывать несколько необходимых с моей стороны вопросов к одному праздному любопытству. Следите ли вы за мною, сэр?»

Мистер Грейджиус, не дозволяя, по обыкновению, деревянному своему облику выразить что-либо из сокровенных мыслей своего обладателя, процеживает:

«Готов отвечать вам, любезный сэр, насколько позволят то приличия. Дозвольте, однако, мне заметить, что наше настоящее свидание немного... как бы это сказать... неожиданно, если смею так выразиться. Надеюсь, что вы согласитесь со мною в этом. Но предполагая, что ваше дело касается

[30] Bazzard.
[31] Дэчери (Datchery).

до исчезновения Эдвина Друда, с радостью приготовляюсь помочь вам всеми сведениями, находящимися в моей власти».

«Вы правы в вашем предположении, сэр, – говорит Дэтчери, – и теперь, когда вы прямо угадали, в чём дело, не имею ни малейшего сомнения, что мы поймём друг друга».

Лёгкая пауза и Дэтчери снова прерывает молчание:

«Во-первых, не ответите ли вы мне откровенно, сэр, насчёт следующего: остановились ли вы до сих пор на какой-либо положительной уверенности касательно некоего неожиданного исчезновения, то есть из всех известных вам обстоятельств, заключаете ли вы, что это странное с его стороны отсутствие добровольно, или же что кто-нибудь имел причину желать освободиться от него смертоубийством?»

По причинам, известным ему одному, мистер Грейджиус не тотчас отвечает на этот прямой вопрос. Быть может,[32] одна из этих причин именно та, что наш почтенный старый приятель, действительно сознавая в себе некоторое подозрение, далеко не комплиментарное для известной ему заподозренной им личности, не желает выражаться слишком ясно. Быть может также, что идея о самом сидящем перед ним мистере Дэтчери, как-то подозрительно совокупляясь с мыслью о возможности неких тайных эмиссаров со стороны вышеупомянутой особы, не допускает его до искренней откровенности. Что как этот джентльмен нарочно прислан с целью пронюхать о личных подозрениях его (мистера Грейджиуса), и тем, обратив как-нибудь это себе в пользу, скомпрометирует и его, и питомицу?..

И угловатый джентльмен молчит. Но после нескольких минут раздумья Дэтчери, всё время не спускавший с мистера Грейджиуса глаз, слышит следующее:

«Дорогой мой сэр, я был бы более чем пристрастным к самому себе, уверив вас, что окончательно остановился на какой-либо решительной теории в этом деле. Если уж быть совершенно откровенным с вами, то скажу вам даже, что в действительности я перебрал столько неправдоподобных теорий, что решился не придерживаться более ни одной. Добавлю, что утешаю себя в этом при мысли, – о которой попрошу и других вспомнить, – какой я удивительный по природе своей угловатый человек; поэтому оно даже вовсе и не изумительно, если я не в состоянии свести своих комбинаций концы с концами!»

Изложив столь ясно, – хотя с видимым колебанием, – эту оправдательную речь, повествователь оной беспокойно вертится на стуле, как бы ещё находясь не в полной уверенности, что не скомпрометировался немного.

Мистер Дэтчери, ясно замечая недоверчивость хозяина, чувствует себя оскорблённым и потрясает седою гривою.

«Сожалею, – говорит он, обращаясь, несмотря на то, с приятной улыбкой к осторожному мистеру Грейджиусу, – сожалею, что вы чувствуете ко мне столь мало доверия, что даже не решаетесь дать прямого ответа. Повторяю вам торжественнейшим образом, сэр, что цель моего посещения состоит единственно в том, чтобы помочь особам, в которых вы и сами принимаете немалое участие. Ваше мнение в этом деле – мнение, откровенно выраженное, – сильно помогло бы мне распутать всю эту тайну. Верите ли вы мне, наконец? Если так, то отвечайте мне прямо: думаете ли вы, что Эдвин Друд был убит или же что он добровольно скрылся?»

Серьёзное и искреннее чувство, проглядывающее в глазах мистера Дэтчери, ободряет немного угловатого, который решается, наконец, заявить следующее:

«Как я и прежде заметил, я не мог прийти к окончательному решению проблемы, не обладая большими сведениями об оной, нежели и всякий другой; назовём для примера хоть бы этого родственника пропавшего – мистера Джаспера; и если не было бы странно со стороны человека с такими угловатыми приёмами, как я, заявлять личное своё мнение, то я бы мог прибавить со всем уважением моим к этой музыкальной особе, что он-то именно и есть самая приличная в этом деле личность, которой бы следовало привести в ход колеса судебного следствия и вымолоть, таким образом, через оное все факты тайны».

Намёк мистера Грейджиуса на Джона Джаспера был сделан им с самой его угловатейшей манерою и глаза его светились угловатейшим огнём, когда он обратил их на своего гостя. Если цель его состояла в том, чтобы незаметно перевести внимание мистера Дэтчери на эту личность, то она в совершенстве удалась ему, судя по быстрому ответу седовласого.

[32] Далее зачёркнуто: что.

«А кстати, какое ваше мнение о мистере Джаспере в этом случае? Я слышал, что он принял весьма тяжело к сердцу потерю своего племянника и даже будто бы поклялся, что откроет один, без посторонней помощи, убийцу?»

«Мой дорогой сэр! – воскликнул мистер Грейджиус, встрепенувшись, – извините меня. Но я не желаю заявлять своего мнения в этом деле. Заметьте, я не говорю, что *не имею* на этот счёт *моего собственного* взгляда, но предпочитаю не высказывать оного».

«Как угодно, сэр, – небрежно произносит холостяк. – Так позвольте же мне спросить вас ещё об одном обстоятельстве, вполне надеясь на этот раз, что вы не станете затрудняться в объяснении оного: ваш ответ будет иметь огромное влияние на ход всего этого дела, заметьте, предпринятого мною добровольно; также позволяю себе прибавить и то, что я желаю, чтобы вы знали, как твёрдо решился я не отступать ни днём, ни ночью от своей цели, совершив всё возможное с моей стороны, дабы добиться, наконец, до разъяснения этой тайны. И так, имел ли Джон Джаспер какую-либо причину желать смерти Эдвина Друда, и если имел, то какую именно?»

Искренность, звучащая в словах Дэтчери, и горячность выражений, несмотря на сдержанность тона, заставили невольно угловатого зорко взглянуть на него и мысленно задать себе следующий вопрос:

«Кто такой этот незнакомец, который казался столь глубоко заинтересованным в участи человека, совершенно чуждого ему и даже, по всем вероятиям, и незнакомого?»

«Так и быть, отвечу вам прямо, сэр, – внезапно решается, обдумав что-то, мистер Грейджиус и говоря очень искренне на этот раз. – Я *верю*, я *убеждён*, что Эдвина Друда убили, *но кто* его убил, *этого не знаю.* Быть может, что оно будет слишком смелым с моей стороны сказать незнакомому, но я решаюсь несмотря ни на что; я подозреваю, – заметьте, говорю, что только подозреваю, – что Джон Джаспер имел сильнейший интерес в смерти своего племянника, но какой то был интерес этого я не желаю поверять вам».

«Благодарю вас за доверие, сэр, и верьте, что оно не повредит вам. Ещё один вопрос и я окончил. Сильно ли горевала мисс Бёд[33] за молодым Друдом? Как вы полагаете, любила ли она его?»

Если почтенный мистер Грейджиус был озадачен первыми вопросами, то последний озадачил его окончательно. Какая могла быть цель у незнакомца стараться разузнавать о подобных семейных обстоятельствах? Опомнясь, наконец, от удивления, он обращается к гостю со следующими словами, в которых звучит более свирепости, чем можно было бы ожидать от такой угловатой натуры.

«Мисс Бёд, как известно всем и каждому, молодая леди с нежным и чувствительным сердцем; очень натурально, что, находясь в подобных обстоятельствах, она горевала о потере молодого человека, жизнь которого была столь тесно связана с её жизнью до самой минуты катастрофы. Она *горюет* постоянно о нём... Она *будет* горевать ещё более, если захочет. Что вы находите в этом странного?»

«Далеко ничего странного, сэр, – кротко отвечает мистер Дэтчери, – но, слышав кое-что об их прошлом романе, я полюбопытствовал узнать, насколько заключается правды в том, что мне было передано несколькими лицами, а именно, что между молодыми людьми не было никакой серьёзной привязанности. А теперь, мистер Грейджиус, – добавляет он, вставая, – позвольте мне поблагодарить вас за внимание и за всю вашу любезность. С помощью полученных мною от вас сведений я в состоянии буду выведать ещё кое-что с других сторон. Доброго утра желаю вам, сэр; надеюсь, что ещё скоро встретимся, вполне надеюсь на то, сэр».

Вернувшись в комнату, где заседает мрачный мистер Баззард, сей последний получает приказание проводить гостя; это поручение обращает внимание мистера Дэтчери на меланхолического юношу, который, вставая со стула с обычным «слушаюсь сэр», отправляется для исполнения возложенной на него обязанности с таким видом, с каким бы он стал провожать своего собственного палача, ведущего его на собственную казнь. Любезно обращаясь к нему, мистер Дэтчери намекает сему юному «приговорённому», что если он (то есть мистер Баззард) решится рискнуть прогуляться с ним, то, по всей вероятности, его кухарке не придётся ставить для него в этот день обеденного прибора, на каковое добродушное приглашение предмет оного

[33] Буттон (*англ.* Bud, бутон).

остаётся неподвижным и сумрачным, среди растворённой двери свирепо продолжая «безмолвствовать».

Немедленно возвратясь в Клоистергэм, Дэтчери направляется к своему жилищу «у Топов», когда пред глазами его рисуется идущая к нему навстречу с противоположной стороны фигура регента певчих. Регент до такой степени погружён в обычные ему горькие думы, что не замечает Дэтчери, пока седовласый холостяк, живущий праздно на свои средства, не заговаривает с ним, почти столкнувшись вместе.

«Старые, подобные мне холостяки должны бы были смотреть в оба, когда встречают людей с понуренными головами», – извиняется мистер Дэтчери с приятной улыбкой.

Весь позеленев от неожиданного испуга, надо полагать, Джаспер оправдывается тем, что так как голова его была наполнена целый день неприятными делами, то он вышел освежиться на чистый воздух и задумался.

«Молодому человеку никогда не следует долго задумываться над неприятными делами, иначе *вино жизни* может прокиснуть на половине бутылки, – замечает аллегорически, но так же добродушно мистер Дэтчери. – Могу ли осмелиться спросить о причине этих неприятностей?» – добавляет он, зорко следя за музыкальным учителем.

«Всё то же, старое, – отвечает Джаспер с унынием. – Я полагаю, что вы слышали о внезапном исчезновении бедного моего племянника, который, без всякого сомнения, был убит».

«Да, я слышал об этом, – протяжно говорит Дэтчери, и что-то похожее на зловещий блеск молнии освещает его глаза незаметно от Джаспера, – и будь я моложе, то весьма вероятно, что чрезвычайно как бы заинтересовался этой таинственностью, но подобный мне старый холостяк, исколесивший весь мир и видавший почти весь свет в своих путешествиях, мало обращает внимания на подобные случаи. Само собой разумеется, что тот факт, что мы знакомы и что я так ясно убедился, как сильна была к пропавшему ваша привязанность, изменяют мой взгляд на это дело».

«Сло̀ва “привязанность” не довольно здесь, сэр, – восклицает с отчаянием в голосе Джаспер. – Я любил его более жизни своей и с радостью отдал бы её за него!»

«Сожалею, – отвечает ему Дэтчери симпатизирующим тоном, – что вы принимаете это так близко к сердцу, так как этим вы вряд ли поможете делу, но совершенно ли вы убеждены в его смерти? Нет ли ещё возможности надеяться пока, что он добровольно исчез под влиянием какой-нибудь юношеской бредни? И что, посмеявшись над всем причинённым им страхом, он вернётся так же неожиданно, как и исчез? Мужайтесь, друг; не предавайтесь отчаянию до положительных сведений о его смерти, которых ещё не существует ведь пока».

«Благодарю за участие, но столько времени уже прошло со дня его исчезновения, что я чувствую *здесь*, что никогда уже не увижу его!»

И Джаспер сильно колотит себя в грудь. Мистер Дэтчери, приложив медленно[34] ладонь ко лбу, ударяет себя оною по этой части головы, как бы припоминая что, и восклицает:

«Если я хорошо припоминаю, то вначале существовало сильное подозрение на какого-то юношу почти одних с ним лет. Был ли то – нет, да, – то был питомец мистера Криспаркля[35]? Как вы полагаете, было ли достаточно причин для такого сильного подозрения?»

Пока он припоминал, глаза мистера Дэтчери были вопросительно устремлены на небо, но с последним словом они быстро опускаются, пристально смотря прямо в лицо регента певчих. Зная[36] седовласого джентльмена за известного в околотке оригинала, Джаспер не обращает внимания на этот странно устремлённый на него взгляд и отвечает с живостью.

«Конечно, что были; достаточно, по крайней мере, чтобы убедить *меня* в его преступлении, но, несмотря на все розыски и старания напасть на следы виновности его, все поиски оказались тщетными и преступник, – несмотря на общее наше нравственное убеждение в том, что *один* он мог убить несчастного, – освобождён и счастлив. Даже наш мэр, который в то время лично производил следствие, убедился в справедливости подозрений. И однако же всего этого не оказалось достаточным для прямого обвинения. Я сам старался уверить себя в его невинности, так как совесть моя не дала бы мне ни минуты покоя, если бы я мог обвинить невинного!»

---

[34] Далее зачёркнуто: свою.

[35] Криспаркл (Crisparkle).

[36] Далее зачёркнуто: же.

«Благородные чувства, сэр, весьма благородные! – восклицает мистер Дэтчери с шумными изъявлениями внутреннего восторга. – В наше время, когда люди так легко верят всякой клевете, взводимой на братий своих, не взяв даже труда удостовериться в ней, приятно, очень приятно и умилительно даже некоторым образом слышать от *честного* человека, что совесть стала бы упрекать его за подозрение в преступлении невинного – преступления, которого он не сделал! Но не было ли ещё на кого подозрения?»

Как-то странно быстро поворачивается музыкальный учитель,[37] долго всматриваясь затем в лицо вопрошающего его джентльмена и не отвечая ему, но мистер Дэтчери невинно отвечает ему взглядом за взгляд и повторяет свой вопрос.

«Не думаю, – медленно отвечает Джаспер, – чтобы возможно было подозревать кого другого в этом деле, кроме одного его».

Мистер Дэтчери откашливается раза два и продолжает вопросительно смотреть на музыкального учителя, как бы ожидая продолжения.

«Всё это слишком горестные для меня воспоминания, – говорит, наконец, Джаспер, смотря в сторону, – и я стараюсь по возможности избегать их; несмотря на это, я решился употребить все силы свои для открытия страшной истины, и время докажет, прав ли я был в своём подозрении. Но прошу вас извинить меня; я должен оставить вас теперь, так как имею дело, а час свидания недалёк уже», – и регент поспешно прощается с мистером Дэтчери.

Последний, уходя домой, бормочет про себя, что, действительно, «недалёк уж *тот час*, да и *преступник* также». По прибытии домой первым делом старого холостяка оказывается желание заглянуть в стенной шкаф, после чего он вооружается мелом и, прибавляя ещё одну черту на стене к первому счёту, замечает в виде монолога:

«Счёт принимает деловой вид; он начинает округляться и скоро, скоро приход будет стоять на равной ноге с цифрами расхода; будем же ожидать с терпением того дня, когда судьба поможет нам свести итог. Странный, страшный будет то счёт. Пошли, Господи, помощь свою должнику – сильно будет он в ней нуждаться в этот день!»

Тряхнув гривою, он снова надевает шляпу и, выйдя из дому, спешит по направлению гостиницы «Крозгёр»[38]. Постучав в дверь одного из № второго этажа, эта дверь отворяется сперва очень тихо и с большими предосторожностями, но, узнав Дэтчери, невидимая особа быстро впускает его, и дверь так же быстро затворяется; если бы в эту минуту проходил по коридору путешественник, то, судя по громким взрывам весёлого хохота, раздающегося через двери этого №, он мог бы весьма легко заключить, что весёлая же, должно быть, компания собралась в нём.

[37] Далее зачёркнуто: и.

[38] «Епископский посох» (*англ.* Crozier).

Глава XXVI

Джаспер видится с агентом, а читатель знакомится с Педларами

Если чувства Джона Джаспера были не из самых светлых, встретясь с мистером Дэтчери, то теперь они, видимо, уж совсем почернели, простившись с ним. Предполагая, что лицо могло бы быть когда принято за «зеркало души», то в эту минуту, когда он проходит быстрыми шагами по Высокой улице старинного городка, зеркало это отражает в себе громовые тучи самого опасного свойства. Подобное состояние сильно заряженной электричеством атмосферы продолжается во всё время, пока он не доходит до Грязного переулка, ведущего к реке. Тогда он быстро оборачивается, как бы желая убедиться, что никто не следит за ним, и, поворотя в переулок, продолжает направляться к цели.

Этот переулок кафедрального городка далеко не делал чести жителям. Наружность его поражала прохожего своей невылазною грязью, а полуразвалившиеся стены так называемых домов грозили ежеминутно присоединить злополучного путника к числу тех, которых Дёрдльс так выразительно называл «костлявыми». Требовалось более чем обыкновенной, отпускаемой судьбой смертным дозы воображения, чтоб представить себе, что в этих лачугах могли жить люди и не задохнуться. Изредка игриво вырывающийся из разбитого окна запах чеснока, сильно смешанный с ароматом доброго *джина*, напоминал истомлённому в борьбе с грязью путнику о присутствии людей, которые если и забывали о законах чистоплотности, то зато хорошо помнили о необходимости подкрепления бренной плоти своей. Как и более богатые города, Клоистергэм во всякое время имел налицо довольно нищеты, которая, несмотря на все старания более одарённых судьбой соседей герметически закрывать глаза перед этим фактом, так и лезла им при всяком случае в эти органы зрения. Почти на середине переулка, между Высокой улицей и рекой, стоял один дом, обращающий на себя более внимания, чем остальные печальные «братья» его, по своей необыкновенно помятой, «какой-то вверх тормашками» наружностью, а так как для продолжения нашего повествования нам необходимо будет познакомиться с его обитателями, то для большей безопасности взявшись за руки, читатель, мы войдём сперва в полуразваленную, грустно качающуюся по воле ветра на своей осиротелой петле дверь и взберёмся по скрипящей лестнице, когда-то гордившейся необходимыми перилами, но которые за отсутствием, по всей вероятности, угольев печально окончили жизнь свою в хозяйском камине. Выбрав из трёх или четырёх дверей первого этажа самую разбитую, мы войдём в комнату, где находятся в эту минуту три личности.

Одна из них был мужчина около тридцати пяти лет с чёрными всклоченными волосами и с небольшими того же цвета глазами, с такими вдобавок густыми, взъерошенными бровями, что, глядя на них, никто бы не стал удивляться этим необыкновенно впалым глазам, до такой степени казалось натуральным, что подобные брови так далеко загнали их от страха назад, что они совсем попятились вовнутрь головы. То был мужчина атлетического сложения с высокими скулами и с медленной, неловкой небрежностью во всех движениях. Трудно было бы определить его национальность, если бы выговор у него не был чисто английским. Всё его платье было грязно и так неловко сидело на нём, что можно было, не рискуя ошибиться, сказать, что оно досталось ему с *разных* плеч. Хотя наружность его при первом взгляде казалась свирепой и жестокой, но более наблюдательный зритель открыл бы в его жёстких чертах нечто такое, что весьма основательно поставило бы его в тупик в отношении к этому джентльмену. Окрещён он был при рождении своём звучным именем Форпса[39], но с летами таинственные друзья его и приятели переименовали это имя в более, по их понятиям, подходящее к нему прозвище – Фопперти[40], которое и осталось за ним навеки с правильным присоединением к нему имени отцов его – Педлара.

Другая личность, украшающая комнату, – леди, родительница мистера Фопперти. Эта родительница, которой уж под семьдесят лет, далеко не слыла в околотке за добродетель. Вся наружность этой старухи как-то странно выражала сосредоточенную злобу со смесью тупоумия. Она была толста и приземиста, и одно из плеч её, вследствие ли болезни или просто причудливой

[39] **Forbes.**
[40] Fopperty.

игры природы, постоянно влекло её на одну и ту же сторону, придавая ей необыкновенное сходство с кривой трубой парохода, когда последний грациозно ныряет с волны на волну. Лицо этой приятной леди отличалось серо-жёлтым отливом, как бы отсвечивающимся в её редких волосах, зачесанных за большие торчащие уши и собранных на макушке в крошечный пучок; этот пучок обладал тем удивительным свойством, что невольно заставлял подозревать всякого, останавливающего на нём своё внимание, будто он только что вырвался из-под когтей игравшей с ним кошки и поэтому не успел ещё прийти в своё нормальное состояние. В настоящую минуту эта почтенная леди находится не в духе и явно изливает свой гнев на крошечный, неподвижно стоящий перед нею узел грязных лохмотьев. Этот узел всхлипывает и оказывается худенькой девочкой лет семи, столь непохожей на двух других обитателей комнаты, что кажется совершенно непонятным, как она попала туда. Всё её нищенское одеяние доказывает правдиво, что она принадлежит к той злополучной категории детей, о которых никто не заботится и которые (да поможет им Бог) скоро научаются так же не заботиться ни о ком в свою очередь. Но всё же на лице ребёнка лежит светлой тенью печать изящной красоты и благородства. Всё её личико, несмотря на орошающие его слёзы, дышит привлекательностью, а в больших голубых глазах, полных в эту минуту горькой тоски, светится понятливость не по летам её. Прекрасные тёмные волосы девочки падают тяжёлыми прядями на грудь и плечи, как бы желая скрыть наготу, едва прикрываемую нищенскими тряпками. Девочка эта называет старую ведьму «бабушкой», но соседи шепчутся меж собой, что Бесси[41] никогда не была ей родной на самом деле. Тяжёлая, непроницаемая тайна висела в действительности над рождением бедного ребёнка, и те же соседи готовы были присягнуть в том, что злая старуха колотила её с утра до ночи.

«Придёт ли то благословенное время, – визжала родительница мистера Фопперти, – когда твоя дурная голова поймет что разумное? Или взяла я, прости Господи, на воспитание к себе юродивую? Что толку с того, что я мучусь с тобой, чтобы вбить тебе, окаянной, в голову ум, когда всё это, тьфу-у-у! ветер! – и старая леди, плюнув в избытке своей ярости на ладонь, злобно орошает упомянутый ею элемент. – Не воображаешь ли ты уж себе, что мы начинены золотом да серебром, что позволяешь себе раздавать направо да налево сикспенсы[42] всем издыхающим чертенятам, что живут по соседству? Вона, полюбуйтесь-ка, просим, этой *деликатной* барышней, добрые люди! Ишь ты, нашлась какая мягкосердечная *смарянка* (подразумевая, вероятно, самаритянку)[43], о которой болтал намедни в церкви декан. Не любо ли глядеть на неё? Слышишь ли, Фопперти? Смарянка, маленькая леди, да и только, да ещё и босоногая... – и дошед до этого пункта свирепой иронии, мистрис Педлар издаёт какое-то карканье, выдаваемое ею за насмешливо злобный хохот. – Раздавать сикспенсы чужим мальчишкам, – продолжает она, горячась всё более и более, – мальчишкам, которым и нужды нет до неё, когда в эту самую пору бедная, старая её бабушка страдает за тем, что нет у неё такого сикспенса, который помог бы ей купить себе капельку джина, доброго джина, что каждый *дохтур*[44], – коль только он понимает людскую немочь, – скажет, что это одно лекарство и есть для неё, чтоб удержать душеньку её в теле. На вот тебе за то, чёртово отродье!..» – рычит она, ударяя девочку со всей силы кулаком в лицо.

Девочка падает на пол как подкошенный сноп, а мегера снова бросается к ней со сжатыми кулаками и пенящимся ртом, но в эту минуту почтительный сын её встаёт и, схватив свою родительницу в охапку, отбрасывает её в сторону с таким же хладнокровием, с каким бы он отбросил свой старый изорванный сюртук.

«Помаленьку, моя миледи! – говорит он ей, – полегче того... Вы уж и так добрели до того места, от которого добрые люди сворачивают с дороги. Бесси не учинила ничего уж такого страшного, коли правильно рассудить дело. Мальчуган-то ведь вытащил её намедни только из воды, и без его помощи девчонка *потопла* бы, так оно и справедливо даже выходит, что теперь её очередь поблагодарить его, чем может! Да к тому же я час от часу жду кой-кого, кто не должен видать девочку эту, как её колотят и как она заливается. Ну, поразмяли себе ручки, так оно и

---

[41] Bessie.

[42] Сикспенс (*англ.* Sixpence) – английская серебряная монета в 6 пенсов.

[43] Отсылка к притче о добром самаритянине, одной из известных притч Иисуса Христа, упоминаемой в Евангелии от Луки (10, 25–37). Она рассказывает о милосердии и бескорыстной помощи попавшему в беду человеку со стороны прохожего самаритянина.

[44] доктор (*прост.*).

довольно будет на этот раз, а немного погодя я принесу вам стаканчик *лекарствеца,* да такого, что вы мигнёте не раз и не два после него».

Обещание это, по-видимому, немного успокаивает раздражённые нервы старой леди, а Фопперти поднимает рыдающую девочку и старается утешить её, привлекая внимание на невинную причину этой сцены – больного мальчика.

«Так как же, дитятко, рад был Билли, когда ты принесла ему *апельсин* в гостинчик?» – ласково спрашивает он ребёнка.

Обрадованная этими ласковыми словами, маленькая Бесси сызнова начинает рассказ, навлекший на неё такую бурю, и с серьёзным выражением в заплаканных глазках она уведомляет его, как «бедному больному Билли» захотелось апельсина, а у матери его не было денег, чтобы купить его. Тогда Бесси, вспомнив о найденном ею поутру на улице шестипенсовике, побежала и купила апельсин мальчику за эти деньги.

«О, Фопперти, как хорошо было у меня на душе после того, – говорила девочка, прижимаясь к нему с детской ласкою. – Билли так был рад, что я подумала про себя, что, верно, Бог, не дающий таким бедным детям, как мы, подобных лакомств во время здоровья, бережет эти апельсины для больных, и что это Он сам послал мне деньги на улице. Разве это было так дурно с моей стороны, Фопперти?.. Ты знаешь ведь, что он спас мне жизнь», – добавляет она, как бы надеясь, что последний факт заставит забыть всё прочее дурное с её стороны в этом поступке.

«Чёрта с два, – проговаривает, присвистнув, этот джентльмен, – чего тут дурного есть, ничего дурного нет, дитятко, в этом. Полагаю даже, что, напротив, всё хорошее, хотя где уж ты могла научиться таким пассажам или от кого, не могу придумать, знаю только, что ни от меня, ни от “старой”», – прибавил он задумчиво и подразумевая под этим характеристическим эпитетом свою драгоценную родительницу.

«Добрая ты девочка, Бесси, и хотя я, признаться, и ругаюсь крепко подчас, и пошумливаю сам, но всё ж таки не позволю никому другому так крепко уж обижать тебя, когда я здесь», – продолжает сей свирепой наружности джентльмен, косясь внушительно на свою маменьку.

Старинная педларовская кровь закипает снова и стариннейшая из Педларов снова привстаёт со стула; приковыливая через всю комнату поближе к девочке, она становится возле неё с насмешливо-почтительным выражением на лице и говорит, низко кланяясь:

«Мисс Педлар, принцесса моя высокоблагородная, после всего сказанного сынком моим я должна низко, низко просить у вас прощения, видно, и обещать не лупить вас более. Так позвольте же мне, по крайности, хоть остаться в собственном доме, пока не выгонят, как того и следует мне ожидать...»

«Ну, ну, матка! – ввёртывает мистер Фопперти. – Довольно, ведь вы знаете...»

Стук в дверь перебивает его речь, и, ласково толкая Бесси в другую комнату, он говорит матери:

«Живей, живей! Возьмите Бесси и ступайте к себе. *Тот* пришёл... Смотрите, не дурите с девчонкой, не то для вас же будет хуже, как он уйдёт, живей!»

Почтительно подстрекаемая таким образом, мистрис Педлар уводит девочку или, правильнее сказать, балансирует с нею до соседней двери, в которой и исчезает.

Фопперти отворяет посетителю и является Джаспер.

«Давненько уж я поджидаю вас, сэр, – говорит ему хозяин, – я уж было думал, что и не придёте… Да вот пообещался, так и сидел, поджидая».

«Очень благодарен за то, Педлар, – холодно ответствует музыкальная особа, – так не станем же терять времени».

Усевшись на двух стульях, грустно вспоминающих о своей давно прошедшей здоровой юности, Джаспер в продолжение нескольких минут молчит, неподвижно вперив взор на грязный пол, подпрыгивающие половицы которого напоминают о клавишах старинного, разбитого фортепьяно. Помолчав, он медленно спрашивает:

«Эта Бесси, которую некоторые... глупцы считают моей... дочерью... у вас ли она ещё?»

«Бесси у нас ещё... так точно, – мрачно отвечает мистер Фопперти, и чёрные глаза его медленно уходят в самую глубину впадин, драпируясь непроницаемой завесой бровей. – Чем меньше будет говорено между нами о её отце, тем оно будет лучше. Бесси добрая девочка и заслуживает лучшего отца, кто бы он ни был!»

Джасперовское лицо краснеет немного, но сам Джаспер холодно отвечает:

«Я спрашиваю вас об этом только потому, что так давно потерял вас всех из виду; и вероятно, что ещё столько же времени прошло бы в этой неизвестности, если бы вы не сказали мне намедни на улице, что вы все переселились в эту глушь».

«Что ж, разве вы для того только и назначили мне свидание, чтобы сказать это?..» – спрашивает Фопперти грубо.

«Не торопитесь так, любезный, – отвечает Джаспер, стараясь успокоить своего нервного собеседника. – Мы сейчас же примемся за дело... за то дело... которое я желаю вам предложить… Плата будет хорошая и... и...»

Не зная, как продолжать, Джаспер ждёт ободрения из уст Фопперти. Но Фопперти молчит и свирепо кусает грязные ногти[45].

«В Блумсбёри-сквере[46], – продолжает нерешительно регент, – живет вдова по имени Билликин...»

Снова пауза.

«Да, там живет вдова…» – начинает он опять.

«Я и не мешаю ей жить там», – коротко отвечает мистер Фопперти, принимаясь за ногти другой руки.

«В её доме, где отдаются разные квартиры внаём, живет также одна молодая леди, посредством которой... я желал бы... секретно узнать о местопребывании другой... особы».

«Так и спросите у неё самой», – бурчит свирепый Фопперти.

«Нет, не то... Я желаю, чтобы вы наняли себе в том же доме комнату и... чтобы, неусыпно следя за этой леди день и ночь, вы постарались бы узнать... проведать... где живет молодой человек по имени Ландлесс[47], он живет с сестрой, и я почти уверен в том, что где-нибудь недалеко – там же в соседстве. Имя этой леди – мисс Роза Бёд; поняли ли вы или нет?»

Фопперти, который по очищении своих ногтей сидел всё время опираясь локтями на стол, а подбородком в растопыренные руки, смотрит теперь, не спуская глаз, на Джаспера, как бы намереваясь вычитать всю его подноготную разом, а потом уже отвечать положительно. При последней фразе гостя глаза его снова вползают в обыкновенное своё потайное место и на несколько минут совершенно исчезают; мало-помалу они снова появляются на Божий свет, вероятно, после таинственной конференции с головой и устремляются на Джаспера с тем же сосредоточенным вниманием, а широкий рот раскрывается и произносит следующую неприятно поражающую Джаспера фразу.

«На какого чёрта нужно вам это знать?..»

Джаспер оправляется и говорит, что он подозревает Ландлесса в убийстве своего племянника и поэтому ищет его в соседстве с мисс Бёд, зная дружбу её к его сестре.

«Так не лучше ли вам прямо обратиться для того к тайной полиции?» – продолжает мистер Фопперти, смотря на него так же пристально.

«Я имею на то свои *особенные* причины, чтобы не желать обращаться в настоящую минуту к полиции, – отвечает Джаспер, видимо обеспокоенный и неприятно поражённый этим взглядом. – Я объяснил вам, чего я желаю от вас. Согласны вы или нет?»

«Ну, а насколько же вы желательны раскошелиться? Этого-то вы и не сказали ещё?..» – осведомляется мистер Фопперти, и глаза его снова исчезают и заменяются бровями.

Мистер Джаспер упоминает что-то о десяти фунтах, если поручение удастся.

Снова вернувшись после прогулки, глаза вылезают и мигают утвердительно, а мистер Джаспер встаёт, чтобы проститься.

«Кстати, – замечает музыкальный учитель, как бы припоминая что. – Я не видал ещё вашей матери, ни... этой Бесси... Дома ли они?..»

«Дома, – мигает мистер Фопперти, – я позову их сейчас».

И, не трогаясь со стула, призывает мать и девочку.

---

[45] Далее зачёркнуто: свои.

[46] Блумсбер-сквер (Bloomsbury Square).

[47] Ландлес (Landless).

Мистрис Педлар является на зов с такою быстротой, из которой легко можно вывести заключение, что почтенная матрона занимала во всё время вышеприведенного разговора самую удобную позицию в ближайшем соседстве с замочной скважиной. За нею является Бесси.

Джаспер кивает старухе головой и устремляет любопытный взгляд на девочку, протягивая ей руку. Но Бесси не берёт его руки, а ретируется за спину Фопперти, который, несмотря на все свои недостатки, искренне любим бедным, заброшенным ребёнком.

Мистер Джаспер немного обижен её отказом пожать ему руку, и осведомляется с иронической злобой от Фопперти о причине этого странного отказа и отчего он происходит – от робости ли, или же от какого-то непонятного чувства отвращения к его джасперовской особе?

«Что до этого, – отвечает насмешливо младший Педлар, – то в этом её воля! Дитя это, как и все мы, грешные, – продолжает он, ласково гладя её по голове, – имеет любимых своих и *не* любимых. Может, коль чаще станет видать вашу милость, да попривыкнет, так вы и полюбитесь ей. Правда, что ли, Бесс?»

«Я не люблю таких чёрных глаз, как у него! – отвечает Бесси, указывая на Джаспера пальцем. – Я часто вижу во сне, – а сны эти всегда страшные, – такие точно глаза, и они пугают меня... Я их постоянно вижу перед собой всякий раз, как мне снится бедная мама. Спроси его, Фопперти, знал ли он мою дорогую маму, прежде чем умерла она?..»

Во всё время, пока она говорила, девочка ни разу не взглянула на Джаспера. Казалось, что-то отталкивающее, внушающее ей страх и ужас виделось ей в лице музыкального учителя, и она дрожала, прячась за Фопперти.

«Дитя, – сурово проговаривает Джаспер после минутного молчания, – я жалею, что ты чувствуешь ко мне такое... нерасположение и по такой глупой причине. Глаза мои таковы, какими их сотворил Бог. Ты не станешь, надеюсь, укорять Бога за то?»

Медленно повернувшись к говорящему, но всё не глядя на него, девочка отвечает ему дрожащим голосом, в котором звучат *не* детские слёзы.

«Нет, я не стану укорять Бога... Его творения все хорошие, пока люди не сделают их худыми... не испортят их сами, когда они злые, сэр! – добавляет она с таким взглядом, что по глазам легко можно принять её за совершеннолетнюю девушку. – Сэр, вы злой человек... Я это чувствую!»

Джаспер отворачивается и бледнеет.

«Вот тебе и на! – восклицает престарелая Педлар, сидевшая до того в полном безмолвии. – Поди-ка ты, как умно говорит. Славная манера разговаривать с джентльменом! Удивляюсь, сэр, – продолжает она, обращаясь к Джасперу, – как это вы не накинетесь на неё и не отколотите порядком! Родненькие мои, что за девчонка бессердечная! Да что и говорить, ведь она никого не любит! Учила я её, учила, да уж и устала учить...»

Но тут огорчённая воспитательница снова бесцеремонно остановлена покорным сыном своим:

«Ну, ну, матка, – перебивает он её, – довольно уж вы переливали из пустого в порожнее... Чего вы опять лезете к ней?.. Мистер Джаспер наслушался уж достаточно вашего вранья!»

«Творец мой милостивый! – вопит старуха. – Гляньте-ка да полюбуйтесь, как *поштительны* некоторые сыновья к своим родителям!»

И, мгновенно распухнув в лице от ярости, оскорблённая леди отходит в сторону, бормоча про себя угрозы.

Во всё время этой семейной сцены Джаспер внимательно рассматривал девочку.

«Она ещё более стала похожа на мать, – говорит он Фопперти, – чем когда я видал её в последний раз у вас, но тогда она была крошечным ребёнком. Помнишь ли ты свою мать, Бесси?»

Как ни было сильно в ней чувство отвращения к Джасперу, но последний вопрос заставляет её забыть всё. Повернувшись к нему лицом к лицу на этот раз, вся худенькая фигурка ребёнка дрожит и выпрямляется. Вперив в него жадно свои большие голубые глаза, бедная Бесси восклицает голосом, который мог бы тронуть самое каменное сердце:

«Помню ли я её?.. Не дай Бог, чтобы я когда-либо забыла мою бедную дорогую умершую мать! Сколько раз желала я сходить, куда её закопали! Когда бы только знать мне, где её найти, чтобы положить мне на неё цветочки, которые она так любила, да попросить её, крепко попросить,

чтобы бедная она, мама моя, хоть разочек взглянула на свою маленькую девочку, которую она здесь покинула, да рассказать ей, как молюсь я каждый день, чтобы она скорее взяла меня к себе!»

Рыдания прерывают этого странного ребёнка. Прижав бледное личико к груди Фопперти, она вся дрожит от волнения и стонет в своём неудержимом горе.

Почему лицо Джаспера так бледнеет теперь? Почему устремляет он такой мертвенно-неподвижный взгляд на этого ребёнка, который как бы инстинктивно ищет покровительства на груди сильного мужчины, грубого, но доброго?.. Не смутно ли ему представляется в этом детском образе другой образ, – с лицом почти столь же детским, как и это личико, столь разительно на него похожее, – который рыдает у *него* на груди, умоляя *его*, так жестоко обманувшего её, не доводить её до последних пределов отчаяния, потому что если он покинет её и не оградит, то стыда своего она не может долее скрывать? Не видение ли это, которое шепчет ему, напоминая о другом лице, озарившемся такой небесной радостью, услыхав обещание брака, на следующий же день брошенное им на произвол судьбы, бессердечно покинутое, несмотря на произнесённую клятву, и умеревшее от стыда и отчаяния?

Закинув голову назад и отводя от мокрого от слёз лица густые волосы, девочка, наконец, успокаивается и продолжает, как бы обращаясь к Джасперу:

«Нет той ночи, в которую я не видала бы маму, и всё мне кажется, будто бы она обнимает меня и голубит; как во сне помню я, как заснула я у неё на руках, которые, когда проснулась я, сделались такими холодными, что я не могла их согреть; помню я тоже, как меня вынули из этих рук, таких худеньких и бледных... и все стали говорить, что мама моя умерла и что ангелы понесли её к Богу; и всё мне слышится с тех пор, как говорит она мне, что я её несчастная, бедная девочка, что мне придётся отвечать за грехи других и что я... сиротка... да, сиротка!»

Фопперти ласкает девочку и утешает. Джасперовское сердце чувствует какое-то непонятное для него стеснение, и он стоит неподвижно, вперив взор на грязный пол комнаты.

Мистрис Педлар, несмотря на свою зачерствелость, – женщина; и, принадлежа к этому прекрасному полу, она не может удержаться, чтоб не воспользоваться удобным случаем и не ввернуть словечка, следуя примеру сестер своих, о собственном таковом же случившемся и с нею несчастье, и заставляет вспомнить присутствующих, что и у этой почтенной старой леди была когда-то мать, как это издавна заведено природою для всех, что эта мать также умерла; и принимается живо описывать *свои* собственные сенсации[48] по поводу этой печальной минуты.

«Помню я, милые мои, как было это *мне* горько! Ой-ой-ой, как горько! Такая тебя боль щемит за сердце, что просто хуже... зубной боли иль... примером сказать, мозолей... и... и...»

Окончив это поэтическое сравнение, мистрис Педлар поставлена в тупик и, не зная как продолжать, устремляет горестно-вопросительный взгляд на Джаспера, как бы говоря ему: «Ну, теперь, сэр, за вами очередь!»

Мистер Джаспер выходит из своего летаргического состояния и бормочет девочке что-то вроде похвалы за такие чувства к памяти умершей матери.

Ребёнок подымает на него свои печальные глазки и неожиданно спрашивает:

«Вы знали мою маму, сэр?»

Немного озадаченный, Джаспер оправляется, однако же, и отвечает с расстановкой:

«Да… несколько лет тому назад… я… слыхал о ней».

«Так зачем же вы не помешали ей умереть? Когда я вас увидала здесь сегодня, то тотчас же вспомнила о ней... Хотите ли, я расскажу вам почему? Раз, когда мы с бабушкой легли спать, мне приснился сон, да такой ясный, что если б бабушка не разбудила меня, то я бы подумала, что оно в самом деле *было так,* – говорит Бесси своим детским лепетом. – Я гуляла в таком прекрасном большом саду, где были такие чудесные деревья и цветы, и со мною гуляла моя дорогая мама. Я бегала и рвала цветы и плела их в веночки для мамы, которая целовала меня и называла своей доброй, милой девочкой! Вот гуляем мы и доходим до одного большого дерева, и на нём висят такие чудесные спелые ягоды, что так и хотелось их попробовать. Вот я и говорю маме: “Мама, давай нарвём этих красных, красивых ягодок!” А она смотрит на меня так печально и грустно, а сама плачет... и идёт к дереву; только что она сорвала две-три ягоды, как вдруг дерево разломилось на две части и из него вышел такой страшный человек, лица его я не помнила, но глаза у него были точь-в-точь такие, как ваши... такие же чёрные, блестящие, злые глаза, и он,

[48] чувства (*англ.* sensation).

схватив маму, потащил её прямо в это дерево, которое замкнулось за ними, и мама моя пропала! Я стала кричать и звать её, и вдруг слышу её голос из дерева, да такой слабый да печальный: “Дитя, никогда не желай, – говорил он, – таких красивых ягод... Вот видишь ли, я погналась за ними, нарвала, а теперь и наказана за то”. Тут я проснулась и стала кричать и плакать, но сна не забыла».

Девочка умолкает и смотрит вдаль своими задумчивыми голубыми глазами. Мужчины смотрят на неё, в свою очередь, в каком-то молчаливом изумлении, поражённые оба, но не одинаково, этим детским рассказом. Фопперти многозначительно качает головою, а Джаспер, ещё более побледнев, силится заговорить с нею.

«Дитя, – бормочет он, заикаясь, – ты не должна придавать значения таким глупым и нелепым видениям. Я вижу, что за тобою нет достаточно присмотра... Мистрис Педлар, – продолжает он, обращаясь к невозмутимо нюхающей табак старой леди, – вам следует обращать более внимания на ребёнка!.. Она, видимо, слишком много предоставлена самой себе, её бы следовало развлекать и...»

«Легко приказывать, сэр, – огрызается внезапно эта достойная особа, – развлекать... забавлять... а на какие деньги, прости Господи, стану я развлекать её? *Те*, которым следовало бы заботиться о ней, не хотят того делать, а *те*, которым это было бы желательно и по сердцу, не могут! К тому же, разве она похожа на других детей? Да она и не захочет сама идти на улицу да поиграть с другими ребятами. Ведь мы – барышня!.. Деликатная леди!»

«Надеюсь, по крайней мере, – продолжает Джаспер, – что вы оба станете избегать частых разговоров с нею о её матери… Воображение её слишком настроено... Это опасно… Вот возьмите, это для неё одной, и я желаю видать её более прилично одетой в следующее моё посещение!»

И он бросает на стол перед старухой несколько золотых соверенов[49]. Обращаясь к Фопперти, он спрашивает его, прощаясь:

«Так решено, и вы поняли моё поручение?»

«Понял», – отвечает Фопперти.

Совсем стемнело, когда регент вышел на улицу, и ночные тени ложились длинными полосами вдоль переулка. Он достиг уже почти до Высокой улицы, когда слух его неприятно поражается пронзительным свистом, которому, как эхо, отвечает свист летящего к его ногам камня, а знакомый визгливый голос восклицает в то же время:

«Берегись!»

Быстро обернувшись, Джаспер зрит в нескольких шагах от себя Депутата, который, по-видимому, внимательно наблюдает за ним.

«Ты, чёртово отродье! – восклицает музыкальный учитель во внезапном пароксизме ярости, – это ты что шпионишь за мною, а?»

«Ан врёшь! – учтиво ответствует сей юный джентльмен. – Вовсе и не думал шпионить за вами. Я только целился вона в эфтот столб, что за вами, чтоб вернее набить руку себе».

«Клянусь тебе Богом, – продолжает регент, – что если я ещё раз встречу тебя шатающегося возле меня и подсматривающего, то разорву тебя всего на мелкие лоскутки!!»

«Смотрите-ка вы в оба, Джарспер, да берегитесь, чтоб вас самого не разорвали бы в лоскутки!» – нахально отвечает мальчишка, вооружаясь другим камнем и залившись снова в хриплой импровизации:

«Чу̀де, чу̀де – чай,
Уинк, уинк – поздно не гуляй,
Уѝде, уѝде – чу,
Не то – я – не – спущу!» –

исчезает в таинственно освещённом луною разломанном заборе, словно какой злой дух, вырвавшийся на ночную прогулку. Джаспер спешит домой с такими чувствами в груди, которым редко бы кто позавидовал.

[49] Соверен – британская золотая монета.

Глава XXVII

Цепь куётся

Вероятно, что редко когда доставалось на долю тихого и невозмутимого Клоистергэма перенести одновременно столько различных волнений, как перенёс их старинный городок наш по поводу исчезновения Эдвина Друда. Долго не унимался говор в груди его, и можно, наверное, было насчитать столько же таинственных, вновь изобретённых прибавлений и догадок – плодов разгорячённого Клоистергэмского воображения, – сколько было жителей в его древних стенах.

Как это обыкновенно бывает в подобных случаях,[50] места, которые Эдвин посещал чаще других, сделались предметом какого-то таинственного ужаса, смешанного с неясной, но постоянной идеей о его призраке: и когда нашлось, как этого и следовало ожидать, несколько счастливцев, более других покровительствуемых судьбой, которые уверяли под самой торжественной клятвою, что они сами, своими глазами, видали этот призрак, то волнение мирных обитателей Клоистергэма перешло в грозную бурю. Эти специальные любимцы судьбы рассказывали, что перед их глазами ясно являлся образ Эдвина Друда; образ этот, – как оно и подобало каждому приличному и честному привидению, – был весь окутан в длинный белый саван. К этим рассказчикам-духовидцам явилась неожиданным подкреплением некая престарелая, девствующая леди, живущая совершенно в стороне от минор-канонского угла, которой дух «несчастного страдальца» явился уж совершенно «ощутительно и живо», говорила она, вздрагивая: отдыхая в сумерки в своей приёмной комнате, она услыхала стон... Обернувшись, она ясно увидела Эдвина Друда, заглядывающего к ней в окна; взор его был печален, лицо бледно и сердито, и он, указав несколько раз рукою на своё перерезанное от уха до уха горло, ещё тяжелее застонал и исчез!

Но, быть может, рассказ мистера Дёрдльса из всех других рассказов более всего подействовал на нервы обитателей городка. Много помогло этому впечатлению, вероятно, и[51] то обстоятельство, что этот престарелый джентльмен так много возился на своём веку с «костлявыми», что совершенно попривык уже ко всей этой мёртвой компании и, следовательно, менее других был способен сделаться игрушкою собственного своего воображения по поводу какого бы то ни было привидения, как могло быть оно приписано в отношении к другим. И так, мистер Дёрдльс видел призрак Эдвина Друда в самом приличном для этого призрака месте – возле кафедрального собора, где молодой человек проводил большую часть своего времени, когда был жив.

Здесь мы сделаем маленькое отступление ради желания своего поделиться с читателем следующим интересным наблюдением: замечательно странно, как[52] привидения людей, погибших насильственною смертью, любят являться на тех самых местностях, где они потерпели такую обиду: следовало бы, кажется, предположить, и с гораздо большим вероятием, что они (привидения) именно и будут избегать этих мест, как напоминающих им очень неприятную минуту в жизни. Так нет же!.. Выходит на деле совсем противное. Быть может, что некоторые из учёных земных наблюдателей согласятся, психологии ради, взять на себя труд разъяснить настоящему поколению эту духовскую задачу; будем надеяться, впрочем, что они успеют в этом лучше, нежели успели до сих времён в своих объяснениях о других феноменах духовского проявления, и что они потерпят менее сильное поражение в последнем.

Вернёмся к рассказу мистера Дёрдльса, который и передадим в собственных выражениях:

«На самую вторую ночь, значит, после той ночи, как приключилась эта оказия, Дёрдльс вышел из дому своего по одному делу, которое касается до его одного, а не до других прочих. Был ли Дёрдльс трезв в то время? Дёрдльс *был* трезв! Он знал, который был тогда час ночи, как знает он это и теперь. Проходя через Тёмный угол, Дёрдльс слышит шорох возле самого собора. Был ли то натуральный шорох, или же такой, какой производится “костлявыми”? Вот и говорю я сам себе:

[50] Далее зачёркнуто: те.
[51] Далее зачёркнуто: и.
[52] Далее зачёркнуто: это.

“Дёрдльс, не пужайся[53], старина, потому что если ты спужаешься, то затем и удерёшь во все лопатки, а коль удерёшь, так ничего и не узнаешь об этом шорохе”. Так вот Дёрдльс и стал как вкопанный и стоит себе; с минуту после того слышит он этот шорох опять, и прямо он раздаётся как бы со старой соборной башни. Когда Дёрдльс узнал, откуда он слышался, тогда Дёрдльс и посмотрел прямо вверх; не *вниз* он посмотрел, а прямо *вверх*, так и понимайте! – добавляет он с таким выразительным презрением на лице, что легко можно из этого догадаться о его полной уверенности в том, что всё остальное человечество непременно бы посмотрело вниз. – Тогда Дёрдльс увидел *то*, от *чего* всякий бы другой из вас удрал, не оглядываясь, но Дёрдльс посмотрел только ещё пристальнее. Прямо на самой острой окраине[54] башни сидел неподвижно тот несчастный молодой человек с открытой, голой головой, с одной стороны которой так и струилась его алая кровь при месячном свете. Тогда Дёрдльс громко закричал ему: “Кто это совершил с вами такое злодеяние, мистер Друд?” Так, именно так, и спросил Дёрдльс. Что ему ответило на этот вопрос привидение? Про то знает один Дёрдльс и не намерен рассказывать о том никому из вас».

И хотя в продолжение нескольких недель он повторял это происшествие по несколько дюжин раз на день, никто никогда не мог добиться от него ни одного слова более.

Привлёкши на свою сторону этим рассказом одну часть жителей городка, большая часть пришла к тому заключению, что то был только один воображаемый миф со стороны почтенного мистера Дёрдльса; или же, – что было ещё вероятнее, – что во всём этом участвовал известный факт постоянного сопровождения мистера Дёрдльса в его ночных прогулках любимицы его – плетёной таинственной бутылки, на которую и следовало свалить всё виденное им на башне.

Но всё это давным-давно уже перешло в область минувшего и как всё минувшее начинало предаваться забвению и упоминалось лишь изредка. В одном только сердце жило воспоминание грустного происшествия, одна память в целом городе сохранила его так же живо, как и в первые дни оного, – то было сердце и память доброго минор-канона, мистера Криспаркля. Участие его к Невилю[55] и Елене Ландлесс не охладело, и он всё продолжает навещать их от времени до времени в Степл-Инне, ободряя сестру и брата словами утешения, звучащими искренним доброжелательством. Так как, несмотря на своё безграничное доверие к доброй фарфоровой пастушке, он не посвятил её в тайну их местопребывания, то она, понятно, удивлялась частым отлучкам сына в Лондон, не догадываясь о причине такой деятельности.

«Септ[56], мой дорогой мальчик, – говорит она ему однажды, сидя вместе за комфортабельным вечерним чаепитием. – Я хотела бы знать, что это так часто привлекает тебя в Лондон? Спрашиваю тебя, – прибавляет она, расправляя незаметную морщинку на своём изящном фарфоровом платьице, – не потому, чтобы я сомневалась в тебе или же предполагала бы возможность того факта, что не все действия твои имеют уважительную причину, так как я совершенно уверена, что именно такая причина и руководит тобой в настоящее время, но, зная это наперёд, тем более чувствую любопытство узнать её, если ты поделишься со мной ею...»

«И вы узнаете её, не сомневайтесь в том, мамà, милая моя, – с улыбкой отвечает Септимус. – Только повремените немного и не забывайте участи любопытной мистрис *Синей Бороды*[57]. И моё любопытство страдает, и даже более вашего, но я жду развязки терпеливо».

«Если любопытство твоё имеет отношение к чему-нибудь такому, что *я* знаю и могу тебе объяснить, то говори, мой милый мальчик, и я тотчас же удовлетворю его и тем подам тебе пример в твою очередь», – невинно замечает эта приятная, любопытная старушка с лукавым взглядом в своих хорошеньких, блестящих глазках и улыбается сыну.

Последний весело смеётся и, целуя свою добрую пастушку, отвечает:

«Я-то готов, да боюсь, что вы мало чем можете помочь мне в этом деле: давно, и очень давно уже, как интересует меня – впрочем, сам не знаю почему – внезапное появление в нашем городке

---

[53] не пугайся (*прост.*).

[54] Далее зачёркнуто: той.

[55] Невил (Neville).

[56] Септимус (Septimus).

[57] «Синяя Борода» – французская народная сказка, легенда о коварном муже и его любопытной жене, литературно обработана и записана французским поэтом и критиком Шарлем Перро (1628–1703) и впервые опубликована им в книге «Сказки моей матушки Гусыни».

этого седого, старого джентльмена... Знаете, постояльца мистрис Топ... Что он может находить такого привлекательного в этом скучном, глухом местечке?..»

«Разве ты ещё не познакомился с ним, Септ?» – вопрошает пастушка.

«И да и нет; встречал его, конечно, и раскланиваемся оба, но кроме этого шапочного знакомства я мало что знаю о нём. Не пойти ли мне сегодня вечером, после чая, к этому эксцентричному джентльмену?»

И так, после чая мистер Криспаркль берёт свою шляпу и, нежно расцеловав ещё обе щёки своей фарфоровой куколки, направляется к дому у калитки. Взойдя на первые ступени наружной лестницы, он машинально взглядывает на окна квартиры регента певчих. Несмотря на то, что едва только смеркается, в комнате Джаспера горит лампа, ярко освещая все предметы. Ставни ещё открыты и то, что представляется взорам минор-канона, остановило бы всякого другого. В этом необычайном зрелище главную роль играет сам регент, и так непонятно действует этот джентльмен, что добросердечный мистер Криспаркль не может оторвать глаз от него и неподвижно стоит под влиянием какого-то оцепенелого удивления!

Причина, заставляющая Джона Джаспера действовать так странно, видимо, заключается в каком-то небольшом предмете, который он держит в руке. По временам он бросает эту вещицу с неудержимой яростью на пол, подымая над головой своей руки и ломая их в страшном как будто порыве отчаяния, начиная бегать по комнате с видом помешанного. То, подняв опять с пола эту, как замечает мистер Криспаркль, блестящую, похожую на золотой медальон вещицу, он подходит к столу, рассматривая её с большим вниманием при ярком свете лампы. В подобные минуты минор-канон видит перед собой такое бледное, помертвевшее лицо и такие блуждающие, диким светом горящие глаза, что он невольно вздрагивает, но продолжает смотреть. Снова и снова бросает Джаспер вещицу на пол, и снова подымает он её, и снова рассматривает, и снова сжимается сердце Септимуса при виде этого страшно исказившегося лица.

«Что всё это значит? – думает озадаченный минор-канон. – Какое ужасное несчастье могло довести этого человека до такого бешенства?.. Непонятно!..»

Наконец, Джаспер делается спокойнее и спешит к окну запереть внутренние ставни, как бы внезапно пробуждаясь в эту последнюю минуту к чувству опасности со стороны любопытных. Но почтенный канон видал довольно, и все старые, давно уснувшие чёрные подозрения против этого человека, невольно пробудясь в груди его, заговаривают с новой силою.

Придя в себя, он собирается уже совсем отойти от окна с головою, наполненною бесчисленными, самыми разнородными идеями, когда лёгкий, хотя многозначительный кашель прямо возле его уха заставляет его встрепенуться от этой неприятной неожиданности.

Обернувшись со смущённым удивлением, он видит стоящего за спиною своей мистера Дэтчери. Праздный холостяк продолжает покашливать, устремив на него насмешливо-пытливый взгляд.

Дэтчери прерывает первым последовавшую тягостную для мистера Криспаркля минуту молчания.

«А ведь земной шар всё также спокойно и мерно продолжает своё обычное кругообращение, несмотря на старания моего юного соседа, которому бы очень хотелось, кажется, перевернуть его вверх дном, – хладнокровно замечает мистер Дэтчери, указывая пальцем на окно Джаспера. – Вы наблюдали за *ним,* а я наблюдал за *ним* и за вами. Весьма, весьма оказалось интересным для меня это двойное наблюдение, а подобное сознание чего-нибудь да стоит со стороны такого старого праздношатающегося, как я, который прошёл огонь и воду на своём веку, да и видал такие виды... Надеюсь, преподобнейший сэр, что вы извините моё бесцеремонное присутствие за вашей спиной; честное слово, я не мог удержаться от своего любопытства».

Старый праздношатающийся холостяк мог бы говорить ещё в продолжение нескольких часов без малейшей для себя опасности быть прерванным преподобнейшим. Если наблюдательное положение, в котором застал его мистер Дэтчери, оказалось бы неловким для всякого другого порядочного человека, то тем более представилось оно унизительно-постыдным для себя самого в глазах бедного мистера Криспаркля, благороднейшей и честнейшей натуры, от души презирающей всякое действие, похожее на шпионство или подсматривание. Он почувствовал себя

столь пристыженным, что в продолжение нескольких минут не мог собраться с духом, чтобы отвечать Дэтчери.

Последний, не обращая ни малейшего внимания на минор-канона и как бы даже не замечая его неловкого положения, упомянув кое-что о чрезвычайной духоте, снимает очень хладнокровно шляпу и, тряхнув седою гривою, начинает спокойно обмахиваться первою, весьма терпеливо ожидая ответа.

«Позвольте мне сознаться прежде всего, – восклицает, наконец, злополучный и добродушнейший из минор-канонов, – что положение, в котором вы застали меня, наполняет меня стыдом, заставляя краснеть, как школьника. И однако же я чувствую себя как бы немного оправданным при мысли, что я, быть может, открыл новую страницу в жизни этого человека!»

«Напрасно изволите беспокоиться, преподобный сэр, – отвечает так же хладнокровно Дэтчери, – очень напрасно, так как я заранее уверен, что все ваши поступки оправдываются целью. Если вы не заняты, – продолжал он, – то не сделаете ли вы мне чести посетить меня в собственной моей квартире?.. Хотя, по правде сказать, общество такого праздного холостяка, – совершенно отвыкшего вдобавок от всякого общества, – не совсем привлекательно, и хотя, вообще говоря, не посмею похвастаться тем, что окажусь приятным хозяином для вашего преподобия, но всё же вы мне сделаете честь и удовольствие своим посещением; к тому же, чтобы быть вполне искренним, я желал бы порасспросить вашу милость о кой-каких безделицах касательно виденных нами сейчас живых картин».

«Могу вас уверить, мой дорогой сэр, – отвечает всё ещё немного смущённый канон, – что для меня будет большим удовольствием посетить вас, а чтоб быть столько же искренним с вами, то добавлю, что именно к вам я и шёл, когда так неожиданно был задержан этой странной сценой».

Минуя длинный коридор со сводами, они входят в жилище Дэтчери и, усевшись оба, последний, как бы отгадывая о цели посещения гостя, начинает так:

«Преподобный сэр, я простой человек, живущий целый век свой так, как оно и подобает простому человеку; это вы сами можете заметить. Жёсткая, суровая опытность жизни моей в соприкосновении с таким же жёстким и суровым светом отшлифовала меня до такой степени, что имею право считать все свои природные шероховатые наклонности порядком-таки выровненными и поэтому не чувствую ни малейшего желания подвергнуться ещё раз подобному неприятному процессу шлифовки. Говоря яснее, я чувствую себя точно как человек, носивший до сей поры такую узкую обувь, что (боль, сделавшись, наконец, нестерпимой) он решился снять свои башмаки и отбросить их навеки. Башмакам от этого нисколько не хуже, а человеку во сто раз легче. И так, я поселился здесь у вас совершенно на подобном основании, решившись бросить свет или отбросить свет от себя, что выходит почти одно и то же. Свет не много потерял, теряя меня, а я остался в выигрыше...»

«Но, дорогой мой сэр, – перебивает его добродушный мистер Криспаркль, – неужели никогда не приходило вам на мысль, что эта жесткость света, как вы называете её, более чем полезна для нас, в конце концов? И что все наши несчастья, испытания и горе в жизни только приводят нас к тому, чтобы лучше оценить впоследствии час того великого торжественного покоя, который ожидает всякого смертного в своё время? И неужели вы не цените ни во что посылаемую нам благодать Творцом вселенной в виде различных случаев в жизни, когда твёрдостью духа нашего, кротостью и терпением мы можем поддержать падающего силами слабейшего брата и, подавая ему пример в этой жизни, заслужить и себе, и ему награду в лучшей? Извините меня, мистер Дэтчери, если я не могу согласиться с вашим воззрением на свет и не разделяю вашей мизантропии».

«Согласен, преподобный сэр, что, может быть, я и преувеличил пример, но вы ещё молодой человек, и, поживя на свете с моё, быть может, что и вы измените ещё не раз ваш взгляд на всё это. Согласен также, что ваши воззрения об обязанностях каждого в отношении к ближнему своему достойны величайшего уважения, но подобный род филантропической философии легче проповедовать, нежели исполнять на деле, а люди в нашем столетии давно уже решились все до одного заботиться лишь о своих собственных интересах, невзирая на нужды братий. Поймите меня, я ни одной секунды не позволил бы себе возмечтать, что могу изменить своими словами *ваш*

взгляд теперь, в настоящую минуту, но что не много дней пройдёт, как вы согласитесь со мною, – в этом я также не сомневаюсь. Но теперь позвольте мне вам задать вопрос: если бы вы, завязши головою в бочке, да вздумали бы внимательно осмотреть всю внутренность оной, что бы вы сочли необходимым сделать для этого в самом начале?»

Вопрос этот, предложенный столь неожиданно для него, озадачивает немного минор-канона, но, подумав немного, он отвечает, улыбаясь:

«Постарался бы расширить или же совсем сдернуть обручи, полагаю».

«Спра-вед-ливо! – произносит каким-то странным голосом хозяин, сильно ударяя на последние склады. – Так вот оно и есть начало... И не в обиду будь сказано, я *знаю*, достоверно знаю, что сильнейшее любопытство сжигает внутренности народов клоистергэмских по поводу того, что в их городе ни с того, ни с другого взял да и поселился старый, праздношатающийся холостяк без всякой видимой для того причины, не имея здесь даже не только ни одного приятеля, но даже знакомого; и я думаю или, скорее, осмеливаюсь предполагать, преподобный сэр, что ваша милость находится в числе любопытствующих. И так, чтобы скорее прийти к обоюдному понятию друг о друге, позвольте мне первому открыть вам истину. Я действительно *имею* цель, поселившись здесь; *моя* жизнь не окажется бесплодной. Я имею в виду именно расширить *некоторые* обручи, чтобы лучше познакомиться с внутренностью известной бочки, говоря иносказательно, и тем предоставить её на осмотр и другим».

Мистер Криспаркль мало удивляется последним словам Дэтчери, так как они только подтверждают давнишние его собственные предположения. Несмотря на оригинальный оборот речи, минор-канон также догадывается, что во всей этой тайне дело идёт об исчезновении Эдвина Друда, косвенно ли или прямо до последнего касалась цель мистера Дэтчери, и поэтому он отвечает прямо и решительно:

«Полагаю, сэр, что тут дело идёт о[58] виновнике исчезновения мистера Эдвина Друда?»

Не успел он произнести эти слова, как поведение седовласого оригинала сделалось ещё необычайнее. Вскочив со стула, он предаётся чрезвычайно фантастической пантомиме; осторожно шагая по направлению к входной двери, он тихо берётся за ручку, одним решительным взмахом быстро отворяет её и высовывает голову в тёмный коридор, словно возымев желание нырнуть в непроницаемую тьму его. Тщательно осмотревшись, он возвращается к гостю и шепчет, указывая пальцем в потолок:

«Наш нервный друг уходит и приходит, как и прочие смертные, но более, нежели прочие смертные, он способен явиться в ту самую минуту, как его менее всего ждут или желают лицезреть. Говорите тише, так как у меня редко бывают посетители, и говор голосов может *именно* привлечь его внимание и крошечку, самую крошечку, возбудить в нём любопытство, подслушать, о чём у нас речь идёт. Он очень лукав, сэр; да, лукав и хитёр, но или я очень ошибаюсь, или же недолго придётся нам ждать того дня, как перед глазами всех откроется самое дно бездонной бочки души его. Быть может, я дурно поступаю, говоря с вами так откровенно, но не думаю, что очень сильно ошибаюсь, предполагая, что ваше мнение о нашем нервном друге весьма похоже на моё собственное. Прав ли я, сэр?»

«Если вы намекаете на то, что я мало доверяю Джону Джасперу, то вы совершенно правы; надеюсь, что я ошибаюсь в нём ради его же блага, но Бог да простит мне, если я подозреваю невинного человека, но я не могу не думать, что он, и один он, виноват в исчезновении племянника своего, Эдвина Друда!»

«Даст Бог, потерпим и узнаем, наконец, истину. С такими лукавыми людьми следует поступать с одинаковой мерой лукавства. Единственный для того способ и самый верный – дать им время запутаться мало-помалу в собственных сетях хитрости, пока им уже невозможно высвободиться из них и они принуждены задохнуться или сдаться, но я должен предложить вам ещё один вопрос: возможно ли частному человеку получить доступ в подземельное кладбище, находящееся под собором?»

«Конечно, невозможно, разве испросив на то позволение, что случается очень редко».

[58] Далее зачёркнуто: б.

«Так не знаете ли вы, любезный сэр, было ли дано такое позволение кому-либо в эти последние месяцы?»

«Не думаю... Постойте; теперь я вспомнил... Да, так... Я помню хорошо, что наш регент ходил туда раз ночью в сопровождении каменщика Дёрдльса... Но это было гораздо ранее рождественского происшествия и так давно, что я уж почти забыл о нём. Но зачем вы спрашиваете?»

«Потому что, – таинственно шепчет Дэтчери, наклоняясь почти к уху минор-канона, – потому что это ночное путешествие в могильные склепы тесно связано, по моему мнению, с исчезновением Друда, – я говорю, заметьте, по моему мнению, как и почему, не знаю, но буду знать и очень скоро».

«Но мне непонятно, какое это может иметь отношение к делу? – говорит минор-канон в раздумье. – Если он затеивал тогда что-либо дурное, то для чего же он брал с собою Дёрдльса? А я уверен, что с ним был Дёрдльс».

«Когда бы вы знали то, что я знаю, сэр, или же слыхали то, что я слышал о происшествиях той ночи, то, может быть, уверенность ваша и поколебалась бы... Но мы должны ждать ещё немного, пока я осторожно буду снимать обручи, и тогда, да, лишь тогда, увидите вы ясно дно всей бочки».

«Когда придёт это время, – и дай Бог, чтоб оно не заставило ждать себя долго, – то я стану первым благодарить Бога, но... Творец мой! Что это за шум?..» – восклицает минор-канон, прерванный раздирающими воплями.

Оба прислушиваются, неподвижно стоя среди комнаты... Страшный крик, пронзительный и дикий, пронёсся над их головами... другой... третий, и они как[59] будто раздаются из комнаты Джаспера. Бросившись к дверям, они сталкиваются с пономарём и женою его, которые, бледные как полотно и дрожа от страха, прибежали полуодетые из своей комнаты, услышав эти нечеловеческие вопли.

На вопрос минор-канона, не знает ли она, где это кричат, мистрис Топ божится, что крик выходит прямо из спальни мистера Джаспера, и все четверо быстро направляются к квартире регента. Достойный мистер Топ, желая выказать приличную случаю храбрость, делает вид, что идёт впереди всех, но, не доходя до двери Джаспера, мгновенно чувствует необычайный припадок уважения к начальнику своему и, пропуская минор-канона вперёд, прячется за спину его.

Дойдя до входной двери гостиной, все останавливаются. Мистер Дэтчери, приложив ухо к замочной скважине и не слыша ни малейшего шороха, ни признака жизни, начинает стучать со всей силы кулаком в дверь и производит такой шум, что все галки, квартирующие по деревьям на две мили кругом, улетают со страха, принимая, без сомнения, весь этот переполох за сильный птичий кошмар.

«Кто там?» – слышится из соседней комнаты слабый голос Джаспера.

Звук шаркающих босых ног в темноте и прерывистого дыхания регента слышится им яснее, как он подходит, наконец, к двери и повторяет свой вопрос.

«Соседи», – отвечает лаконически Дэтчери.

Дверь отворяется и перед ними является такое лицо, какое лишь можно видеть разве что у мёртвого. Заметно было, что Джаспер сделал предварительную попытку наподобие какого-то туалета ради приличия, но попытка эта, – оттого ли, что его застали врасплох, либо по каким другим, более психологическим причинам, – не удалась, а напротив, придавала ему, если то было возможно, ещё более фантастически-страшный вид. Галстух[60] его сворotился на сторону, а волосы стояли дыбом, заставляя предполагать о бессонной борьбе с подушкой.

С удивлением вытаращив глаза на посетителей, он молча приглашает их войти.

В квартире мистера Джаспера мало произошло перемен с тех пор, как он разделял её с Эдвином Друдом. Над камином всё так же висит портрет Розы, а в углу стоит тот же фортепьяно, заваленный нотами. Храбрый пономарь в ближайшем соседстве со спиной супруги своей, мистрис Топ, с чувством какого-то любопытного ужаса на лице начинает осматриваться во все стороны,

[59] Далее зачёркнуто: бу.
[60] галстук (*устар.*).

заглядывая в самые тёмные углы, как бы надеясь выискать в них очевидную причину – в виде ночного страшилища – этих непонятных ему криков. Но он неприятно обманут в своём ожидании совокупно с супругою.

«Вы слышали, вероятно, этот ужасный рёв, который поднял нас всех на ноги?» – спрашивает Дэтчери без всякого другого предисловия.

«Нет, не слыхал, – отрывисто произносит Джаспер, – и не мудрено; я чувствовал себя не совсем здоровым и поэтому рано лёг спать... Вы разбудили меня стуком в дверь от крепкого сна. Но какой же... или где был этот шум?»

«Шум этот просто-напросто был сильнейшим криком как бы от страха или же сильной физической боли», – отвечает Дэтчери, пристально смотря на собеседника.

«Но разве крик этот не мог происходить ниоткуда более, как только из моей комнаты? – резко осведомляется Джаспер. – Во всяком случае, он даже не мог раздаваться и поблизости, так как если вы могли слышать его из вашей комнаты, то вероятно, что и я слыхал бы его також[61] из моей... А я не слыхал...»

«Совершенно невозможно предположить, – так же спокойно отвечает холостяк, – чтобы мы все четверо могли ошибаться, спросите у других...»

«Очень рад, во всяком случае, – вмешивается тут в первый раз[62] минор-канон, – что уверился в том, что с вами ничего не случилось дурного, мистер Джаспер, так как созна́юсь откровенно, что было перепугался очень сильно за вас, услыхав эти ужасные вопли в вашей комнате; и должен повторить вам, что если они выходили *не прямо* из вашей спальной, то, во всяком случае, где-нибудь в близком соседстве от неё. Жалею, – перебивает он Джаспера, когда тот хотел было возражать, – жалею, что взял на себя смелость потревожить ваш сон, но первая обязанность всякого честного человека бежать на помощь ближнему своему, если есть причина полагать его в опасности».

Несмотря на холодный тон минор-канона, Джон Джаспер начинает горячо благодарить его за участие и кончает, свернув, по обыкновению, речь на племянника.

«Когда бы я сумел принимать подобные предосторожности, – продолжает он грустно, – с бедным моим пропавшим мальчиком, то не имел бы причины тосковать о нём и днём и ночью, как я то делаю теперь. Я думал сегодня о нём более, нежели когда-либо... Кстати, позвольте мне сообщить вам, любезный сэр, что я напал на новый след... хотя и незначительный, но всё же наводящий новое подозрение на преступника».

Смутные воспоминания о слышанных ею рассказах касательно привидения Эдвина Друда, изящно драпированного белым саваном, возникают при этих словах в мыслях мистрис Топ и заставляют её бросить несколько боязливых взглядов по направлению всех тёмных углов, но, не найдя в них ничего подобного, к сожалению своему, почтенная леди успокаивается.

«Искренне желаю вам, – отвечает мистер Криспаркль, – найти хоть какое-либо верное доказательство относительно его исчезновения; я уверен, что даже самая положительность о смерти его оказалась бы для вас утешительнее всей этой неизвестности».

Мистер Джаспер, тяжко вздохнув, опускает голову на грудь с видом глубокого уныния.

«Кстати, – замечает мистер Дэтчери, – я сегодня только что приехал из Лондона, где и встретился с одним старым знакомым, который пожелал иметь мой адрес, – как странно, что я забыл было поделиться с вами этой новостью прежде, мистер Джаспер, да, забыл, совсем из головы вон вышло!.. – и холостяк, рука которого машинально барабанила до сей поры на лампе, нечаянно передвигает её так, что она ярко освещает лицо Джаспера. – И так, мой приятель пожелал узнать мой адрес в случае, если бы ему вздумалось[63] когда заехать сюда... Услыхав название Клоистергэма, он говорит мне: “Стало быть, вам известна уже новость о пропавшем Эдвине Друде?.. О том молодом человеке, который было исчез, но снова появился?” Слыхать я слыхал, говорю я ему, о том, что мистер Друд исчез и что не знают, где и искать его, думая, что он был убит, но, признаться сказать, ничего не слышал о его возвращении. “Однако же, – отвечает

[61] Далее зачёркнуто: бы.
[62] Далее зачёркнуто: ещё.
[63] Далее зачёркнуто: было.

мне приятель, – для меня это положительный факт, так как я сам видел его и говорил с ним несколько дней тому...” Но Бог мой!.. Что это с вами делается, мистер Джаспер?..»

Помертвевшее лицо побледнело теперь ещё более, зубы стиснуты, а сжатые конвульсивно кулаки подымаются над головою, и Джаспер, вскочив со стула, бросается с пенящимся ртом к Дэтчери.

«Это ложь!.. Адская ложь!.. – кричит он или, скорее, рычит безумно. – Ваш приятель не мог этого сказать!.. Как он смел?.. Что... кого он видел?.. Когда?..»

Джасперовские руки вдруг опускаются, как две тряпки, он весь вздрагивает, голова его падает на грудь и перед ногами гостей его лежит безжизненная масса.

Последовавшее за сим смятение в первую минуту так сильно, что проходит несколько минут, прежде чем оказывается какая-нибудь помощь этой, по-видимому, бездыханной *вещи*, беспомощно распростёртой на ковре. Минор-канон и Дэтчери первые приходят в себя и, подняв Джаспера, кладут его на постель. Что касается до мистера и мистрис Топ, то они оказываются сами полумёртвыми с перепугу и не могут подать никакой помощи.

С большим трудом может минор-канон добиться от мистрис Топ прямого ответа на свой вопрос:

«Замечала ли она, мистрис Тот, когда прежде подобные припадки с её постояльцем?»

На что достойная леди решается, наконец, придя в себя, ответить ему, «что, действительно, ей был известен этот факт и что она, положительно, сама заставала его несколько раз в подобном бесчувственном состоянии и всегда после какого-нибудь волнения, причинённого потерею племянника», а далее, что она, мистрис Топ, была вполне уверена, что и этот припадок произошёл оттого, что «некоторые особы», косясь на виновного Дэтчери, «не умели удержать язычка» и что это был чистейший срам доводить такого бедного, доброго джентльмена до подобного страдания. Долго ли бы она изливала ещё своё карающее красноречие, неизвестно, так как мистер Дэтчери, не замечая, по-видимому, оскорбительных намёков на свою особу, очень хладнокровно посылает её за крепкой водкой. Когда же мистрис Топ возвращается с нею, то находит уж Джаспера сидящим и умоляющим обоих джентльменов извинить его за все эти хлопоты с ним.

Проглотив несколько капель водки из рук мягкосердечной хозяйки своей, Джаспер объявляет, что ему гораздо лучше и что джентльменам не стоит более труда беспокоиться о нём…

Тысячи подозрений и мыслей, бушующих в честной груди мистера Криспаркля, отражаются помимо воли его на бесхитростном лице этого джентльмена. Они замечены, быть может, самим Джаспером в минуту прощания, так как он опять принимается за старую историю, но в виде оправдания теперь:

«Чем более[64] проходит времени, мистер Криспаркль, тем крепче делается моё убеждение, – говорит он, стараясь улыбнуться, но успевая только изобразить гримасу, – что потеря моего дорогого мальчика сделала на меня более впечатления и произвела гораздо худшие последствия, нежели я сам полагал то возможным. Крепко борюсь я с моими чувствами, но всё напрасно! Мысль о нём преследует меня и днём и ночью, вставая с нею поутру, она ложится вместе со мною вечером... И я вполне убеждён, что если подобное состояние продлится ещё немного, то я или сойду с ума, или же что эти мысли убьют меня. О!.. Если бы я мог найти кого-нибудь, кто помог бы мне, хоть одну дружескую руку, на которую бы я мог опереться в своём великом горе!.. Но нет, нет! Вокруг меня всё опустело и я брожу один в этой нравственной темноте, блуждая то в ту, то в другую сторону на этой бесконечной равнине предположений и диких гипотез; да, всякий раз найдя себя на том же самом месте, как и прежде, не сделав ни одного шага вперёд, не подвинувшись ни на волос, я чувствую такой новый прилив отчаяния в сердце, такую нравственную пытку на душе, что не дай Бог, чтобы кто другой испытал это на себе!.. О, мой бедный, несчастный мальчик! – рыдает Джаспер, ломая себе руки, – с такими блестящими надеждами в светлом будущем, столько солнечного сияния и света жизни впереди и в ту самую минуту, как он был так близок к столь желаемой им цели, достигнув которую, он сделался бы счастливейшим человеком вселенной... О, это ужасно!.. Ужасно и жестоко со стороны судьбы!

[64] Далее зачёркнуто: и более.

Зачем не выбрала она *меня* вместо него? С какой восторженной радостью отдал бы я за него эту жизнь, которую один *он* украшал, но нет, нет его более со мною, и я остался один на свете!»

Окончив эту патетическую тираду, не переводя духа, Джаспер бросается на постель и дико заключает подушку в свои объятия. Нежное сердце мистера Криспаркля более чем тронуто, несмотря на недавние подозрения, которые в эту минуту разлетаются в прах. Он подходит к регенту со словами утешения, немного шокированный безмятежным хладнокровием и лёгким посвистыванием мистера Дэтчери, который, усевшись на прежнее место, продолжает барабанить по лампе.

Тон голоса минор-канона переменился, и слова симпатии выливаются прямо из глубины голубиного сердца. Джаспер быстро подмечает эту перемену и, хватая доброго каноника за обе руки, прижимает их к своей груди со следующими словами:

«Благодарю вас, сэр, невыразимо благодарю за эти выражения искреннего участия; видит Бог, как ценю я их, но, несмотря на всё это, чувствую, что не в силах преодолеть себя в этой тяжкой борьбе с воспоминаниями о горестном дне. О, когда бы мне возможно было только забыть обо всём – проснуться с убеждением, что это был один лишь страшный сон, и снова увидать возле себя моего дорогого мальчика, услышать его звонкий смех и любоваться на весёлое лицо его!.. Увы, увы! Не сон всё это, а горькая, страшная действительность, и я его уж не увижу более! Постараюсь, если буду в силах, превозмочь себя, хотя сомневаюсь в успехе: вы правы, напоминая мне, что я только ещё хуже расстрою своё без того уже слабое здоровье, а я должен беречь его... Да, должен, потому что иначе его ненавистный убийца останется безнаказанным».

«Простите меня, – неожиданно вмешивается седовласый, переставая барабанить. – Простите меня, если я до сей поры не подумал ещё попросить у вас искреннейшим образом извинения, в неосторожности своей упомянув так неожиданно при вас о полученном от приятеля моего известии; боюсь, что причинил вам сильный вред собственной необдуманностью, но...»

«Ни слова более! – любезно прерывает его Джаспер с далеко не ожидаемой гостями приятной улыбкой на лице. – Ни слова, прошу вас, дорогой мой сэр. Один я виноват во всей этой неприятной сцене, и никто не может более искренне сожалеть о ней, как я. Будьте уверены, что если бы я только мог справиться с этой физической слабостью, произошедшей вследствие немощи духа, то я сделал бы это, но оно оказалось невозможным. И так, не станем более говорить о ней».

«Так как вы, видимо, чувствуете себя лучше, – замечает канон, ещё более озадаченный весёлой улыбкой и развязным тоном регента после такого ужасного взрыва отчаяния, – то не вижу причины беспокоить вас долее нашим присутствием».

И все трое прощаются… Но Джаспер, остановив ещё раз мистера Криспаркля у дверей, просит его вернуться на минуту и, вынув из кармана хорошо известный минор-канону дневник, поспешно открывает его на последних строках, убедительно прося Криспаркля взглянуть на написанное им в тот же день, по уверению его.

Минор-канон прочитывает следующее:

«Полагаю и надеюсь уж безошибочно на сей раз, что держу в руках последнее звено от цепи, которая должна будет, опутав преступника окончательно, несомненно доказать его вину. Убийца – тот самый, кого я подозреваю с первого дня. Примусь тотчас же за дело и с помощью небесного Отца надеюсь на полный успех. 20 сентября 18...».

«Желаю вам от всей души не ошибиться», – отвечает минор-канон, прочитав и возвращая книгу, и на этот раз, сухо попрощавшись с регентом, оба джентльмена уходят окончательно; Криспаркль открывая шествие, а мистер Топ следуя так же храбро, как и в первый раз, в арьергарде. Супружествующие Топы отправляются к себе, и мистер Криспаркль входит ещё раз в комнату Дэтчери.

«Преподобный сэр, – замечает Дэтчери, когда дверь запирается на ключ за ними. – Как вы полагаете, спокойно ли уснёт наш нервный друг в эту ночь?»

«Будем надеяться на то из сочувствия к нему. Несчастный! – восклицает минор-канон с искренней горестью. – Несчастный! Как страшно изменился он в последнее время... Надо как-нибудь помочь ему».

«Дорогой сэр, вы правы. Что-нибудь да надо сделать и я беру это на себя. Но какой же я неучтивый холостяк, – прибавляет Дэтчери, спохватившись. – Стою с вами у дверей и не попрошу вас даже сесть!..»

«Нет, благодарю вас. Мне время домой. Надеюсь увидеться с вами в скором времени».

И радушно пожав холостяку руку, минор-канон отправляется тихими шагами домой. Странные звуки чудятся ему в то время, как он проходит мимо угла, и новые видения встают перед его глазами. Та же мысль, которая так долго занимала его ум после совершения преступления, занимает его и теперь. Но в то время идея его об убийце была неопределённой и неясной, тогда как в эту минуту таинственный незнакомец медленно приподымает скрывавшую его от глаз людских завесу, и минор-канон с остывающей в жилах кровью начинает узнавать его!

Но мистер Дэтчери оказывается по-своему ещё более чувствительным к этому началу открытия, нежели сам Криспаркль, если взять во внимание странное поведение этого джентльмена с той самой минуты, как он остаётся один в своём жилище… Заперев дверь на ключ, он начинает разуваться с добродетельным поползновением отправиться на ночной покой, но, одумавшись, только снимает сапоги и, вскочив на ноги, обутые в одни чулки, немедленно приступает к исполнению самых фантастических антрашà с присоединением дьявольского смеха, адресованного собственному изображению в зеркале. После чего, прибавив несколько чёрточек мелом к таинственному счёту в шкафу, он окончательно раздевается и идёт спать.

Глава XXVIII

Читателя препровождают в билликинскую гавань, в которой он встречает старого знакомого

Течение обыденной жизни среди билликинских владений продолжается почти так же, как и в тот день, в который мы оставили их. Ничто не прерывает мрачного однообразия, на которое так горько жаловалась самой себе маленькая Роза с первых дней прибытия своего. Угловатый мистер Грейджиус посещает их с деревянной точностью заведенного автомата и временами уводит питомицу к себе. Все эти визиты по направлению к таинственному памятнику *П.Ж.Т.*[65] влекут за собой непременным последствием посещения высот волшебной страны душистого горошка[66]. И эти посещения служат единственным развлечением бедной Розы. Но, несмотря на частые свидания с черноокой соседкой адмиральской каюты и на угловатые попытки достойного старого опекуна развлечь свою питомицу, она делается с каждым днём бледнее и прозрачнее, так что, несмотря на всю свою угловатость, мистер Грейджиус, видимо, начинает беспокоиться, не зная, что и делать, чтобы развеселить её.

Билликинский фрегат не изменил своей крейсировки в водах туинкельтонского[67] брига, с которым он приходит в ежедневное столкновение, но когда, гордо выкинув билликинский национальный флаг, он вызывает неприятеля на кровопролитное сражение, бриг с презрением отвергает вызов и, распустив паруса, удаляется.

Поэтому Билликин, горя желанием померяться силами с ненавистной ей Туинкельтон, так неустанно усердна во внимании своём к маленькой Розе, не упуская ни малейшего случая ловким образом дать понять последней, как достоин[68] сожаления тот печальный факт, что её надзирательница не обладает тем глубоким знанием света и людей, каким обладает им она – Билликин.

«Может вы предполагаете, мисс, – говорит она ей иногда, косясь на невозмутимо сидящую за работой мисс Туинкельтон, – иль имеете какое *сумление*[69] на счёт того, во что, пожалуй, и остальной люд верит, что, примером сказать, *пассионы*[70] для благородных девиц и в самом деле хорошее дело? Иль что, может, пассионская мадама невесть чего стоит, тогда как выходит одно только взаправду, а именно то, что мадама эта только и знает, что тянуть денежки с вас да высасывать всю кровь по капельке из родительских карманов? Но *меня* нельзя так обмануть. *Я* не стану верить в это, так как знаю, что всё это дудки. Есть вещи, которые без сумления следует знать молодому народу, но есть и такие, что не следует; и так я без обмана скажу вам, мисс, что такие Игоды Скариотские[71] нашего пола – опасная компания для молодой барышни на пути её *жисти*[72]».

Бедная Роза слушает всё это и постоянно молчит, зная наперёд, что открыто взять сторону мисс Туинкельтон значит навлечь на себя также целую бурю ненависти, а делу не помочь.

Продолжая придерживаться прежней тактики своей, которая, по её понятиям, служит таким сильным выражением презрения её к недостойной мисс Туинкельтон, воинственная Билликин постоянно обращается к одной Розе, как будто почтенная её надзирательница есть не более как

---

[65] P.J.T.

[66] «The country on the summit of the magic beanstalk» (*англ.* «страна на вершине волшебного бобового стебля) – «счастливая страна за облаками, в которую можно взобраться по стеблю волшебного боба» (*Диккенс Ч.* Тайна Эдвина Друда / пер. О.Холмской // Собрание сочинений в 30 т. Т. 27. – М.: Государственное издательство «Художественной литературы», 1962. С. 541).

Речь идёт об английской народной сказке «Джек и бобовый стебель», в которой Джек взбирается по стеблю боба, выросшего до самого неба, в сказочную страну, где переживает различные приключения.

[67] **Твинклтон (Twinkleton).**

[68] Далее зачёркнуто: был.

[69] сомнение (*прост.*).

[70] пансионы (*искаж.*).

[71] Иуда (*др.-евр.* Иегуда) Искариот – в христианстве один из двенадцати апостолов, учеников Иисуса Христа, которого он предал, выдав первосвященникам за 30 сребреников.

[72] жизни (*прост.*).

набитое чучело человеческой фигуры; открывая ежедневно в архивах памяти своей самые разнообразные и любопытные истории касательно несчастных *жертв*, потерявших здоровье и все жизненные силы свои в одной из этих омерзительных частных гимназий для девиц, она обыкновенно заключает своё трогательное повествование следующей фразой:

«Не скрою от вас, мисс, как и не стану напрасно обманывать либо пужать, что эти частные гимназии просто-напросто тюрьмы, и добавлю, *душегубные* тюрьмы, пусть другие прочие называют их, как они себе хотят. Но эти другие прочие, как всем известные антересаны[73] и живодёры, не могут считаться за что-либо добропорядочное. Может, *они* и думают заглушить мой голос тем, что сидят стиснумши[74] губы в комочек, но я презирала бы себя, когда бы согласилась отпереться от своих слов, – так вон оно что!?!»

И пустив этот залп картечью, ожидает ответа с туинкельтонского брига.

Бриг распускает паруса и отвечает Розе:

«Роза, моя милая, может быть, было бы не лишним намекнуть некоторым особам, что хотя замечания их не всегда выражены правильным языком и мало чего содержат в себе поучительного, но что зато они в высшей степени забавны своей глупостью. К сожалению, они не довольно разнообразны для того, чтоб терять на них по несколько часов в день, тогда как часы эти могли бы быть употреблены с видимой пользой, например, для интересного и назидательного чтения или же опять в тихой беседе с собственными созерцательными способностями, беседе, столь горячо рекомендованной нам древними философами».

После чего туинкельтонской бриг подымает якорь презрения и величественно удаляется в тихую гавань собственных мечтаний, предоставляя молниеносному фрегату ретироваться или следовать за ним – по усмотрению. Поносное[75] обращение тыла к неприятелю не входит в число тактических распоряжений билликинской эскадры, фрегат снова открывает беглый огонь и замечает в приливе сердечной искренности, что, «может, известные прочие особы и воображают себе, что легко запужают всякого своими заморскими словами из басурманской азбуки, но что она не скроет того, что сызмала ещё презирала попугаев о двух руках, которые целый век свой живут чужим умом», и, пустив этой последней бомбой в виде прощального салюта, фрегат уплывает в свою очередь.

В одно прекрасное утро, несколько дней спустя свидания Джаспера с Фопперти, перестрелка двух дам начала принимать пропорции регулярной морской битвы; несчастная Роза более обыкновенного бросала беспомощные взгляды вокруг себя, как бы серьёзно искав удобного местечка, чтобы спрятать в него свою маленькую фигурку и тем избавиться от серьёзной опасности. Судьба помогает ей неожиданным образом в виде сильно замаранной служанки броненосной мистрис Билликин. После тщетного стучания в двери, никем не замеченная в пылу сражения, всунув свою запачканную сажей физиогномию[76] и мгновенно распространив в атмосфере приятный кухонный запах, служанка эта объявляет, что «барыню» её ожидает в приёмной какой-то «чужой господин».

Не успела дверь затвориться за мистрис Билликин, как эта дама с тем изумительным свойством «мгновенно изменять свой вид», которое принадлежит в природе одним хамелеонам да прекрасному полу, в полсекунды времени совершенно оправившись от следов недавней стычки, входит в приёмную, покашливая и крепко прижав правую руку к болезненной груди, как бы давая этим понять самым искренним образом, что «дни её сочтены».

Посетитель этот оказывается джентльменом, желающим нанять в доме комнату, как привязанный под дверной молоток билет, откровенно объявляющий о сём проходящим, и даёт ему право. После продолжительных рассказов со стороны мистрис Билликин с целью добросовестно познакомить будущего постояльца со всеми неудобствами своих пустых комнат, коей суровый долг эта почтенная леди никогда не забывает выполнить, комната, наконец, показана и оказывается подходящей к вкусу постояльца. Так как теперь остаётся лишь вопрос о плате и о необходимых поручительствах, то хозяйка и приступает немедленно к этой деликатной

[73] Интересаны (*фр.* intéressé) – корыстные люди.
[74] стиснувши (*прост.*).
[75] позорное (*устар.*).
[76] физиономию (*устар.*).

обязанности с таким видом неудержимой откровенности, которая тронула бы всякого другого. Но собеседник её остаётся угрюм и суров по-прежнему;[77] взглянув на эту деликатную женщину с таким выражением, которое оказалось бы понятнее в нём, если бы он был котом, а она (мистрис Билликин) наступила бы ему на хвост, он закатывает глаза самым непонятным для этой леди образом и объявляет, что готов заплатить за целый месяц вперёд, но что о поручительстве не может быть и речи, так как он приезжий из отдалённой части Англии и никого не знает в Лондоне. С раздражающим душу кашлем мистрис Билликин соглашается.

И так, около часа пополудни наёмный кэб подкатывает к билликинскому подъезду,[78] из него вылезает мистер Фопперти Педлар, неся за собой небольшой чемодан, в обществе коего он немедленно поселяется на своей новой квартире.

«Чистая новая *одёжа*[79] да несколько золотых, которые побрякивают у тебя в кармане, ой-ой-ой, как помогают человеку по дороге его! – так мысленно рассуждал мистер Фопперти, устраиваясь у себя. – Ну а теперь, старина, – продолжал он, – давай-ка уснём маненько[80], чего доброго придётся всю ночь просидеть».

Оставив этого джентльмена в приятном сне, обратим внимание на прочие действующие лица нашего рассказа.

Почти в одно время с отъезжающим кэбом явился мистер Грейджиус с целью увести Розу с собою, не говоря ей куда, ради сюрприза, как думал этот достойный джентльмен, но хотя Роза хорошо понимает, что дело идёт о новом посещении страны волшебного душистого горошка и очарованной адмиральской каюты, бледное грустное личико не делается веселей от этого ожидания.

Все эти путешествия совершались с величайшей осторожностью и под большим секретом со стороны мистера Грейджиуса, который, сопровождая её обыкновенно лично сам, всё ещё боялся, как бы она не встретилась с Джаспером и не вышло какой неприятности со стороны этой музыкальной персоны.

Добрый, достойный человек! Много лет носил ты в честном сердце своём образ, давно исчезнувший с лица земли, но столь же цветущий и прекрасный в твоих воспоминаниях, как и в тот день, когда ты с безмолвным благоговением смотрел на него издали, не смея подойти и не предчувствуя даже роковую судьбу его. Не мудрено, что, найдя теперь в дочери живое изображение того, что так любил ты в матери её, привязался ты к этому ребёнку столь нежно, что тебе чудится, будто вновь переживаешь ты дни молчаливого счастья молодых лет твоих! Так будь же навеки благословлено Имя Того, Кто создал в глубоких тайниках сердца человеческого подобные, долго переживающие самую смерть привязанности; ярко горящие, никогда не потухающие, они переходят с душою, лелеявшую их всё время земной жизни своей, в другую, загробную жизнь, где сбываются лучшие, торжественнейшие надежды этой души и где любовь, чистая и бесплотная, уж не земная химера, не насмешка более, но прямо переходит в один из бесчисленных лучей Его живой и всемирной любви! Кто возьмёт на себя право сказать, что привязанность, подобная той, которая тихо горела в сердце этого старика, не есть прямое доказательство в подтверждение этой божественной истины?

Быть может, мысли мистера Грейджиуса были заняты решением чего-либо подобного,[81] когда маленькая Роза тихо вошла в комнату и объявила, что готова и одета, но угловатый не заметил даже её присутствия и очнулся лишь в ту минуту, как питомица его, высоко поднявшись на самые кончики своих маленьких ножек, крикнула ему прямо в ухо:

«Готова!»

Не прошло пяти минут ещё, как они сошли с крыльца билликинских владений, направляясь к Степл-Инну, когда Грейджиус заметил дряхлую старуху, идущую им навстречу. Поравнявшись с ними, такой сильный кашель начинает душить её, что можно легко предположить, что она мгновенно отдаст душу свою во время одного из подобных пароксизмов.

---

[77] Далее зачёркнуто: и.
[78] Далее зачёркнуто: и.
[79] одежда (*прост.*).
[80] маленько (*прост.*).
[81] Далее зачёркнуто: но.

Но не успели они сделать и двух шагов, как кашель исчезает, и, подходя к мистеру Грейджиусу, она протягивает руку к нему и говорит:

«Благослови вас Бог, мой добрый джентльмен, не дадите ли вы милостиво шиллинг бедной старухе, которой приписали лекарствецо, но которой не на что всё-таки купить его?»

«Кто вы такая, моя милая, и где живете?.. – отрывисто осведомляется мистер Грейджиус. – Мне кажется очень странным, что вы имеете средства советоваться с докторами, но не имеете денег заплатить за лекарство».

«Бог с вами, сэр, лекарствецо-то, оно само и есть дохтур[82], а дохтур – лекарствецо. Дохтура мне ничего не стоят, а лекарство требует денег».

«Роза, милая моя, я не очень ясно понимаю аргумент этой доброй женщины, – обращается немного озадаченный опекун к питомице. – Быть может, необычайно угловатая натура моя помрачает немного мои умственные способности в эту минуту, но так как этому трудно помочь, то не возьмётесь ли вы порасспросить её пояснее?»

Роза только собирается исполнить его желание, как неожиданно[83] прервана старухой, которая, полубормоча про себя, озадачивает их уже обоих на этот раз:

«Роза, Роза!.. Да, точно! Это её имя... Не имеет ли оно иногда некоторого отношения к другому имени, мой добрый джентльмен, к имени Эдди, примером сказать? И не произносят ли иногда добрые люди имён Розы и Эдди вместе, моя хорошенькая мисс?»

Внезапность этого вопроса в присоединении к грустному факту воспоминаний и обыкновенного душевного расстройства бедной Розы оказывается почти гибельной для молодой девушки; страшно побледнев, она насилу удерживается от обморока и, тяжело повиснув на руке мистера Грейджиуса, оборачивает к нему бледное лицо с расширенными от ужаса глазами. Почтенный опекун не менее её поражён словами старухи, но справляется быстрее со своими нервами и, сердито обернувшись к нищей, хотя несколько угловато, но ясно выражает своё негодование.

«Ты-то что знаешь об Эдди, как ты называешь его, старая ведьма? Что всё это значит?.. Отвечай!»

Старуха, которая всё время зорко следила своими хитрыми кошачьими глазами за эффектом, произведённым её словами на Розу, отвечает не тотчас и продолжает рассматривать её молча.

«Ответишь ли ты, колдунья, или нет?» – кричит угловатый.

«Не гневайтесь, мой добрый сэр, на бедную старуху, – наконец отвечает она. – Я *мало* ещё что знаю и поэтому стараюсь по-своему разузнать *более*. Спросила я наобум, сдуру себе, а теперь-то и узнала наверняка, вы антиресуетесь[84] этим именем. Да, к тому же, – прибавляет она, снова впадая в нищенское завывание, – я друг этому Эдди, потому, значит, что он был милостивым к больной старухе и дал ей денег когда-то на лекарствецо, когда я попросила их у него, как прошу у вас таперича[85]».

Вероятно, что сильнейшее удивление выразилось бы на лице мистера Грейджиуса при этом новом известии, если бы только раз навсегда при рождении этого джентльмена лицо его не отказалось выражать что-либо такое. Он решительно не знал, на что решиться касательно нищей.

Первым движением его было бежать от неё как от обманщицы, но потом ему пришла в голову мысль, что если он не узнает от неё теперь, до какой степени простиралось знакомство её с Эдвином Друдом[86], то не узнает никогда, не зная ни её самой, ни адреса её. Поэтому он решается не ссориться с нею и, быть может, получить от неё впоследствии какое-нибудь полезное сведение касательно таинственной клоистергэмской трагедии.

«Вы говорите, моя милая, что нуждаетесь в лекарстве и не можете купить его по бедности? – спрашивает он, переменяя тон и с той невинной хитростью, на которую способны даже[87] угловатые члены общества. – Роза, моя дорогая, дать ей денег, как вы думаете?.. – адресуясь к

---

[82] доктор (*прост.*).
[83] Далее зачёркнуто: была.
[84] интересуетесь (*прост.*).
[85] теперь (*прост.*).
[86] Далее зачёркнуто: простиралось.
[87] Далее зачёркнуто: и.

Розе; потом, обращаясь снова к старухе, прибавляет. – Только правда ли то, что вам надо купить лекарство на них, не джина ли скорее, моя добрая женщина?»

«Верьте слову, дорогой джентльмен: не для джина прошу я, так как в этом зелье никогда не нуждалась. Нет, я хочу купить только то, что служит для меня лекарством, что и хлеб, и мясо, и всякое другое питьё для меня, старухи. Опиума, сэр, хочу я купить, вот оно что; и он-то, этот самый опиум, и рассказывает мне то, чего бы я без него никогда не слыхала бы, и показывает такие вещи, что мне и не приснилось бы. Дайте мне только один шиллинг, джентльмен, и вы не станете каяться, что помогли старухе в нужде».

Мистер Грейджиус немного поражён, услыхав[88] название лекарства, но так как он решился уже в уме своём не останавливаться, то и вынимает просимую сумму денег из кармана, замечая:

«Лекарство странное и я сомневаюсь что-то в его пользе, но вам лучше знать, да, так лучше – знать самой, поэтому я дам вам эти деньги с одним условием: скажите мне ваше имя и где вы живёте».

«Бог с вами, миленький мой, этого мне невозможно сказать вам. И хотела бы, да не могу таперича ещё. Вам оно не нужно, а мне может повредить; да только не бойтесь, и прошу вас, нисколько не сумлевайтесь[89] насчёт того, что скоро опять увидите старуху. А вы где живёте, ягнёночек?.. – продолжает она, обращаясь к Розе. – Не бойтесь меня; я не могла бы вам повредить, коли бы даже хотела, и не захотела бы того, коли и могла б. Где ваш дом, красоточка моя?»

Роза взглядывает на своего опекуна, как бы желая прочитать в глазах его, что ей следует делать, и молчит, но мистер Грейджиус отвечает за неё:

«Я опекун этой молодой девицы, и если вы пожелаете видеться со мною, то приходите по этому адресу. Вот он, имя моё Грейджиус и всякий укажет вам квартиру мою в Степл-Инне. Вот и деньги, и надеюсь, что лекарство окажется полезным».

«Да благослови вас Бог, дорогие мои, – говорит старуха, рассыпаясь в излияниях благодарности. – Благодарю вас за милость вашу к бедной больной женщине; только уж довершите вы благодеяние своё и скажите мне всё имя, то есть имя и отчество барышни, и вы не будете каяться».

Не видя большого вреда в согласии на эту просьбу, мистер Грейджиус исполняет её желание.

«Так, так, – бормочет про себя старуха, и несколько раз повторив имя как бы для того, чтобы лучше запомнить его, она прибавляет, обращаясь к Розе. – Я не забуду вас, моя барышня. Полагаю, что может и вы вспомните меня когда добром, кто знает? Роза Бёд, – повторяет она снова, размахивая по воздуху руками, как бы желая поймать улетающее от неё имя. – Так, так, мой ангелочек, вы и взаправду выглядываете, как розанчик молодой, и горько, очень горько, дитятко, видеть, как лютый мороз поцарапал уже ваш цвет. Ишь, какие вы беленькие да нежненькие; ничего, даст Бог, скоро выглянет опять солнышко красное да приголубит вас так, что опять зацветёте вы лучше прежнего. Просим прощения, барышня, до свидания, добрый джентльмен!»

И с этими словами она уходит, прихрамывая, а наши друзья отправляются к мистеру Грейджиусу.

Читатель узнал, конечно, в старой нищей её величество Принцессу Курилку, которую судьба так странно свела с Розою и опекуном её. Завернув за угол, она останавливается и бормочет про себя:

«Вот и вышло на моё; чуяло сердце вещее, что я встречу её, бедняжку; так-то она добра да красива, что просто грех великий разбить сердечко её. Но *он* разобьёт его, однако же; так, мой спесивый джентльмен, так; большая у вас на то охота, как погляжу я на вас; только берегитесь – не попасть бы вам самому-то в ловушку, что готовит вам старая, которую вы и забыть забыли, да так, что и не узнаете более. А старая-то помехой окажется вам на второй раз...»

И со страшной яростью погрозив кулаком в воздухе она плетётся далее.

Мистер Фопперти, достаточно освежившись сном, восстаёт от оного, готовый на всевозможные подвиги, и, одевшись в своё новое платье, отправляется к Степл-Инну. По дороге его привлекает к себе приятный запах джина с водой, и он входит в кофейню, где и усаживается с

[88] Далее зачёркнуто: имя.
[89] сомневайтесь (*прост.*).

видом праздного деревенского джентльмена у одного из столов, потребовав себе крепкий грог для окончательного подкрепления. Недолго наслаждается он им, однако же, так как не проходит и пяти минут, как кто-то слегка дотрагивается до плеча его;[90] обернувшись, он узнаёт жёлтое лицо и огненные глаза Джаспера.

«Чёрт побери меня! – восклицает Фопперти в виде дружеского приветствия, – если я думал встретить *вас* здесь! Хотите грога?..»

«Благодарю, – отвечает Джаспер, – у меня по соседству есть одно дело, и я должен спешить. Заметя вас у стола, я вошёл на одну минуту только... Как идут ваши дела?.. Успели ли вы?.. Я так желал вас видеть...»

«Что-то уж было бы невероятным, когда бы[91] я успел всё сделать в два часа времени, – нетерпеливо отвечает Фопперти. – Нечего вам так спешить, сэр. Когда будет сделано, тогда и узнаете».

«Вы не видали ещё Грейджиуса?» – осведомляется Джаспер, не обращая внимания на нетерпеливую выходку и садясь возле Фопперти.

«Нет, не видал. Я только что вышел, чтоб идти туда».

Кофейня[92] битком набита посетителями, и хотя разговор между музыкальным учителем и Фопперти происходит вполголоса, но какой-то близсидящий господин, услышав имя Грейджиуса, видимо, начинает заинтересовываться разговаривающими. Незамеченный ими, он придвигает тихонько стул и углубляется в чтение газеты.

«Полагаю, – замечает Фопперти, – что это ни убавит и ни прибавит к установленной цене, если я выкопаю этого Ландлесса в один день либо в шесть? Довольно с вас и того будет, что найду его».

«Конечно, довольно; как я сказал вам прежде, дело не во времени, найдите вы мне его только в один ли час или в одну неделю и награда ваша».

Прислушивающийся джентльмен сделался ещё внимательнее при имени Невиля Ландлесса и, делая вид, что старается приблизить газету к окну, незаметно придвигается ещё ближе.

«Должно быть, вы того, порядком-таки[93] уверены в преступлении этого молодца либо уж сильно ненавидите его, не то вы не пошли бы его искать по всем углам», – замечает Фопперти.

«Я так уверен в том и имею в руках такое доказательство против него, что попадись он мне только и я заставлю его висеть на верёвке, издохнув собачьей смертью!» – бешено шепчет Джаспер с пенящимся яростью ртом.

Читающий джентльмен вздрагивает, но продолжает читать, не замечаемый собеседниками. Но дикая выходка Джаспера заставляет Фопперти напомнить ему о том, чтобы он был осторожнее.

«Я не боюсь никого, – отвечает Джаспер, – я не знаком никому из присутствующих и им нет дела до меня. Что касается Ландлесса, то кроме достаточной причины, которую я имею ненавидеть его за убийство моего дорогого мальчика, я имею ещё другую цель, преследуя его до смерти одного из нас, травя, как дикого зверя, собаками. Он стал между мною и *тем*, до чего я добился, для чего жил целые годы. Да, – продолжал он со зловещим блеском в глазах, – и я добился бы того теперь, так как при жизни моего мальчика это было невозможно, но он умер... умер... И вот этот желтокожий демон становится, в свою очередь, между мной и... и отымает у меня и это, как прежде отнял он жизнь у моего дорогого мальчика. Какая разница может быть между этими двумя проступками, жестокими, адскими проступками? Нэд умер от удара ножом в сердце, а я живу с обоими этими ударами в моей груди... Но, довольно, мне пора идти. Желаю вам успеха, и будьте осторожны, Грейджиус хитёр и подозрителен, когда дело идёт о его питомице».

И он начинает надевать перчатки, собираясь уйти. Незнакомец, который слыхал каждое слово разговора, встаёт и, выйдя на улицу, идёт быстрыми шагами к Степл-Инну. Минуя внутренний сквер, он подходит к *П.Ж.Т.*, взбирается по лестнице и, отворив дверь, прямо идёт к мистеру Грейджиусу, которого и находит только что вернувшимся от Розы.

---

[90] Далее зачёркнуто: и.
[91] Далее зачёркнуто: мог.
[92] Далее зачёркнуто: была.
[93] Далее зачёркнуто: то.

«А, мистер Тартар, сэр! Как поживаете? Но что это с вами, как будто вы чем-то встревожены? Не случилось ли чего наверху с нашими друзьями?» – спрашивает этот джентльмен, вставая с кресла.

Не отвечая на эти вопросы, смуглый лейтенант хватает оторопевшего старика за руку и, привлекая к окну, просит взглянуть по направлению фёрнивальской[94] кофейни и сказать ему, не замечает ли он знакомого лица между выходящими посетителями. Мистер Грейджиус сперва не узнает никого, но через несколько секунд, быстро повернувшись к мистеру Тартару, кивает многозначительно головой и снова устремляет взор на замеченную им в окне особу.

«Глаза мои немного ослабели с годами, – говорит он, – и зрение не так хорошо, как бывало прежде, но всё же оно не так ещё плохо, чтобы не различить на этом расстоянии негодяя и не сознаться, хотя и с сожалением, что этот негодяй считается в числе моих хороших знакомых, тех в особенности, которых весьма может привлекать в это соседство что-нибудь сильно интересующее их. Мнение моё в этом деле следующее: поступать с удвоенною осторожностью и тщательно следить за этим джентльменом, столь одарённым музыкальной шишкою, если мы не желаем, чтобы он сам выследил нас».

И мистер Грейджиус хладнокровно утирает нос платком, не выказывая ни малейшего волнения на деревянной физиономии, хотя целая буря сдержанного гнева и презрения клокочет в груди его при виде Джона Джаспера.

Так же спокойно, по-видимому, он приглашает мистера Тартара объяснить причину его непонятного поведения. Молодой моряк, сильно сконфуженный при вступлении рассказа, когда ему приходится поневоле сознаться в нечестном подслушивании интимного разговора, передаёт, несмотря на то, все малейшие подробности слышанного, прибавляя, окончив, что, услышав произнесённое таким таинственным шёпотом сперва его (мистера Грейджиуса) имя, а затем имя Ландлесса, он не мог утерпеть, чтобы не постараться услышать и остальное.

«Мистер Тартар, мой юный друг, – отвечает Грейджиус, – извиняться вам в этом не приходится, так как, по моему мнению, которое если подчас и угловато, то зато, осмелюсь сказать, безошибочно на этот раз, вы имели бы столько же причины извиняться в том, что спрятались в куст, следя за ядовитой змеей, с той целью, чтобы помешать ей укусить смертельно ближнего. Теперь будем продолжать…»

И, произнесши эти слова с таким видом, будто он читал страницу из «Натуральной истории» под заглавием «Змеи», мистер Грейджиус снова принимает деревянный вид.

«Я могу ошибаться, – продолжает лейтенант, – но, по-моему, никогда не приходилось мне читать на лице ближнего так ясно и отчётливо чувства ненависти и убийства, как читал я их на лице этого человека в ту минуту, когда он говорил о Невиле Ландлессе».

«Мистер Тартар, сэр, – внезапно произносит Грейджиус. – Мне явилась идея и представился план, – мистер Тартар кивает головой и Грейджиус продолжает. – Идея моя состоит в том, что, судя по всему слышанному вами, музыкальный феномен старается открыть убежище наших молодых друзей, что наверху; поэтому мы должны, прежде всего, помешать ему в этом. План же мой тот, что так как из этого не выйдет никакой пользы, а напротив, может сделать их ещё несчастнее, то лучше всего было бы даже не упоминать Невилю о том, что вы слышали».

«Согласен с вами совершенно, сэр, – отвечает молодой человек, – и добавлю, что лучше бы было, если бы мисс Елена не видалась несколько дней с вашей питомицей, – продолжал он, слегка покраснев. – Если этот человек найдёт когда-либо адрес Ландлессов, то, вероятнее всего, через эти частые свидания».

«Вы правы, молодой человек, совершенно правы. И я уже принял меры к этому», – говорит мистер Грейджиус, радушно пожимая ему руку и провожая за двери, так как моряк уходит к себе.[95]

Так кончилось это свидание, Грейджиус бегая часа два после того по комнате и более обыкновенного поглаживая рукою по голове и по лицу сверху вниз, а мистер Тартар тотчас же поднявшись на вершины своего воздушного сада и придумывая, как бы помочь соседям.

---

[94] Фернивал-стрит (Furnival Street).

[95] Далее зачёркнуто: И.

Несколько дней после этого разговора является из Клоистергэма мистер Криспаркль, так как вошло совсем в привычку у этого мягкосердечного джентльмена еженедельно посещать брата и сестру и посидеть часок с достойным Грейджиусом.

Мистер Криспаркль является весёлый и весь розовый от быстрой прогулки, которую он совершил пешком от самого вокзала железной дороги до Степл-Инна. Что-то привлекает непонятным образом красивого минор-канона в этот глухой сквер; и хотя ему было бы очень трудно анализировать в настоящую минуту свои чувства, но, несмотря на то, было более очевидно, что образ смуглой черноокой красавицы имел некоторое влияние на эти визиты в соседство *П.Ж.Т.*

Легко также предположить и то, что такое постоянно высказываемое тёплое участие к брату её сделали сильное впечатление, в свою очередь, на Елену, и что если и она часто думала о каноне, то это было лишь одно горячее чувство благодарности к их постоянному покровителю, который умел так деликатно предупреждать все их нужды и поддерживать обоих в горькие часы отчаяния и одиночества.

Но так как если этим обоюдным чувствам и суждено когда развиться и окрепнуть, но пока ещё они только в начале цвета своего, то мы и перейдём к другим происшествиям.

После замечательного событиями своими вечера, проведенного каноном у мистера Дэтчери, мистер Криспаркль не видался ещё с Грейджиусом, и так как он более всего другого желал получить в этом деле мнение хладнокровного старого джентльмена, то он и отправился к нему, прежде чем навестить Ландлессов.

«Вы выглядите[96] словно[97] бежали, не останавливаясь, из Клоистергэма сюда пешком, – замечает Грейджиус, – и поэтому чувствуете себя, если дозволите мне такое угловатое выражение, дьявольски растрёпанным».

И на минор-канона смотрят два светящиеся добродушием глаза, пока он утирает крупные капли пота.

«Как вам должно быть известно, я-таки порядочно быстрый ходок, а так как расстояние от вокзала сюда немалое, то вы и правы в том, что сказали. Я чертовски распарился, тем более что сегодня такой жаркий день. Ну а как вы все поживаете в сквере? Ничего нового, надеюсь? Никаких открытий?»

«Тише, – отвечает Грейджиус, прикладывая палец к носу, как будто предупреждая минор-канона в чём-нибудь касающемся до этого органа обоняния. – Тише! Что вы называете открытиями?»

«То, что обыкновенно и все называют так же. Я говорю об открытиях насчёт известного дела, которое так долго мучило все умы и продолжает мучить, но тщетно».

«Ну а что вы сказали бы, преподобнейший, – медленно выговаривает Грейджиус, – если бы я объявил вам, что действительно сделал кое-какие открытия и что эти открытия угрожают тем, – указывая пальцем по направлению волшебной страны душистого горошка, – и также той», – указывая к городу и подразумевая, вероятно, этим жилище Розы.

«Осмелюсь ли попросить вас объясниться пояснее», – восклицает встревоженный минор-канон.

«Можете, – лаконически отвечает Грейджиус. – Но не торопитесь так, времени у нас довольно. Как поживает наш местный друг?» – внезапно осведомляется он, помолчав.

«Боюсь, что мы или не понимаем Джона Джаспера, или же допустили себя до страшного подозрения против невинного, – серьёзно замечает Криспаркль. – Он находится в ужасном положении, и если к нему скоро не явится на выручку хоть какое-нибудь обстоятельство, которое, пролив свет на эту тайну, объяснит ему хоть немного, куда девался его племянник Друд, то я заранее предвижу страшный исход для нашего регента».

И мистер Криспаркль после небольшого колебания обстоятельно рассказывает все подробности вечера, проведенного им у Дэтчери.

---

[96] В рукописи: выглядываете.

[97] Далее зачёркнуто: вы.

Мистер Грейджиус, выслушав до конца внимательно, хотя, по обыкновению, ни один мускул на лице его не пошевелился, внезапно оборачивается, когда канон замолчал в раздумье, и, стукнув изо всей силы кулаком по столу, восклицает:

«Будь он проклят!»

Кроткий Криспаркль, сильно вздрогнув при этой неожиданной выходке, с изумлением взглядывает на него.

«Как? – продолжает Грейджиус. – И этот негодяй всё ещё осмеливается взваливать вину на того бедного мальчика и собирается вдобавок преследовать его?..»

«Кажется, что так. Кстати, – перерывает его мистер Криспаркль, – я и забыл было рассказать вам ещё кое-что, виденное мною, хотя любопытство моё было наказано под конец и я чуть не остался в дураках».

И затем он посвящает Грейджиуса в тайну виденного им у Джаспера через окно его.

«Иногда очень маленькие вещи оказываются очень тяжёлыми, – замечает мистер Грейджиус. – Мне сильно кажется, будто я начинаю открывать некоторое движение на доселе неподвижном океане наших розысков и радуюсь ему, так как этот прилив поможет нам, наконец, пристать в благодетельную и столь необходимую для нас всех гавань. Полагаю, – добавляет он после небольшого отдохновения, последовавшего за этой красноречивой метафорой в восточном вкусе, – полагаю, однако же, что наш музыкальный друг не объяснил вам в подробности эту сильную улику, которая должна будет погубить нашего другого молодого друга, там, наверху?»

«Нет, не объяснил, а только намекнул на то, что по поводу этой улики он собирается просить в другой раз арестовать Невиля. Я не желал тогда много входить в подробности с ним. Но мне кажется, что этот человек только тогда успокоится и поверит в невинность Невиля, когда найдены будут настоящие преступники. Дай-то Бог, чтобы это было только скорее, спокойствие многих и всех нас зависит, положительно, от одного этого открытия».

«Аминь! – докончил Грейджиус. – И верьте, что с моей стороны не много будет упущено в видах сего приятного события».

«Как вы думаете, мистер Грейджиус, знает ли кто, кроме нас, адрес Невиля?»

«Не думаю, чтобы кто-нибудь знал этот адрес наверное, но сильно подозреваю, что могут скоро разузнать. Как вы полагаете, преподобный сэр, часто ли наш музыкальный друг посещает Лондон?»

«Не думаю, чтобы часто, а иногда посещает».

«А что, если я скажу вам, что видал его здесь, в этом соседстве, дня два тому назад?»

«Здесь?.. Когда, великий Боже?..» – восклицает бедный Криспаркль в сильном страхе за своего любимца.

Мистер Грейджиус не торопясь и спокойно рассказывает ему о всём слышанном в кофейне мистером Тартаром.

«Поймите, сэр, – заканчивает Грейджиус, – что я вполне уверен пока, что Джон Джаспер ничего не знает ещё положительного об адресе Невиля, но я также уверен и в том, что он кончит-таки, что узнает наверное, а добьётся он этого посредством человека, виденного вместе с ним в кофейне мистером Тартаром, а мною на улице. Этот человек послан им сюда нарочно с этой целью, и если мы не примем самых действительных мер против него, то как дважды два четыре негодяй успеет в своём предприятии. Одно скажу вам наверное, что, по моему мнению, то, что вы видели своими глазами в комнате Джаспера в соединении с различными маленькими подробностями, известными лично мне, подают мне большую надежду и именно в том, что в очень скором будущем вы измените ваши милосердные понятия об этом чудовище и узрите его теми же глазами, как и я, и почувствуете к нему то же, что я почувствовал к этой мелодической особе с самой первой минуты памятного для всех рождественского события, а именно – непреодолимое искреннее отвращение».

И мистер Грейджиус, лицо которого к изумлению минор-канона даже покраснело немного при последних энергических словах, сильно топает каблуком в пол и продолжает как бы давить что-то невидимое для всех, кроме него.

Мистер Криспаркль, объявив о своём намерении посещать Ландлессов со всевозможною предосторожностью впредь и обещав сильно следить за Джаспером, прощается и уходит.

Оставшись один, Грейджиус принимается ходить по комнате в сильной задумчивости, но через несколько минут, схватив шляпу, выбегает торопливо, оставив сумрачного мистера Баззарда с открытым от удивления ртом, так как ещё в первый раз доводилось этому меланхолическому джентльмену замечать в своём принципале[98] такую необыкновенную деятельность.

[98] начальнике (*англ.* principal).

Глава XXIX

Встреча и признание

Свежий блестящий рассвет в Клоистергэме; небеса одеваются в самую праздничную свою голубую одежду, деревья тихо перешёптываются изумрудными листьями, гибко сгибая густые ветви свои под лёгким порханием весёлых, звонко щебечущих птичек; и всё оживает в просыпающейся природе, всё шевелится, приготовляясь встретить с торжественным единодушием восходящего царя своего. Не в пример другим, могущественный владыка сей не заставляет себя долго ждать. Мгновенно вынырнув из своей роскошной восточной постели, он раза два выглядывает из-за прозрачных занавесей и, весело улыбнувшись ожидающим, разом плавно и мерно подымается, озаряя старинный городок такими блестящими волнами света, что всё, начиная от закоптелой старой башни его и до знакомого нам Грязного переулка, кажется подновлённым и свежим в этих лучах.

Быть может, что наша старая приятельница Принцесса Курилка также пожелала встретить солнце в это утро вместе с остальной природою и что именно с этой целью она и поднялась с зарей, принарядившись получше и умыв лицо и руки, почти отвыкшие уже от подобной роскоши. С похвальным желанием узнать несколько более о причинах, побудивших её проснуться с ласточкой, мы последуем за нею, в то время как она сходит со своей грязной лестницы и, достигнув до вокзала, садится в вагон, увозящий её в Клоистергэм.

Приехав благополучно до места назначения, она осторожно осматривается по сторонам, как бы желая убедиться, что за ней не подсматривают, и, уверясь в безопасности, направляется к старому городу вдоль реки. Проходя мимо Грязного переулка, она замечает на дороге двух детей, мальчика и девочку, и, не останавливаясь взглянуть на них, спешит далее, но девочка, желая перейти дорогу, тихо проходит перед самыми её глазами и старуха невольно взглядывает на неё. Что это за странная перемена такая делается с Принцессой так внезапно? Почему бледнеет она, остановившись как вкопанная, пристально рассматривая ребёнка такими жадными глазами, что бедное дитя, испугавшись этого взгляда, дрожит и прячется за мальчика?

«Как тебя зовут, мой ягнёночек?» – ласково спрашивает её старуха, не спуская с неё глаз.

Девочка молчит и прячется ещё более.

«Не бойся меня, дитятко моё, – продолжает Принцесса со странным блеском в её потухших подслеповатых глазах. – Я не трону тебя, дорогая моя, за всё золото и серебро в английском банке... Я люблю добрых девочек, а ты, я знаю, что добрая да хорошая... Ну как же тебя зовут, моя красоточка?»

Девочка робко подымает свои большие голубые глаза на странную старуху и, всё ещё прижимаясь к мальчику, отвечает:

«Бесси».

«Бесси!» – как эхо вторит Курилка и тихо горестно шепчет про себя это имя, кивая дрожащей головой утвердительно, как бы повторяя себе, что она так и знала наперёд.

«Бесси, Бесси, – продолжает она расспрашивать, – хорошенькое имя, ласточка, очень хорошенькое, но ведь к нему есть и другое... А?»

«Есть», – отвечает малютка, опуская глаза перед этим пытливым, проницательным взглядом старухи.

«Ну а какое же оно есть?.. Какое же оно такое?»

«Педлар».

Услыхав ответ, Принцессой овладел такой раздирающий пароксизм кашля, что дети перепугались не на шутку, ожидая с каждой минутой увидеть её мёртвой на дороге, но она мало-помалу оправляется и, с трудом переводя дыхание, вновь начинает допрашивать.

«Ну а скажи мне, золотая моя, где же вы живете?»

«Здесь, недалеко».

«С кем же ты живёшь... не с бабушкой ли?»

Услышав от старухи подобное семейное обстоятельство, почему-то столь известное ей, девочка спрашивает в свою очередь, знает ли она её бабушку?

«Знаю, родная моя, знаю, лучше даже, чем ты знаешь её сама, лучше, чем весь Клоистергэм. Покажи же мне, где ты живёшь, и я скажу тебе спасибо за то!»

Обе направляются к развалившемуся дому в Грязном переулке, и Принцесса Курилка опять пугает ребёнка фантастическими кривляньями и грозно сжатыми кулаками, угрожающими чему-то невидимому, бормоча всё время про себя странные слова, в которых девочка может только расслышать прерванные восклицания о чьей-то смерти, о тайнах и фразу «она не ждёт меня».

Войдя в комнату, они находят мистрис Педлар отдыхающую в дырявом кресле за починкой столь же сильно дырявого белья. Не ожидая посетителей, эта почтенная леди не тотчас подымает голову, так как она принимает входящих за одну Бесси, но услыхав голос малютки, объявляющей ей о визите, мегера быстро повёртывает грязно-бледное лицо своё с сердитым приветствием:

«Чёрт бы побрал эту девчонку; кого она там ещё притащила!»

«Полли Педлар! – восклицает Принцесса. – Полли Педлар! Никогда не думала я, чтобы вы могли так скоро забыть старых друзей своих! Неужто так изменилась я аль уж так крепко постарела за все эти долгие годы горя, что вы и узнать меня не можете?»

Вскочив со стула, мистрис Педлар подходит ближе, всматриваясь с любопытством в неожидаемую знакомую, но всё-таки не узнает.

Её высочество молча снимает огромную шляпу, скрывающую почти совершенно всю верхнюю часть лица её и с которой она редко расстаётся, и является перед мистрис Педлар в более натуральном виде.

Всмотревшись ещё внимательнее в это старое морщинистое лицо, мистрис Педлар колеблется и потом вдруг, подняв руки над головою, восклицает:

«Господь сохрани и спаси нас! Это не мистрис Трендерс[99] передо мною стоит, нет, это, должно полагать, её *предвидение*[100]!..»

И если бы действительно перед глазами этой престарелой леди явилось привидение Принцессы, то она не более бы испугалась.

«Не пужайтесь так, Полли, не пужайтесь. Вам нечего от меня бояться. Долго искала я вас всюду, так желательно мне было посмотреть на девчонку, да не могла добиться ничего о вас; так я и положила было уж себе в уме, что, видно, уж дитё померло и что давным-давно и схоронили-то её, как и бедную мать её».

«Ну, признаюсь, не ожидала я такого *суприза*[101]... – начинает мистрис Педлар, едва опомнившись. – А мы все думали так, что вы, должно быть, беспременно померли где на дороге, когда вы так странно, Господь вас знает, куды исчезли! Так мы было уж и решили это дело, а выходит, что нет... Как же вы нашли-то нас?..»

При этом вопросе старухой овладевает снова вся её хитрая осторожность. Надев снова на голову шляпу, которая так изменяет её всю, она опять становится Принцессой Курилкой и, усевшись, отвечает обыкновенным своим плаксивым тоном:

«Ой-ой-ой, моя дорогая, то-то и есть оно. Как нашла я вас? Судьба, мои милые, всё одна судьба. Я крепко болела всё это время, и такой-то уж душит меня кашель, такой страшный кашель, что я и сказать не могу; вот затем я и приехала сюда, для перемены воздуха значит, думая, что авось полегче станет. Иду я вот по улице, так себе, куды глаза глядят, да и вижу девочку; так и ёкнуло сердце, как поглядела я на неё. Бесси, говорю я себе, беспременно Бесси сама, коль глаза не обманывают на старости. Ведь вылитая мать. Вот и спросила я её, чтобы разузнать имя, а как сказала она мне его, так я и подумала, давай-ка схожу к старым приятелям. Давно, давно не видала я её, да всё-таки сейчас же узнала. Не похоже что-то, чтоб могла я забыть её...» – добавляет она шёпотом.

«Ещё бы, мистрис Трендерс, да оно и понятно; с каждым днём девчонка всё более становится похожей на покойницу».

---

[99] **Tranders.**

[100] приведение (*искаж.*).

[101] сюрприза (*искаж.*).

Молча, но внимательно слушает разговор двух старух маленькая Бесси. Много понятливее прочих детей её возраста, она довольно слыхала для того, чтобы смекнуть, что посещение Принцессы касается более до неё, нежели до «бабушки» её. Инстинктивное чувство нежности, непонятное ещё для этого ребёнка, влечёт её к старухе и ей является мысль, что это потому, что она знала её мать.

Долго и пристально рассматривает её Принцесса, гладя морщинистой рукой волосы Бесси, и вдруг, надвигая ещё более вперёд свою шляпу, она отворачивается, чтобы скрыть от неё разом хлынувшие слёзы, и тихо замечает старой мистрис Педлар:

«Ни одной слезинки не пролила я со дня смерти её матери, но теперь-то, глядя на неё... так и вспоминается невольно всё это старое горе... Не могу... не могу я стерпеть!..»

И, закрыв лицо руками, несчастная женщина заливается горячими слезами. Так долго и горько рыдает она, что, наконец, плач переходит в истерическое состояние и всё тело её дрожит и извивается как бы под бременем невыносимой муки.

Тяжело смотреть на слёзы старого человека. Когда мы видим здоровых и молодых людей, горе которых изливается в плаче, мы невольно чувствуем, что сила юности поддержит их, а[102] время залечит самые горькие раны, но старики не могут иметь этого утешения впереди и их душевные раны не так легко заживить; молча грызут они любящее, не забывающее сердце и сходят с ним в могилу.

Бедная маленькая Бесси, видя эти горячие слёзы Принцессы, не может удержаться по примеру всех других детей и заливается сама слезами без всякой видимой на то причины, а мистрис Педлар находится в неприятной нерешительности насчёт того, что должна ли она присоединиться к ним и также пролить несколько слёз для приличия, или же послушаться внутреннего голоса, советующего ей вскочить и, схватив Бесси за волосы, вытолкать эту «плаксу» за дверь.

Принцесса Курилка кладёт конец этому колебанию, отерев слёзы и успокоившись, объявляя при этом, что теперь она чувствует себя лучше, как *наревелась* за десять лет.

«Видаете вы *его* когда-нибудь?» – таинственно вопрошает она мистрис Педлар.

«Не очень часто. В Лондоне-то он ещё приходил было когда, хотя, по правде сказать, и там-то немного было пользы от него, так как трудно было выжать у него даже на одёжу девчонке, а здесь-то так и совсем почти носу не показывает. А вы встречались ли с ним когда-нибудь, мистрис Трендерс?»

«Чаще, чем он сам подозревает, дьявол ненавистный. Да, да, – добавляет она со страшной усмешкой на ввалившихся губах, – он и не подозревает-то ведь, Полли, что посещает *меня*; и хоть много лет прошло с того дня, а я узнала его тотчас же, как только он вошёл ко мне в первый раз в прошлом году. А *меня*-то он и не узнал...»

«Куда же вы отправились тогда, как, не сказав ни словечка, ушли?»

«Это долго было бы рассказывать, Полли, да и не стоит. Может, вам приятнее будет знать, что со мною случится в следующие шесть месяцев, чем слышать о том, что прошло в эти пять лет».

Достойная Педлар вопросительно взглянула на неё, видимо, не совсем ясно понимая.

«Не думайте, – продолжала Принцесса, не замечая этого взгляда, – чтобы я жила себе на свете так, без цели. Нет, сударыня, есть у меня одна цель, и хорошая, только не для всякого».

«Ну а чем же вы живёте, мистрис Трендерс?» – решается спросить родительница Фопперти, смутно составляя себе какое-то неясное предположение, что вот-вот, да и поселится с ними жить их старая приятельница, так что и не отвяжешься от неё.

«Бог с вами, Полли, я торгую теперь: завелась своей собственной торговлей, да ещё какой выгодной-то! Мало кто лучше меня понимает это дельце. У меня свои постоянные гости-покупатели; теперь нечего бояться, что останусь без гроша. Ну а как давно вы здесь, Полли?»

«Да вот скоро три месяца будет, – весело отвечает мистрис Педлар, успокаиваясь насчёт неприятного подозрения. – Всё Фопперти штуки. Вишь ты, не пондравилось[103] в Лондоне».

---

[102] Далее зачёркнуто: что.

[103] понравилось (*искаж.*).

«А Фопперти здесь, моя милейшая?» – допрашивает Принцесса с возвращающимся лукавством в глазах и самым сладким голосом.

«Уж лучше и не спрашивайте; он себе ездит то туда, то сюда, как и прежде, и нечего беспокоиться, не очень-то он много расскажет родной матери о своих делах!.. Кто его знает, где он теперь; где-то в Лондоне, кажется».

И мгновенно почувствовав себя оскорблённою в этом сыновнем недоверии, мистрис Педлар принимает огорчённый вид, приготовляясь излить свои семейные горести в лоно старой приятельницы. Но Принцесса не обращает на это внимания и встаёт, замечая, что ей пора идти.

«Так кланяйтесь же вы ему, когда увидите, от тётки Трендерс, так и скажите ему. Проводи-ка меня до улицы, мой цыплёночек», – говорит она, обращаясь к Бесси, и удаляется, попрощавшись с мистрис Педлар, которая ещё более оскорбляется этим невниманием к семейным её неприятностям и, видя, что ей не удаётся изложить их в откровенном разговоре, холодно расстаётся со старой знакомой.

Дойдя до поворота переулка, Принцесса садится на ступени и, привлекая к себе девочку, шепчет ей на ухо, оглядываясь подозрительно кругом:

«Скажи мне, золотая, счастлива ли ты с ними?»

Бесси, глаза которой наполняются слезами, не отвечает сперва, но чувствуя инстинктом, что вопрос старухи не сделан из одного любопытства, отвечает ей, отрицательно качнув головкой.

«Как же так, голубка, почему нет?»

«Как могу я быть счастливой, – говорит ребёнок, – когда нет у меня ни мамы, ни брата, ни сестры, которые бы любили меня? Что такое сделала я Богу, чтобы быть такой несчастной? Часто, часто, ложась вечером спать, прошу я Его, чтобы Он позволил мне не просыпаться. А иногда и совсем не могу заснуть и лежу с открытыми глазами, раздумывая, как должно быть страшно так жить одной и нелюбимой до самой старости и сделаться старой, старой, а всё быть несчастной. Нет, не счастлива я здесь и лучше мне умереть».

Ни слёз, ни детского горя не заметно на этом ребяческом личике во время этого ответа. Холодно и спокойно говорит эта семилетняя девочка про своё положение и, замолчав, вперяет свои задумчивые глаза, полные сосредоточенной грусти, вдаль.

Бедная маленькая Бесси! Не единственный ты пример детей твоего возраста, которых так рано и странно развила лютая нищета! Голод, холод и часто незаслуженные побои выпадают вам на долю, несчастные, заброшенные дети, безвинно страдающие за грехи других! Десятки тысяч крошечных мучеников несут до могилы в своих маленьких сердцах подобные горькие чувства одиночества и равнодушия к жизни. Бог да поможет вам, невинные страдальцы; всё более и более размножаетесь вы, как всё более и более свет отвёртывается от вас; несите же крест свой и надейтесь на одного Его, Который один может помочь вам!

«Ох, ласточка ты моя, ласточка! Разбиваешь ты в кусочки всё сердце старухи, говоря так жалостливо, инда[104] мороз по коже подирает, слушая тебя, дитятко; и где это научилась ты рассуждать так понятливо, словно взрослая какая? – говорит ей Принцесса, уныло качая седой головой. – По правде сказать, ты всегда была такая и, быв младенцем ещё, выглядела[105] уж старухой... Должно быть, уродилась уж ты такой, стало и не мудрено оно. Не тоскуй, ягнёночек мой, не тоскуй, даст Бог, скоро лучшие времена настанут. Разве Педлары обижают тебя, моя ягодка?»

«О, нет. Фопперти любит меня и ласкает; бабушка, так та иногда колотит меня, как напьётся, только не очень часто, так, раза два-три в неделю, – отвечает маленькая Бесси, которой, сравнительно с другими виденными ею случаями, число этих побоев кажется невеликим. – Только хотя бы она и вовсе не била меня, а всё же я не могу быть весёлой, – так как что-то, не знаю сама что, мешает мне всегда и мне всё так хотелось бы плакать да плакать!»

«Эх ты, горемычная! – размышляет мысленно старуха, тяжело вздыхая. – Когда бы могла я помочь ей... Да только нет, нет, не могу ещё, не время».

Обращаясь к ребёнку, она добавляет громко:

---

[104] так что даже (*прост.*).

[105] В рукописи: выглядывала.

«Бесси, голубка, не забывай меня, старуху, и помни, что никого не люблю я на свете более тебя. Почему, когда-нибудь да узнаешь, когда время на то придёт. А теперь прощай, дитятко, пока».

И с этими словами Принцесса Курилка подымается со ступеней, чтоб идти. Неподвижно сидит девочка, оперев подбородок на руку и пристально[106], с серьёзным выражением в глазах, следит она за старухою, стараясь разгадать, почему эта незнакомая женщина уверяет в своей любви *её,* которую никто не любит.

«Нет, – произносит, наконец, Бесси, – я не забуду вас, никогда не забуду, потому что вы, кажется, любите меня и я люблю вас тоже. Не знаю сама, почему. Может оттого, что вы говорили бабушке, что вы плакали, когда моя мама умерла, потому я, верно, и люблю вас».

При этом воспоминании о матери Бесси тяжёлый вздох вырывается из груди Принцессы, и она спешит окончательно проститься с девочкой, замечая:

«Однако, ласточка, мне пора и взаправду идти. Постараюсь скоро навестить тебя и не забуду[107] я и твоего *антереса*[108], когда придёт моё время рассчитываться с теми, что здесь ещё, и с теми, что ушли туда!» – говорит она, подымая морщинистую руку к небу.

И она отправляется далее, обернувшись ещё раз, чтобы взглянуть на Бесси, которая остаётся на ступенях и долго следит глазами за удаляющейся Принцессой.

Последняя быстро теперь направляется к минор-канонскому углу, бормоча, по обыкновению своему, в припадке сильной задумчивости. Повернув с большой дороги, пролегающей мимо реки, она приближается уже к кладбищу, когда внезапное неприятное мяуканье раздаётся у неё почти под ногами и заставляет её вздрогнуть, прервав мгновенно все думы. Старуха, положительно убеждённая в том, что как-нибудь нечаянно наступила на кошку, поддаётся назад, но, обернувшись, примечает свернувшегося в клубок и притаившегося среди дороги Депутата. Увидя себя пойманным, чудовищный «младенец» вскакивает на ноги с быстротою обезьяны, отбегает на несколько шагов и направляется оттуда снова к Принцессе, но только головою вниз, а ногами вверх. Приближаясь к ней таким оригинальным образом, маленький феномен издаёт во всё время такие нечеловеческие крики с таким оглушающим аккомпанементом визга и щёлканья языком, что действительно начинает походить, скорее, на какое-нибудь баснословное животное, нежели на человеческое создание.

Но через несколько минут подобное путешествие оказывается немного утомительным, Депутат заменяет руки ногами и, перекувырнувшись ещё раз в виде финала, является в натуральном своём образе перед старухой, которая, оправясь от этой внезапности, признаёт его окончательно. Рассердясь в первую минуту, она, однако же, сдерживается и обращается к чудовищу со своим обычно сладеньким задабривающим манером:

«Что это с тобой, мой ягнёночек, что ты так больно кричишь? Не здоров, что ли?»

«Эй… я… я! – рычит мальчишка. – Чего ты зовешь меня ягнёночком, старая? Эй… я… я!» – и смотрит на Принцессу, угощая её самыми отвратительными и необычайными кривляньями.

«Оттого, что ты и есть ягнёночек, мой миленький, почему же больше, сердечко моё?» – отвечает она.

«Ан врёшь! Какой я твой ягнёночек? Ни ягнёночек я не твой, ни миленький; и *мотри*[109] ты у меня, не смей обзывать в другой раз ягнёночком».

«Что ж, родимый, – отвечает примирительно Принцесса, – ведь это не бранное какое слово. А ты всё там же живёшь? В «Двухпенсовике»?.. А?»

«Нет, не там. Я живу за сто миль отсюдова, да, вот оно что. Я *хе-мисар*[110], который, значит, имеет здесь дела свои – торговлю, и как кончу их, то вернусь опять в свои *ва-ла-де-нии*[111]!»

«Как так, миленький?» – вопрошает старуха, не понимая.

«Да так, старая. Тебя вон ищет один человек».

---

[106] Далее зачёркнуто: и.
[107] Далее зачёркнуто: тебя.
[108] интереса (*искаж.*).
[109] смотри (*искаж.*).
[110] эмиссар (*искаж.*).
[111] владения (*искаж.*).

«Ищет *меня*, золотой? – восклицает она. – А что бы им такое нужно было от меня?»

«И не знаю, и спрашивать не стану; поди да разгляди в оба буркулы[112], так и узнаешь».

«Да кто же они такие? Как зовут их?»

«Не знаешь, ведь коль и назову? Дэт-че-рей!»

«Каких таких дочерей?» – недоумевает ещё Принцесса.

«Разве я сказал дочерей, дура? Дэтчерей – имя его, значит. Идёшь, что ли?»

«А где они живут, примерно?»

«Возле *кин-фри-драла*[113], – отвечает Депутат, – и он мой сердечный приятель. Ковыляй вперёд, а я за тобой, а когда дойдём, я подам голос».

Решившись следовать за мальчишкой, Принцесса, всё ещё недоумевая, отправляется по направлению минор-канонского угла, старуха открывая шествие, а Депутат следуя за ней в арьергарде; то и дело подымая по дороге камни и швыряя их во что попало, этот деятельный юный джентльмен не раз навлекает на себя в это непродолжительное путешествие брань прохожих, на которую он отвечает им не иначе, как становясь снова вверх ногами. Наконец, они приближаются к дому у калитки, и Депутат заливается в известной уже публике последней своей импровизации:

Чу́де, чу́де – чай,
Уинк, уинк, поз-дно – не гу-ляй,
У́йде, у́йде чу,
Не то – я – не спу-щу!

Не успел он кончить последнего слова песни, как дверь дома у калитки растворилась и из неё вышел праздный холостяк.

«Чёрт возьми! – думает этот джентльмен. – Судьба начинает баловать меня. Только что я думал об этой странной старухе, как вот и она сама».

Депутат, увидя мистера Дэтчери, бежит к нему, крича во всё горло:

«Вот она, её высочество, Дэтчерей!.. Её высочество Принцесса Курилка собственной персоной; вот я и привёл её; теперь, стало быть, мы поквитались, и я не должен вам более ничего... Ур-ре!!»

И с этим шумным восклицанием, изображая обеими руками над головой своей что-то вроде быстро вертящейся ветряной мельницы, он исчезает в облаках пыли, поднимаемых[114] его мелькающими в воздухе пятками, украшенными сапогами в лоскутьях.

Дэтчери подходит к старухе и начинает разговор следующим замечанием:

«Надеюсь, госпожа, этот юный негодяй не испугал вас своими дикими выходками? Он очень странный мальчик, надо сознаться в том, но всё-таки он никого не тронет и не обидит. Полагаю, что вы не совсем меня забыли?»

«Ох, нет... нет, добрый мой джентльмен, – и за этим с Принцессой делается, по обыкновению её, сильный припадок кашля, который мешает ей в продолжение нескольких минут отвечать; оправившись, она продолжает. – У меня страшный кашель, сэр, и бедные мои лёгкие совсем пропадают; он душит меня каждый раз, как я чего спужаюсь, а мальчишка-то было сильно напужал меня. Он сказал мне, что кто-то хотел повидаться со мной; может, он про вас-то и намекал, так как я забыла с перепуга и имя ваше, а коль не вы, так не знаю уж, что и подумать, как мальчишки-то теперь не видать... Куда это он удрал, окаянный?»

Другой припадок, и Принцесса, вынув носовой платок, много лет уже раззнакомившийся с мылом, делает вид, что вытирает глаза, но пользуется этим случаем, чтобы бросить из-за него лукавый и проницательный взгляд на стоящего перед нею Дэтчери. Последний видит его, но делает вид, будто ничего не заметил:

«Вы правы, моя милая, совершенно правы; то был именно я, который желал видаться с вами, и знай я, где искать вас, то давно бы уже дал вам знать о желании моём. Но прежде, чем объясню

---

[112] Бу̀ркалы, бу̀ркулы (*прост.*) – глаза.

[113] кафедрала (*искаж.*), то есть кафедрального собора.

[114] Далее зачёркнуто: им.

вам почему, я хочу сделать вам один вопрос. Видались ли вы с тех пор с господином, которого вы, помните ли, искали в этот день, когда я встретил вас в соборе?»

«Коль сказать вам по правде, сэр, то нет, не встречала я его с того самого дня, а что, разве он был в отлучке с тех пор?»

И носовой платок снова оказывает ей помощь в виде ширмы, в то время как она разглядывает пристальным взором собеседника.

«Что до этого, то, право, не знаю, – отвечает Дэтчери, – может статься, что он отлучался куда-нибудь, а может быть, что и нет. Так как он обыкновенно не рассказывает мне своих дел, то я и не могу отвечать положительно. Об одном только осмелюсь попросить вас, моя добрая женщина, не скрытничайте со мною и не давайте себе труда предполагать совершенно иное, нежели что есть, стараясь угадать цель моего желания увидеться с вами; и верьте, что я далеко не друг этому человеку. Я наверное знаю, что вы можете рассказать мне много кой-чего об этом человеке, так как, очевидно, знаете его лучше меня. Вот[115] единственная моя цель, почему я желал видеться с вами; что касается до выгод, то они совершенно все до одной на вашей стороне, так как я не намерен скупиться в плате за те сведения, которые вы способны дать мне, и это, во-первых, а во-вторых,[116] если я не совсем ещё дурак и хоть сколько-нибудь понимаю людей, то вы, ненавидя этого человека, – а *я знаю*, что вы ненавидите его, хотя мне неизвестно почему, – имеете превосходный случай найти полезного союзника во мне. И так, желаете ли вы довериться мне или нет? Подумайте и отвечайте решительно».

«Кажется мне, что и решаться-то нечего, – отвечает задумчиво старуха. – И я немало видала людей на веку своём и кое-что таки понимаю в них. Сильные причины имею я не доверять никому, от первого до последнего, но *вам* я доверюсь. Голос-то ваш напоминает мне уж очень одного такого, которому бы я хоть сей час поверила всю жизнь свою, да только я знаю наверное к горю своему, что этот-то не заговорит более со мною на этой земле и что его дорогого голоса я не услышу более».

Искренне при этих словах вздыхает Принцесса и объявляет, что она готова объяснить Дэтчери всё, что только он пожелает узнать. Холостяк не пропускает такого благоприятного случая. Объяснив ей, что самое удобное место для их переговоров их есть дом[117] некоего третьего лица, которому он вполне доверяет, он ведёт её кратчайшей дорогой, через кладбище, к жилищу минор-канона[118]. Цель Дэтчери в этом выборе состоит в том, чтобы как можно действительнее убедить доброго Криспаркля в справедливости его подозрений, открыв перед глазами сего почтенного джентльмена хоть немного пока дно бочки, так как седовласый холостяк инстинктивно подозревает, что старуха уведомит их о чём-нибудь таком, что делает весьма мало чести музыкальному учителю.

Они находят преподобного дома. Узнав о цели их посещения, минор-канон немедленно уводит их в свой кабинет, где они тотчас запираются. А так как грешно было бы подслушивать частный, хотя весьма интересный разговор этого импровизированного трио, то мы их и оставим там, пока снова не откроется дверь кабинета.

Проходит более часа. Раздаётся сильное восклицание и что-то похожее на женский вопль: дверь отворилась и из неё вылетает, не останавливаясь на крыльце и не простившись ни с кем, мистер Дэтчери. Глаза его дико блуждают, а лицо смертельно бледно. Бешеными шагами пробегает он через пространство, разделяющее дом минор-канона от калитки, и, очутившись в своей комнате,[119] запирается на ключ, падая почти бездыханным на кресло.

[115] Далее зачёркнуто: вам.
[116] Далее зачёркнуто: то.
[117] Далее зачёркнуто: одного.
[118] Далее зачёркнуто: жел.
[119] Далее зачёркнуто: он.

Глава XXX

Другая ночь с Дёрдльсом

Если когда-либо душевная скорбь отражалась ясно и отчётливо на лице человеческом, то это было на лице Джона Джаспера; и если следовало судить о его горе по наружным признакам, то мучения его должны были быть действительно ужасны после утраты племянника, так как впалые, блуждающие глаза, мёртвая желтизна лица и постоянный вид изнурения ясно свидетельствовали о сём. И так, музыкальный учитель, казалось, изнемогает под тяжким бременем неизвестности и тоски, а помочь ему никто не мог.

Расставшись с Фопперти после свидания своего с ним в кофейне, Джаспер немедля вернулся в Клоистергэм и прямо отправился со станции к себе, не встретив по дороге никого знакомого, кроме мистрис Топ. Эта человеколюбивая леди чуть не упала навзничь от испуга, посмотрев на него, вследствие чего и посвятила целый вечер на различные визиты по соседству к кумушкам и приятельницам, дабы каждой из них и поочерёдно доверить свои опасения насчёт любимого постояльца, неизменно повторяя при этом одну и ту же фразу:

«Как мог он ещё, несчастный страдалец, держаться на ногах!»

Между тем «страдалец», заперевшись в своей комнате, прогуливался прерывистыми шагами вокруг неё и, заложив руки за спину, казалось, глубоко размышлял. Наконец, Джон Джаспер останавливается против портрета маленькой Розы над камином и вперяет в изображение её мгновенно загоревшийся, как раскалённый уголь, взгляд.

«О, когда бы я только мог, – думает он, – выкопать этого желтокожего демона, ставшего между ею и мною!.. Она любит его... Я уверен в том... Показал бы я ему, чего стоит всякому стать на пути Джаспера... И она знала это... Да, знала, я предупреждал её... тогда, как она стала свободна... О! когда освобожусь я от этих адских терзаний!»

И, ломая руки в бессильном отчаянии, он бросается на диван.

Долго и неподвижно лежит Джон Джаспер, и ночные тени окутывают уже минор-канонский угол, когда он медленно приподымается. Вокруг него всё так безмолвно и тихо, что малейший шорох как бы удесятеряется, раздаваясь в ушах его. Почему вздрагивает он так испуганно, оглядываясь беспрестанно вокруг себя, как бы боясь увидать какой-нибудь страшный предмет? Почему бледнеет он, услыхав жалобный крик совы, перекликающейся с самцом своим на тёмной вершине старой кафедральной башни? Он встаёт и начинает снова ходить по комнате так тихо и осторожно, что можно подумать, будто бы он боится услышать звук собственных шагов, останавливаясь и прислушиваясь к каждому малейшему шороху.

Минуту спустя он зажигает лампу и подымается с нею по внутренней лесенке в свою спальную. Отворив стенной шкаф, он вынимает из него грязную, сильно поношенную шляпу, большие толстые сапоги и старое пальто и, переодевшись, тушит лампу и осторожными шагами выходит на улицу.

На дворе уж совершенно стемнело и на лестнице царствует такой мрак, что Джаспер принуждён сходить ощупью, держась за перила. Дойдя до улицы, он постоянно оглядывается и, не видя никого, направляется к жилищу Дёрдльса.

Приблизясь к знакомой ему двери внутри городской стены, служащей квартирою мизантропическому каменщику, Джаспер сперва отходит на несколько шагов назад и опять осматривается. Не слыша ни малейшего звука и не видя никого, он возвращается и, прислушавшись несколько минут у двери, чтобы лучше убедиться, что у «каменного» нет гостей, он стучит, тихо зовя Дёрдльса по имени.

Дверь отворяется, и каменщик рисуется в амбразуре, освещённый тусклым пламенем сального огарка, приклеенного на опрокинутой урне одного из неоконченных надгробных памятников, украшающих комнату хозяина. Дёрдльс имеет вид человека только что разбуженного от сладкого сна, так крепко протирает он себе глаза и, протерши, смотрит на Джаспера, как бы не совсем узнавая его.

Этот неопределённый, но пристальный взгляд действует на нервы Джаспера, и Джаспер нетерпеливо восклицает:

«Кажется, что нетрудно меня узнать, коли только вы не пьяны!»

«Разве Дёрдльс объявлял, что не узнал вас? – ответствует обидчивый «каменный». – Кажись, не много есть тут чему удивляться, что Дёрдльс после долгого рабочего дня заснул да, не выспавшись и снова взбудораженный стуком в дверь, не принимается плясать перед вами на задних лапах. Дёрдльс знал, что не много ему придётся заснуть *после* вашего прихода, так он и всхрапнул *до* него».

Джаспер, чувствуя, что промахнулся, принимает примирительный тон:

«И хорошо сделали, мистер Дёрдльс, очень хорошо, что выспались заранее. Не то легко могло бы со мною случиться то же, что и в первое наше путешествие в подземелье, – добавляет он, принуждённо смеясь. – Помните, как вы заснули там мёртвым сном, и я, оставшись один, не видал и половины того, что желал бы видеть...»

Должно быть, заранее было определено судьбою, что джасперовские замечания должны оказываться невпопад в этот вечер. Дёрдльс, приняв эти слова за упрёк, раздражается ещё более и, стукнув так сильно кулаком по памятнику, что нагоревшая свеча расплывается и заранее орошает надгробный монумент горячими сальными слезами, ворчит со злостью:

«Так кто же виноват в том, что бутылка оказалась крепче, чем я думал? Разве Дёрдльс, по-вашему, сам делал эту водку, что ли?»

«Нет, нет! – спешит успокоить его Джаспер, игриво улыбаясь и трепля разъярённого каменщика по плечу. – Только Дёрдльс пил её и выпил немного больше, чем следовало бы. Ну, сегодня я уж сам понесу бутылку... Готовы ли вы?»

Дёрдльс, отвечая одним презрительным молчанием, берёт с запылённой полки запылённый сюртук и начинает облекаться в оный. Потом, сняв с гвоздя ключи и захватив свой обеденный узел, приготовляется идти. Но Джаспер останавливает его, прося передать ему бутылку, горлышко которой выглядывает из узла. Молча вынимает её Дёрдльс и отдаёт также молча на сохранение. Выйдя из двери и в то самое время как каменщик приготовлялся было запирать её, Джаспер вдруг замечает, что он обронил свой карандаш, и, зажигая снова огарок, возвращается в комнату, оставляя Дёрдльса ожидать его на дворе. Не пьяная ли то иллюзия, воображение ли то или действительность, но Дёрдльс готов поклясться, что в то время как регент низко наклоняется к полу, ища потерянный предмет среди каменного сора, бутылка, любимица его, блестит в полумраке как бы откупоренная и вновь закупоренная Джаспером тайком от него? Стоя неподвижно среди могильных белых камней, Дёрдльс злобно оскаливается, а тень его фантастически пляшет на памятниках при мерцании передвигаемого регентом огарка, как будто тень какого злого духа выскочила погулять из этих будущих жилищ клоистергэмских мертвецов.

«А, вот и нашёл, – восклицает регент, – я так и знал, где найти его. Ну, теперь идём!»

И, потушив свечу, они уходят.

«А ведь почти что с год уж прошло, как мы ходили туда... к “костлявым”», – замечает Дёрдльс, который снова почему-то развеселился.

Джаспер не отвечает, и они идут далее. Приближаясь к собору, тень древнего здания расстилается, как какое гигантское чёрное чудовище, на окружающей его поляне и ложится поперёк дороги их, как будто желая помешать им идти далее. Дёрдльс, впадая в обычное ему мрачное расположение духа, замечает ворчливо Джасперу:

«Дёрдльс надеется, сэр, что на этот раз вы осмотрите всё, что хотите осмотреть, так как эти ночные прогулки вдвоём не по душе Дёрдльсу».

«Очень жаль, что не знал этого прежде, – отвечает Джаспер, – но обещаю вам впредь не тревожить вас более».

После небольшой паузы Дёрдльс продолжает:

«Я прозяб-таки немного на ночном воздухе. Передайте-ка мне бутылочку на минуту, авось согреюсь».

«Погодите немного, не теперь ещё. Когда взойдём в подземелье, тогда и хлебнёте из неё. Там будет ещё больше сырости».

Дёрдльс не отвечает, но заблудший в листьях луч озаряет ту же сатанинскую улыбку на устах его прямо за спиной Джона Джаспера.

Наконец, дверь подземелья раскрывает чёрную пасть свою, и, зажигая фонарь, они входят.

«Чу!.. – испуганно шепчет регент, останавливаясь. – Слышали вы как будто шорох шагов...»

«Каких там шагов? – говорит Дёрдльс. – Просто-напросто шорох листьев на деревàх. Часто слыхал я эти шорохи да поглядывал в оба, полагая, что, может, то "костлявые", которым хотелось бы пуститься со мною вперегонку. Да нет, ничего из этого не выходило. А есть-таки одно привидение, – продолжает он, зорко поглядывая на регента, – есть одно, которое бы мне весьма желательно было видеть и от которого бы Дёрдльс уж наверное не убежал, встреть он его днём либо ночью... Нет, не убежал бы».

Они проходят теперь один из длинных подземных коридоров, ведущий в монашеский склеп. Дойдя до железной двери, Дёрдльс объявляет, что ему физически невозможно сделать более ни шагу вперёд без своей бутылки.

Заметив, что Джаспер колеблется, он восклицает в более энергических, нежели изящных выражениях, что «чёрт его отдери, если он, Дёрдльс, выставит один башмак вперёд, коль не хлебнёт прежде из любимицы!».

«Пожалуй, – отвечает Джаспер, – вот она, ваша бутылка, только не повторите прежней штуки со мною, прошу вас».

Дёрдльс ставит фонарь на землю и уже приложил бутылку ко рту, когда регент останавливает ему руку со следующими словами:

«Одну секунду, погодите, вы сейчас говорили про чьё-то привидение, которое желали бы встретить. Вы не сказали кого. Скажите теперь».

Дёрдльс, не отымая бутылки от губ, отвечает, не оборачиваясь:

«Вашего племянника Эдвина Друда».

Страшный крик вырывается из джасперовских лёгких, и эхо повторяет его с глухими перекатами во всех углах свода, а сам Джаспер тяжело опирается на Дёрдльса, чтоб не упасть.

Дёрдльс, который оказывается что-то уж слишком пугливым на этот раз, бросает вокруг себя боязливые взгляды и, обернувшись к регенту, спрашивает его:

«Ну а это-то что же значит?»

Джаспер, опомнившись, объясняет ему, что, вероятно, подземельная сырость обхватила его, так как ему словно ножом кольнуло в плечо, и в первую минуту он не смог удержаться, чтоб не вскрикнуть от боли.

«Надеюсь, что я не испугал вас!» – добавляет он, глядя на Дёрдльса.

«Когда Дёрдльс[120] спужается, так уж это будет от чего-нибудь такого, чего ещё никто в целом мире не видал».

И достойный джентльмен снова вступает в интимную беседу с бутылкой, но только отвернувшись уж от Джаспера и отойдя на несколько шагов, чтобы не быть прерванным им, вероятно.

Теперь они отправляются далее и сходят по полуразваленным ступеням в кладбищенскую подземную капеллу[121], Джаспер всё время не спуская глаз с Дёрдльса, а последний сильно пошатываясь и тяжело опираясь на музыкального учителя. Дойдя до последнего поворота, каменщик валится на землю и Джаспер едва успевает выхватить из рук его выроняемый им фонарь.

Поддерживая Дёрдльса одной рукой, он ставит фонарь на землю и тихо опускает мертвецки пьяного товарища на холодные мраморные плиты. Потом, поднося фонарь к лицу храпящего, уверившись во сне его, он замечает про себя, странно улыбаясь:

«Боюсь, дорогой мистер Дёрдльс, что и *эта* водка оказалась слишком крепкой для вас!»

И, бесцеремонно перевернув спящего с боку на бок, он опускает руку в его карман и, вынув оттуда ключи, берёт фонарь и отправляется далее.

---

[120] Далее зачёркнуто: чего.

[121] Капелла – тип католического строения; храм, который входит в состав какого-либо учреждения, жилища или же является частью большего храма; на русский язык обычно переводится словом «часовня», что не верно, так как капелла в отличие от часовни имеет алтарь, то есть предназначена для совершения богослужения.

Выйдя из капеллы, он отворяет с помощью ключей другую железную дверь, ведущую в другую часть крипты[122], и, высоко держа над головой фонарь, осторожно продолжает путь, озираясь во все стороны. Дойдя до восточной части склепов, он минует целые груды разломанных могильных камней и останавливается возле самого дальнего угла коридора.

Снова подняв высоко над собою фонарь, он[123] медленно озаряет светом все тёмные углы и, убедившись в том, что он один, становится на колени и начинает шарить рукой под толстым слоем извёстки и мусора. Встретив под рукою железное кольцо, он напрягает все силы и открывает вход в один из склепов.

С этой минуты движения его делаются чрезвычайно быстрыми, а им самим овладевает сильная нервная дрожь. Но всё-таки всё внимание его сосредоточивается на какой-то цели. Сойдя несколько ступеней вниз, он находится в четвероугольном старинном склепе, более столетия, быть может, возвратившего покоившиеся в нём так долго скелеты, так как оба саркофага его пусты. Подойдя к одному из них, Джаспер бросает какой-то странный, полный любопытства и вместе с тем ужаса взгляд на него и заглядывает вовнутрь. Напрягая зрение всё более и более, он начинает раскапывать дрожащею рукою лежащий на дне его мусор, как бы ища чего-то, и снова подымает фонарь и пристально осматривает внутренность саркофага, не забывая ни малейшего уголка. Затем с побледневшим лицом и синими, как у мертвеца, губами он начинает дрожать с головы до ног; чувствуя, что готов выронить из рук фонарь, он поспешно ставит его в угол против входа и, падая на колени, закрывает лицо руками.

«О, Боже, Боже мой! – лепечет он, бросая вокруг себя безумные, полные невыразимого ужаса взгляды. – Что, о... что это значит?..»

Но Джаспер поддаётся подобной слабости не долее минуты; с непонятным присутствием духа и как бы вдохновляемый новой, мгновенно озарившей его мыслью он быстро вскакивает на ноги, хватает фонарь и, поднявшись по ступеням, вылезает из склепа.

Поставив фонарь на высоко вздымающуюся у входа груду камней, он принимается за плиту, намереваясь заложить ею снова отверстие склепа, но принуждён очистить её сперва от мусора, наваленного им самим в поспешности. Приподнявшись, он протягивает снова руку к фонарю, когда глаза его встречают зрелище, от которого вся кровь его мгновенно остывает в жилах, а сердце перестаёт биться... Перед ним весь окутанный, кроме лица, белым саваном стоит высокая фигура, и он узнаёт Эдвина Друда! Высоко воздымаются над головою Джаспера[124] его дрожащие руки, всё тело его порывается вперёд и, с нечеловеческим усилием сделав один шаг к[125] столь знакомой ему тени, неподвижно вперившей в него глаза, он шепчет умирающим голосом: «Умилосердись! Сжалься! Сжалься!», и с этими словами падает без чувств на каменный пол к ногам того, кто стоит перед ним.

В это самое время Дёрдльс, очнувшись от своего действительного или притворного летаргического состояния и заключив, что, вероятно, Джасперу может понадобиться его общество, направляется в потёмках к восточным склепам. Хорошо знакомый с местностью, которую ему не раз приходилось обходить в темноте, мрак, окружающий его, мало производит на него впечатления, и он проходит всё пространство ни разу не споткнувшись.

Фонарь, поставленный Джаспером, продолжает гореть и, мерцая вдали как яркий маяк, благополучно проводит Дёрдльса через океан камней и разломанных могильных плит прямо к желаемой им гавани.

Подходя ближе, он кричит:

«Ой-ге, мистер Джаспер!»

Но Дёрдльс не получает ответа и прямо направляется к фонарю, лучи которого освещают бесчувственно лежащую на земле массу, издающую прерывистое тяжёлое хрипение, мерно повторяемое эхом.

---

[122] Крипта – в средневековой западноевропейской архитектуре одно или несколько подземных сводчатых помещений, расположенных под алтарной и хоральной частями храма и служащее для погребения и выставления для почитания мощей святых и мучеников. Другое название крипты – «нижняя» церковь.

[123] Далее зачёркнуто: осве.

[124] Далее зачёркнуто: воздымаются.

[125] Далее зачёркнуто: этой.

Дёрдльс, не высказывая ни малейшего волнения перед этим странным зрелищем, испускает лёгкий протяжный свист и попеременно бросает вопрошающие взгляды то на Джаспера, то на вынутую им плиту, то на чернеющее отверстие склепа.

«Дёрдльс мог позволить одурачить себя раз, – начинает он свой монолог, хладнокровно взирая на регента, – но Дёрдльса *никому* не придётся одурачить дважды. Может, ты и хитёр, – продолжает он, ткнув бесцеремонно распростёртое тело ногой, – да есть ещё на свете такие же, как и ты, а может, что и похитрей ещё найдутся».

И, опустившись на корточки, он начинает расталкивать бесчувственно лежащую массу, тряся её изо всех сил за ворот, как если бы то был мешок с орехами, и приговаривая:

«Ей! Ей! Ей-го!»

Тяжёлый вздох вырывается из груди Джаспера, он вытягивает ноги и руки и, открыв глаза, в которых всё ещё светится ужас, он отрывисто спрашивает Дёрдльса:

«А? Что-что случилось», – и смотрит на него мутным взором.

«Именно-то, это и спрашивает у себя Дёрдльс, да никак не сумеет ответить себе, – получает Джаспер в ответ. – Может, вы будете поумнее да расскажете Дёрдльсу?»

Голос последнего заставляет регента опомниться, и он окончательно приходит в себя, но в ту же секунду к нему возвращается полное сознание всего случившегося.

Встав с помощью Дёрдльса на ноги, он живо осведомляется своим обычно нервным тоном, не заметил ли каменщик третьего лица в подземелье?

Дёрдльс отвечает отрицательно и значительно заглядывает в открытый Джаспером склеп, как бы говоря: «А может это третье лицо *там*?»

Джаспер ловит значение этого взгляда налету и спешит объясниться:

«Знаете ли, Дёрдльс, что я чуть-чуть не убился?»

Дёрдльс молча кивает головою и ожидает, что будет далее.

«И если бы я сломал себе руки и ноги, то мне оставалось бы благодарить одного вас за это!»

И глаза Джаспера, говоря это, быстро и дико перебегают по всем направлениям, как бы страшась увидать снова ужасное зрелище.

«Дёрдльс может и виноват, а может опять, что и вовсе он не виноват», – мрачно отвечает джасперовский спутник.

«Конечно, что вы виноваты, – перебивает его регент сердитым голосом. – Когда бы вы поменьше тянули из вашей бутылки, то я не был бы вынужден отправиться один, без проводника, и не упал бы в эту адскую яму. Не знаю ещё, – добавляет он, ощупываясь, – не сломал ли я себе чего-нибудь, во всяком случае, падение моё на этот каменный помост оглушило меня, видно. На кой чёрт не заваливаете вы подобных мест?»

«Много лет и зим как исхаживаю я и днём и ночью все эти места вдоль и поперёк и должно полагать, что все-то они у меня на счету. И однако же я вижу теперь перед носом у себя то, чего ещё никогда не видал; значит, Дёрдльс знает об этой яме не больше вашего».

«Ну, этому трудно поверить, – возражает Джаспер. – Однако же мне лучше отправиться домой, я себя чувствую не очень хорошо вследствие этого падения. Только давайте заложим эту яму вдвоём... чтобы кому другому того же не случилось. Помогите мне, одному мне не было бы по силам поднять такую плиту и до падения, а теперь совершенно невозможно».

«Вот два года будет ровно, – продолжает рассуждать Дёрдльс, – как запер я эту часть “гостиной” на замок, и ключ не выходил из моего кармана с самого того времени, но будь я проклят, когда видал когда эту самую дырку откупоренной... Только уж Дёрдльс этого так не оставит... Нет, из-под земли да выкопает он всю истину этой штуки. “Костлявые” занимаются подчас такими проделками, но с другой стороны, бывает так, что и *не* занимаются... Как случится... а Дёрдльс думает наверное, что не “костлявые” это сотворили».

Джаспер не отвечает. Заложив обоюдными силами склеп, они возвращаются прежней дорогой и выходят из подземелья.

«Надеюсь, что вы промолчите обо всём этом, Дёрдльс, – замечает Джаспер, выходя, – и не подымете меня на смех. Мне было бы очень неприятно, если бы кто узнал о подобном глупом приключении со мною».

«Дёрдльса рот не из таких, что отворяется для болтовни с каждым дыханием его, и Дёрдльс мешается только в свои собственные дела. Так нечего вам и опасаться, мистер Джаспер».

Но тут разговор их прервался свистом летящего камня и визгливым восклицанием:

«Берегись!»

Хотя на дворе было очень темно, но ни один из них не мог ошибиться в этом голосе, и оба мгновенно сознали таинственное присутствие Депутата. Эффект, произведённый им на Дёрдльса, был незначителен, но зато на Джаспера, злоба которого удесятерилась вследствие ночного происшествия, сознание этого близкого соседства производит магическое впечатление. Мысль о том, что мальчишка этот видал его снова выходящим с Дёрдльсом из подземного склепа и в такой поздний час ночи, совершенно обезумила музыкального учителя, и он делает бешеный прыжок по направлению голоса. Внезапность этого неожидаемого им нападения оказывается гибельной для чудовищного «младенца», который ловко пойман взбешенным джентльменом прямо за ворот, прежде чем тот успевает составить себе идею о его близком присутствии. Приподняв его высоко на воздух, Джаспер начинает потрясать им изо всех сил с самым диким чувством ярости, осыпая его свободной рукою целым градом ударов, несмотря на отчаянное сопротивление чёртова «младенца», который столь же бешено защищается, кусая Джаспера куда попало и разрывая на нём сюртук в лоскуты, несмотря на угрозы последнего убить его как собаку.

«Я обещал тебе, негодяй, – шипит Джаспер с пенящимся ртом, – что разорву тебя всего на мелкие тряпки, коль поймаю ещё раз подсматривающим за мной! И теперь сдержу своё слово!»

И он яростно колотит его кулаком куда ни попало.

«Пустите меня! – ревёт мальчишка. – Пустите! Что я вам сделал, Джарспер? Режут! Ре-жут!» – завизжал он таким голосом, что крики его могли разбудить людей на две мили кругом.

Вероятно, мысль о подобной опасности и о могущем произойти через то скандале испугала Джаспера, который выпускает его из рук в ту самую минуту, как Депутат производит последнее яростное покушение высвободиться: вследствие сего «младенец» отлетает на пять шагов расстояния, стукнувшись с глухим треском об землю. Полный симпатии[126] Дёрдльс бросается к нему со смутным подозрением, что ночной погонщик его убит, но к изумлению сего почтенного джентльмена Депутат, вскочив на ноги и отбегая на приличное расстояние, начинает[127] визжать:

«Заплатишь ты за это мне, Джарспер... Погоди же!»

«Как ты смеешь, чёртово ты отродье, следить за мною по пятам? А?»

И Джаспер снова делает наступательное движение.

«Врёшь! Врёшь! – рычит Депутат, как разъярённый зверь. – И не думал следить я за вами. И не троньте вы лучше меня в другой раз, не то я заставлю вас каяться!»

«Так чего же ты здесь шляешься ночью?»

«Я пришёл только за ним, чтобы погнать его домой, – отвечает «младенец», указывая пальцами на Дёрдльса, который, стоя в стороне с самым каменным спокойствием после неудачной своей попытки помочь Депутату, приготовляется обедать из узла, невзирая на поздний час ночи. – И как я не мог напасть на его след да увидал свет из *кин-фри-драла*, так и догадался, что это он сам, Дёрдльс, и есть. Я и не знал, что вы с ним, Джарспер, и *мотри*, не трогать меня опять», – продолжает он, нагибаясь поднять камень и вертя им в нерешимости, пустить ли им в голову врагу или нет.

Ответ этот, видимо, успокаивает музыкального учителя, который, не дав себе даже труда пожелать спокойной ночи спутнику, отправляется домой.

Может быть, то лишь одна игра воображения вследствие расстроенных его нервов, но Джасперу несколько раз чудится на пути его к дому у калитки, что за ним раздаются лёгкие шаги, но всякий раз как он останавливается, чтобы прислушаться, не слышно ничего более и всё тихо и безмолвно вокруг него. Успокоясь тем, что всё это ему только кажется, он доходит до квартиры и запирается у себя.

Несколько минут после того как музыкальный учитель вернулся домой и только что блеснул из-за ставней его свет зажжённой лампы, как другая тень осторожно прокрадывается через

[126] Далее зачёркнуто: к нему.

[127] Далее зачёркнуто: визжать.

калитку и входит в дом. Тень эта продолжает так же неслышно направляться далее и, достигнув коридора со сводами, впускает себя посредством ключа в комнату мистера Ричарда Дэтчери. Затем она зажигает свечу и оказывается самим седовласым джентльменом, который, скинув проворно платье, бросается в кресло с видом сильного утомления и адресуется к собственной особе со следующим заявлением:

«Будь он проклят!»

После коего приятного пожелания неизвестно кому, он в продолжение двух минут молчит, уставив глаза в потолок, но тотчас же затем встаёт и, приготовляясь ко сну, продолжает:

«Для праздного холостяка, живущего на свои доходы, я крепковато так поработал да измучился. Осмелюсь прибавить даже, что чертовски измучился!.. Терпение всё превозмогает... Скоро, скоро рассеется туман и многое объяснится... А счёт с каждым днём округляется... Близок, очень близок он к концу. Даст Бог, и *итог* сведём!»

И с этими приятными надеждами холостяк тушит свечу и ложится спать.

Так кончается вторая памятная для Джаспера ночь с Дёрдльсом в подземных склепах кафедрала.

Глава XXXI

Миссия Фопперти и другое внезапное исчезновение

Несколько дней после того, как Фопперти Педлар поселился в своём новом билликинском жилище, солнце взошло со своей обычной аккуратностью и, осветив многочисленных обитателей сего разнообразного владения, нашло головы их переполненными самыми различными идеями.

Маленькая Роза, которая с каждым днём делалась грустнее и бледнее, сделала в это утро открытие. Долго сидела она у окна в ожидании билликинского завтрака, приплюснув свой хорошенький носик к стеклу и уныло раздумывая о чём-то очень серьёзном, как можно было то предположить из её общего вида озабоченности. Наконец, она глубоко вздохнула и решилась сознаться самой себе, что вся её грусть происходит от того, что не было ни слуху ни духу о её столь смешном, по её прошлым понятиям, наречённом женихе сироты, «бедном Эдди!».

Почтенная мисс Туинкельтон, которая во все эти последние дни размышляла, как бы можно было получше и деликатнее подать в отставку мистеру Грейджиусу и, тем возвратя себе свободу действия, немедленно вернуться в классическую обитель «Дома монахинь»[128], где ожидало её столько голодных и жаждущих вкусить от плодов науки – под личным надзором этой учёной леди – девиц, сидела за утренним туалетом и, совершая в молчании сие необходимое жертвоприношение грациям, развивала папильотки, раздумывая о покинутой ею подобострастной вдове, страдающей слабостью спинной кости.

И так, обе дамы молчали, сидя очень смирно в то утро в туалетной комнате.

Но если солнце действительно правдиво в записях хроники своей и содержит точный дневник о земных происшествиях, приносимых ему посланниками, лучами сего светила, каждый вечер, то в записных книгах его непременно найдётся заметка о том, как мистер Фопперти, вернувшись накануне домой и чувствуя себя далеко несолидно стоящим на ногах, старался попасть в свою постель, попадая каждый раз под туалетный стол, где и, завязнув окончательно в последней попытке головою в помойном ведре, предался, наконец, своей участи, проснулся поутру в таком туманном расположении духа, что долго не сознавал своего необыкновенного положения, тупо стараясь разгадать, что такое освещало пол его жилища – солнечное ли сияние или же свет от горящей в комнате свечи.

Мало-помалу, однако же, идеи его начали проясняться и, убедившись в том, что на дворе был день, а не ночь, сей джентльмен решил, что встанет через пять минут, и с этим, добравшись до кровати, снова улёгся и уснул. Проснувшись внезапно, он нашёл, что пять минут превратились в три часа, и на этот раз, побуждаемый голосом желудка, он, пошатываясь и потягиваясь, оделся, решив тотчас же идти отыскивать мистера Грейджиуса.

Но пока вернёмся к Розе. Туалет мисс Туинкельтон окончен, и Роза снова подходит задумчиво к окну и смотрит на улицу, кипящую деятельностью. Так стоит она, рассеянно барабаня пальчиками по стёклам. Тоска сжимает её маленькое сердце в это утро более обыкновенного. Словно предчувствует оно какое-то новое несчастье впереди, хотя, по её понятиям, ничего не могло бы случиться худшего, чем оно и есть, но всё-таки оно медленно и тоскливо бьётся в груди её, и чувство это делается, наконец, столь сильным, что она всеми силами[129] начинает желать, чтобы хоть скорей пришёл «добрый, милый мистер Грейджиус». Но сердце угловатого не так восприимчиво ещё, чтобы таинственно сознавать в себе её желание на таком расстоянии, и Роза делается всё скучнее.

Неожиданно решившись, Роза оборачивается, объявляя мисс Туинкельтон, сидящей за работою у другого окна, что она идёт посетить своего опекуна.

Почтенная надзирательница, которая, находясь в ту минуту в *не* классном состоянии жизни, погрузилась было совсем в мечтательные гипотезы о «бедном, глупом мистере Портере[130]», вздрагивает и слабо протестует против такого самовольного образа действий, но так слабо, что

[128] Женская обитель (Nuns' House).
[129] Далее зачёркнуто: жела.
[130] Портерс (Porters).

маленькая Роза имеет право считать подобный протест за ничто или же только за слабое воспоминание со стороны её бывшей наставницы о самовластных законах, диктуемых ею в «Доме монахинь».

Поэтому Роза отправляется наверх и, одевшись для прогулки, сходит ещё раз вниз, замечая мимоходом мисс Туинкельтон:

«Я только немного прогуляюсь, если не найду мистера Грейджиуса дома, и вернусь как раз к завтраку».

Мисс Туинкельтон провожает её глазами и, принимая меланхолически-смиренный вид, утвердительно махает головою, как бы желая сказать:

«Бразды правления выпали у меня из рук в отношении вас, моя милая, поступайте, как знаете».

И снова возвращается мысленно к нетерпеливо ожидающему её «мистеру Портеру».

Несколько минут после ухода Розы, Фопперти, туалет которого сильно заявляет, несмотря на старательный процесс очищения, о вчерашнем препровождении времени, также вышел из дому и направился прямо к Степл-Инну с твёрдым намерением познакомиться с мистером Грейджиусом вне ведения этого джентльмена. Заложив руки в карманы и быстро шагая по тротуарам, он шёл прямо к цели, не дозволяя себе прельщаться на этот раз заманчивыми вывесками кофейни по дороге.

Случилось так, что в самое то время как Фопперти подходил к *П.Ж.Т.*, раздумывая о необходимости предлога для знакомства, мистер Грейджиус выходил из своих комнат, подозрительно осматриваясь вследствие сознаваемой им необходимости быть постоянно настороже против музыкального друга своего.

Взглянув на Фопперти, он тотчас же узнал особу, виденную им несколько дней до того в обществе Джаспера.

Быстро составив себе план действия, мистер Грейджиус остановился и стал следить за посланным, не спуская с него глаз.

Фопперти, малознакомый с местностью, подошёл сперва к старинному памятнику *П.Ж.Т.* и поглазел на него с таким видом, как бы он ожидал от него более сведений, нежели получил о разыскиваемом им джентльмене; постояв в нерешительности, он вернулся к калитке фёрнивальской гостиницы, потом опять медленно стал направляться к привлекающему его, словно под влиянием месмерического очарования, *П.Ж.Т.*, когда кто-то дотронулся до его руки, и Фопперти увидал стоящего перед ним сухого, небольшого ростом человека с полиняло-жёлтыми пучками волос, торчащих из-под шляпы, и деревянной улыбкой на лице.

«Ищите кого-нибудь?» – вопрошает фигура.

Мистер Фопперти вследствие неожиданности закатывает глаза так глубоко вовнутрь, что мистер Грейджиус серьёзно ожидает[131] увидать их у него на затылке, и грубо отвечает:

«Когда бы не искал, так не шлялся бы здесь попусту».

«Так, так! – замечает Грейджиус. – Я бы мог сам догадаться об этом, когда бы подумал только, зная, как мало кого может привлечь Степл-Инн вне необходимости».

«А вы знаете кого из живущих здесь, что ли?» – осведомляется Фопперти подозрительно.

«Да, немножко знаю-таки, то есть, правильнее сказать, веду знакомство с некоторыми. А кого вы именно ищите?»

Фопперти опять пойман врасплох, но, не желая высказываться, немедля отвечает:

«Лоусона[132]».

«Лоусона! – восклицает мистер Грейджиус. – Его-то я хорошо знаю, даже приятель с ним некоторым образом. Славный малый и очень острая штука вместе с тем... Но мне кажется, что в вас есть... некоторое сходство с Лоусоном, как будто бы... Не родственник ли вы ему?.. Пойдёмте со мною; он сосед мой в этом доме, и старый сосед. Я проведу вас к нему».

Оказывается теперь, что Фопперти выторговал себе более, нежели ожидал, и поэтому стоит неподвижно в большей нерешимости ещё, чем прежде.

---

[131] Далее зачёркнуто: их.

[132] **Lawson.**

«Что ж вы не идёте?» – добродушно осведомляется услужливый джентльмен.

Фопперти решается рискнуть, мысленно приготовляясь выказать сильное ощущение обманутого ожидания пред особою мифического Лоусона, и отделаться на месте заявлением, что он не тот Лоусон, которого он ищет. Спутник его идёт впереди, указывая дорогу, и, дойдя до двойного коридора, отпирает дверь и ведёт Фопперти прямо в комнаты Грейджиуса.

«Садитесь, – произносит последний, внезапно переменяя тон, – я не вижу здесь пока мистера Лоусона, но надеюсь, что мы и без него обойдёмся», – и повернув ключ в двери, он вынимает его и кладёт к себе спокойно в карман, насмешливо поглядывая на атлетического, мрачного молодца, следящего за ним с разинутым ртом.

«Теперь мы можем спокойно объясниться, – продолжает невозмутимо Грейджиус, усаживаясь на своё кресло возле камина. – Я привёл вас сюда, как очень легко понять, не с какою-нибудь дурною целью. Я стар и слаб, вы же молоды и вдесятеро сильнее меня, к тому же, как вам легко самому убедиться, мы одни. Единственная моя цель состоит в том, чтобы откровенно разузнать от вас, какого рода сведение должны вы передать известному нам обоим негодяю? И сколько вышеупомянутый негодяй обещал вам за то?»

Фопперти так сильно озадачен этим вступлением, что можно подумать, что его язык последовал примеру глаз и что оба эти члена исчезли внутри головы.

«Может быть, – снова говорит Грейджиус, – вам самому ещё малоизвестно, насколько вышеречённый негодяй заслуживает этого имени. Неужели вы согласились помогать ему в преследовании несчастного юноши, который без того страшно пострадал от жестокой ненависти всё того же негодяя?»

Глаза Фопперти, выглядывая из-под нахмуренных бровей, пристально устремляются на говорящего, но сам Фопперти продолжает безмолвствовать. И мистер Грейджиус после небольшой паузы снова начинает:

«Вероятно, вы удивляетесь тому, что мне так хорошо известны все действия ваши и *кем* вы посланы сюда с целью разыскать жилище некоего юного джентльмена по имени “Ландлесс”. Но так как трудно и вместе с тем напрасно было бы вам отпираться,[133] то, по моему мнению, чем скорее мы поймём друг друга, тем лучше, так как я уверен в том, что у вас лично нет никакой цели в преследовании мистера Ландлесса. И так, свернув прямо к вашей материальной выгоде, постарайтесь тотчас же сообразить, что для вас выгоднее: получить ли известную плату за услуги ваши от… “негодяя”, или же вдвое более от меня, какая бы ни была эта сумма, за ваши услуги мне?»

И, бросив так хитро закинутую удочку в самую глубь души Фопперти, мистер Грейджиус умолкает, хладнокровно продолжая вертеть большими пальцами в ожидании той минуты, как рыба клюнет, чтоб развить далее свой глубоко дипломатический план.

По причинам, которые будут объяснены к концу этой главы, Фопперти глубоко ненавидел Джаспера. Взявшись за это неприятное для него дело, Педлар действовал единственно в видах денежного вознаграждения, побуждаемый своей глубокой нищетой; и долго ещё до встречи с Грейджиусом решил он себе в уме, что если ему и удастся открыть квартиру Невиля, то, что он, во всяком случае, предупредит его заранее об угрожающей ему опасности и тем помешает, быть может, музыкальному учителю в совершении задуманного зла. Поэтому не удивительно, если он с готовностью принял предложение старого джентльмена.

«Вы говорите резонно, сэр, – решается он заговорить в первый раз, – и метко попали прямо в цель; ваши слова мне по сердцу и я готов служить вам, если мы только сойдёмся в цене», – добавляет он с лёгкой запинкой.

«Надеюсь, что сойдёмся», – лаконически отвечает Грейджиус.

«Ну а как же могу знать я примерно, что вы не выдадите меня Джасперу или не одурачите меня каким-либо другим манером?» – спрашивает по размышлении Фопперти, возвращаясь к прежней подозрительности.

«Потому что если я доверяюсь вам, то и вы можете мне довериться, – ответствует Грейджиус. – А так как мой прямой интерес состоит в том, чтобы Джаспер не имел бы против вас

[133] Далее зачёркнуто: в.

ни малейшего подозрения, что сейчас и будет доказано вам ясно мною, если мы сойдёмся, то вам и нечего бояться. Что ж?.. Принимаете ли вы моё предложение?»

«Принять-то принимаю, только вперёд говорю, не ожидайте вы многого от меня, потому что Джаспера трудно провести за нос, и дело-то всё окажется не таким лёгким, как вы думаете».

«Вывожу из вашего замечания то заключение, что вы давно знакомы с Джоном Джаспером. Не скажете ли вы мне, как давно?»

«Семь иль восемь лет, только в последние два года мало встречались».

«И так, зная его, как вы знаете, не скажете ли вы мне также откровенно, как вы полагаете, хороший ли в сущности он человек или же нехороший?»

Глаза Фопперти исчезают[134] на минуту для интимной конференции с головой, и, появляясь снова, он произносит медленно и отчётливо:

«Чертовски подлый и мерзкий!»

«А! – спокойно замечает Грейджиус. – Стало быть, наши мнения бесподобно сходятся. Ну а если бы я вас попросил рассказать мне кое-что о прошлом нашего друга, столь чертовски мерзкого? Ответите ли мне?»

И, поднявшись с кресла, он вынимает из бюро десятифунтовую ассигнацию в виде материального прибавления к выраженному желанию.

«Что ж, сэр, – отвечает собеседник его, косясь на деньги, которые Грейджиус положил возле себя на самом видном месте. – Пожалуй, что знаю, то и расскажу, только немного будет вам из того выгоды. Дело ведь давно прошедшее».

«Начинайте, прошу вас, – замечает Грейджиус, – всё, что ни касается до нашего приятеля, интересует меня».

И проведя рукою по лицу от самой макушки до подбородка, любопытный джентльмен приготовляется слушать с вниманием, то есть разом превращается в каменное изваяние и, уставив глаза в пространство, остаётся неподвижным.

Повторим вкратце рассказ Фопперти.

Восемь лет тому назад Педлар переехал жить с овдовевшей матерью в Лондон, и они поселились в третьем этаже старого дома за одним из тёмных углов Дрюри-Лэна[135]. В это самое время там жили в нижнем этаже дочь с матерью по имени Трендерс. Они были чрезвычайно бедны, существуя одной работою дочери, которая шила с утра до ночи, но и это едва помогало им избавиться от голодной смерти. Девушке было лет восемнадцать, и она, по словам Фопперти, была настоящей красавицей и «леди» с головы до ног. Когда-то Трендерсы были в лучшем положении, но едва дочери её минуло десять лет, как сперва умер отец, а потом старший сын старухи, который был моряком на хорошей дороге[136] и помогал им по мере возможности, уехал в Индию и, судя по всему, погиб во время бури вместе с прочими. Во всяком случае, он никогда не возвращался. Несколько времени спустя обоюдного знакомства двух семейств Педлары узнали от старухи об отчаянном положении Бесси и о причине оного. Несколько месяцев до переселения их в этот дом молодая девушка познакомилась с очень молодым человеком, называющим себя Дональдом и который должен был жениться на ней тотчас же по приискании себе приличного места. Место, однако же, не являлось, и свадьба откладывалась день ото дня.

«Часто видал я этого молодца, – рассказывает Фопперти, – и всякий раз замечал я, будто он чего-то опасается, входя и выходя из дома. Словно он боялся, чтобы не узнал его кто».

И мистер Фопперти задумывается.

«Продолжайте», – напоминает ему Грейджиус.

«Вспоминаю я про один несчастный для многих день, сэр, – начинает опять Фопперти, – и хоть я был чужим для них человеком, а и меня жалость взяла, глядючи на бедную девушку. Выходя раз из дому, я остановился на площадке, услышав как будто плач, да такой тихий и жалобный; слышу я, как голос, который я тотчас же признал, говорит кому-то, стоящему с нею у дверей: “Дональд, мой Дональд, это вопрос теперь – жизнь или смерть для меня, выбирай одно из

---

[134] Далее зачёркнуто: для.

[135] Друри-Лейн (*англ.* Drury Lane) – лондонская улица.

[136] Быть на хорошей дороге (*иноск.*) – повышаться по службе, делать карьеру.

двух, мой дорогой, но помни, что стыд убьёт меня... Почему не можем мы быть обвенчаны завтра же?" Слышу я ответ мужчины, и ответ этот обещает беспременно всё кончить на другое же утро. А Бесси всё плачет да плачет, так я и ушёл. Только верьте, сэр, что я тогда же смекнул, что коли обманет её этот человек, то недолго она проживёт на свете, бедняжка... Выходя, мы столкнулись с ним у дверей, он покосился на меня, а я на него. Я видал его тогда в первый раз, но одного взгляда на него было мне достаточно, чтобы никогда не забыть более этого человека.

Утром на другой же день Трендерсы перешли жить ещё ближе к нам и взобрались под самую крышу возле нас; видно, дорого стало для них жить внизу. Проходит неделя, другая, а этот Дональд и весточки о себе не подаёт. Слышу я каждую ночь, как плачет да стонет Бесси, и жаль мне её, да помочь не могу. В одну ночь разбудили меня стоны хуже прежних и, продолжаясь всю ночь, не давали заснуть ни мне, ни матери моей… Наутро приходит к нам старуха и, глядя на нас словно полоумная, говорит, что в ночь Бог послал ей внучку; мать сошла вниз, чтоб помочь им, как могла, и, вернувшись, стала рассказывать, что Бесси крепко больна, а что старуха бегает и бормочет про себя, как будто с цепи сорвалась, проклиная и себя, и Дональда.

Оставались мы в доме том недолго после этого, и слыхал я только то, что он приходил всего один раз и предлагал им денег, но что старуха должна была взять их от него тихонько от дочери, так как Бесси не хотела и слышать о них, а его самого отказалась видеть и не впустила в комнату, где совсем помирала и от болезни, и от голода. Мы переехали, и я потерял мать и дочь из виду на целых три года».

Фопперти снова остановился и угрюмо глядел на ковёр.

«Отдохните, не торопитесь, – замечает мистер Грейджиус, когда тот, приподняв голову,[137] хотел заговорить. – Хоть я весьма желаю узнать конец этой грустной, хотя обыкновенной и обыденной, если смею так выразиться, истории и желал бы поближе познакомиться с этим, как его, Дональдом, но вы должны отдохнуть и постараться не забывать ни малейшей подробности».

И мистер Грейджиус снова погружается в кресло, принимая вид египетского сфинкса.

«Чего там забывать, – ответствует исполин, – такие происшествия нетрудно удержать в памяти. А только вот думал я теперь об этом Дональде и вспоминал, как он ещё тогда показался мне хитрой и лукавой штукой, и как я уверился несколько лет спустя, что он был ещё хитрее и лукавее, чем выглядел[138]. Но слушайте конец, сэр.

Мы давно уж совсем было забыли о Трендерсах, когда пришлось мне раз проходить мимо нашей старой квартиры и что-то так и толкнуло меня зайти да узнать, что с ними сделалось за это время и живы ли они. На пороге, как помню, стояла женщина, и я спросил её, живут ли в доме такие-то. "Живут, – говорит она в ответ, – только что-то плохо им приходится, молодая умирает, коль уж не умерла, а старуху соседи кормят из сожаления, не то давно бы она отправилась". "А ребёнок", – спрашиваю я. "Ребёнок, – говорит, – внучка старухи, такой ангелочек, что все постояльцы без ума от неё, и хоть про неё и ходят слухи, что будто бы она незаконное дитя, да в таком случае не она виновата, а отец, которому бы я желала голову открутить, так как должно полагать, что он страшный негодяй и заслуживает умереть на виселице"».

«Так, так!», – внезапно прерывает мистер Грейджиус и, вскакивая с места с радостным восклицанием, начинает быстро бегать по комнате, потирая руки и издавая такие странные звуки, что Фопперти смотрит на него с невыразимым удивлением.

Через минуту почтенный джентльмен возвращается на своё место и снова привинчивается к нему, сделав Фопперти знак рукою продолжать.

«Услышав это, я отправился прямо наверх и, найдя дверь полуоткрытою, вошёл. Старуха сидела среди комнаты и, захватив колени руками, качалась взад и вперёд, тараща безумные глаза свои на лежащую на кровати Бесси. Подошед ближе, я увидал то, что заставило бы растаять бесчувственный камень, если бы камни могли таять, сэр... Прямо перед глазами моими лежала мёртвая девушка, худая и бледная, но красивее ещё, чем во время жизни. А на руках её, теребя покойницу за лицо и гладя ей щёки, возилась девочка лет трёх и старалась разбудить её.

[137] Далее зачёркнуто: снова.
[138] В рукописи: выглядывал.

Верьте, сэр, – продолжает Фопперти, и взор его горит злобою, в то время как что-то очень похожее на слезу искрится в глазах этого свирепого на вид атлета. – Верьте, сэр, что хотя оно и больно видать такие вещи, но оно и полезно вместе с тем иногда. До той поры я, прости Господи, не чувствовал ни разу, что над нами есть Бог, и хоть я и после того дня не мог похвастаться, что перещеголял *постола*[139] Павла[140], да зато воспоминание об этой страдалице удержало меня много раз от худых дел впоследствии. Даже теперь, говоря вам о ней, так оно и колет меня под сердце!»

И мистер Фопперти колотит себя в грудь. Угловатый, подпрыгнув ещё раз на кресле, вскакивает и потрясает рассказчика за обе руки, приговаривая, что он рад видеть подобные чувства в нём.

«Они облагораживают человека, – говорит мистер Грейджиус, – и я весьма благодарен вам, мой милый незнакомец, за то, что вы открываете мне эту часть вашей человеколюбивой природы, так как это служит верным доказательством тому, что много есть зародышей, – если смею так угловато выразиться, – в вашей мужественной груди, которые могут развиться в великие добродетели, если только за ними будет хороший уход».

Достойный обитатель *П.Ж.Т.* говорил искренне. Не говоря о том, что эти признаки честнейшей, чем он сперва предполагал, натуры, подавая ему смутные надежды на будущее, вселяли в него больше доверия к эмиссару Джаспера, – они действительно говорили в пользу Фопперти; и когда мистер Грейджиус открыл к изумлению своему, что под этой материальной, грубой оболочкой билось человеческое сердце, он почувствовал необыкновенное облегчение.

Фопперти продолжал:

«Постаравшись утешить, насколько я мог, бедную старуху, я вернулся домой и, рассказав матери о случившемся, отправил её на другой день позаботиться о похоронах. Небогатое было погребение, сэр, кроме старухи да нас с матерью не было ни души.[141] Адское чудовище, бывшее всему причиною и принесшее столько горя и отчаяния покойнице и матери её, не показалось даже. Нет! Дональд Ренлоу[142] осторожно остался в стороне. Да и хорошо сделал, – добавил Педлар, ударив кулаком по столу, так что всё в комнате подпрыгнуло. – Тогда...»

«Стойте, стойте на минуту, – прерывает Грейджиус, схватив поспешно карандаш и бумагу, – пока я запишу это имя. Кончено, – добавляет он, складывая бумажку и тщательно пряча её. – Теперь продолжайте, прошу вас».

«Вопрос состоял в том, что могло быть сделано после похорон для полусумасшедшей старухи и беспомощного ребёнка. Ясно было для нас, что если никто не поможет им, то для них не было другого исхода, кроме голодной смерти иль богадельни. Старуха начала молить нас взять ребёнка, обещаясь постараться отыскать какую-нибудь работу и помогать нам. Так мы и сделали, и мистрис Трендерс являлась изредка к нам навестить внучку, принося иногда безделицы деньгами и другим чем. Но [через] два месяца после смерти матери старуха исчезла, и мы не слыхали о ней с тех пор. Трудно было нам, еле-еле перебивающимся самим из-за куска хлеба, возиться ещё с малым ребёнком. Да нечего было делать. Вот раз я встретил на улице Дональда Ренлоу и, тотчас же узнав его, прямо подошёл к нему и рассказал ему всё дело, как оно было, прибавляя, что он должен сделать что-нибудь для ребёнка, или ему придётся разделаться со мною. Немного потратил он слов со мною, так как, должно быть, смекнул, что было бы напрасно, и тут же отправился за мною к нам. На ребёнка он почти что и не взглянул, но нам оставил денег и обещался зайти опять в скором времени. Но в продолжение четырёх лет был всего два раза и только и видали мы от него, что тридцать фунтов стерлингов. Так я и думал было уже, что никогда больше не поймаю его, и горько каялся, что дал ему улизнуть, не постараясь выведать адрес. Но месяца три тому назад я снова наткнулся на него и тихонько последовал за ним, стараясь, чтоб он не заметил меня, так как Дональд, видимо, спешил куда-то, держа в руке саквояж, то я и догадался, что он уезжает из Лондона. Замешавшись в толпе на станции железной дороги, я видал, как он взял билет до Клоистергэма. Тогда, вернувшись домой, я собрал кое-какие деньжонки и отправился по пятам его со следующим поездом. Приехав в Клоистергэм, я стал наводить справки

[139] апостола (*искаж.*).
[140] Павел (предп. 5/10–64/67) – апостол Иисуса Христа.
[141] Далее зачёркнуто: Тот.
[142] Donald Renlaw.

и узнал, что он живёт постоянно там и что настоящее имя ему Джон Джаспер. После того, действуя по совету одного человека, я решился переехать жить в Клоистергэм; грешный человек, сознаюсь в том, сэр, так как я рассчитывал этим добыть столько же выгоды для себя, как и для девчонки. Устроившись на новом месте, я недолго ждал и, став на дороге его, как он шёл в собор, подцепил молодца в самую пору и заставил его прийти к нам. Да, видно, и в этом деле дьявол перехитрил меня, так как денег-то дать он дал, а всё-таки заставил меня сослужить ему за это службу».

И мистер Фопперти дополнил рассказ свой подробным описанием последнего посещения Джаспера в разрушенный дом Грязного переулка.

Мистер Грейджиус не отвечал и молча сидел в глубоком раздумье, повёртывая пальцами. Наконец он встал и, медленно пройдясь несколько раз по комнате, остановился перед следящим за ним Фопперти и отрывисто спросил:

«Вас зовут?»

«Фопперти Педлар», – отвечает последний.

«И так, мистер Педлар, я желаю теперь объяснить вам три вещи, – выставляя при этом три пальца правой руки и подымая в воздухе левую. – Во-первых, удостоверяю вас искренне в моей глубокой к вам благодарности за доставленные сведения, – и мистер Грейджиус ударяет левой рукой по пальцу правой, палец исчезает. – Во-вторых, так как выходит из всего сказанного вами, что Дональд Ренлоу и Джон Джаспер суть одно и то же лицо, то следует поэтому предположить почти безошибочно, смею прибавить, что последний, то есть музыкальная особа, ещё худшего рода негодяй, чем я думал доселе, полный распутных наклонностей и зачерствелости сердца, – и второй палец исчезает в свою очередь. – В-третьих и в последних, я твёрдо решаюсь употребить все старания свои к тому, чтобы разоблачить этого достойного джентльмена и, если возможно, передать его в руки правосудия по некоему другому делу. Для этого мне необходима ваша помощь с ясным уговором, конечно, между нами, что вы будете вознаграждены за потерянное вами время, насколько то будет мне возможно».

Рука Грейджиуса мгновенно сжимается в кулак, и он садится на прежнее место в ожидании ответа.

Глаза Фопперти исчезают для внутреннего совещания, и, появившись на прежнее место, владелец их отвечает:

«Можете располагать мною, сэр. Приказывайте, и всё будет сделано мною, что только возможно».

Мистер Грейджиус после минутного колебания, во время которого он, в свою очередь, совещается с горящими в камине угольями, вперив в них неподвижный взор, говорит:

«Вернитесь тотчас же в Клоистергэм, повидайтесь с нашим другом и скажите ему, что вы *почти что* открыли убежище мистера Ландлесса. После этого, не забывая ни малейшего слова или действия его, возвращайтесь тотчас же сюда и приходите ко мне за дальнейшими[143] инструкциями. Поняли ли вы меня?»

«Понял. Ещё что?»

«Более ничего пока, кроме этой десятифунтовой ассигнации на ваши непредвиденные расходы, – отвечает Грейджиус, подавая ему деньги. – А теперь спешите назад».

Мистер Фопперти немедля отправляется домой за поклажей и возвращается к вечеру в Грязный переулок, а мистер Грейджиус выходит с целью совершить своё ежедневное посещение Розы.

Войдя в приёмную двух дам, он находит мисс Туинкельтон в классической беседе с «Историей Римской империи» и сидящую в обществе героев различных времён у окна. На вопрос его, где же Роза, почтенная девственница очень спокойно отвечает ему, что она сама имела намерение спросить его об этом, так как мисс Бёд ушла с час до завтрака и не возвращалась ещё.

«Сказала ли она вам, что зайдёт ко мне?» – поспешно осведомляется Грейджиус с необычайной живостью в движениях.

[143] В рукописи: дальними.

«Да, – с грациозным достоинством отвечает Туинкельтон. – Она точно намекала мне об этом. Разве вы не видали ещё мисс Бёд, сэр?»

«Ах, Бог мой! Ах, Бог мой! – восклицает бедный джентльмен, предчувствуя смутно что-то недоброе. – Зачем же, если смею так выразиться, не пошли вы с нею?.. Очень, очень неосмотрительно это с вашей стороны, любезная моя леди... И если, если... – прибавляет он, с ужасом вытаращивая свои бесцветные глазки, – если с нею, что случится, то укор должен будет пасть прямо на вас!»

Мисс Туинкельтон не падает от этих слов в обморок. Мисс Туинкельтон выслушивает даже очень стоически все эти упрёки. Крепко прижимая к груди римских героев, как бы уверенная наперёд в поддержке своих верных друзей, мисс Туинкельтон принимает спокойный и горделивый вид, отвечая с холодным достоинством:

«Попрошу у вас позволения, мистер Грейджиус, заметить вам, что я считала бы даже ненужным напоминать вам, а именно, что во всё то время, которое мисс Бёд провела со мною в области науки под сенью тихих и спокойных стен “Дома монахинь”, эта девица, находясь под моим личным присмотром, должна была чувствовать себя, без сомнения, обязанной к известному послушанию, равно как и подчиняться заведенным порядкам, основанным на самых высоконравственных понятиях о приличии. Но в эту минуту, сэр, власть моя не простиралась настолько, чтобы дать мне возможность воспрепятствовать вашей питомице выйти с целью благотворной утренней прогулки, и поэтому я заранее считаю себя совершенно ограждённой от всякой ответственности во всех могущих произойти в будущем последствиях этой прогулки».

И окончив свою оправдательную речь, питомица древних классиков снова возвращается на своё прежнее место и открывает «Римскую историю», как бы надеясь найти в ней одобрение со стороны давно усопших героев.

Несчастный мистер Грейджиус не отвечает ни слова, но продолжает беспомощно ходить по комнате, не зная, на что решиться. Лёгкий шорох за дверьми привлекает его внимание, и он бросается к ним, смутно ожидая встретить Розу, но вместо того крепко сталкивается с воинственной Билликин, таинственно занятой какими-то домашними исчислениями насчёт коридорного ковра в самом близком соседстве с дверью. Увидя мистера Грейджиуса, хозяйка встаёт, сильно прижимая руку к бьющемуся больному сердцу, и приветствует почтенного опекуна с обычной томностью:

«Надеюсь, сэр, что вы *звините*[144], застав меня в таком положении, которое и произошло вследствие *абнаковенных*[145] моих несчастных усилий влезать и слезать с лестниц с опасностью испустить свой слабых дух...»

«Не встречали ли вы моей питомицы сегодня?» – прерывает её мистер Грейджиус.

«Быть может, – продолжает Билликин, не обращая внимания на этот вопрос под напором внезапного наплыва искренности, овладевающей ею, – быть может, мне и не следовало бы так откровенно выражаться, но не скрою от вас, сэр, что я питаю сильное подозрение насчёт того, что в нашем городе оказывается всё менее и менее земли, так как если бы было больше её, то люди и не строили бы таких высоких домов с такими крутыми лестницами и мне...»

«Видали ли вы мисс Розу? – кричит на этот раз уже Грейджиус. – Куда она ушла?..»

«Не понимаю, *почему* меня спрашивают об *эфтом*[146] и именно *меня,* – ответствует обиженная его тоном Билликин, – ответ, сэр, я не намерена давать».

И она складывает руки на груди и смотрит на Грейджиуса в упор с видом древней мученицы, влекомой на костёр.

«Спрашиваю я вас, сударыня, – отвечает падающий духом джентльмен, – потому что мисс Бёд, вышед из дому сегодня рано, ещё до завтрака, не возвращалась после того, поэтому вы могли её встретить».

«Не стану обманывать вас, сэр, – отвечает Билликин, – и буду с вами откровенна вполне. Нет, сэр, я не видала молодой леди сегодня. Но есть другие прочие, – продолжает она, целясь в

[144] извините (*искаж*).
[145] обыкновенных (*искаж.*).
[146] этом (*искаж.*).

невозмутимо сидящий бриг, – которые *должны* были знать об этом, по крайности, если они не воруют получаемых капиталов за требуемый присмотр. Но так как я не шпион и не *антересанка* и не сую нос в чужие дела, – презирая такие низкие низости и давно *оставимши*[147] их приезжим из “Семинарий для благородных девиц”, – то и откровенно признаюсь вам ещё раз, что не знаю ничего о вашей молодой леди».

Злополучный мистер Грейджиус схватывает свою шляпу и убегает на поиски, предоставляя мисс Туинкельтон разделываться самой за билликинские намёки.

Долго бегает он по всем соседним улицам и закоулкам, расспрашивая прохожих и повергая в неописанное удивление флегматических торговцев, изучающих людские нравы с высоты своих порогов, своими непонятными отрывистыми фразами. Всякому из них почтенный опекун оставляет подробное описание пропавшей молодой леди и адрес собственного жилища, обещая самые щедрые награды за какое-либо известие, которое поможет к её отысканию. Смутные картины утонувшей Розы и Розы с отчаянием выбивающейся из объятий свирепого влюблённого Джаспера представляются воображению Грейджиуса, и вечер застаёт его тупо глядящим в грязные волны Темзы с высоты Ватерлооского моста[148]. Наконец, выбившись из сил, насилу держась на ногах, он машинально возвращается домой и, бросившись в кресло, разражается горькими старческими рыданиями. Таких слёз не проливал Грейджиус с самого того дня, как двойник Розы в далёком прошлом исчез из глаз его навеки, уносимый золотыми волнами таинственной реки, отделяющей землю от неба.

[147] оставивши (искаж.).
[148] Мост Ватерлоо (*англ.* Waterloo Bridge).

Глава XXXII

Отворяющая двери мистеру Брòбити

Тупоголовый Сапсеа, несмотря на громадный объём своего великого ума, был одарён по примеру многих более простых смертных свояком. Это необычайное обстоятельство случилось вследствие того, что мисс Бробити, покойная мистрис Сапсеа, пожелая в недобрый для неё час заглянуть поближе в самую квинтэссенцию сапсеавского ума против желания своего брата Соломона или, скорее, Сòля, как звали его все знакомые, сочеталась узами законного брака с этим великим человеком. Но мистер Сапсеа и тогда даже не дозволил обыкновенным вульгарным обычаям коснуться до него; и милостиво допуская в случае надобности только то, что, по причине существовавшей на земле мистрис Сапсеа, брат её Соломон, находясь с нею до некоторой степени в родстве, действительно имел вследствие сего некоторое право похваляться тем, что на него обрушилась великая честь иметь его, мистера Сапсеа, зятем, но никак не считать себя, Соломона, свояком.

Мнение мистера Сапсеа обо всём семействе преставившейся супруги не выгодное для Бробити. Повторяя его собственное выражение, члены оного не принадлежали к представителям «ума».

Если иногда случалось какому-нибудь дерзкому смертному намекнуть о семействе Бробити в присутствии его, то мистер Сапсеа тотчас же принимал ораторскую позу и объявлял во всеуслышание следующее:

«В этом семействе нет той глубины интеллектуальной силы, которая необходимо требуется для приличного воззрения на необыкновенный объём ума. Аналитические способности в нём не развиты. Материя всегда берёт у них перевес над духом. Одним словом, в них во всех недостаёт того, что я называю “округлённостью ума”!»

И при этом мистер Сапсеа всегда закрывал глаза, как бы желая дать понять слушателю, что он должен стараться, так сказать, совершенно пропитаться этим последним выражением как удивительнейшим результатом сапсеавского глубокомыслия. Немного погодя великий человек снова начинал:

«Этелинда[149] была единственным членом семейства Бробити, имеющим дар распознавать ум. Эта врождённая способность и привела её к согласию переменить своё девственное имя на имя Сапсеа.[150] Неизбежным последствием этого недостатка в подобном даре у одних и полного развития оного у другой было то, что я почувствовал в себе равнодушие ко всем её родственникам и полное уважение к ней самой. Заметьте, я не говорю, чтобы даже она имела *ум*, совершенно подходящий к моему уму, – никакой Бробити не доходил до подобного сравнения, но искупающее её качество состояло в том, что она понимала, умела оценить великий ум; и поэтому-то Этелинда Бробити и сделалась до самого своего последнего дня Этелиндой Сапсеа!»

После такого необычайного вывода Сапсеа погружался в молчание, дабы дать необходимое время слушателю переварить великие мысли, выраженные его словами, и, выждав удобную минуту, снова продолжал так:

«О родительнице Этелинды я не стану говорить – она женщина, – и тон Сапсеа заставлял предполагать самого недогадливого, что презрение говорящего было велико к слабейшему полу. – Да, она женщина, – повторял сей даровитый муж внушительно, как бы опасаясь, что собеседник его, приняв мистрис Бробити за особу противоположного пола, испортит тем желаемый эффект заявления. – Но об этелиндином брате Соломоне скажу следующее: для него не может быть ни малейшего извинения. Быть может, я не прав, высказываясь так. Быть может также, что *сильному* не следует нападать на *слабейшего*. Но иногда этого избежать невозможно. Есть такие минуты, что разум принуждён заявлять о самом себе, невзирая на мелочные щепетильности,[151] – теперь

[149] Ethelinda.
[150] Далее зачёркнуто: Таким.
[151] Далее зачёркнуто: и.

одна из подобных минут. И я повторяю, что для него нет извинения. Он мог бы многому научиться у меня, но не захотел».

Существовало, впрочем, одно замечательное обстоятельство, которое подавало знающим о нём слушателям мистера Сапсеа некоторый повод думать, что не один только факт невежественного нежелания Соломона поучиться уму у зятя его служил ему преградою в справедливой оценке брата Этелинды. Много сплетен ходило по старинному городку во время сватовства клоистергэмского аукционера. Говорили наверное, что Соль Бробити оказывал упорное сопротивление касательно супружеских наклонностей сестры своей.

«Одно имя, – говорил очень искренне Соль, – так и напоминает всякому о какой-то аптекарской траве, но когда подобное имя соединено с подобным человеком, то первая обязанность всякого любящего брата заявить сестре, что она просто дура!»

Мистер Сапсеа никогда не забывал этой непочтительной против подобного «ума» выходки, которая дошла до него в очень скором времени, и поэтому, не забывая выходки, не забывал и высказывать своё презрение к Солю.

В настоящее время нашего рассказа Соль – костлявый, высокий джентльмен лет шестидесяти с широкими рыжими бакенбардами, имеющими положительное поползновение врастать ему концами в нос, как бы с намерением игриво пощекотав его, успокоиться затем под широкою тенью сего органа, величественно выставляющегося далеко вперёд. Голова мистера Бробити была когда-то покрыта густыми волосами того же цвета, как и баки, но неумолимая рука времени пообтёрла её до такой степени, что теперь она лоснилась и сияла, как стеклянный шар на солнце. Соль – старый холостяк, и на все насмешки знакомых постоянно отвечал, что не чувствует ни малейшего желания идти по следам великого мореплавателя Христофора Колумба и открывать по примеру его *terra incognita*[152]. А так как всякая женщина со дня рождения его представлялась в его глазах чем-то непонятно-таинственным, то он и не желает возиться с тем, чего он не может понять. Никогда ещё на веку его, добавлял он, не случалось ему понять женщины. Он прожил с матерью своею шестьдесят лет и не понимал её ещё; было время, когда он льстил себя надеждою, что вполне понял сестру, и вдруг она огорошила его более чем когда-либо, выйдя замуж за Сапсеа, и с тех пор он отказался от надежды разгадать женский характер, который, по его словам, был живой загадкой, посланной чёртом на землю для вящего мучения мужеского мозга.

Соль жил с матерью на Высокой улице; последняя личность эта мало заявляла о себе в Клоистергэме, так как ей было лет под девяносто. Характеристические семейные черты, отличающие мистрис Бробити, были слепое боготворение к сыну, которого она всё продолжала голубить и баловать, как и в дни его колыбельной жизни, и непомерная глухота, вызывающая со стороны этой старой леди самые странные и неожиданные ошибки.

В эту минуту мать и сын сидят за столом, окончив свой ранний обед, и мистер Бробити, сложив обе руки в виде слуховой трубы, кричит во всё горло, нагибаясь к родительнице.

«Мать, я собираюсь зайти к Сапсеа».

«Звезды и подвязки[153]! – восклицает старая леди, повторяя любимую поговорку Георгия III[154], которая оказывается и её любимым выражением. – Звезды и подвязки, Солли, на что тебе льняное семя?»

И нежная мать, не расслышав ответ, смотрит с некоторым беспокойством на сынка, страшась открыть в нём признаки болезни, требующей сего размягчающего лекарства.

«Сапсеа! – ревёт Соль. – Я хочу… ид-ти… к Сап-сеа... к Сап-сеа!»

И сделавшись совершенно пунцовым от этих горловых усилий, мистер Бробити падает на стул в изнеможении.

«К Сапсеа? – повторяет она, высоко подняв руки в неописанном смятении. – Зачем тебе к Сапсеа? Не довольно ли неприятно уж одно то, что мы живём так близко от него, а ты ещё хочешь идти к нему. Не ходи, Солли, мой крошка, верь мне, не ходи!»

---

[152] неизведанную землю (*лат.*).

[153] Речь идёт об ордене Подвязки, высшем рыцарском ордене Великобритании; символами ордена являются церемониальная подвязка и звезда.

[154] Георг III (1738–1820) – король Великобритании (с 1760 г.).

С великим трудом объясняет ей Соль, что они не были у зятя с тех самых пор, как был окончен памятник Этелинды.

«Правда, Солли, правда. Да немного и вреда вышло от того, что не ходили. Ты сам знаешь, дитя моё, что он обходится с тобою каждый раз, как волк с ягнёнком, и потчует одними неучтивостями. К тому же, он и не желает вовсе видать нас. Нет, не ходи лучше, мой цыплёнок...»

Дальнейшее усилие Соля отвечать родительнице миновало его благополучно, так как оно было прервано лёгким стуком в дверь, за которым стуком последовал ответ Бробити:

«Войдите».

«Это только я, сэр», – проговорила чисто одетая служанка с такими странно заострёнными чертами лица, что становилось совершенно непонятно, как она не обрезает собственных рук, дотрагиваясь ими до физиономии.

«Ну а что вам нужно, Бритва?» – осведомляется хозяин её, игриво заменяя её крещённое имя этим произведением собственной юмористической фантазии.

«Да вот, сэр, к вам опять пришла та маленькая девочка, что называет вас дядей Солем, и просится в сад», – отвечает Бритва, почтительно ухмыляясь.

«Маленькая Бесси? Хорошо, хорошо. Я сейчас сойду к ней».

И, взяв трость, он отправляется вниз, где ласково приветствует ребёнка.

Старый джентльмен, по примеру других старых и холостых джентльменов, имел свою страстишку. Но эта страсть была самого невинного рода. Соль безумно любил цветы и садоводство. Небольшой, но прелестный сад, который находился за его домом, доставлял ему много приятных часов в жизни и столько лет расцветал он, красуясь на одном из старых клоистергэмских переулков; прошло столько долгих годов ухода за ним, что «сад Соля» успел войти в традициональную[155] пословицу между жителями кафедрального городка. Не было на двадцать миль кругом более хорошенького сада, как этот сад. Нигде не расцветали деревья и кусты более ранним цветом, как нигде не цвели цветы ярче и душистее, чем в этом «саду дяди Соля».

Много дней провёл старик в своей жизни, сидя в самом уютным и красивеньком из всех китайских киосков[156], с гордостью поглядывая на своих любимцев и рассчитывая, когда и в какой цвет расцветёт то или другое растение под животворящим дыханием клоистергэмского солнца. Так сидел он однажды, любуясь своими пышно-цветущими махровыми розами, когда позади его раздался неожиданно нежный, умоляющий детский голос:

«Позвольте мне, сэр, поближе посмотреть на ваши цветочки!»

Бробити, обернувшись, увидал маленькое худенькое создание, которое смотрело на него из-за решётки большими голубыми глазами.

«Войди, войди, моя добрая девочка», – ответил ей добродушный джентльмен, отворяя калитку.

И так, старик и Бесси познакомились и сделались в скором времени большими друзьями. Соль был с первой минуты поражён необыкновенной понятливостью и умственным развитием девочки, и этот заброшенный, в грязных лохмотьях ребёнок непонятным образом сумел очаровать простого, доброго джентльмена. С тех пор они почти ежедневно проводили по несколько часов в саду, она любуясь издали и едва смея прикасаться к этим чудным тюльпанам и розам, он с удивлением прислушиваясь к её недетским замечаниям.

Поспешив тотчас же войти в сад, дядя Соль важно обходит свои цветущие гряды, ведя девочку за руку и показывая ей новые появившиеся чудеса растительного царства, распустившиеся за ночь.

«Посмотри-ка, дитя, – говорит Бробити. – Видишь, как эти цветы все распускаются в нашу сторону, как бы предчувствуя, что мы входим всегда по этому направлению, и они хотят приветствовать нас первые?»

---

[155] традиционную (*англ.* traditional).

[156] Речь идёт о беседке.

«Да, – отвечает Бесси и, указывая на гряду гвоздик, добавляет. – А замечаете ли вы, как эта гвоздика, самая большая и самая пунцовая из всех, будто кланяется нам и кивает головкой каждый раз, как подует на неё ветер? Может быть, она от радости так и покраснела?»

«Да, приятно видеть все эти хорошенькие лица цветов, – замечает дядя Соль, – да зато и грустно смотреть на них, думая, как скоро пройдёт вся эта краса, а они поблекнут и умрут в то самое время, как сделаются всего красивее».

Ребёнок молчит, как будто что раздумывая, и потом произносит задумчиво:

«Разве все эти цветы умирают именно тогда, как сделаются всего красивее? Что ж, дядя Соль, об этом нечего так грустить. Оно и лучше так. Подумайте только, когда бы все эти бедные цветочки должны были жить и мучиться до глубокой старости, сделаться морщинистыми, сухими и гадкими, зная, что уж никогда им больше не быть красивыми, и слыша, как другие молодые цветочки смеются над ними? А ведь цветы счастливее людей, дядя Соль. Я часто молюсь Богу, чтобы он взял меня, пока я ещё маленькая, и не засыпаю никогда, чтоб не пожелать умереть далеко, далеко до старости».

«Добрая моя девочка, – говорит ей Соль, – ты ещё слишком мала для того, чтобы понимать слово “смерть”. Надеюсь, что ты доживёшь и до старости, не сделаясь хуже от того. Послушай, – продолжает он под влиянием давно запавшей ему в голову мысли, – как ты думаешь, пустит ли тебя твоя бабушка перейти жить к нам?»

«Бабушке-то всё равно будет, да боюсь, что Фопперти будет жаль со мной расстаться».

«А ты сама, Бесси, желала бы с нами жить всегда?»

«О, как желала бы ещё! Целые дни сидеть с этими цветочками, ходить за ними, лелеять их», – восклицает ребёнок с внезапной радостью на лице.

«Как ты думаешь, дома ли теперь Фопперти?»

«Он уезжал куда-то на всю прошлую неделю, а теперь, верно, дома».

«Так лучше я сейчас же пойду к твоей бабушке и Фопперти и спрошу их, согласны ли они отдать тебя мне и матери моей на воспитание?»

«Пойдёмте, пойдёмте, дядя Соль! Я так рада. Только как же я к вам пойду жить?.. Ведь вам стыдно будет видеть меня, – прибавляет она грустно, указывая на свои лохмотья. – Это моё лучшее платье. Только, может, вам и не придётся покупать для меня новое; может, я и этого не изношу; вчера мама моя сказала мне во сне, что скоро я пойду к ней... Дядя Соль, – продолжает она, дотрагиваясь до его руки и смотря на него с каким-то странным выражением, – мне кажется, что я, как эти цветочки, не сделаюсь уж никогда лучше и что как они умирают, сделавшись красивее, чем когда-либо прежде, так и я никогда не стану добрей и лучше и что скоро и мне придётся умереть...»

«Не говори так глупо, дитя, – отвечает ей Бробити, нетерпеливо и невольно прибавляет, чувствуя, что эта девочка сделалась для него дороже прежнего ещё. – Разве ты желаешь огорчить дядю Соля?»

«Нет, нет, – поспешно оправдывается Бесси, которая давно всем сердцем привязалась к ласковому старику, – я не хочу огорчать вас, только я сказала то, что я думаю. Пойдём же к бабушке».

И, оставив сад, они направляются к соседнему переулку и входят вместе в разрушенный дом.

При входе их старая родительница, с пучком на голове, ещё растрёпаннее обыкновенного, поспешно закупоривает бутылку, наполненную жидкостью чрезвычайно подозрительного цвета и ещё подозрительнейшего запаха, из которой она с наслаждением пила в ту самую минуту, когда её потревожила растворяющаяся дверь.

Поспешно вскочив на ноги, она ставит бутылку под стол и ныряет к ним навстречу с приятной улыбкой на беззубом лице, хотя Соль ясно расслышал, как она проворчала, увидев их:

«Чёрт дери эту девчонку».

«Бабушка, – говорит Бесси, – вот тот господин, у которого такие хорошенькие цветы. Он хотел сказать вам что-то».

«Добро пожаловать, сэр, – ответствует родительница с таким выражением на лице, что гость поневоле должен принять приветствие за совершенно противное. – Боюсь, что вы найдёте наш

дом менее спокойным, чем вы привыкли. Вас и посадить-то почти некуда», – продолжает она, придвигая к нему стул, напоминающий старого, хромого на обе ноги ветерана.

«Не беспокойтесь за меня, – учтиво отвечает старик, осторожно усаживаясь. – Как поживаете?»

«Окромя ломоты своей, по случаю чего я только что принимала лекарство своё, как вы вошли, слава Богу, чувствую себя довольно здоровой, сэр».

Не зная наверное, благодарила ли почтенная леди Бога за лекарство или за здоровье, «дядя Соль» пришёл к невольной паузе и не знает, как начать говорить о своём деле.

Так прошло несколько минут на маленьких разбитых стенных часах, которые весело чичикали во время молчания, как бы радуясь случаю быть услышанными новым гостем.

«Мистрис Педлар, – начинает, решившись, наконец, Бробити, – надеюсь, что вы не примете в дурную сторону ни моё непрошеное посещение, ни некое предложение, которое я желаю вам сделать. В случае если я должен буду получить отказ, прошу вас не забывать, что я поступаю единственно в виду совершить доброе дело и помочь ближнему. Я сильно привязался к этой девочке, так как я холостой старик и не имею своих детей; состояние моё независимо и Бог послал мне более богатств, чем вам, не потому, чтобы я заслуживал его более вас, – прибавляет старый джентльмен, спохватившись и боясь, что обидел старуху, – о, нет! только уж так это как-то случилось помимо моих заслуг, и я задумал себе, что, быть может, с моими средствами я сумею скорее развить воспитанием замеченную мной необычайную понятливость этого ребёнка, нежели можете то сделать вы, средства которой ограниченнее».

Мистрис Педлар не отвечает и только кивает головой, начиная морщиться и кряхтеть. Так как Солю трудно угадать, происходит ли это кивание вследствие молчаливого одобрения или же ломоты, то он и решается продолжать.

«Я считаю лишним исчислять перед вами все выгоды, которые я надеюсь предоставить Бесси с Божией помощью, если вы только мне её отдадите. Надеюсь также, что последнее вполне зависит от вас и от сына вашего. Я прошу у вас позволения законно усыновить её; она станет жить с моей матерью и со мной и будет считаться за родную дочь у нас; добавлю одно: она сама желает этого».

Мистрис Педлар, которая слушала до того внимательно и бесстрастно, узнав, что маленькая Бесси сама желает оставить её, вдруг разражается самыми крикливыми рыданиями и воплями, приговаривая, что никто не любит её, бедную старуху, и что она сильно подозревает, что никто никогда и не полюбит!

Хотя Соль Бробити смутно начинает сознавать всю вероятность подобного подозрения, однако же, честное сердце старого джентльмена тронуто и он чувствует себя сконфуженным.

«Какую пользу аль радость, – приговаривает родительница, – принесли мне все мои заботы, все мои мучения и хлопоты об этой девчонке? Работала я, как каторжная на цепи, для неё, берегла, холила, и для чего всё это, когда она даже не любит меня. Разве не была я для неё и матерью, и о... – старуха чуть не сказала «отцом», но спохватилась вовремя и заменила, – и бабушкой; и вот теперь она бросает меня, не предложив мне даже за все мои труды пятифунтовой бумажки! Горько это, очень горько, сэр, и вот почему так льются слёзы мои!»

Этот хитрый намёк не пропадает для мистера Бробити, и он уж готов предложить ей всякие утешения в этом роде, когда дверь отворяется и входит Фопперти.

Он с изумлением глядит на эту странную картину плачущей матери, незнакомого человека и маленькой Бесси, когда последняя бросается к нему на шею и нежно приветствует его.

Бробити, отрекомендовавшись мрачному хозяину, в нескольких словах уведомляет его о цели своего посещения.

Никакое перо не может описать удивления Фопперти при этом внезапном предложении. Можно было бы сказать, не прибавляя, что глаза его исчезли на целые пять минут и брови положительно решились никогда уж более не приходить в своё нормальное положение. С великим трудом этот джентльмен собирается с мыслями, чтобы ответить Солю.

«Когда бы вы предложили мне это, – говорит он, – двадцать четыре часа тому назад, то я прямо-прямёхонько отвечал бы вам “нет” и почёл бы себя правым. Но сегодня ветер подул с

другой стороны, и хоть я и не могу согласиться ещё разом, но подумаю и отвечу вам через несколько дней».

«Я и сам предпочитаю, чтобы вы подумали об этом серьёзнее, – говорит дядя Соль. – Когда решитесь, тогда и дайте мне знать».

Старуха, перед глазами которой ясно рисовались приятные миражи в виде пятифунтовых билетов, заранее превращающихся в её игривом воображении в различные полезные бутылки с «лекарством», заметив, что Фопперти и не думает упоминать о вознаграждении, считает священным долгом вмешаться в разговор.

«Конечно, Фопперти, – невинно замечает она, – что если мы отдадим Бесси, то было бы не лишним скрепить уговор тут же на месте несколькими фунтами задатка. Оно и лучше будет для самого джентльмена и для нас, которые столько поистратились для чужого ребёнка», – и эта престарелая дипломатка крепко моргает на Фопперти, как бы подсказывая ему роль.

Но почтительный сын только искоса взглядывает на неё и так же почтительно отвечает:

«Не торопитесь так, матка, выставлять перед чужими, что вашему мозгу не перевесить и выеденного яйца. Это всякий приметит и без вывески, – и, обращаясь снова к Бробити, говорит. – Если бы вы осмелились мне предложить денег за Бесси, то недолго бы я стал разговаривать с вами. Я слишком люблю девчонку, чтобы согласиться продать её. Но я сам думаю, что ей будет лучше у вас, чем у нас», – и Фопперти грустно взглядывает на Бесси.

«Быть может, сэр, – продолжает Фопперти, – лучше вам знать наперёд, как стоит всё дело. Бесси мне не родная. Мать давно умерла и отец... Нет, лучше и не говорить про отца, он о ней и не вспомнит, я думаю. Если хотите принять девочку за дочь, берите её, я не имею на неё никакого права; одно прошу у вас, позвольте мне иногда навещать её».

«Я желал бы знать ещё одно, – замечает Бробити. – Далеко ли отсюда живёт отец её?»

«Этого не могу вам сказать, не имея на то права. Знайте одно: живёт он не за горами».

«Как вы полагаете, потребует ли он её когда?»

«Трудно поверить тому с его стороны. Я упомянул о нём не потому, чтобы думал, что это случится, а только потому, чтобы знали, что есть у неё отец».

Тут мистрис Педлар, выждав удобную минуту, делает новую вылазку на неприятеля и замечает, что, по её мнению, самой действительной из всех предохранительных мер против такой случайности было бы заплатить джентльмену двадцать или тридцать фунтов и получить расписку от них в доказательство законного его владения девочкой.

Но эта предохранительная мера не была встречена с тем восторгом, которого вполне заслуживала, и Фопперти снова заметил ей, что её черёд рассуждать наступит, когда её вызовут; поражённая со всех сторон, родительница принуждена[157] отступить с уроном.

«Что ж, мой добрый друг, – заметил после нескольких минут размышления Бробити, – я рискну, во всяком случае; надеюсь искренне, что отцу её никогда не вздумается отнять у меня ребёнка. Что касается до вас, то вы всегда и во всякое время можете рассчитывать быть принятым с величайшим радушием в моём доме».

«Когда хотели бы вы её взять, сэр? – спрашивает Фопперти, угрюмо отвернув голову и не смотря на него. – Уж если расставаться с нею, так лучше окончить это дело разом».

«Чем скорей, тем лучше. Я сейчас же отправлюсь домой и предупрежу мать мою обо всём и позабочусь вместе с тем, чтобы всё было готово к её приходу».

«Ладно, сэр; я приведу её сам перед вечером».

Бесси, которая не спускала всё время глаз с Фопперти, поняла инстинктивно, как горько было ему отдавать её в чужой дом. Губы девочки задрожали и крупные слёзы покатились по бледным щёчкам. Заметив это, Фопперти, быстро нагнувшись к ней и гладя по голове, спрашивает ребёнка:

«Разве ты не хочешь идти к джентльмену, Бесси?»

«Нет, хочу, Фопперти. Только мне и тебя очень-очень жалко. Ты был добрым и ласковым со мной, мой дорогой Фопперти, и я тебя никогда, никогда не забуду!» – и, окончательно разрыдавшись, девочка повисла на шее у него.

[157] Далее зачёркнуто: была.

Чтобы скорее прекратить эту сцену, добрейший старый джентльмен, распрощавшись со всеми, почтительно уходит, захватив в сжатые губы один из концов упрямых бакенбард, который с таким упорством щекотал ему последние минуты нос, что у него даже выступили слёзы на глазах от этого неприятного ощущения.

Родительница, не находя исхода для своей ярости, заснула на стуле вследствие огорчения и сильного приёма лекарства до прихода гостей, и, испуская тяжёлое прерывистое храпение, губы её бормочут в самом сне:

«Двадцать *фунтов*... оно лучше бы...»

Глава XXXIII

Выводит на сцену Джо Слоджерса. Что из этого происходит

Несмотря на окружающее его однообразие и скуку, Дик Дэтчери не выказывает ни малейшего намерения расстаться с кафедральным городком и, как видно, решился поселиться в нём до конца дней своих. Судя по его деятельности и частым отлучкам из дому, можно предположить, что старый холостяк нашёл себе какое-либо чрезвычайное развлечение, которым он и наслаждается, не делясь[158] им с другими;[159] как бы то ни было, но жители Клоистергэма, старые, как и молодые, начинают смотреть на него как на одного из сыновей Клоистергэма, и он пользуется всеми привилегиями и почестями старого переселенца.

Почти ежедневные его посещения к минор-канону, правда, привлекли на себя внимание той части праздных сплетников обоего пола, какими украшается без малейшего исключения всякий маленький городок; Клоистергэм же более прочих братий страдал этой ядовитой эпидемией, для которой токсикология не успела ещё прибрать названия, но, употребив все старания свои, чтобы найти что-либо подозрительное в этих частых визитах, они принуждены были, наконец, выпустить Дэтчери целого и невредимого и впиться голодным жалом в другую жертву.

Без всякой видимой причины, как и в первом случае, мистер Дэтчери также часто заглядывает в гостиницу «Крозгёр» и запирается там в одном из номеров, оставаясь по часу и долее ежедневно, но самым необычайным обстоятельством во всеобщем мнении[160] служит следующий факт: были найдены неопровержимые доказательства о существовании горячей дружбы, таинственно возникшей, между холостяком и двумя другими лицами. Одним из этих лиц был мистер Дёрдльс, дружба которого во всю его долгую жизнь не простиралась ни на кого, кроме верных ему «костлявых»; другое лицо, совершенно уж поставившее в тупик бедных жителей неправдоподобностью подобного факта, было Депутатом. И, несмотря на всё это, непреложная истина факта заявлялась сама собою. Часто видывали Дэтчери, сидящего по вечерам в недрах городской стены в жилище мистера Дёрдльса, дружелюбно разговаривающего с последним при свете сального огарка и окружённого печальными неоконченными памятниками будущих кандидатов на эти последние жилища. Болтливая тень рисовала при этом перед изумлёнными глазами очевидцев фантастические очерки другой фигуры, и в безумной пляске этой тени на закоптелых стенах комнаты зрители узнавали много знаменитого в клоистергэмской летописи Депутата. Было вообще замечено с приличными случаю комментариями, что сей юный джентльмен, который мог бы с честью выполнять роль палача в библейские времена, а в настоящее время принял на себя за неимением лучшего обязанность страстного дилетанта в побивании камнями всех и каждого, никогда не выбирал своей целью седовласого переселенца, но обходил его с необычайными в сём молодом гладиаторе предосторожностями.

Случилось так, что в одно прекрасное утро, вскоре после последнего посещения Джаспера в подземелье, вышла из гостиницы «Крозгёр» новая и незнакомая городу личность. То был молодой человек лет тридцати с чрезвычайно странной наружностью. Лицо его было до такой степени смугло, что можно было легко предположить, что он не уроженец Англии. Чёрные как смоль курчавые волосы низко падали на лоб, а на правом глазу красовалась чёрная повязка, совершенно закрывавшая ему сей орган зрения и придававшая ему вследствие этого как бы неловкую боязливую походку. Человек этот одет в грубое[161], но довольно чистое платье, что и заставляет предполагать в нём рабочего в изрядных обстоятельствах; он, по-видимому, совершенно чужой в Клоистергэме и долго колеблется, в какую сторону он должен идти. Маленький узел, тщательно завязанный в красный бумажный платок, висит на палке, которую он перевесил через плечо. Старая фуражка низко нахлобучена на больные глаза, неловко сидит на голове и он снимает её по

[158] Далее зачёркнуто: с н.
[159] Далее зачёркнуто: но.
[160] Далее зачёркнуто: был.
[161] Далее зачёркнуто: платье.

дороге несколько раз, обтираясь платком, но тотчас же снова надевает, как будто опасаясь сильного ветра, дующего с реки. Он медленно направляется к собору, с любопытством осматриваясь во все стороны. И если бы требовалось последнее сильное доказательство тому, что он новоприезжий в городе, то оно явилось бы в виде протяжных свистов, выражающих изумление и подкрепляемых визгливыми криками восторга со стороны группы мальчишек в более или менее оборванных одеяниях, которые приветствуют по-своему странника с тем природным инстинктом в них, который безошибочно позволяет им признать с первого взгляда чужестранца.

Но путешественник не обращает на них внимания и продолжает свой путь. Достигнув до дома у калитки, он останавливается и озирается, видимо, ожидая какую-нибудь добрую душу, которая указала бы ему на то, что он ищет.

Но так как переулок пуст в эту минуту, то он и садится в ожидании первого прохожего на камень, лежащий возле калитки; и, вероятно, почувствовав голод,[162] вынимает из-за пазухи кусок хлеба с сыром и принимается завтракать с большим аппетитом.

В это самое утро достойнейший кафедральный пономарь мистер Топ, окончив возложенную на него обязанность запирать двери после всякой отошедшей службы, исполняет это с обычной своей аккуратностью и направляется домой к супружеской трапезе, погружённый в глубокие медитации касательно тяжёлой ответственности, принятой им вместе с почётным званием пономаря.

Кроме этого, ум мистера Топа нашёлся вынужденным к необычайному для него процессу размышления за всё это последнее время, и мистер Топ положительно сознаёт в себе присутствие какой-то проблемы – «смутного чего-то», выражаясь его собственными словами, как бы тумана, нависшего на топскую обитель или, скорее, на весь дом у калитки с самого того дня, как поселился в нём мистер Дэтчери. Вследствие этого пономарь посвящает все свои свободные от служебных обязанностей минуты на старания проникнуть в этот туман и окончательно дать себе в нём отчёт.

С поникшей головой и заложенными за спину руками проходит пономарь возле незнакомца и, по всей вероятности, не заметил бы его, если бы не услыхал неожиданного:

«Доброго вам утра, сэр».

Немудрено, если внезапно отторгнутый от глубокой задумчивости Топ вздрагивает и глядит на этого пришлеца с чёрной повязкой на чёрном лице с некоторым смутным ощущением страха как на новый предмет, являющийся ему с целью ещё более запутать все его теории. Незнакомец, привстав с места, идёт к нему, глупо улыбаясь, и в этой улыбке Топ, подозревая нечто дьявольское, шепчет помимо воли своей:

«Избави нас, Господи, и огради от лукавого и сетей его».

Незнакомец, приметив внушаемый им страх, снова широко оскаливается и говорит Топу:

«Не пужайтесь, господин, и не дёргайте так ногами. Я ведь не трону вас. А вот я ищу здесь по соседству дядю моего, который намедни писал мне в письме, чтобы беспременно приехать к нему в гости, так как одному ему, видно, скучно. А так как я здесь чужой, то и не знаю, кого бы порасспросить о нём. Может, вы».

И он вынимает из сильно грязного кармана столь же сильно грязное письмо. С великим трудом различает Топ под этой непроницаемой корой грязи чьё-то знакомое имя и прочитывает, наконец, имя «Дика Дэтчери».

Сердце мистера Топа болезненно начинает биться в груди при открытии этого нового подкрепления к терзающей его тайне, и, не отвечая ни слова, он ведёт незнакомца прямо в комнату мистера Дэтчери. Последний бросается к входящему с шумными изъявлениями радости и представляет его пономарю как своего любезного племянника Джо Слоджерса, сына единственной сестры.

«Весьма, весьма рад снова видеть тебя, племянник, – восклицает Дэтчери. – Давно не видал я тебя, а всё-таки всюду бы узнал сейчас же! Надо сказать вам, мистер Топ, что этот молодец – живое изображение, фотография моей милой сестры, а его матери, сэр, те же манеры, те же

[162] Далее зачёркнуто: он.

волосы, тот же превосходный цвет лица! Если вы когда встретите его мать, мистер Топ, то тотчас же узнаете по сходству её с ним».

Пономарь одобрительно кивает, невольно думая при этом, что если у сестры Дэтчери или у другой какой женщины да был бы такой цвет лица, то следовало бы всякому добросовестно посоветовать ей не очень им хвастаться.

«Ну, Джо, – продолжает Дэтчери, – а как поживают там наши все дома, в деревне? Все живы и здоровы? Но ты, может быть, голоден с дороги? Когда ты приехал?»

«Вчера поздно вечером и переночевал в гостинице, так как было поздно искать вас», – отвечает, странно шепелявя, племянник.

«Мистер Топ, прикажите-ка подать нам что-либо закусить, до обеда ещё далеко», – замечает холостяк, суетясь возле племянника.

Мистер Топ вспоминает при этом о собственном забытом завтраке и уходит, расслышав, впрочем, как нежно осведомляется дядя у племянника о его больных глазах и что-то о выколотом глазе, но холостяк призывает его тотчас же назад, прося предупредить мистрис Топ о том, что ей надо будет впредь приготовлять обед на двоих.

Мистер Топ снова уходит и снова принуждён вернуться на зов Дэтчери, который просит его сходить к мистеру Джасперу наверх и извиниться перед ним за него в том, что по случаю приезда племянника он не может сопутствовать ему в этот вечер в прогулке их по реке.

После ухода мистера Топа дядя и племянник долго смотрят друг на друга и вдруг разражаются громадным хохотом. Долго хохочут они, но Дэтчери оправляется первым и говорит шёпотом:

«Очень счастливо, что вы встретили именно его первого. Не пройдёт получаса, как весь город узнает, что к Дэтчери приехал его племянник. Но тише, вот идёт мистрис Топ с завтраком».

Оставив их подкреплять силы свои завтраком, взойдём наверх и посмотрим, что делает музыкальный учитель в это время.

Джаспер сидит, по обыкновению, один. Хотя Джаспер сделался ещё бледнее, а постоянная нервная дрожь в руках усилилась ещё более, но Джаспер веселее прежнего и поспешно укладывает маленький чемодан.

Оставив Дэтчери и позавтракав сам, пономарь отправляется наверх исполнить возложенное на него старым холостяком поручение.

Джон Джаспер не делает никакого замечания насчёт прогулки, но равнодушно обращается к Топу с вопросом:

«Что ж, Топ, большое ли семейное сходство между дядей и племянником?»

«Могло бы быть посовершеннее», – ворчит Топ.

«Как так, совершеннее?»

«Цвет лица, – ответствует Топ лаконически. – Слишком похож на цыгана. Да зато такой же чудно̀й, как и дядя. Вот в этом-то так большое сходство».

«Может быть, мистер Топ, вы не судья в красоте, – произносит Джаспер с таким видом, будто мысли его заняты совершенно другим, и тотчас добавляет. – Кстати, постарайтесь, Топ, обойтись без меня эти дня два; я еду в Лондон».

«Часто же вы ездите туда, сэр», – замечает пономарь; и так как Джаспер не отвечает, занятый приготовлениями, то почтенный Топ, постояв ещё немного, уходит к себе.

Тот же грязный задний двор, как и в первой главе, та же дрожащая лестница скрипит и стонет под поспешной поступью высокого мужчины, который, достигнув двери, не даёт себе труда постучать, но, бесцеремонно отворив её, входит в знакомую грязную каморку.

«Где комиссар для почётной встречи гостей?» – произносит мужчина, входя.

Из-за полуразвалившейся железной кровати раздаётся шорох и за ним хриплый кашель и, медленно подымаясь с низкой скамеечки, встаёт Принцесса Курилка. Взяв маленькую, полную копоти ручную лампу, она подходит к мужчине и, подняв огонь к лицу его, пристально рассматривает, как бы не узнавая.

«Я что-то не припомню вас, ягнёночек, – замечает она, – но всё же добро пожаловать, войдите. Покурить пришли, миленький»? – продолжает Принцесса, покашливая.

«Так вы и не узнаёте меня даже?» – осведомляется Джаспер, сомнительно рассматривая её.

Хриплый, порывистый кашель овладевает старухой и душит, пока глаза её наполняются слезами, а веки делаются ещё краснее.

«Никогда и не видала вас, мой добрый джентльмен, в жисть[163] свою не видала, – бормочет она, с трудом переводя дыхание. – Я, может, что и впрямь забываю. Оно и немудрено, как подумаешь, что такой-то уж я старой делаюсь, такой старой, что насилу могу припомнить саму себя подчас, да и лёгкие мои всё делаются худше да худше».

«А других посетителей вы также забываете?» – осведомляется Джаспер, продолжая посматривать на неё всё ещё так же недоверчиво.

«Мало я и вижу кого из посетителей теперь», – невинно отвечает Принцесса, борясь с новым припадком кашля, который был принят Джаспером за последний в её жизни, так оказался он силён.

«Ох, ох, родименькие! – вопит старуха. – Лёгкие мои убьют меня, право, убьют!»

Но она возвращается, наконец, к жизни, и Джаспер, сняв сюртук, садится на железную кровать, как на какое необходимое орудие для приготовляющихся таинственных чар. Старуха неслышно крадётся по комнате туда и назад, собирая все принадлежности околдованного зелья и представляя собою в полумраке закопчённой лампы какое-то олицетворение баснословной ведьмы. Она чувствует на себе пытливый взгляд регента, но ни словом, ни делом не выказывает сознания в нём.

Она подстригает теперь лампу, обернувшись спиною к Джасперу, и на морщинистом лице её выражается такая адская насмешка, что, глядя на неё, можно подумать, что вместо лампы ей представляется, будто она отрезает тупыми ножницами голову невидимого лютого врага.

Затем она ставит лампу таким образом, что свет её, ярко освещая Джаспера, оставляет её саму в тени, и спрашивает:

«А как давно мешала я опиумец для вас, миленький?»

«Давно уже. Так давно, что я и позабыл когда».

«А разве вам такой далёкий путь отсель, что вы совсем отпали от меня?» – так же невинно переспрашивает старуха, с упрёком качая головой.

«Да, далёкий, – нетерпеливо отвечает он. – Да ну же, скорее, нечего там стоять да болтать всю ночь! Приготовляйтесь да поменьше говорите».

«Не серчайте, миленький, не серчайте, – произносит она ласково. – Знаю я, что вас нетерпение берёт начать скорей. Они все таковыми делаются, как раз попробуют моего смешеньица. Да и не мудрено, так как уж давно известно всем, что никто не может так мешать, как я. Даже вон тот китаец напротив, чего уж природный сам опиумец, да и он всё бегает за мною да старается разузнать мой секрет; да никому не удастся у нас выведать его, не правда ли, а, золотой?»

В продолжение этого самовосхваления старуха сидит на корточках и раздувает огонь положенного ею уголька на трубку. Так как операция была почти готова, то Джаспер скидывает и сапоги и растягивается на постели, нетерпеливо ожидая приготовленного наслаждения.

Она придвигает неторопливо скамейку к постели и, прикладывая конец гибкого чубука к джасперовским губам, начинает раздувать с такою силою, что лицо её темнеет от прилива крови.

«Это самый наилучший из моих порошков, красавчик, и я нарочито приберегаю его для моих лучших благоприятелей, зная, что уж они сумеют отблагодарить старуху за это», – приговаривает она.

Между тем Джаспер впивает в себя с наслаждением дым трубки, но действие оного заставляет себя ждать. Он слегка морщится, продолжая затягиваться, и вдруг отымает чубук ото рта, приподымается и упрекает её в том, что она надувает его и что опиум не действует.

«Клянусь честью своей, дорогой джентльмен, – восклицает Принцесса, – что это лучший мой товар. Попробуйте ещё, миленький, а я помешаю ещё».

И она снова мешает длинной иголкой, а Джаспер, принимая прежнее положение, начинает опять курить. Она наклоняется над трубкой и, делая вид, что продолжает дуть на угли, стережёт его тихонько, по-кошачьи, но он не замечает этого; опиум начинает действовать. Даже и теперь он

[163] жизнь (*разг.*).

всё ещё льнёт губами к чубуку, как бы боясь потерять малейшее действие[164] опьянения, которое хоть медленно, но верно овладевает им,[165] помрачая мозг. Ещё одна минута и чубук выпадает у него из руки, а он опрокидывается на спину. Но старуха недовольна ещё; взяв чубук, она подносит его снова к его губам и держит таким образом, пока уголь потухает и чубук не дышит более. Лампа освещает его спазматическое лицо и полузакрытые тусклые глаза, а она, нагнувшись над ним, еле дышит, боясь проронить первое слово – звук этих губ, конвульсивно поддёргивающихся от усилий заговорить. Недолго ждёт она, губы раскрываются и он, тяжело ворочая прилипающим к гортани языком, неясно бормочет. Она прикладывает ухо к его губам, но не может уловить ничего, кроме неопределённых звуков, и тогда, тихо охватив его обеими руками, она начинает ворочать его со стороны на сторону, как бы укачивая; минут через пять усилия её вознаграждены, и она ясно слышит следующие слова:

«Странная, страшная дорога, неужели никогда не достигну я до конца... её?»

«Вы не один, голубчик, много и других идут с вами по той же дороге, а, миленький?» – лукаво подсказывает она

«Да, тысячи, и тысячи тысяч, и миллионы миллионов!»

«А вы многих знаете из них? Не всех, конечно, а только некоторых? А, красавчик?»

«Конечно, не всех, дура! Но вон – там, на другой стороне – стоят такие, что я где-то видал прежде, но не помню где. Зачем они не отходят от меня и следят за мной, когда все прочие бегут?»

Он вскакивает и, сидя на постели, облокачивается на локоть, но Принцесса поспешно берёт другой уголь и, подсыпав на трубку, снова прикладывает чубук к его губам. Машинально втягивает он дым и снова падает навзничь, а она начинает спрашивать:

«Нешто[166] они не пускают вас, миленький, уйти от них подальше?»

«Я и так ушёл, – произносят с угрюмой насмешкой губы, – но как это странно – я ухожу от них и не вижу их, а глаза их чувствую?»

«Может быть, миленький, вы кого другого принимаете за них?»

«Разве ты думаешь, что я так мало знаю *его* и *её,* чтобы не узнать их всюду?»

«Разве попробовать прогнать их, ягнёночек?»

«Я и сам справлюсь один», – хрипло шепчут губы.

Является непродолжительная пауза, и пот падает крупными каплями с лица, которое принимает землистый оттенок... Ещё раз вскакивает Джаспер, восклицая яростно:

«*Он* исчез, я избавил себя от него, но я предупреждал *его*! Разве я не предупреждал *его*?» – продолжает он, схватывая её с диким криком за обе руки и ломая их.

Старуха даже не морщится под натиском впивающихся ей в тело ногтей и подстрекает его новым вопросом:

«Конечно, миленький, что вы остерегали его. Я сама слышала ясно как Божий день, как вы предостерегали того, да, Нэда...»

И, сдерживая дыхание, она впивается в него глазами.

«Нэда; Нэд пропал, он не станет более на моей дороге, но как быстро, скоро пропал он, а она, она…»

«Ну а где же она-то, миленький?.. А?»

«Чу! Вот она, она осталась, нет, она не исчезла с ним, она здесь, тише, тише, она не ждёт меня, не видит, тише. *Вот*, она моя наконец, она в руках моих, но тот, тот, зачем я, он не мешал бы мне. О, горе! Горе и глупость!»

И, дрожа с головы до ног, он начинает кататься по постели; в диком бешенстве затем испускает несколько страшных криков и, упав снова навзничь, засыпает мёртвым сном.

Что-то завёрнутое в бумажку выпадает у него из жилетного кармана во время пароксизма и мгновенно привлекает к себе зоркие глаза старухи. С быстротой дикой кошки набрасывается она на это *что-то* и, захватив добычу одной рукой, сжимает её в кулаке, а другой, свободной рукой,

[164] Далее зачёркнуто: этого.
[165] Далее зачёркнуто: и.
[166] неужели, разве (*прост.*).

прикладывает сызнова чубук к почти бесчувственным губам в виде лишней роскошной предосторожности.

Но Джаспер лежит как колода и почти не дышит. Уверясь в его беспомощности, старуха бросается к лампе и, открыв бумажку, находит в ней золотой медальон на голубой ленте и бриллиантовое кольцо. Быстро прячет она эти вещи в кучу сора у камина и садится на прежнее место у кровати.

Часа два не просыпается Джаспер под влиянием этого тройного приёма. Но, наконец, в нём начинают появляться лёгкие признаки пробуждения, и он как будто выходит из своей летаргии, раскрывая тусклые, отуманенные опьянением глаза, но снова засыпает.

«Ох, дорогой мой, – восклицает Принцеса, – надеюсь, что теперь уж вы не станете заподозривать более бедную старуху в обмане? Крепко же вы выспались, миленький, так крепко, что я думала уж, что никогда не проснётесь более...»

Она не оставляет его более, а сидит неподвижно на своей скамеечке, следя за ним по-прежнему в надежде, что он снова заговорит. Но Джаспер крепко спит; старуха пользуется случаем и временами с наслаждением грозит ему кулаком, поднося его прямо к лицу спящего и бормоча себе под нос далеко не лестные для него замечания.

«А ты думал, миленький, – шепчет она, – что я и в самом деле забыла тебя сдуру да со старости. Ах, ты мой лукавый мешочек с хитростями! Как бы не так! Так я тебя и позабуду. Скоро, скоро ты узнаешь, хороша ли у меня память, аль пришибло её от старости, не станешь плясать ты в тот денёк! Нет, не станешь».

Заметив в нём признаки настоящего на этот раз пробуждения, Принцесса отбрасывается назад и, положив голову на постель в ногах его, притворяется спящей.

Джаспер испуганно вскакивает и, протирая глаза, старается собраться с мыслями.

Озираясь кругом тупо и вяло спросонку, он замечает старуху, сладко спящую. Он заговаривает с ней, но она не слышит. Тогда, тихо встав с постели, как бы боясь разбудить её, он одевается[167] поспешно, приготовляясь уходить;[168] взяв шляпу, он кладёт на видном месте на стол деньги и исчезает на лестнице.

Принцесса прислушивается, пока не слышит стука затворяющейся входной двери; вскочив с удивительной для её лет быстротой, она хватает платок и, закутываясь в него, бежит вслед за ним, боясь потерять его в темноте. Городские часы медленно бьют полночь, когда старуха настигает его почти уж за углом улицы. Осторожно держась в тени строений, она следит по его пятам через улицы, скверы и тёмные закоулки. Дойдя до первой площади, он зовёт наёмный кэб и, сказав несколько слов извозчику, садится и уезжает.

Но Принцессу трудно надуть в исполнении раз задуманного плана. Не медля ни секунды, она призывает другой кэб и, садясь в него, объясняет его владельцу, чего она желает.

Многочисленность горьких уроков, полученных на самоличном опыте, заставляет этого джентльмена широко оскалиться, взглянув на её нищенскую фигуру, и порождает в нём естественно следующий вопрос:

«А кто заплатит мне за эту роскошную прогулку, моя червонная краля?»

Принцесса поспешно вынимает пригоршню серебра и торопит его, боясь упустить из виду далеко уезжающий кэб; отдав ему втрое, чем следует, она обещает ещё столько же, если тот догонит собрата. Слова её и деньги оказывают магическое действие, присвистнув и лукаво подмигнув ей, кэбмен мигом садится на козлы и догоняет увозящий Джаспера экипаж, держась на приличном расстоянии. Через несколько минут кэб останавливается, и Принцесса вылезает из него по приглашению кучера, который безмолвно указывает ей кнутом на другой, стоящий перед ними кэб, из которого вышел Джаспер и, стоя под фонарём, расплачивался с извозчиком.

Они находятся теперь на одной из самых многолюдных и оживлённых днём и ночью улиц Лондона, и это обстоятельство сильно помогает старухе следить за своей жертвой незамеченной ею. Джаспер быстро направляется по Стрэнду[169] и, повернув направо, выходит на набережную;

---

[167] Далее зачёркнуто: и.

[168] Далее зачёркнуто: и.

[169] Стрэнд (*англ.* Strand) – центральная улица Лондона, которая соединяет районы Вестминстер (центр политической жизни) и Сити (центр деловой активности).

после чего, пройдя ещё несколько улиц, он останавливается в узком и тёмном проходном корте[170], куда следует за ним безмолвная тень, останавливающаяся вместе с ним. Этот корт, один из самых пустых и грязных Лондона даже днём, казался теперь ещё пустыннее, если не грязнее. Глубокой древности дома окружали его четыре стороны, и так меланхолически смотрели они, опираясь полуразушенными стенами друг на друга, что, казалось, будто они ежеминутно замышляли совершить самоубийство, неожиданно обрушившись на проходящих, чтобы тем положить конец своему горестному существованию.

Один из этих домов отличался от сверстников своих более здоровыми и невредимыми стенами и неуклюжей, выкрашенной в зелёную краску дверью, среди которой можно было видеть днём грязную медную доску с зелёными же пятнами, точно будто бы она только что очнулась от холерического припадка; на доске стояло крупными буквами имя: Сландес[171].

Перед этой-то дверью остановился Джаспер и тихо постучал молотком раза три, терпеливо ожидая, чтобы его впустили.

Курилка прокралась ещё ближе к музыкальному учителю под верным покровительством непроницаемой окружающей их тьмы с твёрдым намерением пробраться за ним в самый дом, если только будет возможно.

Через минуту послышались шаги и отодвигание железных запоров. Принцесса заметила тотчас же, что дверь не запиралась на ключ, так как она чутко прислушивалась и слыхала бы звук повёрнутого ключа. Джаспер, обменявшись несколькими словами с особой отворившей ему, осторожно вошёл, но почему-то остановился ожидать в коридоре у полуотпертой двери. Оказалось, по нескольким расслышанным старухою словам, что то была служанка, которая ходила осведомляться у хозяйки, может ли она принять посетителя в такой поздний час ночи.

К счастью старухи, последняя оказалась самой хозяйкой; уводя гостя наверх, Курилка слышала, как она приказала кому-то запереть дверь, но служанка вследствие собственных комбинаций заблагорассудила отправиться сперва вниз на кухню, и дверь оставалась отпертой в продолжение нескольких минут. Принцесса воспользовалась немедля этим посланным самой судьбой случаем и, прокравшись в коридор, начала осторожно пробираться по лестнице на первый этаж. Очутившись на площадке, она заметила струю света, выходящую из неплотно притворенной двери, и, услышав два голоса, один из коих нетрудно было ей узнать, прижалась к двери и, притаив дыхание, стала слушать.

«Я получил вашу записку, мистрис Сландес, и тотчас же поспешил ответить вашему мужу, – проговорил он с запинкой, – послав ему самые подробные распоряжения насчёт этой так ловко похищенной им молодой девушки. Я считаю лишним видеться с нею, пока она не примирится с мыслью принять меня и не согласится сделаться моей женою».

«Да, – отвечал томный голос, – вся эта штука великолепно удалась, мистер Джаспер, и я заранее была уверена в успехе, зная хорошо, что раз как мой Эдгард[172] возьмётся за что, то непременно выполнит с полным успехом. Одного я боюсь, чтобы эта глупая девочка не наделала нам беды; нервная система её до такой степени потрясена, что я питаю самые меланхолические опасения за неё. Вы знаете, как я чувствительна и как малейшая безделица действует на мои собственные нервы. А она, отказываясь от всякой пищи, только и делает, что стонет да плачет, призывая какого-то Грейджиуса да прося небо соединить её скорее с её бедным, бедным, да, вспомнила, с её бедным Эдди, кажется...»

«Я не просил вас сообщать мне этих подробностей, – грубо восклицает Джаспер, – приберегите ваши замечания для более точного рассказа об интересующем меня более всего похищении, и тогда я услышу от вас всё то, что желал бы слышать или знать».

Если бы томная мистрис Сландес могла ответить ему обо всём том, что могло показаться ему интересным, и заявить, между прочим, и о том факте, что в эту самую минуту стояла за дверями некая знакомая ему старуха, яростно потрясающая сжатыми кулаками по направлению голов, то быть может, что подобное известие и было бы принято им повежливее, нежели намёк о

[170] дворе (*англ.* court).
[171] **Slanduce.**
[172] **Edgar.**

племяннике, но мистрис Сландес, находясь сама в полном неведении относительно этого обстоятельства, не сообщила ему оного.

Но мистрис Сландес, по-видимому, перенесла вышеупомянутую дерзость чрезвычайно хладнокровно, так как томный голос её снова послышался в свою очередь, и она ответила ему, что если он хочет узнать подробности похищения, то ему остаётся лишь успокоиться и предоставить ей время рассказать ему обо всём, чего она никак не может выполнить, пока он станет «бесноваться».

Этот дружеский совет принимается, и хозяйка начинает своё повествование тем же томным голосом:

«Вы должны знать, во-первых, что когда мой Эдгард достаточно получил сведений об образе жизни этих двух особ в Соутэмтонской[173] улице, то он тотчас же понял, что единственный случай для него касательно верного похищения может представиться ему только по утрам и в те часы, когда улица эта почти пуста, а для опекуна слишком ещё рано являться. Он делал уже несколько попыток и прежде, но они не удавались, так как ваша птичка никогда не выпархивала одна. Только что он проезжал в то утро по обыкновению своему перед домом, выискивая, не представится ли ему более счастливый случай, как вдруг он заметил её, выходящую одну из дому и идущую по направлению к Степл-Инну. План его был тотчас же составлен и, приказав кучеру отъехать немного назад и ожидать его на том же месте, он вышел из кареты и догнал девушку. На вопрос его, не она ли мисс Бёд, она отвечала утвердительно. Тогда, приняв таинственный вид, он объявил ей, что недалеко отсюда ожидал её в карете один молодой джентльмен, который желал бы сказать ей слова два наедине, так как он имел причины не показываться и к тому же был так ещё слаб после болезни, что ему физически было невозможно выйти без посторонней помощи из экипажа. Она казалась чрезвычайно заинтересованной и, краснея, спросила об имени этого молодого джентльмена. Но Эдгард ответил ей, что он не имеет права открывать имени своего друга, но что если она согласится последовать за ним на несколько шагов, то сама узнает и, вероятно, обрадуется. Это он сказал наугад. Она очень покраснела, потом побледнела и, проговорив про себя: “Может быть, Эдди”, поспешила за моим Эдгардом к карете. Как только отворились дверцы, Эдгард схватил её и запер, карета помчалась и привезла её в сохранности к нам через несколько минут. Она упала в обморок с первой минуты и очнулась только здесь, наверху, где и продолжает с того самого времени плакать и призывать смерть».

«Надеюсь, что вы держите её взаперти и что окна забиты в случае какого-либо покушения с её стороны?» – спрашивает Джаспер с тревогою в голосе.

«О, конечно; не лучше ли вам самому пойти взглянуть на всё?»

Джаспер отвечает, что он предпочитает пока остаться невидимым для неё, но просит мистрис Сландес пойти взглянуть на Розу и принести ему ответ.

Слыша шаги выходящей хозяйки, Принцесса отбрасывается к стене с быстротой молнии и приносит внутреннюю клятву, что если мистрис Сландес откроет её присутствие, то она тут же задушит её на месте. Но подобная крайность оказывается бесполезной, и мрачная тень виселицы благополучно пролетает мимо старухи, так как хозяйка, поспешно выйдя из комнаты, прямо проходит на лестницу, ведущую наверх, не заметив её и счастливо избежав, в свою очередь, такой позорной смерти в восточном вкусе. Принцесса слышит, как она всходит на верхний этаж и, убедившись в том, что она уже вошла в комнату Розы по щелканью замка и стуку отворяющейся и запирающейся двери, спешит последовать за нею и, подкравшись к самому углу двери, прижимается к стене в темноте, ожидая возвращения хозяйки вниз, чтобы немедленно привести в исполнение задуманный ею план.

Недолго ей приходится ожидать; через несколько минут дверь снова отворяется и из неё выходит хозяйка. Старуха слышит, как она повёртывает в замке ключ, но ей кажется, будто она не вынимает его из замка, и с бьющимся сердцем ждёт Принцесса, пока шаги её замирают в отдалении.

Так ждёт она безмолвно и неподвижно, прижимаясь в своём углу, и глаза её сверкают в темноте, как глаза дикого зверя. Наконец, она слышит в ночной тишине, как Джаспер прощается с

[173] **Саутгемптон-стрит (Southampton Street) – улица в центре Лондона.**

хозяйкой, как скрипит под его ногами каждая ступень лестницы; слышится ей, как отодвигаются болты и засовы дверей и как дверь затворяется за ним с глухим шумом.

Но всё-таки Принцесса сидит неподвижно, боясь перевести дыхание и пугаясь биения собственного сердца. Мало-помалу в доме всё утихает, не слышно более шагов и наступает полное непрерывное безмолвие.

Тогда тихо привстаёт старуха, неслышными шагами идёт она к двери и, так же неслышно повернув ключ в замке, входит в тёмную комнату.

Осторожно подвигается она на цыпочках по комнате, широко расставив перед собою руки и стараясь различить предметы в темноте. Но это невозможно и она шёпотом произносит:

„Есть тут кто, что нуждается в помощи?»

«Кто там?» – восклицает испуганно нежный и слабый, очень слабый голосок.

«Тише, тише, моя ласточка; не дай Бог услышит кто, так и мне беда и вам помощи не быть. Я хочу вас ослободить[174]... помочь вам, красоточка моя бедная... Можете ли вы видеть меня?»

«Нет, но мне кажется, я узнаю ваш голос... О, если бы вы только могли помочь мне, спасти меня... – шепчет отчаянный голосок. – Вас щедро наградят за то, кто бы вы ни были!»

«Ну, о награде я не очень беспокоюсь, мисс; будет с меня и той награды, что помучу я злых людей. Можете ли вы свободно ходить, моя миленькая?.. Не ослабли ли вы крепко?»

«Могу, могу, – отвечает радостный голосок. – О, скорее только, скорее иль я не переживу здесь другого дня!»

Бедненькая Роза совершенно предаётся в руки старухи. Действуя по её совету, они обе снимают башмаки и так же тихо крадутся по лестнице вниз, вздрагивая при малейшем шорохе. Роза оставляет за собой шляпку и шаль, так как их невозможно было найти в темноте, и решается на всё, но достигнув благополучно до нижней площадки, силы покидают несчастную девушку, которая ничего не ела с предшествующего дня, и Роза падает без чувств. Храбрая Принцесса и тут не останавливается за такой безделицей; взяв её на руки, эта, по-видимому, слабая, тщедушная старуха доносит её до двери и, осторожно положив на пол, поддерживает её одной рукою, пока она шарит другой в темноте и не попадает на засов, который отодвигается также благополучно. Тогда, разом отворив дверь, она хватает снова Розу на руки и убегает с ней на улицу, далеко оставляя за собой корт. Но, добежав до набережной, Принцесса чувствует, в свою очередь, что ей невозможно идти так далее. К счастью, Роза, которую она посадила на первые попавшиеся ступени, начинает приходить в себя на чистом воздухе и объявляет, что может теперь идти далее.

В первый раз во всё это время Принцесса задаёт себе вопрос, куда ей вести Розу? Если бы девушка была посильнее, то они легко могли бы достичь до одной из главных улиц, на которых всегда можно во всякое время ночи найти кэб. Но в этой глухой части города не слышно даже и в отдалении стука колёс. По причинам, известным ей лучше самой, Принцесса не желала заводить новых знакомств с храбрыми и неусыпными ночными полисменами. Да на этот раз и не видать было ни одного из «неусыпных». И так старуха сидит в нерешительности, когда Роза объявляет ей, что им лучше всего идти прямо к «милому, доброму мистеру Грейджиусу».

И так, они обе встают и отправляются далее, старуха храбро решившись защищать «ласточку» до последней крайности.

[174] освободить (*прост.*).

Глава XXXIV

Трактует о разных разностях, а для вящего объяснения предыдущей главы знакомит читателя с мистером Питером Пеккрафтом

Если бы с незапамятных времён некоторые из членов великой человеческой семьи не страдали[175] от антикварной страсти, всю жизнь свою употребляя с пользой эту врождённую в них способность выкапывать из самых непредвиденных тайников всевозможные редкости, собирать, составлять коллекции и распределять их на классы, то всего вероятнее, что внуки их и правнуки оказались бы гораздо глупее, чем они есть в настоящую минуту; и фактические доказательства, подтверждающие разные теории о приятных и игривых свойствах допотопного джентльмена или же, что ещё интереснее, допотопной леди, не существовали бы, и поэтому не было бы достаточной причины для самолюбивого соревнования будущих поколений. Так, например, если бы величественные древние греки предали неблагодарному забвению своего слепого менестреля Гомера, то до нас не дошло бы таинственных слухов о клевете, ходящей в Индустане[176] между желтокожими потомками учёного законодателя Ману, наслаждавшегося на сей земле во времена махабхаратской[177] эры 1300 лет до Р.Х., о клевете на маститого греческого песнопевца, обвиняемого сими завистливыми браминами в том, будто бы он просто-напросто выкрал свои звучные песни у их древних поэтов, живших в преданиях допирамидных времён; далее, когда бы эти слухи не дошли до любознательных великобританцев, то им бы и в голову не приходило удостовериться на деле о справедливости подобного обидного заявления для греков, Англия не объявляла бы войны Индии, терзаемая учёными сомнениями, и вследствие сего, не покорив три четверти оной, не могла бы с гордостью лицезреть великобританского солнца, вечно торчащего над их владениями, а самое это солнце принуждённо было бы с краской стыда на благородном челе нырять каждый вечер в одни лишь грязные волны Темзы, поневоле довольствуясь такой позорной участью. Поэтому нам мало всей нашей жизни, чтобы достаточно отблагодарить благородных антиквариев, «труды которых живут и будут вечно жить», доставивших нам такие подробные описания тех, кто способствовали когда-то к населению земли, поэтично называемой «кораблем-мамонтом»[178]. И всякий раз как приходится сему кораблю, перебросив через борт своих старых матросов одного за другим в «океан будущей жизни», обзавестись молокососами, наш «мамонт» никогда не забудет внушительно посоветовать молодому народу приберечь некоторые материальные доказательства в существовании сих умственных и физических произведений древности для бóльшего соревнования в усовершенствовании грядущих поколений.

Никто не станет оспаривать того непреложного факта, что всякий из нас более или менее подвержен страсти владеть чем-нибудь таким, чего нет у другого, будь то старая монета, мебель, животное или растение; и хотя психологи сваливают подобную страсть насчёт людского себялюбия и врождённого чванства, но всё-таки неотъемлемое существование оной в человеческом сердце доказывает, что само Провидение посеяло в нас это чувство для сохранения лучших произведений Его в каждом последующем веке.

Горела ли в глубине доброжелательного сердца мистера Питера Пеккрафта подобная искра заботливости о благосостоянии грядущих поколений или нет, этого мы не возьмёмся решить, так как сему джентльмену не доводилось выказывать других наружных признаков, кроме заботливости о благосостоянии собственного кармана; одно было верно и несомненно доказано, а именно, что мистер Питер Пеккрафт в продолжение многих долгих годов своей жизни покупал и продавал всевозможные трофеи самой древней наружности и к тому же содержал приказчика, но находился ли этот приказчик в магазине редкостей как необходимая принадлежность оного или же

---

[175] Далее зачёркнуто: бы.

[176] Индостан (*англ.* Hindustan).

[177] Махабхарата (*санскр.* mahābhāratam, «Великое сказание о потомках Бхараты», по имени царя Бхараты, потомка древнего царя Куру) – древнеиндийский эпос.

[178] **Mammoth Ship** (*англ.*) – корабль-гигант.

в виде добавочного украшения, клиентам мистера Пеккрафта не удалось решить. Знали они, что то был приказчик, потому что мистер Пеккрафт, – указывая на бледнолицего и красноносого юношу, [который] постоянно держался каким-то чудом эквилибристики на самой вершине высочайшей и острейшей скамейки перед конторкой, – говорил, указывая на него через плечо большим пальцем: «Мой приказчик», но никто никогда не слыхивал ещё голоса его; и те же клиенты имели полное право почувствовать сильнейшее подозрение всякий раз, – когда в ответ на какое-либо требуемое ими сведение он молча указывал пером на мистера Пеккрафта, – в том, что приказчик этот был только хитро устроенным вокансоновским автоматом[179] добытым хозяином в видах экономии.

Мистер Питер Пеккрафт посвятил лучшую часть своей жизни собиранию редкостей, и так как он холостяк и страдает временно подагрою, то если торговля его и преуспевает, зато характер с каждым днём портится, а личная страсть к антикофобии овладевает им сильнее с каждым годом. Некоторые из этих редкостей находятся в его владении уже много лет, и они сделались столь необходимы его счастью, что одна мысль расстаться с ними немедленно развивает в нём новый припадок подагры. На все изъявляемые покупщиками желания приторговаться с ним мистер Пеккрафт тотчас же весь коробится как бы от чрезвычайно острой боли и объявляет им, охая и стоная, что «оно уже продано».

Ровно тридцать лет прошло с того времени, как мистер Пеккрафт, войдя в товарищество с партнёром, знакомым ему с детских лет, открыл свою фирму; и хотя много перемен произошло с тех пор, но сам он не изменился ни в чём, разве только что постарел. Серый широкий старомодный сюртук на нём тот же самый, как и в день смерти его партнёра; серые щетинистые волосы торчат во все стороны, как иглы ежа, по-прежнему, и до такой степени доходит отвращение старого джентльмена к малейшей перемене, что он не дозволяет даже снять с прибитой над дверями вывески фирмы имени своего усопшего партнера; и поэтому вывеска эта продолжает привлекать взоры публики, красуясь между опочившим в младенчестве крокодилом и сиреною, горестно указывающую хвостом всем проходящим на свой отбитый нос, объявляя всем и каждому, что фирма всё ещё принадлежит: Друду и Пеккрафту.

Фирма эта, невзирая на свой скромный вид, преуспевала с самого начала, и к тому времени, как старший партнер отправился на покой, так преуспела, что дивиденд оказался для наследника более чем достаточным.

Несколько времени до своей смерти мистер Друд-старший старался уговорить своего щетинистого партнёра взять на себя обязанность опекуна над маленьким Эдвином, единственным сыном его, но мистер Пеккрафт постоянно отклонял от себя это предложение под тем благовидным предлогом, что он положительно не понимал толку в детях, кроме тех случаев, когда они являлись в виде набитых чучел и оставлялись у него на сохранении.

За неимением лучшего, мистер Друд выбрал молодого брата своей покойной жены и сделал Джона Джаспера опекуном над сыном.

Если бы почтенный мистер Питер Пеккрафт мог догадаться о намерении своего партнера в случае его собственного отказа заменить его Джоном, то весьма вероятно, что он решился бы превозмочь своё нежелание и познакомился бы поближе с живыми детьми. Он хорошо помнил черноволосого лукавого четырнадцатилетнего мальчика, который приходил к сестре, страстно любившей его. От мистера Пеккрафта не ускользнуло равнодушное, жестокое выражение лица этого мальчика в день смерти своей единственной сестры. Но мистер Пеккрафт узнал об этом последнем распоряжении слишком поздно, и он промолчал, заметив только, что этот выбор был единственной ошибкой, которую он когда-либо замечал со стороны своего усопшего партнера. Но так как в продолжение нескольких лет ничто не подтверждало молчаливых опасений подагрика, то он и стал приходить к тому заключению, что ошибся в Джоне Джаспере.

Не читая газет и давно прекратив всякие сношения с близкими Эдвину особами, старый джентльмен ничего не слыхал о внезапном исчезновении Друда с лица земли, так как проходили целые месяцы и прежде, что он не слыхал о нём ни слова. Когда Эдвину минуло шестнадцать лет, он пожелал приготовляться к какой-нибудь профессии, и, действуя по совету старика, с которым

[179] Жак де Вокансон (1709–1782) – французский механик и изобретатель, конструировал различные механические игрушки, в том числе человекоподобные.

привык совещаться во всех серьёзных делах своей жизни, поступил в инженеры. Привыкши знать его в отлучке иногда по целым неделям и месяцам, Пеккрафт привык и к той мысли, что Эдвин в разъездах и не может навещать его, и у них вошло в соглашение, что когда Эдвин Друд достигнет совершеннолетия, то может занять место своего отца в их старой фирме, если жизнь инженера не понравится ему.

И так, торговая фирма мистера Пеккрафта находилась в соседстве Чансери-Лэна[180] и служила местом занятия, как равно и жилищем, для мистера Столопа[181], приказчика-автомата. Спальный апартамент этого джентльмена находился за магазином и, выходя одним окном на задний двор, выглядывал другим на улицу недалеко от частного входа в дом.

В эту комнату удалялся приказчик каждый вечер, тщательно заперев ставни и закрепив внутренние старомодные болты магазина редкостей, так как в главном условии контракта, заключённого с ним Пеккрафтом, стояло непременным обязательством проводить без исключения каждую ночь в этой комнате под опасением лишиться места без апелляции[182].

В ту самую ночь и почти в то же самое время, как Принцесса совершала свой подвиг освобождения маленькой пленницы, мистер Столоп, вернувшись домой из соседнего театра, где он восхищался целый вечер необычайными приключениями главной любовницы в жёлтой коленкоровой юбке и красной бархатной шапочке с золотым пером, садится у своего стола и погружается в сладкое воспоминание о финальных событиях жизни той же любовницы, гордо торжествующей над изменником, поражённым благородным отцом при звуках двух скрипок и одного турецкого барабана.

Юный Столоп пропитан с колыбели горячей преданностью к театральному искусству, ко всякому без исключения, начиная с трагедий Шекспира[183] и вплоть до похождений Арлекина с Колумбиною[184]. Его маменька – да простит ей Бог – воспитала его в подобострастном уважении к героям, освещённым блестящею полосою газового сияния снизу и парящим под картонными облаками кверху, а соседки, – из числа тех почтенных старых леди, которые, принадлежа к даровым любительницам астрологии, чувствуют истинное наслаждение в предрекании всевозможных, самых неожиданных карьер попадающимся им детям обоего пола, – положительно затемнили рассудок матери и сына своими замечаниями о юном Столопе, который, по их словам, имел такой величественный лоб и столь характеристические морщинки у углов рта с присоединением сосредоточенного огня во взоре, зажигающегося в нём в те горькие минуты, когда у него отымали пирог с патокой, что прямая судьба его указывала ему на подмостки. Но, к несчастью, большая часть театральных антрепренеров, принадлежа к таинственному, но, тем не менее, дальновидному племени Израиля, которое во всякое время бытия своего способна была перещеголять любого Нострадамуса[185] в предвидении касательно своего собственного интереса, узрели мистера Столопа-младшего в ином свете, чем кумушки и соседки его маменьки, и положительно отказывались от выгодной чести считать его зачисленным в своей труппе. Поэтому огорчённый мистер Столоп решился ждать, и в ожидании с благодарностью принял предложенное ему место автомата-приказчика.

В эту самую ночь, в далеко заполуночный час, неутомимые мысли мистера Столопа, отгоняя от него сон,[186] внушают ему идею встать и продекламировать роль Гамлета[187] в пользу воображаемых слушателей. И так, он зажигает свечу и величественно направляется босыми ногами к двум алебастровым изваяниям, выглядывающим на него с высоты верхней полки древнего бюро; первое из них изображает меланхолические черты самого барда, воспевшего

---

[180] Чансери-Лейн (*англ.* **Chancery Lane) –** улица в центральной части Лондона.

[181] **Stollop.**

[182] обжалования (*англ.* appeal).

[183] Уильям Шекспир (1564–1616) – английский поэт и драматург.

[184] Арлекин и Коломбина (Columbine) – персонажи итальянской комедии дель арте, или комедии масок.

[185] Мишель де Нострдам, известный также как Нострадамус (1503–1566) – французский астролог, врач, фармацевт и алхимик, знаменитый своими пророчествами.

[186] Далее зачёркнуто: и.

[187] Гамлет – герой одноимённой трагедии У.Шекспира.

Гамлета, а другое – толстощёкого адмирала неизвестной нации с весьма курносым носом и глазами, доброжелательно следящими, как ему кажется, за всеми движениями своего владельца.

Дико горят глаза Гамлета, осыпая горькой иронией род человеческий, мстительно сжимаются кулаки его в то самое время, как привидение, соскучившееся лежать в гробу, оставляет его, говоря сыну могильным голосом:

«Я тень отца твоего!..»

Глубокий стон раздаётся в эту самую минуту под окнами мистера Столопа,[188] волосы его становятся дыбом, а нос бледнеет; до такой степени олицетворясь в роли Гамлета, принимает сей джентльмен этот стон за вздох, выходящий действительно из груди привидения...

Отскочив на два шага, мистер Столоп со страхом вперяет мутный взор на друга своего Шекспира. Он чувствует какую-то уверенность, что стон этот произведен самим поэтом... В ту самую минуту, как он готов поклясться, что губы барда шевелятся и шепчут, под окном его раздаются проклятия, шум борьбы и беспомощный голос женщины.

Под влиянием какой-то изумительной храбрости, наполнившей его львиное сердце, как только он убедился, что имеет дело не с выходцами того света, а с угнетённым прекрасным полом, он бросается к выходной на улицу двери.

Не отдавая себе ясного отчёта в подобном поступке и не останавливаясь раздумывать, мистер Столоп быстро отворяет двери и находит на пороге молодую девушку, лежащую без чувств поперёк крыльца, а в двух шагах от неё борющегося, по-видимому, сильного мужчину с бешено вцепившеюся в него старухой.

Услыша стук отворившейся двери и увидя в ней Столопа, мужчина вырывается из когтей старухи и убегает не оглядываясь.

Замечая произведённый им эффект и соображая тотчас же, что если сильный мужчина убежал, то, вероятно, потому, что чего-то испугался, и что поэтому ему, Столону, не предстоит ни малейший опасности выказаться с самой лучшей стороны, автомат-приказчик производит горловое усилие и кричит густым басом:

«Что это за крик? Погодите, задам же я ему!»

И тотчас же, испугавшись своего собственного голоса, осторожно прячется за дверь.

Но старуха предупредила его и, втащив проворно молодую девушку в коридор, поспешно запирает дверь, восклицая:

«Мой добрый джентльмен!.. Ягнёночек мой!.. Вы наш спаситель, сэр... Вон эта бедная барышня совсем полумёртвая, коль не совсем умерла со страха. Позвольте нам пообождать здесь, пока ей станет лучше. Она леди самого знатного рода, сэр».

Услыша воззвание к его помощи и узнав, что бесчувственная девушка – леди «самого знатного рода», мистер Столоп поспешно ретируется в свою комнату, оставив им свечу и прося пообождать, так как он тогда только замечает необыкновенную прозрачность своего ночного костюма. Во время поспешного туалета мистер Столоп чувствует, как разыгрывается в нём поэтическое воображение, рисуя перед ним картины самого романического свойства. Он не препятствует своим фантазиям, а напротив поощряет следующими мечтами:

«Дочь богатого... единственная дочь богатого и могучего баронета, вероятно, – думает он, надевая сапог на правую ногу, – вышла подышать ночным воздухом с престарелой дуэньей... атакованы... Куда запропастился другой сапог?.. Вот он... Атакованы внезапно... лондонским ночным разбойником. Столоп, бедный, но честный и достойный приказчик Питера Пеккрафта, сидел погружённый в своё любимое занятие – чтение классических поэтов...»

В эту минуту классический поэт, которого он задел в темноте, валится ему на голову и разбивается вдребезги, но разгорячённый собственной фантазией Столоп не обращает на это внимания и, с презрением отталкивая осколки левой уже обутой ногой, продолжает:

«...В чтение классических поэтов, услыша крики о помощи, выбегает на улицу и, задушив разбойника, приглашает молодую леди к себе в дом... то есть не к себе... но это всё равно... Затем Столоп сопровождает её домой и, вручая в руки погружённого до той минуты в отчаяние отца, приглашён им считать его дом за свой... Заключение: молодая леди возгорает любовью к любимцу

[188] Далее зачёркнуто: и.

муз, отец в порыве благодарности забывает общественное расстояние и... они соединяются, и проч., и проч.».

После такого счастливого заключения мистер Столоп выходит в коридор, одетый в праздничное платье, и помогает Принцессе приводить Розу в чувство. По приглашению Столопа они несут её бережно вдвоем в контору, находящуюся за магазином, и кладут на диван.

Роза скоро приходит в себя и оглядывается испуганно, увидев себя в незнакомой комнате. Бедная маленькая Роза сильно похудела и побледнела, но ничего не утратила из своей нежной красоты. Несчастный Столоп, глядя на неё, поражён в самую середину своего чувствительного сердца, и мечты принимают более действительный вид с одной стороны. Принцесса спешит рассказать ей, как они туда попали и какую помощь оказал им этот «добрый молодой джентльмен».

Но «добрый молодой джентльмен» начинает сильно конфузиться под исполненным искренней благодарности взглядом Розы и беспомощно опирается на толстого турка, припёртого к стене и покрытого с головы до ног восточными редкостями.

Роза, приложив похудевшую ручку к бледному лбу, заявляет мнение, что им следует скорее отправиться, поблагодарив джентльмена, и постараться, не мешкая, отыскать «доброго, милого мистера Грейджиуса». Но старуха, на лице которой остались следы недавней борьбы с погнавшимся вслед за ними похитителем Розы, а руки все в крови, протестует и объявляет своё твёрдое намерение не трогаться оттуда до утра.

«Разве что добрый джентльмен выгонит, – рассуждает она, поддерживая всё ещё слабую Розу. – А то, глянь-ка, куда нам идти, опять плутать одним в эту пору ночи. Да теперь и во всём городе не найдёшь кэба, ласточка. Да к тому ж, кто поручится за то, что этот, прости Господи, прощелыга, не снуёт здесь по соседству, поджидаючи нас опять? Нет, ласточка, нет, лучше прилягте здесь да отдохните на диване до утра с позволения доброго джентльмена, а я посижу возле вас».

Мистер Столоп, который под влиянием смущения во всё время совещания их подвергал злополучного турка самым утончённым терзаниям в виде щипания, нервного дёргания и прочее, внезапно открывает в голове своей что-то вроде плана и, – смутившись ещё более вследствие того, окончательно выбивает турку два передних зуба, наткнувшись на его разукрашенный чубук с трубкой, принадлежащих когда-то алжирскому дею, – робко произносит:

«Если угодно молодой леди, то я с удовольствием, со счастьем готов уступить до утра свою комнату, а там, конечно, было бы покойнее. Если только... когда бы... если...»

И, положительно растерявшись на этот раз, заметив вопросительно устремлённый на него взор Розы, он путается и беспомощно опускается на колени к толстому турку.

Но Принцесса набрасывается на предложение с видимым восхищением. Роза так слаба и столько перенесла за последние дни, что не чувствует силы сопротивляться, и старуха её уводит, рассыпаясь в благодарности перед мистером Столопом, который почтительно и робко доводит их до своей комнаты и исчезает сам в магазине.

Пытаться отдать некоторый отчёт читателям в мечтах мистера Столопа, когда он остался один, окружённый фантастическими тенями редкостей, было бы столько же невозможно, как попробовать взвести риджентс-паркского гиппопотама[189] на самый верх колокольни Св. Павла. Даже первые блестящие лучи восходящего солнца, проникая в магазин редкостей через расщелины ставней и осветив в розовый цвет все курьёзные, симметрично расставленные по комнате предметы, не[190] успели озарить ни малейшим светом хаотический мрак, воцарившийся в голове этого влюблённого джентльмена по поводу того, как окончится это ночное приключение и через сколько именно месяцев поведёт он, Столоп, прелестную молодую леди к алтарю.

Мистер Питер Пеккрафт, по примеру многих других холостяков, всю жизнь свою вставал зимой и летом в пять часов утра и чрезвычайно гордился такой аккуратностью. Частное жилище его находилось неподалёку от Чансери-Лэна в Силвер-сквере[191], и много уж лет занимал он одни и

[189] Риджентс-парк (*англ.* Regent's Park) – один из главных королевских парков Лондона, в северной части которого располагается Лондонский зоопарк, основанный в 1828 г. и открытый для публичных посещений в 1847 г.

[190] Далее зачёркнуто: с.

[191] Silver Square.

те же меблированные комнаты, частью по врождённому нежеланию ко всякой перемене, а частью потому, что привык к домохозяйке своей, столь же аккуратной леди, насколько он был аккуратным джентльменом. Леди отвечала на имя «мисс Кип[192]» и была олицетворением девственной чистоты и опрятности.

Если бы кто пожелал разбудить мисс Кип в самую позднюю пору ночи и спросить у неё, где находится №18й или 12й из тридцати девяти номеров разных величин щёток, она, не раскрыв даже глаза, отвечала бы вам:

«Спуститесь вниз в кухонный отдел, там позади второй двери направо на четвёртом гвозде, считая от восточного окна, вы найдёте требуемое».

Одно помрачало в глазах некоторых материалистов все превосходные качества этой престарелой девицы. Мисс Кип безумно любила стихи, поэзию, муз. Мисс Кип сама сочиняла стихи, и поэзия лилась из её уст в виде натурального источника, слишком громко журчавшего быть может, но неиссякаемого и столько же прозрачного. Злые материалисты, нанимающие комнаты понедельно и помесячно у мисс Кип, жаловались на то, что это постоянное журчанье клонило их ко сну, когда не приводило в ярость. Но друзья и знакомые положительно приходили в восторг от этой «милой» поэтической мисс Кип, хотя люди грубые говорили совершенно противное. Может быть, потому-то и служанки исчезали из дома одна после другой, жалуясь горько соседним «молодым людям» из бакалейных лавок, что они не могли исполнять домашних обязанностей, когда им отдавали приказание стихами, тараща на них глаза до обморока.

Как мы сказали выше, мистер Пеккрафт вставал постоянно не одной минутой позднее иль раньше пяти часов, и в восемнадцать лет знакомства своего с хозяйкой всего один раз изменил правилу. В присоединение к подагре старый джентльмен стал страдать одно время зубами и, надеясь найти облегчение в «лаудануме»[193], принял его в одну ночь. Боль унялась, и мистер Пеккрафт крепко заснул. Когда он проснулся на другое утро, то к ужасу своему заметил, что он опоздал на целых полчаса. Недолго думая, он тотчас же решился, и вернувшись снова в постель, не пошевелился в ней до другого утра, когда и встал ровно, как било пять часов на городской колокольне. Мисс Кип так испугалась тогда, видя, что он не выходит из комнаты и даже не отвечает на беспрерывное стучание, что чуть было не приказала двум служанкам выломать двери, когда, наконец, Пеккрафт успокоил её через замочную скважину. Одно из лучших стихотворений мисс Кип воспело эту домашнюю эпопею.

Мисс Кип – высокая и чрезвычайно костлявая, вылинявшая блондинка. Глаза её были, очевидно, приготовлены судьбой в окраску голубого цвета, но в последнюю минуту, вероятно, не достало краски на палитре и они остались столь же полинялыми, как и всё прочее, словом, «молочными», как выражались её враги. Она носит волосы, зачёсанные впереди и притиснутые к вискам самым правильным полукругом, таким, что ни один живописец не мог бы усовершенствовать правильность самой тончайшей кистью. Правильность эта простирается и на нос с подбородком, которые встречаются совершенно под одним углом.

Мистер Пеккрафт восстал и оделся, и если бы мы не знали наверное, что сей почтенный холостяк переночевал у себя раздевшись, то могли бы подумать, что он никогда и не раздевался, до такой степени малейшая морщинка в платье и всякий поодиночке из торчащих волосков находятся на том же самом месте, как и накануне.

Он уходит тотчас же, как встаёт, в магазин, откуда и является в восемь к завтраку.

Он выходит из своей гостиной и на лестнице встречает, по обыкновению своему, мисс Кип. Во всё время за эти восемнадцать лет не проходило ни одного утра (кроме одного), в которое бы он не встретил её на том же самом месте:

«Мисс Кип, доброго утра вам желаю».

Глубокий реверанс со стороны престарелой девицы, и она отвечает ему рифмою:

«Я тем же, сэр, вам отвечаю!»

И это всё. Она уходит наверх, а он вниз.

---

[192] Keep.

[193] Лауданум – опиумная настойка на спирту; в более широком смысле лекарство, в состав которого входит опиум; был особенно популярен у женщин в викторианскую эпоху как универсальное лекарственное, успокоительное и снотворное средство.

Так как подобная сцена повторяется каждое утро, то она повторилась и теперь, после чего Пеккрафт направился к магазину редкостей.

Отворив дверь, мистер Пеккрафт в невыразимом ужасе пятится назад. Перед отворённой стеклянной дверью стоит с засунутыми в карманы руками и с покрасневшими от бессонной ночи веками сам, своей особой, его приказчик!

Здесь последует маленькое отступление. Раз навсегда было заведено мистером Пеккрафтом, – а раз что заведено им – закон, отступить от коего значило бы совершить криминальное преступление, – что его приказчик должен являться в магазин, минута в минуту, в шесть часов. Что означало это удивительное присутствие приказчика в половине шестого? Какое ужасное происшествие могло заставить его подвергнуться свирепому гневу доверителя? Пеккрафт, всё ещё не веря глазам, подходит к мистеру Столопу и таращит на него полные бури глаза.

«Мистер Столоп? Сэр, мистер Столоп?» – разражается он, наконец, вопросительно дрожащим от бешенства голосом.

Столоп заметил гнев его и, сделавшись ещё бледнее, униженно кланяется, отвечая:

«Мистер Пеккрафт, извините меня, сэр, но выслушайте. Я осмелюсь рассказать вам историю – происшествие, которое, дойдя до ушей ваших, сэр, изменит ваш гнев на милостивое прощение и одобрение!»

Но эти таинственные слова, вместо того чтобы успокоить его, возбуждают гнев Пеккрафта ещё сильнее. Яростно схватив за ворот злополучного ночного героя, он потрясает им так, как бы если он выбивал пыль из одного из близстоящих чучел своих.

«Столоп – негодяй! Вы пьяны!.. Понимаете ли вы меня? Пьяны, есть или были!»

«Мистер Пеккрафт, сэр, – возражает слезливо «автомат», освобождаясь, наконец, из-под процесса выколачивания. – Вы несправедливы ко мне, сэр, но так как я невинен в преступлении, взводимом на меня вами, то и не обижаюсь, но для меня истинно прискорбно, сэр, думать, что джентльмен в вашем положении забылся до того в минуту гнева, что схватил меня за шиворот как презренного раба!»

Пеккрафт, несмотря на высокопарность слога, понял всю силу последнего упрёка и почувствовал себя очень сконфуженным. Войдя в контору, он даже не сделал никакого замечания по поводу злосчастного изувеченного турка, но, подняв трубку и аккуратно всовывая снова чубук в рот мусульманину, он спросил спокойнее:

«Так объяснитесь же, Столоп, и… и забудьте мою горячность».

И он входит из конторы в магазин. Догоравшая свеча, терзаясь в предсмертных конвульсиях, слабо освещала магазин с запертыми ещё ставнями и служила ему доказательством того, что «автомат» провёл ночь свою дома, но теперь любопытство его сделалось ещё сильнее.

Столоп подробно рассказывает Пеккрафту об удивительном происшествии, и в своём описании молодой «знатного рода леди» дошёл до такого патетического восторга и стал так безумно декламировать о её небесной красоте и о горящих, как «звезды ночные», глазах, что провинился в другой раз в глазах аккуратного Пеккарфта, наступив и запутавшись в длинном хвосте канадского бобра, увешанного индийскими трофеями. Но и тут Пеккрафт удержался и только спокойно заметил:

«Не будьте болваном, Столоп. Мне было бы весьма жаль впоследствии, если бы я принуждён был сознаться себе, что имел приказчика-болвана. Позовите этих особ, и я увижу, что нам останется сделать... Как вы можете поручиться, что всё это не заранее обдуманный план, чтобы... О, Боже мой! Какая внезапная, но страшная идея, – восклицает старый джентльмен в порыве ужаса, – что если они обокрали меня?..»

И он кидает взгляды во все углы, чтоб убедиться в том, что всё цело. Но тут возгорающая любовь к Розе в сердце пламенного приказчика зажигает, в свою очередь, удивительную храбрость в нём, и он, пылая гневом за такое подозрение на даму сердца, отвечает с презрительным достоинством:

«Я могу быть болваном во всём, что вам угодно, сэр, но всё же я не такой болван, чтобы поверить подобной нелепости, и если...»

Но тут дверь его комнаты растворяется, и Роза входит в сопровождении Принцессы.

Столоп остаётся как вкопанный и, приложив руку к сердцу, низко кланяется Розе.

Словоохотливая Принцесса начинает снова рассыпаться в выражениях их благодарности, но тут же остановлена суровым Пеккрафтом, который, перебив её, говорит:

«Я чрезвычайно доволен, если мой “приказчик”, – и, указывая большим пальцем через плечо на Столопа, старый джентльмен напирает на слово «приказчик» таким тоном, что несчастный герой чувствует себя не больше величиною, как с «пчелиное колено»[194], – если мой приказчик мог доставить вам помощь и приютить в моих комнатах, коль скоро вы обе нуждались в них. Но вы согласитесь также, что как хозяин я имею право на некоторое объяснение от вас?»

Тут маленькая Роза, которой и в голову не приходит, что она находится в старой фирме отца «бедного Эдди», начинает рассказывать о своём похищении, но, не дойдя и до половины, голос её прерывается и она начинает истерически рыдать, так что нетерпеливый джентльмен принуждён просить Принцессу докончить начатое.

Старуха, не упоминая имён, объясняет ему подробно обстоятельства.

«Поэтому, сэр, – снова начинает сквозь слёзы Роза, – теперь, как вы всё узнали...»

Но тут, взглянув на Столопа, несмотря на недавнее горе и неприятное настоящее положение, Роза не может удержаться от смеха и, закусив зубками платок, хохочет и плачет, всё вместе.

Удивлённый мистер Пеккрафт обёртывается и видит своего приказчика утирающим также слёзы с самыми необычайными кривляньями и гримасами.

«Ступайте за вашу конторку, сэр! – грозно восклицает Пеккрафт. – И не представляйте из себя долее осла!»

Униженный Столоп, повеся голову, исчезает, а хохочущая Роза, которая на минуту удивительно становится похожей на прежний «Розовый Бутон» из «Дома монахинь», продолжает:

«Теперь, как вы всё узнали, сэр, надеюсь, что вы не откажетесь отвести меня к опекуну моему, мистеру Грейджиусу?»

«Мистеру... Кому?» – переспрашивает озадаченный Пеккрафт, вытаращив глаза.

Роза повторяет имя и адрес.

«Так кто же вы, дитя моё?» – спрашивает Пеккрафт с живостью.

«Имя моё Роза Бёд, из Клоистергэма».

«Роза Бёд!.. Так, стало быть, вы невеста моего... то есть не моего, а сына моего покойного партнера Друда?» – восклицает Пеккрафт.

Тут всё объясняется и, услыша подробности, о которых ему и не снилось, и неожиданную для него новость об исчезновении Эдвина Друда, старик выказывает лучшую сторону своего характера, так как он страшно бледнеет и восклицает, падая в кресло и подымая руки:

«Эдвин! Мой бедный Эдвин! Сын моего лучшего, самого дорогого для меня друга. О, какое страшное известие!»

Искренние слёзы капают по щекам старого джентльмена.

Но Питер Пеккрафт не из таких, что забываются долго в минуты горя. Мигом распорядившись, он посылает Столопа за кэбом.

И первый раз в жизни Столоп желал бы поменяться с хозяином местами и называться Пеккрафтом.

Через две минуты кэб ожидает у дверей; и Принцесса сообщает Розе, что так как она теперь нашла защитника, то ей нечего более бояться, и что она (Принцесса) пойдёт домой.

Роза протестует и настаивает, чтобы она ехала с ними, говоря, что она желает, чтобы Грейджиус узнал, что она для неё сделала, и наградил бы её за это, но всё напрасно; старуха обещает дать знать о себе в скором времени, но о награде и слышать не хочет.

«Послушайте и поймите меня, дитятко, – говорит она, видимо, тронутая словами признательности Розы, – не думайте, что я не чувствую всей вашей милости к бедной старухе, которой недолго уж жить, но у меня есть своя работа и мне нельзя покинуть её, не кончимши[195]. Будьте уверены, ласточка, что увидите меня ещё, а что до награды, то лучше уж и не огорчайте меня, довольно мне и того, что вы иногда с ласкою вспомните о старой, что помогла бедной птичке выпорхнуть... Да благослови вас Бог!»

---

[194] Идиома «пчелиные колени» («the bee’s knees») означает что-то очень маленькое и незначительное.

[195] кончивши (*искаж.*).

И Принцесса протягивает ей дрожащую руку.

«Будь по-вашему, – отвечает со вздохом Роза, крепко пожимая ей руку, – но помните, что я навеки не забуду вашей услуги. И если у вас есть дочь, которой понадобилась бы подобная помощь, то пошли ей Бог такое же благородное, любящее сердце и крепкую руку, как нашла я в вас. Теперь до свидания».

И, обняв руками шею старухи, она крепко целует её в обе морщинистые щёки и удивляется, почему её слова вызывают на них такие две горькие горячие слёзы.

Глава XXXV

В которой мистер Грейджиус заботится о благосостоянии питомицы

Встав на другое утро после бессонной и тревожной ночи на заре, мистер Грейджиус уныло приготовляется направиться снова на поиски. Сойдя вниз, он находит, к своему неописуемому удивлению, под древней сенью гостеприимного *П.Ж.Т.* сто пятьдесят восемь больших, средних и малых уличных мальчишек, которые все ожидают его пробуждения, дабы подать каждый поочередно своё мнение доброму джентльмену касательно исчезновения отыскиваемой Грейджиусом молодой пропавшей леди, дабы, снабдив его самыми подробными сведениями о ста пятидесяти восьми различных замеченных ими на улицах «молодых женщинах» с более или менее растерянным видом, – заставляющим наблюдателя предполагать с первого на них взгляда, что всякая из этих молодых женщин сознаёт себя «пропавшей», – тем заявить своё неотъемлемое право на получение известной денежной премии, столь щедро сулимой Грейджиусом всем и каждому накануне того дня. Злополучный опекун, ухватившись по примеру утопающего за эту соломинку надежды, принуждён, таким образом, выслушать многочисленные описания, все до одного приводящие к одному лишь результату, а именно, что, кроме этой общей в них характеристической черты – «потерянного вида», в описываемых мальчишками лицах женского пола не находится, к несчастью, никакого другого сходства,[196] которое подало бы Грейджиусу малейшую надежду, несмотря на всё его желание, узнать в одной из «молодых женщин» пропавшую питомицу. Но не прошло и десяти минут, как почтенный джентльмен убедился собственным горьким опытом, что легче было привлечь этот полк «Депутатов» к *П.Ж.Т.,* чем отделаться от него... Почувствовав себя невыразимо обиженным нахальным предположением некоего толстого рыжеволосого трубочиста, сильно настаивающего на своём подозрении, что он заметил одну молодую леди точь-в-точь такую, как описывал её «старенький», пьющую джин с матросами в соседнем кабаке, злополучный джентльмен решил мгновенно прекратить с ними дальнейшие сношения и отправиться далее. Но исполнение этого благоразумного намерения оказалось более чем невозможным по той простой причине, что все сто пятьдесят восемь «младенцев» также решились сопутствовать ему, каждый из них громко заявляя свою претензию на обещанную награду. Оглушённый и растерянный Грейджиус окончательно стал вынужденным искать спасения в собственной конторе, откуда он и был освобождён благодаря лишь редкому и великодушному мужеству мрачного Баззарда, который, решившись пожертвовать своей особою, немедленно отправился под непрерывным градом камней и грязи за шестью полисменами и, только соединясь с этими силами, успел отогнать вопящих под окнами уличных агентов.

С помрачёнными мыслями, усталый нравственно и физически, Грейджиус бросается в своё кресло, сильно погружённый в невесёлые мысли. Что Роза была увезена хитростью, в этом он не имел ни малейшего сомнения; не менее сильно того чувствовал он в глубине души своей, что под всем этим скрывался Джаспер. Сознав, сколь легко оказалось для последнего подобное похищение, старик не мог простить себе, что принимал доселе так мало предосторожностей к отвращению угрожавшей опасности. Если бы тотчас же по приезде её он нанял бы для Розы дом и перешёл бы сам жить туда с нею, то этого не могло бы случиться. Горько упрекал себя бедный угловатый, от которого с первой минуты не отходило видение давно умершей женщины, с немым укором глядевшей на него.

Но все эти поздние упрёки и сожаления не помогали делу. Следовало действовать, так как становилось ясно, что если Джаспер был причиной всему, то необходимо было тотчас же принять какие-нибудь меры против этого человека.

Заглянув так недавно в прошлое музыкального учителя и зная через Розу, до какой дикой страсти доходили его выражения в его объяснении с нею в саду «Дома монахинь», мистер Грейджиус имел всякое право подозревать одного его. Но как дойти до Джаспера? Как заставить

[196] Далее зачёркнуто: ко.

его сознаться в проступке, ни малейшей подробности о коем не было ещё известно до сей поры Грейджиусу. Можно было заранее поручиться в том, что Джон Джаспер отречётся от всего с первого слова, – а затем? Ничего более, конечно, так как не существовало ни малейшего доказательства против него.

Несчастный Грейджиус, вырвав у себя пучок желтоватых волос, впал в безысходное состояние отчаяния. Затем, подумав ещё немного, он решился, невзирая ни на что, немедля отправиться к Джасперу и прямо обвинить его в похищении.

Поспешно уложив в саквояж несколько необходимых туалетных принадлежностей и взглянув на часы, Грейджиус решил сперва отправиться к мисс Туинкельтон, чтобы захватить с собой учёную девственницу и прямо ехать в Клоистергэм.

Обратившись к Баззарду, усердно занятому у письменного стола, и в нескольких словах объяснив ему дело, Грейджиус заключает:

«Поэтому я еду в Клоистергэм. Если кто зайдёт во время моего отсутствия, объявляйте всем, что я вернусь завтра или наипозднейшее на следующий день».

«Слушаюсь, сэр», – ответствует Баззард.

«И скажите мистеру Тартару, – продолжает Грейджиус, – ничего не упоминать своим соседям об этом ужасном происшествии; и добавьте ему, мистеру Тартару, что мне столь же трудно отдать себе отчёт в этом исчезновении, как будет то и ему самому, когда он услышит о нём».

«Но имеете подозрение?» – произносит мистер Баззард, вперив на Грейджиуса мутные глаза.

«Имею. То же, которое и ему самому придёт в голову, когда он узнает подробности».

«Знаю. Слушаюсь».

И мистер Баззард, продолжая строчить с тем же мрачным спокойствием, произносит эти два слова так, как если бы он обращался с этим заключением[197] к мухе, ползущей в эту минуту на его пере и конвульсивно цепляющейся за него.

Схватив шляпу, Грейджиус выходит и прямо направляется к билликинскому владению, не останавливаясь на этот раз описывать пропавшую Розу проходящим.

Он находит мисс Туинкельтон у обычного её места, у окна, и занятую «вполне женским искусством», по её мнению, грациозного тамбурного вязания[198]. При входе его почтенная старая девица немедленно принимает на себя вид твёрдо примирённой с судьбой своей римской матроны, за которой является палач, дабы обезглавить её ровно через двадцать две минуты.

Мистер Грейджиус уныло объявляет ей, что так как Роза не возвращалась и никто не знает, когда она ещё может вернуться, то мисс Туинкельтон будет, вероятно, удобнее дома, и поэтому он приглашает её тотчас же ехать с ним к давно лишённой её общества классической местности, где она снова может с наслаждением начать вдыхать в себя родную, пропитанную науками атмосферу «Дома монахинь».

Мисс Туинкельтон, видимо, обдумывает глубокий и тонкий ответ в приятной надежде огорошить им стоящего перед нею джентльмена, но, не придумав ничего такого, чтобы подходило к этому случаю, она довольствуется тем, что с достоинством наклоняет голову и удаляется тихими и величественными шагами в свою комнату с целью немедля приступить к упаковке своей клади.

Затем Грейджиус отправляется далее в намерении отыскать хозяйку и рассчитаться с нею окончательно.

Он находит её в задней приёмной, воинственно восседающей на своём боевом коне в одиночном турнире с только что поражённым ею и выбитого из стремян врагом – домашним мясником, коего, мясника, она беспощадно поражает последним спичем в настоящем билликинском духе.

Мистер Грейджиус, услыхав этот раздражённый голос, во всякое другое время тотчас бы ретировался, но в настоящую минуту свидание с нею было так ему необходимо, что откладывать оное не было возможности; и так, после двух или трёх скромных заявлений у двери в виде

[197] Далее зачёркнуто: к.
[198] Вышивка крючком.

стучания и покашливания, громкий голос Билликин приглашает его войти, и мистер Грейджиус отворяет боязливо дверь.

Увидя его, Билликин подаёт ему машинально стул и, сложив снова руки на груди, продолжает своё наступательное движение на мясника.

«Нет, сэр, – выражается она искренне, но с достоинством. – Нет! Это я уж *напрямика* отвергаю; подобную фальшь снести я не могу, как то ни горько для ваших чувствий, сэр. Будь то лишняя курица, годная, как это известно, старому и малому в пищу для больного человека, такого как я, – скажу без утайки, что правда, то правда, не стану скрывать своей постоянной болести[199], – то, может быть, я и не спорила бы ни слова. Будь то говядина для ростбифа, что всякий истый *хангличанин*, как и *хангличанка*[200], признают во всякое время за уважительную пищу и здоровую для еды, тогда, может, я также бы сказала: “Вы правы, сэр, и правильно рассудили, что живущие под этой крышей, может, и съели лишний кусок ростбифа, как оно и могло случаем произойти”. Но когда вы, без всякого чувствия стыда и совести, сэр, навалили мне в счёт эту отвратительную телятину, о которой говоря, даже не знаю, как не прилипнет мне кусок к глотке, – телятину, которую никогда в жисти моей терпеть я не могла и, будучи малолетним дитём ещё, как только стала кормиться из своих рук, на глаза себе не пускала, телятину, которая, как известно всякому крещёному человеку, почти одно, что и жареный младенец на вкус, – нет, сэр, телятину я отвергаю и скажу вам в трёх словах: “Про-тес-тую!”» – изливается Билликин, подчёркивая эти сочинённые ею три слова энергическими хлопаньями ладонью о ладонь, и, обёртываясь, кидает разъярённый взгляд на смирно сидящего и поджидающего Грейджиуса, как если бы этот джентльмен сам неожиданно превратился в телятину.

Так как злосчастный мясник ни на секунду не мог надеяться помериться красноречием с атакующей его в последних траншеях партией, то и решился, во избежание другого спича, вычеркнуть это «подобие жареного младенца» из счёта и, рассчитавшись с Билликин, убирается подобру-поздорову.

«Я пришёл, мэм, – начал мистер Грейджиус, – сказать вам, что ввиду случившегося с моею питомицей несчастья я решился сдать немедленно эту квартиру и явился с целью рассчитаться с вами;[201] надеюсь, что вы извините меня в случае, если этот внезапный отъезд подвергает вас какой-либо неприятности, так как вы сами должны видеть, что обстоятельства зависят не от моей воли».

«Оно действительно, что как будто и странно мне слышать это, сэр, – томно отвечает Билликин, сияя снова доброжелательной искренностью, – хотя ждать того я завсегда ждала, не скрою от вас и пытаться не стану по случаю лукавства и чернодушия разных других прочих наверху; и к слову будь сказано, сэр, со всем моим уважением к вам, оно верно, что неподходящее дело вы задумали, когда поручили невинную голубицу в лапы волка-кровопийцы».

Приведённый в новое смятение этим высокопарным упрёком, мистер Грейджиус почёл за лучшее промолчать, не подымая перчатки, брошенной отсутствующему врагу, и, немного заикаясь, замечает:

«Вещи мисс Бёд будут сегодня же уложены, но я попрошу вас оставить их в доме пока дня на два».

Билликин, которая во всё это время была занята[202] какими-то таинственными вычислениями, ответив ему из учтивости, что они могут оставаться в доме сколько угодно, объявляет мистеру Грейджиусу, что весь счёт, как он есть, за «фатеру» и стол выходит, по её мнению, восемь фунтов, четыре шиллинга и три пенса.

Мистер Грейджиус, ожидавший более бурной оппозиции, очень обрадован; и немедленно заплатив хозяйке по счёту, он удаляется, попрощавшись с ней.

Между тем, мисс Туинкельтон, уложив свои бесчисленные баулы, чемоданы и картонки, сидя в ожидании его в коридоре, заранее распорядилась о кэбе, который и ожидал их у дверей.

---

[199] болезни (*устар.*).
[200] англичанин, англичанка (*искаж.*).
[201] Далее зачёркнуто: и.
[202] Далее зачёркнуто: была.

Выйдя из дому и только что учтивый старый джентльмен приготовлялся подсадить уважаемую главу «Дома монахинь» в кэб, как вдруг является на крыльце Билликин, воинственнее и грознее, чем когда-либо; окликнув мистера Грейджиуса, она подаёт ему небольшой свёрток, бросая вызывающие взгляды на мисс Туинкельтон.

«Я чрезмерно и оченно[203] благодарна, – с пламенной искренностью заявляет она, – некоторым людям, которых бы могла назвать, за то, что им так желательно опорочить наш дом, подбросив в коридоре этот узел нарочно с чёрным намерением, чтоб хозяйка нашла его, и в той надежде, что она, может, не вернёт его и припрячет. Есть такие фатеры, ни слова, где порочливость им нипочём и где подтибривают что ни попало; есть и такие семинарии для благородных девиц, без *сумления*, где не свести им конца с концами никогда; там и мадамы ихние рады-радёхоньки сделаться нечистыми на руку, как они там себе не важничай, но этот дом презирает подобные поступки; говорю я вам это прямо и искренне, как и не стану утаивать, мистер Грейджиус...»

С горделивой и высокомерной улыбкой берёт мисс Туинкельтон свёрток из рук Грейджиуса, замечая покровительственным тоном:

«Передайте, прошу вас, мистер Грейджиус, этой особе, что честность следует уважать всюду, в каком бы грязном жилище она ни жила; и тем более она уважительна, когда находим мы её, к нашему удивлению, в том классе общества, где люди по причине вечно стеснённых обстоятельств и нравственного невежества более других бывают подвержены низким искушениям».

Билликин, лицо которой мгновенно озаряется всеми радужными цветами ярости, восклицает с высоты ступеней:

«Благодарим вас за доброе слово, которого никто и не *антересовался* знать либо слушать; надеемся, что ваши бедные семинарские барышни, что живут под крылышком такого старого аспида, станут посчастливее теперь, как вы пожили в первый раз своей жизни в честном доме и у честных людей».

Долго продолжался бы этот последний смертельный бой, если бы сконфуженный и перепуганный Грейджиус не приказал извозчику отъезжать. Извозчик, который, видимо, наслаждался даровой сценой и во всё время изъявлял свой восторг, воткнув указательный палец в левый глаз и моргая Билликин правым, как бы поощряя её в виде немой пантомимы, влезает медленно на козлы, как бы с сожалением покидая такое интересное поле сражения, и увозит улыбающуюся презрительной улыбкой Туинкельтон и чуть не плачущего Грейджиуса.

На другое утро после освобождения Розы Джаспер в счастливом неведении о случившемся, встав рано в Алдерсгэтской гостинице[204], отправляется прямо домой по железной дороге. Переменяя вагон на омнибус, знакомый нам кондуктор дилижанса Джо вручает ему измятую грязную записку, в которой Фопперти приглашает музыкального учителя немедленно зайти к нему, так как у него есть кое-что новое для Джаспера.

Рассеянно спрятав бумажку в карман, он продолжает задумчиво свой путь до Клоистергэма; и приехав, так же задумчиво идёт он домой и садится у открытого окна в той же задумчивости.

Долго смотрит он на протекающую невдалеке тихую реку. Усиленно следит он за быстрым неслышным течением её, как волна за волною катится перед глазами его, и Джону Джасперу начинает мерещиться, что каждая из них уносит на гребне своём частицу его жизни; всё ближе и ближе приближаются они в безостановочном мерном течении к морю и одна за другой исчезают в бездонной пустыне.

Внезапный стук в дверь пробуждает регента и заставляет его сильно вздрогнуть; встав, чтоб отворить посетителю, он находится лицом к лицу с Дэтчери и его племянником, который кажется в этот день ещё чернее, а повязка на глазу ещё шире прежнего.

Дэтчери представляет родственника, и Джаспер радушно протягивает руку последнему. Неужто такая сильная робость овладела молодым человеком, что, подавая регенту свою руку, он

[203] очень (*прост.*).

[204] Гостиница на Олдергэйст-стрит (**Aldersgate** Street**).**

так дрожит и как будто колеблется, в то время как единственный глаз упорно устремлён на ковёр комнаты?

«Не привык же к обществу этот деревенский медведь», – думает Джаспер, почувствовав непонятное отвращение к гостям своим.

Но он приглашает их сесть и, извиняясь за беспорядок, в котором они нашли комнату, начинает собирать разбросанные во всех углах нотные тетради и листы, напевая про себя лёгкую арию, но, в сущности, стараясь отдать себе отчёт в странном волнении, овладевающим им.

Джо Слоджерс наклоняется к дяде и, глупо ухмыляясь, замечает ему, какую хорошенькую штучку поёт мистер *Джаспи.*

«*Джаспер*, сэр, Джаспер, – благосклонно поправляет его регент, добавляя, чтобы что-нибудь сказать. – А вы любите музыку, мистер Слоджерс?»

Покраснев слегка сквозь глубокий загар, молодой человек отвечает утвердительно.

«Ах, дорогой мой сэр, – вмешивается Дэтчери, – когда бы вы слыхали, как поёт мать его, моя милая сестра! В нашем соседстве некому и не сравниться с ней; одно время она непременно хотела поступить в театр, и действительно сделалась бы знаменитой оперной певицей, но наша мать отговорила её, и вместо того она вышла замуж за отца Джо. Да, малый наследовал всю любовь матери своей к музыке».

Джаспер, который рад ухватиться за случай, чтобы немного долее уединиться от гостей, садится, не отвечая, за фортепьяно и поёт им первую попавшуюся песню. Последняя оказывается довольно длинной, так как необходимо дать известное время некоему влюблённому юноше уговорить даму сердца своего отворить ему окно, невзирая на обоюдный риск насморка и на ночное беспокойство всего соседства. Наконец, когда, несмотря на все жалобные моления, окно не открывается, а дама сердца, видимо, предпочитает тёплую постель ночной сырости, юноша предаётся судьбе и решается умолкнуть. Вместе с ним умолкает и Джаспер, опустя руки на колени и поглядывая исподлобья на посетителей.

Последние начинают рассыпаться в восторженных похвалах, и мистер Дэтчери, принимая чрезвычайно серьёзный вид, торжественно обращается к племяннику:

«Этот джентльмен, Джо, имел много горя и вынес много хлопот за последние месяцы, более чем можно подумать, глядя на него. Характер у мистера Джаспера железный, Джо, а сила воли необычайная. Преклонимся же перед этим искренним горем и не станем утруждать долее нашего гостеприимного друга... Кстати, не слыхали ли вы чего нового насчёт вашего племянника?»

Джаспер медленно и грустно качает головой отрицательно и замечает, что он уж свыкся с этой страшной мыслью и, видно, ему никогда более не видать своего бедного мальчика на этом свете. И произнося последние слова, он пристально и упорно смотрит на мистера Джо Слоджерса, который бледнеет от робости, но всё же не опускает своего глаза под этим странным взглядом и невинно смотрит, в свою очередь, на говорящего. С тяжёлым взором снова садится Джон Джаспер, перебирая нервными пальцами разбросанные ноты, а Дэтчери опять является на выручку к обоим и прекращает тяжёлое молчание следующим замечанием:

«Вижу с удовольствием, сэр, что вы пришли, наконец, к тому убеждению, что никакое горе не вернёт прошлого и что поэтому вы и решаетесь стараться забыть об оном. Прав ли я, сэр?»

«В первом замечании вашем, сознаюсь, вы правы, но с последним не могу согласиться. Я не хочу и не могу забыть моего дорогого мальчика; я слишком горячо любил его, чтоб забыть. Но я, действительно, пришёл к тому убеждению, что мне следует позаботиться о своём здоровье и сделать усилие, чтобы утишить горе моё, но не забыть совсем, – нет, забыть мне невозможно!»

«Действительно, полагаю, что невозможно», – произносит как-то глухо голос юного Слоджерса.

Джаспер быстро подымает на него глаза, но встречает такое бесстрастное, глупое лицо, что тут же начинает внутренне смеяться над самим собою и отходит к окну, из которого снова устремляет взор на реку с почти такими же чувствами, как и за полчаса до того.

Дэтчери и племянник его обмениваются значительными взглядами и, встав, прощаются в ту самую минуту, как мистрис Топ появляется у дверей с письмом к Джасперу.

Оставшись один, регент быстро срывает печать с письма; рука его сильно дрожит, а сердце бьётся недобрым предчувствием. Письмо коротко и содержит следующее:

«Добыча исчезла. Не прошло и часа после вашего ухода, как с помощью какой-то старухи она успела прокрасться из дверей. Возвращаясь поздно домой, я встретил их недалеко от корта и погнался тотчас же за ними. Но попытка не удалась. Последствий не бойтесь. Мы будем молчать. При будущем свидании поговорим обстоятельнее. Э.С.[205]».

Конвульсивно стиснув письмо в руке, с помертвелым лицом и горящими мрачным отчаянием глазами, Джаспер начинает бегать по комнате, кружась, как раненый зверь в клетке.

«Какой злой демон преследует меня? – шепчет он хриплым отрывистым голосом. – Неужели каждый шаг, что я выигрываю такими нечеловеческими усилиями, приближает меня только всё ближе к погибели, расширяя всё более и более лежащую между мной и ею бездну? Не бояться последствий! Слабоумный идиот! Что значат тысячи таких скандалов и открытых преступлений в сравнении с этим адским чувством, терзающим меня днём и ночью? Так близко быть к цели... и разом увидать снова всё разрушенным! Но нет, тут что-нибудь да кроется... Либо Сландесы изменяют мне, или же кто-нибудь следит за каждым шагом моим».

Улыбка торжества, демонская, кровожадная улыбка вдруг появляется на лице его; Джаспер вспоминает о приглашении Фопперти и, успокоясь, продолжает:

«Нет, нет! Судьба ещё не совсем покинула меня; я предчувствую по тону этой записки, что Фопперти нашёл убежище Невиля Ландлесса, и не моя будет то вина, если я в десять тысяч раз не взыщу на нём за эти мучения, которые становятся невыносимыми для меня!..»

Джаспер немедля отправляется к Фопперти. Осторожная хитрость и тут не покидает его; продолжая осматриваться незаметно по сторонам, он делает по пути всевозможные крюки и повороты и, дойдя до переулка со стороны реки, быстро взбегает по разрушенной лестнице.

Войдя в собственный, принадлежащий мистеру Фопперти спальный покой его, он находит комнату столь наполненную табачным непроницаемым дымом, что Джаспер может с большим только трудом различать окружающие предметы. Одним из этих предметов оказывается сам мистер Фопперти, сидящий в спокойной позе на соломенном стуле; ноги его отдыхают на ближнем столе, а в зубах коротенькая трубка, из которой сей джентльмен выпускает густые табачные волны. Небрежно кивнув Джасперу головою, он приглашает его жестом садиться и возвращается так же молчаливо к своей трубке, расставаясь с нею только временами, чтобы хлебнуть какое-то подозрительное питьё из близстоящего стакана.

«Наслаждаетесь жизнью, Фопперти?» – замечает Джаспер, не зная с чего начать.

«Наслаждаюсь. Нешто законы препятствуют тому, что ли?»

«Конечно, что нет, – нетерпеливо соглашается Джон Джаспер, начиная злиться. – Но я пришёл к вам не для того, чтобы рассуждать о законах. Узнали вы что-нибудь, что нужно?»

Глаза Фопперти начинают немедля с этой минуты свою любимую игру в прятки, и Фопперти, не отвечая прямо на вопрос, произносит:

«Принесли с собою *душек*?»

«Если вы под словом *душки* подразумеваете билеты английского банка, то принёс. Но я желаю убедиться сперва, заслужили ли вы их?»

Фопперти продолжает хладнокровно покуривать и несколько минут не отвечает. Затем, плюнув в сторону с необыкновенной ловкостью, говорит:

«Так и быть, поверю вам на слово, только смотрите, берегитесь надуть меня потом, не то плохо вам будет. Ну, я нашёл того господчика и знаю, где он прячется».

Дьявольское выражение радости озаряет бледное лицо Джаспера, но он холодно осведомляется, каким образом он нашёл Ландлесса.

Фопперти считает священным долгом посвятить его в немалые затруднения и кончает, уведомляя его, что он найдёт Невилля в Чансери-Лэне, сочиняя при этом несуществующий номер.

«Наконец, он попался мне! – восклицает торжествующий Джаспер. – Посмотрим теперь, как он увернётся от наказания за своё кровавое преступление».

Вынимая из кармана половину условленной цены, он собирается уходить, но Фопперти, помня обещанное им Грейджиусу, уговаривает его обождать и ловко наводит разговор на прежнюю тему.

[205] Эдгард Сландес.

«Полагаю, – говорит он, пряча в карман полученные деньги, – полагаю, что вы тотчас же подцепите молодца и передадите его в руки правосудия?»

«Без сомнения, – отвечает, бешено сверкая глазами, Джаспер, – теперь у меня есть такие доказательства, что сам ад не вырвет его у меня из рук».

«Значит, вы не сами хотите лично с ним разделаться?»

Джаспер не отвечает и быстрыми шагами бегает по комнате, как бы что раздумывая.

«Ну а когда же вы собираетесь действовать?»

«Через несколько дней самое позднее. У меня есть другое дело... Я, может быть, потребую от вас ещё помощи в то время. Согласны ли вы?»

«Ладно, ладно. Вы всегда найдёте меня готовым, когда только захотите».

И мистер Фопперти, выколотив трубку, приготовляется набивать другую.

Джасперу начинает казаться, что он никогда не видал никого другого, кто бы столько курил; и табачный дым выедает ему глаза, лезет в горло, в нос и уши. Полузадохшийся, он поспешно хватает шляпу с намерением вырваться скорее на свежий воздух, но тут же остановлен ввалившейся в комнату родительницей, которая просит его «чуточку пообождать».

«Говорите скорее, мне некогда и я должен сейчас идти», – отвечает он задыхающимся голосом.

«Ну, моё дело не потребует долгого слушания, – замечает родительница, ухмыляясь во весь рот, как бы от души желая похвастаться беззубыми дёснами, – мне нужно деньжонок, чтобы справить кое-что из одежды Бесси».

«Неужто вы всё истратили, что я недавно дал вам для неё?» – осведомляется нетерпеливо Джаспер.

«Всё до последнего пенни, – ответствует старуха, умильно складывая грязные руки на огромном шаре, выдающимся у неё на месте желудка. – Всё, дорогой сэр, и всё для неё одной».

Джаспер бросает ей поспешно несколько серебряных монет и вырывается на чистый воздух.

Не успел он затворить двери, как мистер Фопперти закатывается искренним долгим хохотом, опрокидываясь на спинку своего трещащего стула и выбивая удивительные *па* каблуками толстых сапог по столу. Родительница вторит ему не с меньшим усердием, и этот дуэт продолжается у них, пока старый стул окончательно не подламывается под Фопперти и не садит этого джентльмена на пол; тогда, поднявшись с помощью старухи, которая проливает над сыном весёлые слёзы смеха, они оба начинают моргать друг другу, кивая чрезвычайно выразительно головами, и, открыв настежь окна и двери, очищают комнату от тёмных облаков дыма.

В этот самый день вечерний лондонский поезд привёз благополучно на ближайшую станцию наших других двух знакомых, Грейджиуса и мисс Туинкельтон, которые, доехав с омнибусом до старинного городка, отправились тотчас же в «Дом монахинь».

Приезд главы этой девственной республики произвёл неописанное, хотя и сдержанное смятение в отвыкших от дисциплины рядах юных обитательниц этой страны наук. Много шептались они под предводительством неисправимой мисс Фердинанд:

«Какая жалость, что это педантическое, скучное, старое создание вернулось, когда им так легко жилось без неё!»

Но так как милосердная судьба избавила «старое создание» от огорчения убедиться на опыте в чёрной неблагодарности воспитанниц её, то она и повела[206] мистера Грейджиуса прямо в приёмную, где красовались на своём старом месте земная и небесная сферы, обе тесно затянутые в своих холщовых запылённых чехлах, как два приговорённых средневековых преступника в предсмертном рубище и с посыпанными пеплом головами.

Войдя в комнату, светлые картины прошлого тотчас же возникли в памяти мистера Грейджиуса, который, вспомнив об этой розовой, счастливой, беззаботной девочке, так недавно ещё принимавшей опекуна в последнем посещении его в этой самой приёмной, начал снова горько упрекать себя. Угрызения совести этого бедного джентльмена дошли до такой восторженной точки, что ему положительно целый день казалось, будто он видит другой, столь похожий на Розу образ, сурово спрашивающий его:

[206] Далее зачёркнуто: прямо.

«Каин, что сделал ты с братом своим?»[207]

«Бедное, бедное дитя, как мало предчувствовало ты свою жестокую судьбу. Ты доверилось мне, а я... Что сделал я для предохранения твоего? О, если бы знал я только, если бы предчувствовал!.. Я не мог спасти мать твою, не сумел я спасти и тебя, несчастное дитя!»

Пока так беспощадно упрекал себя угловатый, дверь отворилась и пропустила величественно гостеприимную фигуру мисс Туинкельтон, а за нею добродушно улыбающееся свежее лицо минор-канона.

Мистер Криспаркль так горячо стал потрясать руку своего старого друга, что можно было подумать, что целые годы и все земные океаны разделяли до той минуты обоих их:

«Я только что узнал о вашем приезде и поспешил сюда, чтобы уговорить вас, умолить, мой добрый друг, сделать мне честь остановиться у меня, пока вы здесь... Я так боялся, чтоб вы не перешли в гостиницу...»

«Вы очень добры, дорогой сэр, – уныло отвечал Грейджиус, – и если подобное приглашение вас не обеспокоит, то я с удовольствием приму его, хотя, признаться сказать, вы найдёте во мне плохого гостя, так как я нахожусь, – если подобное выражение прилично такому угловатому человеку, как я, – под влиянием сильной горести».

Минор-канон, который с первой минуты заметил, что что-то не клеилось в его старом друге, с участием стал осведомляться о причине его горя, а мисс Туинкельтон, внезапно почувствовав сожаление к двум приговорённым преступникам, тотчас же в видах помилования стала раскутывать их из саванов и приводить в нормальное положение, обметая их и устанавливая с видом величайшей заботливости.

«Мой дорогой сэр, – говорит Криспаркль, – что это с вами? Как вы действительно похудели! Надеюсь, что ничего не случилось нового с нашими юными обитателями тартарийских владений? Елена, мисс Ландлесс, неужели?..»

Бедный угловатый джентльмен во всякое другое время возымел бы право удивиться тому, что минор-канон может на одну минуту подумать, что он, Грейджиус, так похудел вследствие какого-либо случая, могущего приключиться с Еленой Ландлесс, и затем иметь такое же право вывести из сего казуса некоторые угловатые заключения, но в эту минуту он был так всецело поглощён одной и той же мыслью, что он[208] просто отвечал следующее:

«Насколько мне известно, брат и сестра находятся в том же положении, как и прежде, и оба здоровы. Но я не могу, к несчастью своему, сказать того же о бедном ребёнке, которого я так глупо предоставил сам опасностям. Питомица моя, сэр, мисс Бёд, пропала... Быть может, насколько мне известно о ней, и умерла даже, и я приехал сюда со слабой надеждой отыскать её».

И слёзы выступают у него на глазах при последнем замечании.

«Дорогой мой друг, – отвечает канон с искренней тревогой на лице, – вы удивляете и поражаете меня в высшей степени... Мисс Бёд пропала! Что это значит, ради Бога?»

«Не могу сказать вам, что это значит, не могу, словом, сказать ничего, кроме простого заявления факта...»

«Но неужели вы не подозреваете никого такого, кто бы мог совершить подобный злодейский проступок?»

«Вы употребили настоящий термин, преподобный сэр. Я имею *подозрение*, но ничего, кроме подозрения. Фактов либо доказательств у меня нет ни одного. Но если вы желаете пройтись со мною, сэр, то, может быть, и придумаем что-либо с Божией помощью».

И оба джентльмена берутся за шляпы. Уходя, Грейджиус обращается к мисс Туинкельтон и произносит ровным, спокойным и будто заучившим урок голосом следующее извинение:

«Надеюсь, дорогая леди, что вы искренне извините меня, если я показался когда в ваших глазах дерзким либо когда слишком погорячился в вашем присутствии, с тех пор как был поражён столь нежданным, ужасным ударом, но удар сей парализовал во мне разум и я положительно не мог отвечать ни за свои поступки, ни за слова свои, которые, без сомнения, оказались весьма

[207] См.: «И сказал Господь [Бог] Каину: где Авель, брат твой?» (Быт. 4, 9).

[208] Далее зачёркнуто: на.

глупыми. Надеюсь, что мы расстаёмся добрыми друзьями, и что вы не станете питать против меня враждебного чувства».

И Грейджиус протягивает ей руку.

Сильно обрадовалась глава «Дома монахинь», которая, не ожидая столько великодушия со стороны опекуна, немало перепугалась было уже за могущие произойти, вследствие её нерадения к одной из воспитанниц, таинственные и очень неприятные сокращения в третичных доходах заведения. И так, горячо пожимая простёртую к ней руку Грейджиуса, красноречивая девственница немедля отвечает ему с самой грациозной своей улыбкой:

«Прощаю и от всей души извиняю вас, многоуважаемый сэр, заявляя вместе с тем со всей подходящей к обстоятельствам искренностью, что никого не может и не должно более воспламенять подобное христианское чувство, как тех, которых прямая обязанность вливать в юные души главные добродетели[209] с присоединением к сим добродетелям схоластических наук, и для подобных, небом избранных особ правило это должно всегда быть золотым правилом. Сочувствую вам, сэр, и сожалею, что власть моя не простиралась до того, чтобы воспрепятствовать мисс Бёд в задуманной ею утренней и одинокой прогулке. Но мисс Бёд не находилась в то время в недрах *этих* тихих стен. Мисс Бёд была независимой личностью и, быв оной, пользовалась всеми привилегиями, дарованными независимым личностям. Повторяю, глубоко сожалею и надеюсь, что мисс Роза вернётся ещё и что все мы весьма скоро увидим её возвращающуюся к прерванным ею плодотворным наукам “Дома монахинь”».

Поблагодарив её и простившись, мистер Грейджиус выходит с минор-каноном из дома, в котором протекли лучшие годы Розы, но стены которого не увидят её более, по крайней мере, как воспитанницу.

С полными торжества мыслями возвращается Джон Джаспер к себе; самые привлекательные картины, из которых представляющая юного Невиля висящего на виселице не из самых ещё замечательных, поочерёдно являются и исчезают в его воображении. Он твёрдо решился не оставлять теперь ни малейшей возможности несчастному спастись из его рук. Сняв сюртук, он приближает стул к окну и принимается снова следить за рекою. Но теперь он смотрит на неё с другими чувствами, и каждая протекающая волна уносит в его воображении один из годов жизни Ландлесса, приближая его с каждой минутой к темнеющему вдали океану вечности.

Как и в первый раз, кто-то стучит у дверей, но Джон Джаспер не вздрагивает и не встаёт, но просто просит войти.

Дверь отворяется и в комнату входит мистер Грейджиус, а за ним минор-канон.

На секунду, только на одну секунду, что-то передёрнуло джасперовское лицо, но он тотчас же спокойно и учтиво, не выказывая ни малейшего удивления, просит их садиться.

Мистер Грейджиус, не обращая внимания на двух разговаривающих, медленно вынимает из бокового кармана очки, так же медленно протирает их и, оседлав ими нос, вперяет в музыкального учителя пристальный взгляд.

Джаспер заметил его и чувствует на себе этот пристальный взгляд, но ни один мускул не шевелится на лице его.

«Давно не видал я вас, любезный сэр, – обращается он к Грейджиусу, – с самого того несчастного дня, как я потерял моего дорогого мальчика».

И голос Джаспера прерывается, а на глазах являются слёзы при этом воспоминании.

Но мистер Грейджиус не выказывает большого сочувствия к этому горю; и если когда-либо лицо человеческое – будь оно лицо самого угловатого или *не* угловатого человека – выражало презрение с самыми ясными признаками отвращения, то это было лицо мистера Грейджиуса из *П.Ж.Т.*

Повернувшись к нему всем телом и не спуская глаз с музыкального учителя, он отвечает ему ровным и отчётливым голосом:

«Во всё это время, пока то было возможно мне, я воздерживался от чести посещать вас, сэр, так как был заранее уверен в том, что я не желаемый у вас гость, но это во-первых, а во-вторых будет то, что я не имел никакого до вас дела. Таким образом, смею надеяться, что не очень

[209] Основные добродетели (*фр.* vertus cardinales) – справедливость, благоразумие, умеренность, храбрость.

изумлю вас, объявив, что и на этот раз я не потому явился к вам, чтобы питал к вашей особе какое-либо особенное чувство уважения или расположения, но единственно потому, что имею весьма серьёзное до вас дело».

Мистер Грейджиус умолкает на минуту, дабы дать Джасперу время ответить. Но Джаспер молчит и угрюмо смотрит на свои сапоги.

Мистер Криспаркль, видимо, смущён этой приближающейся сценой и ищет прибежища у окна, по стёклам которого он начинает тихо выбивать марш вроде необходимой мелодии оркестра во время антрактов.

«Когда, – снова начинает таким же однообразным голосом Грейджиус, – когда ваш племянник исчез столь неожиданно (если смею так выразиться) с лица вселенной, я сожалел о нём, предполагая тогда, как предполагаю и теперь, что он убит. Так же точно предполагал я, и *даже знал* наверное с самой минуты происшествия, что знай убившая его особа те факты, которые были известны тогда *мне* и которые один *я* знал, то особа эта, коей смерть его должна была доставить – не менее известные мне – выгоды, сознала бы всю бесполезность своего преступления».

Он снова останавливается, чтобы дать время ответить неподвижному человеку, который сидит перед ним с таким бледным лицом и с такими злобно горящими глазами, выражающими ужас и вместе с тем ненависть, что мрачный огонь их удесятеряет ещё бледность его, но этот человек сидит не шевелясь, и ни одного слова не произносят посиневшие уста.

Оркестр начинает снова интермедию на оконном стекле, и минор-канон, видимо, заинтересован каким-то зрелищем в переулке.

Мистер Грейджиус продолжает так же бесстрастно:

«И так, судьба решила, что этому молодому человеку следовало погибнуть, и воля судьбы свершилась, он погиб. Как, когда, в какую минуту, никто не знает, кроме убийцы. Узнает ли кто когда убийцу – на то ещё есть надежда. По крайней мере, *я* сильно надеюсь... Надеюсь также, что вы слушаете, сэр, с вниманием слова мои».

Так неподвижно сидит Джаспер, что Грейджиус принуждён коснуться до него, дабы убедиться, что он жив.

Нервно шевелятся пересохшие губы и произносят наконец:

«Я слушаю вас, продолжайте», и рука сопровождает спазматическим движением слова.

Интермеццо[210] на стекле умолкает, и Грейджиус продолжает далее:

«О молодом человеке, заподозренном в то время в этом низком преступлении, скажу одно: я считал его невинным тогда и считаю столь же невинным теперь. Скажу более, в случае, если кто решится преследовать его, взводя на него чужое преступление, стократ было бы безопаснее для обвинителя, если бы он удержался вовремя, не имея в руках самой неопровержимой улики против сего юноши, так как за последнего могут явиться защитниками его такие друзья, которые сумеют привлечь взор правосудия на настоящего убийцу».

Адская, злобная усмешка поддергивает запёкшиеся губы во время третьего антракта.

«Высказав столько по поводу совершенно не касающихся до меня дел, позволю себе начать говорить и о собственном, *личном,* для меня деле. Несколько дней до сего мисс Бёд, питомица моя, жила ещё спокойно и в сравнительной безопасности в доме, нанятом мною для неё; в безопасности, говорю я, по моему мнению, от тех, которые, казалось мне,[211] не осмелились бы никогда решиться на совершение подобного преступления, пока она жила там. Теперь же она исчезла; исчезла, как и жених её, Эдвин Друд,[212] при одинаковых почти обстоятельствах и в сопровождении той же таинственности. Я не обвиняю никого, но мне известны, и хорошо известны, все подробности некоего происшествия, заставившего её бежать из Клоистергэма, дабы искать покровительства в моём доме. Она не скрыла от меня любви и преследования некоего человека, к которому она постоянно питала чувства боязни и отвращения. И так, зная о[213]

[210] Интермеццо (*um.* Intermezzo) – небольшое комическое представление, разыгрываемое между актами или картинами оперы; небольшая самостоятельная инструментальная пьеса или часть инструментального цикла.

[211] Далее зачёркнуто: никогда.

[212] Далее зачёркнуто: под.

[213] Далее зачёркнуто: б.

вышеупомянутом преследовании, я прихожу прямо к вам, дабы посоветовать вам открыть мне место заключения её. Если вы откажетесь сознаться в том, в чём я имею самое положительное убеждение, то я буду вынужденным объявить вам, что я твёрдо решился, предупредив вас заранее о сём, принять законные меры к произведению следствия, на котором будет открыто мною всё то, чего ещё никто не знает, то есть[214] отношения её и прикосновенность к прошлому преступлению и насколько исчезновение мисс Бёд имеет связи с исчезновением того, о ком вы, по-видимому, заявляете перед всеми такое горькое сожаление и безутешное отчаяние».

Медленно приподымается бледное лицо к Грейджиусу и бескровные уста медленно произносят:

«И вы обвиняете *меня* в похищении мисс Бёд?.. Меня?!»

«Я никого не обвиняю лично. Я пришёл к вам за объяснением, так как вполне уверен, что вы знаете, где *она*. Если вы не желаете открыть *мне* её местопребывания, тогда наше свидание кончено и...»

«Стойте, сэр! – восклицает свирепо Джаспер, вскакивая со стула и становясь перед Грейджиусом. – Я слушал молча и не оправдываясь во всё то время, как вы чернили меня намёками самого позорного рода... Разве недостаточно того, что я выстрадал за это время? Не довольно разве целых месяцев муки вследствие этой ужасной неизвестности о моём пропавшем племяннике, этих тревожных дней и бессонных ночей в великом горе, выпавшем на мою долю; в этой одинокой борьбе с подозрениями, которые, не знаю, как не убили меня? И теперь, когда я только что начинаю приходить в себя, оживаю, стараюсь забыть, отвязаться от этого страшного привидения неизвестности, от этой горестной, пожирающей огнём всю душу мою мысли, что его уж нет на свете, вы приходите снова растравлять мои еле заживающие раны, обвиняете меня по личной догадке самым непростительным образом и разом толкаете меня снова в зияющую пропасть, из которой я едва начал освобождаться! О, это ужасно, сэр, это жестоко, и вы скоро раскаетесь в том...»

Он бросается в кресло и, закрыв лицо руками, предаётся дикому порыву горести.

Оркестр на окне умолкает, и лицо доброго каноника выказывает нерешимость и истинное сочувствие, но бесчувственный Грейджиус прикладывает в виде предостережения палец к носу, и Криспаркль не произносит ни слова.

Старый джентльмен ещё раз обращается к Джасперу:

«И так, судя по вашим словам, я ошибся в расчёте и теперь, не имея возможности узнать от вас желаемого, должен принять другие меры, дабы отыскать пропавшую мисс Бёд. Может быть, вы и правы, сэр, так как, отыскивая её, можно найти и кое-что другое, что вы предпочитаете сохранять тайным в глубине души вашей».

Минор-канон пользуется минутной остановкой, чтобы заметить, «что, вероятно, обоим было бы приятнее, если бы он удалился и оставил их вдвоём».

«Нет, нет, – поспешно прерывает Грейджиус добросердечного джентльмена, – садитесь, прошу вас, сэр. Я предпочитаю беседовать с этим джентльменом в присутствии третьего лица. Я всегда считал нелишним иметь под рукой свидетеля в серьёзных делах своей жизни, а в настоящую минуту считаю это даже, – если смею так выразиться, – необходимым. Но может быть и то, что наше обоюдное дело с мистером Джаспером кончено; тогда нам лучше удалиться *обоим*».

«Стойте, – останавливает их Джаспер, видя, что они берутся за шляпы. – Я желаю теперь высказаться в свою очередь. Постараюсь быть кратким. Я знаю, и всегда знал, что вам было известно одно обстоятельство; именно то, что, когда мисс Бёд уезжала из Клоистергэма, я в тот же день осмелился просить у неё её руки. Если бы я не любил её, то, конечно, не стал бы умолять её сделаться моей женой. Долго ещё до того времени, как исчез мой дорогой мальчик, я любил её, но страдал один, и любовь моя оставалась тайной для всех. Доколе я молчал, эта любовь не вредила никому, и я продолжал так же безумно любить её, хотя и знал, что она обручена с другим. Когда бы мог я вырвать эту несчастную страсть из груди моей, я сделал бы это, даже если бы мне пришлось вырвать вместе с нею и сердце своё; да, я сделал бы то из одной великой привязанности

[214] Далее зачёркнуто: всё то.

к тому, одно имя которого раздирает мне душу. Когда его не стало, а я почувствовал убеждение, – я чувствую его и теперь, – что никогда не увижу я его более на этой земле, я решил открыть свою любовь свободной, по моим понятиям, девушке. Если она не могла любить меня, то ей стоило только сказать мне это прямо и откровенно; я не стал бы более утруждать её своей любовью, хотя мне пришлось бы даже умереть от этой муки... Но нет! Она принимает честное предложение за невиданную дерзость, страстные моления за какие-то угрозы и спасается от меня бегством под крылышко своего опекуна, который, как видно, одобряет её, поощряя всеми мерами эту странную в ней мысль, что всякий мужчина, честно предлагающий ей свою руку и любовь, должен непременно быть самым лютым для неё врагом, а она должна избегать его как чудовища! Нет, сэр, – бешено продолжает Джаспер и голос его дрожит, а глаза наливаются кровью, – я отвергаю с презрением подобные покушения замарать мою незапятнанную доселе честь; я люблю Розу, мисс Бёд, я люблю её страстно и пламенно, но я не тронул бы единого волоска на её драгоценной головке для удовлетворения ценой жизни любви моей, так же как и не отказался бы от счастья любить её ради всех опекунов Англии! Любовь моя – единственное блаженство, предоставленное мне судьбой, и любить её я стану, пока сердце не перестанет биться навеки в груди моей! Выслушав признание моё, сэр, всё ли вы ещё полагаете, что я знаю, где она, и скрываю от вас её местопребывание лукаво и злобно?»

Хотя он высказал тираду свою, очевидно, в пользу мистера Грейджиуса, но лицо его обращено во всё время к минор-канону. Что-то сочувственное, колеблющееся в его пользу виднелось ему в чертах мистера Криспаркля, тогда как на деревянном облике опекуна лежала та же ясная печать презрения и отвращения к говорящему, как и во всё остальное время свидания.

«Было бы более чем кстати, – замечает Грейджиус тем же медленным невыразительным голосом, – и оказалось бы более удовлетворительным для нас обоих нас, если бы вышеупомянутое местопребывание было открыто особою, – которая готова идти так смело против всех опекунов Англии, – законному присутствующему здесь опекуну, как ни ничтожен сей образчик легальных покровителей. Быть может, я ошибаюсь, и в таком случае попрошу вас приписать ошибку к моей угловатости, но мне сильно кажется, что в настоящем случае страстно влюблённый,[215] благородный, хотя и отвергнутый обожатель, удивительно как бы возвысил себя в глазах всех знающих его, приняв на себя роль великодушного героя, приносящегося в жертву на алтаре любви, и открыл бы оное местопребывание для обоюдной пользы, как своей, так и молодой леди, до которой ему, во всяком случае, невозможно будет дойти иначе как посредством нового преступления».

Поняв, что убедить Грейджиуса в его невиновности было бы невозможностью, Джаспер переменяет тактику и облекается в смиренный вид напрасно обвиняемой жертвы. Отвернувшись от пристально следящего за ним в четыре глаза мистера Грейджиуса, очки которого слезли на нос и преследуют его по всем направлениям, Джаспер, всё ещё глядя на минор-канона, грустно произносит следующее:

«Одно утешает пока меня; я вполне чувствую, что есть ещё на свете благородные особы, которые сознают в душе своей всю невинность мою. Они знают все страдания мои, им известны адские муки, растерзавшие всю мою жизнь. Когда молодая леди вернётся к вам, сэр, – а в этом я вполне уверен, сердце шепчет мне, что она не замедлит своим появлением, – тогда, надеюсь, мистер Грейджиус, что вы убедитесь в истине моих уверений и сознаетесь сами, как горько вы оскорбили меня сегодня!»

Грейджиус кланяется на манер деревянной марионетки, которую дёрнули за ниточку, и поспешно отвечает:

«Благодарю вас, сэр, за доброе предзнаменование; с настоящей минуты я чувствую себя спокойнее, услышав от вас самого слова, нашёптываемые вам вещим сердцем вашим. Этому сердцу я почему-то доверяю, так как ему, очевидно, лучше знать, чем нам, и поэтому я ухожу с сильной уверенностью увидать мисс Бёд в скором времени. Но теперь, – продолжает он, внезапно переменяя тон, – я желаю, чтобы вы знали одно: отправляясь к вам, мистеру Джасперу, за необходимыми мне сведениями, я ни на минуту не предполагал, – зная вас так, как я знаю, – чтобы

[215] Далее зачёркнуто: и.

вы открыли мне добровольно местопребывание Розы. Поэтому я ухожу отсюда без малейшего чувства обманутого ожидания. Я оставляю вас теперь с приятной надеждой встретиться снова и в скором времени, но из боязни, что, быть может, сама судьба как-нибудь воспрепятствует мне в выполнении вышеречённой надежды, пользуюсь настоящим случаем, чтобы высказать вам собственное *моё* о вас мнение. Попрошу и вас, преподобный сэр, внимательно выслушать оное и принять к сведению. И так: я считаю вас, мистер Джон Джаспер, самым коварным и лукавым дьяволом, созданным на земле для горя человеческого, таким, который не остановится ни перед каким преступлением для удовлетворения собственных порочных страстей. Вот чем я считаю вас, Джон Джаспер, и вам лучше знать, прав ли я или же ошибаюсь. Завтра я вернусь в Лондон. Если через двадцать четыре часа мисс Бёд не появится снова, то мы станем искать её законным образом, стараясь отыскать в то же время и жениха её, Эдвина Друда».

Оба джентльмена, разменявшись холодными поклонами, исчезают за дверью, которая запирается за ними на ключ Джаспером. Оставшись один, он отгоняет от себя нечеловеческим усилием овладевающую им слабость и направляется на прежнее место, к окну. Но теперь он спрашивает себя, неужто под прозрачными волнами реки стали бы терзать его те же страшные муки, которые терзают его теперь?

Глава XXXVI

Счастливая встреча

Несмотря на многочисленные желания, изъявляемые человечеством, Великий Творец всего не почёл нужным создать человека таким образом, чтобы последний мог находиться в одно и то же время в двух разных местах; поэтому в силу этого закона природы мистер Грейджиус катил в Клоистергэм в ту самую минуту, как Пеккрафт направлялся с Розою к *П.Ж.Т.*

К великому смятению маленькой Розы они были приняты одним мистером Баззардом, мрачные черты которого даже на одну секунду не прояснились, увидав неожиданно особу, появление коей повергло бы его принципала в такой неописанный восторг. Объявив им, куда и почему уехал Грейджиус, он вернулся за письменный стол и снова усердно принялся за писание, не обращая более на гостей ни малейшего внимания.

Когда Роза со слезами обманутого ожидания на глазах объявила, что в таком случае ей остаётся ехать назад в билликинское владение, чтобы ожидать вместе возвращения опекуна в назидательном обществе «бедной мисс Туинкельтон», Баззард, медленно приподняв голову, произнёс следующую фразу, с которой он, казалось, обращался к своему перу:

«Уехала с мистером Грейджиусом».

При этом ужасном известии, отрезающим Розе последнюю надежду на присоединение её к спасительному главному корпусу армии, она разом повергается в безутешное отчаяние и, разразившись потоком слёз, объявляет, что теперь она считает себя положительно помехой в жизни, как собственной, так и всех окружающих её, и что она желала бы никогда, никогда не родиться; или же если подобное распоряжение судьбы было, невзирая на его бесполезность, необходимым, то для чего она лучше не родилась в какой-нибудь далёкой стране, в глубине Тартарии[216], например, где никто не посмел бы преследовать её, как преследуют и её, и других молодых леди в её положении в этой противной Англии!

Мистер Пеккрафт молча ожидал, пока она немного успокоится, и, дождавшись удобной минуты, намекает ей о некотором плане, который, по мнению его, окажется удобным для неё.

Но маленькая Роза не питала более очень сильного доверия ни в чьи планы, все придуманные для неё комбинации и улучшения в жизни оказывались одними жестокими неудачами и поэтому ей оставалось одно: изъявив раз навсегда презрение своё ко всем планам, бывшим, настоящим и будущим, безостановочно плакать и горевать над собственными жестокими испытаниями, не внимая ничьим утешениям.

Но тут, вроде немого укора со стороны столь обижаемой ею судьбы, дверь отворилась и пропустила румяного красивого лейтенанта, который, не зная ещё ничего о пропавшей Розе, не мог поэтому и приветствовать жарче обыкновенного возвратившуюся Розу, но просто, с обычным ему развязным искренним радушием подошёл к ней с целью пожать эту беленькую ручку, которая скрывала от него пока такие горькие слёзы.

Увидя это заплаканное личико, молодой моряк сильно сконфузился и, не зная, что сказать, стоял молча и неподвижно перед нею.

Были ли то приятные видения воспоминаний её о волшебных, спокойных прелестях очарованной страны волшебного горошка или что другое такое, но маленькая Роза почувствовала себя утешенной прибытием хозяина адмиральской каюты. Было что-то такое искреннее и натурально успокаивающее в этой сильной мужественной фигуре, которая оставалась на заднем плане её мыслей только вследствие несчастий, выпавших на долю «бедного Эдди», и одно присутствие его уж ободрило её. Встав поэтому, она с живостью схватила его за руку, и с невысохшими ещё блестящими каплями слёз, приютившимися в хорошеньких ямочках её щёк, она представила его мистеру Питеру Пеккрафту, который, услыхав имя Тартара и размениваясь формальными поклонами с этим джентльменом, невольно предался мысленным рассуждениям,

[216] Тартария (Татария) – географический термин, использовавшийся в западноевропейской литературе и картографии в отношении обширных областей от Каспия до Тихого океана и до границ Китая и Индии.

насколько только что выраженное мисс Бёд сожаление, зачем она не родилась в самой глубине Тартарии, имело отношение к самому имени этого молодого человека.

Честным и благородным огнём негодования запылали голубые глаза Тартара, когда он услыхал от Розы её наивный рассказ о случившемся с нею происшествии. Он тотчас же изъявил своё мнение, что для неё было бы всего безопаснее ожидать возвращения опекуна на неприступных вершинах волшебной страны горошка. Но мистер Пеккрафт, потребовав – в силу своей старинной дружбы с отцом «бедного Эдди» – некоторых топографических сведений относительно этой незнакомой ему страны и получив оные, тут же покачал головою с истым великобританским понятием о приличии и предложил, в свою очередь, более подходящий к обстоятельствам, по его мнению, план, приняв который Роза должна была немедля[217] ехать с ним в дом его собственный хозяйки, поэтичной мисс Кип, которая, имея многочисленные и спокойные квартиры в тихом и *респектабельном* квартале Лондона, могла немедленно снабдить её приличным помещением до приезда мистера Грейджиуса.

Тоскливо поглядывая во время этого предложения на карманные часы свои и с ужасом замечая, что было уже три четверти восьмого – час,[218] который[219] минута в минуту заставал его уже многие годы садящимся за завтрак, – мистер Питер Пеккрафт потребовал немедленного решения со стороны маленькой Розы, которая, невзирая на свою недавнюю решимость не принимать более ничьих планов, должна была решиться на этот, сильно поощряемая к тому честным лейтенантом, который заявил тотчас же, что лучше этого трудно было бы придумать.

И так, заставив мистера Тартара и даже мрачного Баззарда принести многочисленные клятвы в том, что мистер Грейджиус немедля будет по возвращении своём уведомлен, где скрывается его питомица, Роза снова садится в привезший их кэб, заставляя ещё раз Тартара обещать ей послать к ним тотчас же «доброго, милого мистера Грейджиуса», к величайшему нервному нетерпению мистера Пеккрафта, который, не спуская уже более глаз с часовой стрелки, с отчаянием торопит кэбмена везти их во весь дух к Сильвер-скверу. Так усердно выполняет полученное приказание извозчик, что кэб останавливается у подъезда ровно за пять минут до восьми часов; это счастливое обстоятельство даёт время Пеккрафту отрекомендовать Розу мисс Кип, за которой старый джентльмен тотчас же собирается отправиться на поиски, оставив её на минуту в приёмной.

Эти поиски не представляют ему больших затруднений, так как он в ту же минуту слышит голос мисс Кип, объявляющей воображаемой служанке, что, «кажется, мистер Пеккрафт вернулся и что она только заглянет в приёмную, не там ли он», и эта почтенная леди отворяет дверь и входит в то самое время, как Пеккрафт выходит из комнаты.

«Как раз вовремя, многоуважаемая мисс Кип, как раз вовремя» – замечает владетель лавки древностей; и тут же представляет Розу ей, а её Розе, прося их, между прочим, не слишком медлить с совершающейся операцией рукопожатия, так как остаётся всего три минуты до завтрака.

«Поклонница ли вы муз, мисс Бёд?» – осведомляется древняя Кип, которая, взяв себе раз навсегда этот вопрос за правило во время совершения новых знакомств, сооружает на ответе на это оригинальное осведомление будущую свою симпатию либо антипатию к допрашиваемым особам.

Маленькая Роза озадачена и вместе с тем немного сконфужена внезапностью такого допроса и, не зная, что сказать, беспомощно обращает глаза на Пеккрафта, который, в желании своём заставить её догадаться ответить утвердительно, предаётся, стоя за спиною своей хозяйки, таким усердным и многочисленным киваниям головой, что Роза положительно боится, как бы он не открутил себе совсем головы.

Догадавшись, Роза, которая снова начинает походить на клоистергэмскую Розу, отвечает, что она страстно любит муз и не могла бы жить без их общества.

Приятная, радостная улыбка сочувствия сближает нос мисс Кип с её подбородком, и довольная леди осведомляется у мистера Пеккрафта, который теперь час.

---

[217] Далее зачёркнуто: у.
[218] Далее зачёркнуто: за.
[219] Далее зачёркнуто: в.

«Без одной минуты восемь», – получает она в ответ.

«Голодной и усталой должна быть наша мисс,
Поэтому на завтрак пойдёмте тотчас вниз».

И с этим образчиком лёгкой импровизации мисс Кип грациозно указывает дорогу Пеккрафту и Розе в столовую. Часы на камине бьют ровно восемь, когда наше трио садится за завтрак, и мистер Питер Пеккрафт торжественно восклицает, подымая сияющие благодарностью глаза к потолку столовой:

«Благодарение и хвала небесам! Мы поспели вовремя!»

И начинает вкушать от яств.

После завтрака мисс Кип так же торжественно ведёт Розу в её новую, выбранную для неё Пеккрафтом комнату и отворяет бренчащими за её поясом музыкальными ключами несколько других жилищ, обитаемых постояльцами её,[220] посвящая Розу в порыве возникшей под такими поэтическими началами дружбы в историю жизни и общественного положения каждого из этих постояльцев. После чего они возвращаются к нетерпеливо ожидающему их Пеккрафту, которому уж пора идти в магазин редкостей, и этот джентльмен, добродушно осведомившись, довольна ли она новой квартирой, уходит к своему занятию, советуя ей в то же время ожидать Грейджиуса спокойно и обещая тотчас же по прибытии в магазин прислать ей интересные иллюстрации древних времён, чтобы помочь ей терпеливее перенести скуку.

Но мисс Кип под влиянием той же дружеской симпатии не даёт своей свеженайденной любительнице муз времени задуматься над прошлым горем и задать себе столь же тёмный вопрос, «что её ожидает ещё в будущем?».

Как только заперлась за Пеккрафтом дверь, первосвященница муз входит в приёмную и, помещаясь возле грустно сидящей на диване Розы, разглаживает весьма тщательно принесённый ею печатный трактат и объявляет, что она так заинтересовалась прочитанным, что пожелала немедленно поделиться своими впечатлениями с мисс Бёд.

«Здесь представлен подробный отчёт, – говорит она в виде объяснительного предисловия и поднося листок почти к самым «молочным» подслеповатым глазам, – о митинге в прошлый вторник всех членов нашей “Великой гавани” (известного вам, конечно, филантропического общества) для совещания насчёт необходимого капитала для продолжения предпринятых ими гигантских благороднейших реформ. Позвольте мне прочитать несколько строк, дабы вы имели некоторое понятие, насколько это интересно».

Маленькая Роза, которой после стольких бессонных ночей хотелось бы гораздо лучше пойти к себе наверх отдохнуть, с трудом удерживает *зевание* и, уткнув свой розовый подбородок в ладонь опиравшейся локтем на стол руки, покоряется неизбежной участи.

«Мистер Слеккерс[221], окончив, садится на своё прежнее место, а мистер Хонефёндер[222] встаёт, чтобы возражать ему, и начинает речь следующими словами: “Мой благородный собрат прав в своём замечании, что современное общество не понимает и слишком неразвито, чтобы понять всю благородную цель нашего полезного “братства”, и что последнее служит лучшим украшением великобританской нации, размазывая для оной, – если подобная метафора будет мне дозволена, – масло филантропии по хлебу невежества, но оно должно быть, наконец, понято нацией, а если она всё-таки, по упрямству своему, не сознаётся, что поняла, то наша прямая обязанность состоит в том, чтобы силою вбить ей это в голову. Много было сделано уже со стороны публики усилий, чтобы подавить наше благородное учреждение, и ещё более нашли на пути своём камней преткновения те, которые стремились зачислиться в члены нашего общества и сделаться братиями нашими; из всего вышесказанного, сэр, следует заключить следующее: что мы, быть может, и многое потеряли, но что подобному положению дел следует положить конец. Я готов теперь, как и в прошлом, выполнять твёрдо и непоколебимо возложенную на меня

[220] Далее зачёркнуто: и.
[221] **Slukers.**
[222] Сластигрох (**Honeythunder**).

священную обязанность и посвятить все дарованные мне природою таланты на распространение принципов нашей “Великой гавани”, стараясь присоединить к ней как можно более членов для увеличения её сил, но эта обязанность простирается и на других братий наших, которые обязаны все до одного, засунув руки в карманы, и материально помочь обществу в его великих предприятиях, ибо таким только образом и можно поправить дело; тех же из братий, которые по скупости своей и скаредности откажут нам в подобной денежной помощи, следует немедля отправить к чёрту!”

Мистер Хонефёндер вернулся на своё место среди восторженного и продолжительного рукоплескания; после чего спич был отвечен мистером Слеккерсом:

“Только что говоривший джентльмен, может быть, и прав, но я не разделяю его взгляда на это дело, по крайней мере, в настоящее время. Другие могут поступать, как им заблагорассудится...”

Мистер Хонефёндер бешено прерывая оратора:

“Должен ли я заключить из только что произнесённых слов, что говорящий джентльмен намерен прекратить всякие сношения с обществом? Что он добровольно намерен вылезти из башмаков филантропии, когда они только что и едва влезли ему на ноги, с тем чтобы переменить их на другую пару, которая если и станет меньше давить ему мозоли, зато прямёхонько отправит его к дьяволу? И всё это из одной низкой, корыстной цели, чтобы удержать в кармане несколько грязных банковых билетов, которые прямо пошли бы иначе в пользу всего рода человеческого? Так ли я понимаю?.. Верить ли мне ушам своим?!!”»

«Благороднейший, милейший брат Хонефёндер! – восклицает восторженно мисс Кип, устремляя «молочный» взор на выходную дверь, – вот он стоит перед моими глазами, – и, заметив невольный взгляд Розы, брошенный ею по направлению дверей как бы в ожидании заметить действительно стоящего там великого филантропа, престарелая муза добавляет с улыбкой, – в воображении моём, дитя, в воображении! Я ясно вижу этот грустно-вопросительный взгляд, это отчаянное выражение тоски, разлитое по благородному лику в ту минуту, как он укоряет мистера Слеккерса.

С какой тоской взираешь ты, герой...
Злосчастный Хонефёндер... на людскую ложь...
Как Слеккерс вдруг вонзил в тебя сей острый нож!

Ах, мисс Бёд, вы не можете представить даже себе всё великое, всё прекрасное, всё добро, оказанное этим филантропом человечеству. Я давно знакома с ним, и он всегда один и тот же!»

Роза, которая не забыла ни мистера Хонефёндера, ни его посещения Криспарклей в Клоистергэме, не сомневается в том, что он всегда и всюду один и тот же, и высказывает свою полную уверенность в этом обстоятельстве.

«Почти невозможно поверить, – продолжает мисс Кип, – чтобы человек, столь наполненный общественными талантами, человеколюбием, доброжелательства к музам и тому подобным, мог бы так совершенно бескорыстно предаться делу в пользу рода человеческого. Он вечно как… как медведь… нет, как другой зверь, о котором говорится с большим уважением в Священном Писании, он как тот зверь, рыкающий в пустыне, постоянно ищет если не пожрать, то посвятить кого-нибудь в священные таинства филантропии. Недавно ещё он обратил на путь истины – и сделал братом или, скорее, сестрой – одну умирающую даму; и так убедил её одной силой своего красноречия, ясно указав ей на страшные последствия, ожидающие её в разделке её с небом, если она не примирится с ним окончательно при этой жизни, что эта дама, которая была чрезвычайно богата, но также скупа и оставила старшую сестру свою умереть с голоду, не согласившись даже помочь ей несколькими фунтами из одного принципа, сделала своё духовное завещание в пользу мистера Хонефёндера, зная заранее, что все эти деньги пойдут в пользу остального рода человеческого, в благодарность свою ему за то, что он указал ей ясно на долг её к братиям. Были злые языки, которые страшно стали клеветать на мистера Хонефёндера, говоря, что он украл будто бы эти деньги у другой сестры умершей дамы, которая осталась в большой нищете, имев глупость остаться вдовой с девятью маленькими детьми, но всё это была лишь самая злая клевета,

как я и сказала прежде, так как невозможно и сравнить даже, какая разница была бы в принципе, если бы эти десять, положим, хоть и умирающих с голоду племянников воспользовались бы её деньгами вместе с матерью в сравнении с благом, доставленным её завещанием всему роду человеческому. Принцип, моя милая мисс Бёд, принцип – великое дело! Если бы вы могли прочитать прелестнейший некролог, написанный по этому случаю мистером Хонефёндером после её смерти в одном из наших периодических журналов!»

Только что кончила мисс Кип это похвальное слово достоинствам Хонефёндера и окончательному торжеству его великой ораторской способности на арене филантропии, как послышался лёгкий стук в дверь, и затем вошла чисто и аккуратно одетая служанка, достойная по наружности своей служить в таком аккуратном заведении.

«Мэри, мой друг, нельзя ль узнать,
Чего пришли вы здесь искать?»

Поэтическая леди никогда не пропускает случая адресоваться рифмами даже к слугам.

«Извините, мэм, – отвечает, вытаращив глаза на неё, служанка. – Молодой человек от мистера Пеккрафта ждёт у дверей; у него что-то в руках для молодой леди, что приехала сегодня с мистером Пеккрафтом».

«Так почему ж пакета сами вы не взяли,
А юношу сего сейчас не отослали?»

– вопрошает мисс Кип с серьёзным и строгим взглядом.

«Я так и хотела было сделать, мэм, – отвечает служанка, ещё более вытаращивая глаза, так как она только что поступила в дом, – да только он не даёт мне, а говорит, что должен сам сдать его лично с рук на руки молодой леди».

«Мисс Бёд, как вам угодно поступить,
Должна ли Мэри юношу впустить?»

– вопрошает мисс Кип с улыбкой.

Роза делает всевозможные усилия, чтоб не расхохотаться прямо в лицо этой оригинальной музы, но вовремя воздерживается и, приняв уж слишком серьёзный вид, решается увидать «молодого человека» от мистера Пеккрафта.

Мисс Кип только что намерена передать служанке это приказание стихами, как последняя, почувствовав, вероятно, что уж довольно она насытилась поэзией, запирает дверь и тотчас же снова отворяет, чтоб впустить мистера Столопа.

Крепко прижимая правую руку к сердцу и держа в левой шляпу и пакет, автомат-приказчик низко кланяется и надеется, что он никого не потревожил в домашнем алтаре беседы.

Никто не отвечает на этот вопрос, мистер Столоп, нос которого пылает в эту минуту от сдержанной любви и восхищения, добавляет, что патрон его возложил на него священную и приятную обязанность передать прямо в руки мисс Бёд эти книги, и так как он, мистер Столоп, находился под двойным влиянием – приказания почтенного доверителя и собственного пламенного желания повидаться с прелестной молодой леди, дабы иметь счастье лично осведомиться о её здоровье, то он и решил смело настаивать на этом желании.

«Вы чрезвычайно достойны похвалы, молодой человек, за подобное аккуратное исполнение приказаний мистера Пеккрафта», – с доброжелательной улыбкой замечает мисс Кип и, наскучив говорить прозой, добавляет стихами:

«Кто волю старших исполняет,
Того дар неба ожидает».

Но именно какой дар неба мисс Кип предпочла оставить пока в тайне.

Мистер Столоп, который тщательно сочинял по дороге своё входное приветствие и ожидал, что Роза тотчас же поймёт, сколь велико было его к ней боготворение, которое он или должен высказать или умереть, не обращает внимания на сочувственные стихи мисс Кип, но поражён прямо в сердце обращением с ним Розы, заметив, что, приняв из рук его пакет, она холодно просит его передать её благодарность мистеру Пеккрафту за оказанное внимание, но его, мистера Столопа, и не думает благодарить.

Мистер Столоп стоит посреди комнаты и чувствует себя сконфуженным и огорчённым. Дела не так скоро клеятся, как он рассчитывал. Отца-баронета не оказалось. Мисс Бёд не бросается ему на шею в порыве благодарности за оказанную услугу и даже не просит садиться. Тускло, весьма тускло отражаются в зеркале надежд его вчерашние видения! Вместо великолепных картин, созданных его воображением, он находится во владении дешевой литографии и чувствует себя далеко не довольным этим положением, которого он не ожидал.

«Я очень спешил, мисс, – произносит он слабым голосом, всё ещё смутно надеясь на благодарность. – И...»

Но речь его прервана мисс Кип, которая, пристально устремив глаза на газовый рожок среди привешенной к потолку люстры, как бы объятая поэтическим вдохновением, начинает декламировать:

«Спешил наш рыцарь к даме сердца нежной,
И он… он…»

«Бог мой, мисс Бёд, не припомните ли *вы* второго стиха, я, кажется, совсем его забыла. Он… он...»

Но Роза принуждена сознаться ей, что она никогда и не знала даже первого, не только что второго стиха, и мисс Кип после нескольких столь же неуспешных попыток принуждена отказаться от рифмы.

Роза обращается к мистеру Столопу, к которому она чувствует положительную неприязнь, до такой степени сей джентльмен кажется ей и жалким, и смешным. Хотя она и хорошо сознаёт, что должна бы была сказать ему несколько слов благодарности за оказанную им ей помощь, но боится вызвать этими словами ещё что-нибудь глупое с его стороны. Приложив пальчик к нижней губе, она замечает, что этот длинный, худой, красноносый юноша просто противен ей, и, не зная, что придумать, говорит следующее:

«Мистер Пеккрафт очень счастлив тем, что имеет в вас такого усердного приказчика, сэр, и должен очень ценить ваши услуги. Я уверена, что оценила бы, будь я на его месте, но… но...»

Надежда, которая было начинала разбиваться вдребезги, вдруг оживает в столопской груди, и так как он не в состоянии удержать своего восторга долее, то он и прерывает её на этом полуслове следующим восклицанием и кривляясь более прежнего:

«Благодарю вас, мисс, благодарю тысячу и миллион раз за это с вашей стороны признание, что я не недостоин вашего внимания...»

Но тут маленькая Роза, озлившись, прерывает его в свою очередь:

«Я сказала, если бы была на месте мистера Пеккрафта, но я не на его месте, и поэтому не чувствую ничего подобного и это не моё дело, а его оценивать услуги тех, кто служит у него на жаловании. Если бы вы не перебили меня, сэр, то я добавила бы к тому же, что, быть может, мистер Пеккрафт ещё более бы оценил ваше усердие, когда бы вы поспешили назад к нему теперь с такой же скоростью, как и пришли сюда, по вашим словам».

И Роза, отвернувшись от него окончательно, обращается к мисс Кип с каким-то вопросом.

Услышав эти слова, мистеру Столопу в первый раз приходит мысль в голову, что, быть может, оно и возможно, что мисс Роза Бёд не желает питать к нему тех нежных чувств, на которые он так рассчитывал.

Он молча стоит, рассматривая Розу с разинутым ртом, и она принуждена отвернуться от него ещё более, чтобы не расхохотаться ему прямо в лицо, до такой степени несчастный автомат-приказчик представляет из себя уморительную фигуру. Выдвинув одну ногу перед другой, с

приподнятыми вверх и растопыренными локтями рук, которые он как будто раскрывает в виде крыльев, собираясь улететь, – лицо его, скривлённое в очень жалкую мину, а глаза отуманенные слезами, – мистер Столоп представляет из себя картину комического отчаяния.

«Мисс Бёд! – наконец восклицает он глубоко драматическим голосом, – говоря словами джентльмена, жившего много лет назад и который, без всякого сомнения, страдал в своих раненных чувствах почти столько же, как и я, – и только слегка изменяя их значение, дабы применить удобнее к настоящему случаю, – я могу сказать вам только одно, что, служи я мистеру Пеккрафту с половиной того усердия, которое я выказал мисс Бёд, я был бы счастливым Столопом!»

И, слегка наклонившись, он безумно бросается вон из комнаты к великому облегчению Розы и к страшному испугу мисс Кип, которой вообразилось, будто он помешался.

«Признаюсь! – восклицает поэтичная Кип, опомнясь немного. – Из всех сумасшедших джентльменов этот самый сумасшедший. Надеюсь, что он не совершит над собою самоубийства. Я никогда не замечала за ним ничего подобного. Часто являлся он сюда по делам мистера Пеккрафта, но никогда так ещё не безумствовал.

В нём разум помешался без сомненья,
Чтоб произвесть такие в нём движенья...»

Роза не разделяла её мнения насчёт опасности, выраженной мисс Кип за жизнь его, и, добавив, что просто он «дурак», засмеялась своим весёлым клоистергэмским смехом, вкратце пояснив ей, каким образом они встретились, и сознаваясь, что, действительно, он оказал ей большую услугу, но что же ей делать, когда он *так, так* глуп! Она просто страшилась выразить ему свою искреннюю благодарность, до такой степени он делался «смешным идиотом».

И Роза чуть опять не расплакалась, всеми силами души призывала она скорее мистера Грейджиуса, чтоб избавить её, наконец, от этих «ужасных мужчин».

«Бедняга! – выражает своё сочувствие мисс Кип, вздыхая. – Это большое несчастье, мисс, когда кто одарён таким сангвиническим темпераментом. Ясно, что он влюбился в вас, и я от души желаю, чтобы любовь эта не оказалась для него гибельной. Я понимаю кое-что в подобных чувствах и симпатизирую ему.

Когда коварная судьба любовь в нас зажигает,
Все радости земные она нам отравляет!»

Стоустая молва, которая не щадит ни правого, ни виноватого, шептала, что много лет тому назад, когда ещё розы и лилии цвели на лице мисс Кип, а глаза, как и всё прочее, не начинали ещё линять, сия девица отдала безвозвратно сердце своё некоему юному приказчику из магазина готового белья, которому случилось несколько раз сказать ей комплимент во время посещений её с престарелой тёткой магазина, а один раз даже пожать ей тихонько ручку под наваленной кучей дамских юбок. Но, увы! ветреный приказчик не домогался дальнейшего, и в один прекрасный день, который сделался несчастнейшим в её жизни, прекрасный лавочник проехал мимо окон её, сидя в наёмной карете возле румяной и счастливой женщины, которую он только что, за час перед тем, сделал своей законной супругой! Быть может, то было именно в силу воспоминания о своей собственной любви, погибшей в цвету, что мисс Кип так искренне выказала своё сочувствие Столопу и даже пролила несколько слёз над разбитой урной всех лучших надежд сего злополучного юноши. Умиление её дошло до такой степени, что бедная Роза совсем переконфузилась, видя, как серьёзно она говорит об обстоятельствах, которые в глазах Розы казались в высшей степени смешными только и глупыми.

«Надеюсь, мисс Кип, – заметила она, надувши губки, – что вы не можете обвинять меня в том, что я не нашла себя в состоянии поощрять сумасбродство этого господина. Конечно, не я виновата, если он вёл себя как идиот и довёл меня до необходимости остановить дальнейшие глупости».

«О, нет, дитя, нет! – поспешно отвечает мисс Кип. – Я не виню вас, далеко не виню! Но это такое грустное зрелище смотреть на кого-нибудь, кто поощряет самого себя в надеждах, которым не сбыться никогда и которые могут сделаться причиной долгой жизни сожалений... и слёз, и страданий... О! Это ужасно.

Не сладить, нет, с любовью нам могучей,
Из искры родился пожар трескучий!»

Тяжёлый вздох вырывается из верной до смерти – памяти прекрасного лавочника – груди, и мисс Кип слёзно ищет на юном лице мисс Бёд сочувствия своим сожалениям.

Но Роза окончательно дуется и чуть не засыпает от усталости; поэтому мисс Кип решается выпустить жертву поэзии из когтей своих на некоторое время и предлагает ей пойти наверх уснуть.

Оставив негостеприимный дом, в котором он окончательно потерял сердце своё и разум, мистер Столоп бежит, не глядя перед собой, низко опустив голову на терзаемую отчаянием грудь. Как нарочно случилось, что этот день был одним из тех дней в Лондоне, в который, по-видимому, никого нет дома, все на улицах и тротуары кишит народом. Опрокинув на тернистом пути своём несколько мальчишек в промойные канавы, сбив несколько шляп с голов ползущих старух и более чем раз сам счастливо отделываясь от потери глаза или носа во внезапных столкновениях с самыми разнообразными предметами, он, несмотря на это всё, продолжает быстро идти вперёд. Вдруг влюблённый приказчик выведен силою из своего летаргического состояния сильнейшим толчком, который отбрасывает его на три шага назад, и метким ударом в живот, который сажает его на корточки посреди тротуара; едва опомнившись, он слышит над ухом у себя хриплый рассерженный голос:

«Прокляты глаза твои! Чего ты лезешь на человека такой чёртовой манерой?»

Мистер Столоп, держась за живот и сильно скривив физиономию, бормочет, что «всё это произошло нечаянно и что он не имел намерения обидеть кого-нибудь». Тогда фигура, фантастически облечённая в одежду, состоящую из грязной, когда-то белой фланели и с ног до головы покрытая каменным мусором, подходит ближе и снова восклицает:

«Дёрдльс не таковский человек, чтобы сориться с первым встречным ни за что ни про что. Протягивайте руку, помиримся!»

Мистер Столоп весьма обрадовался такому мирному заключению, во-первых, потому что не чувствует себя в силах при настоящих расстроенных чувствах присоединиться к рядам бойцов, а во-вторых, оттого что один взгляд на стоящего перед ним противника внушает ему смиренную мысль, что он не вышел бы победителем из этой борьбы, если бы и захотел попробовать. Поэтому Столоп протягивает руку говорящему, а последний начинает расспрашивать его, где найти ему Чансэри-Лэн, так как он только что приехал из соседнего городка, и, имея в руках письмо к некоему мистеру Питеру Пеккрафту, желал бы разузнать сперва, чтоб не плутать напрасно. Услыша это, мистер Столоп удивляется неисповедимым путям судьбы и извещает почтенного Дёрдльса, что так как он именно имеет честь служить у вышеупомянутого мистера Пеккрафта, то он и проведёт его к нему.

Дёрдльс так поражён этим неожиданным совпадением обстоятельств, что тут же решается пойти обдумать это происшествие на свободе в соседнем заманивающем его кабаке, и приглашает автомата-приказчика распить с ним бутылку эля, как он скромно выражается.

«Не странна ли подобная случайность?» – замечает ещё не совсем пришедший в себя юный Столоп, тупо посматривая на принесённые гарсоном стаканы.

Мистер Дёрдльс бросает взгляд на эль, потом переносит его на Столопа, так как мысль его вся поглощена приятной перспективой напиться пьяным, и он не понимает значения собеседника, забыв мгновенно обо всём другом на свете.

«Что вы хотите сказать?»

«То, что случилось только что. Что вы искали Пеккрафта и встретили именно *меня*, который живёт у него».

«Видывал я на веку своём вещи, которые и поудивительнее этой штуки, – глубокомысленно отвечает Дёрдльс. – И так как я видал уж их, то эта штука нисколько и не удивляет Дёрдльса. Я бы мог порассказать вам кое-что, молодой человек, чего вам никогда и не приснилось бы. Да только Дёрдльс себе на уме, и Дёрдльс умеет молчать до поры до времени. Ещё капельку?» – вопрошает он, указывая на эль.

«Есть странные вещи на небе и на земле, друг Горацио»[223], – задумчиво отвечает Столоп, цитируя своего любимого поэта, и пристально рассматривает внутренность своего стакана, как бы надеясь увидать в глубине его подтверждение своей цитаты в виде чего-нибудь сверхъестественного. Вообще говоря, нервы мистера Столопа, весьма некрепкие в обыкновенные дни, стали ещё слабее после всех душевных и телесных потрясений протекшего утра, к тому же и эль начинает брать своё.

Дёрдльс ничего не отвечает на эту цитату, но продолжает медленно и методично распоряжаться с элем. При третьей бутылке он становится разговорчивее и замечает:

«Сознайтесь-ка, что вам очень бы хотелось знать, что стоит в этом письме, что я должен передать вашему хозяину? А?» – и сильно моргает на Столопа, как бы желая оставить его под впечатлением, что он (Дёрдльс) знает кое-что, да держит про себя.

«Вы ошибаетесь в моей скромности, мистер Тёртльс», – обиженно отвечает Столоп.

«Дёрдльс, прошу извинить, а не Тёртльс, Дёр-дльс моё имя, и я не стыжусь его!» – начиная горячиться.

«Извините меня, мистер Дёрдльс; я хотел заметить вам, что вы сильно ошибаетесь во мне, предполагая, что может существовать в моей природе такая низкая черта любопытства в отношении моего патрона. Всё то, что я слышу от него, я сохраняю в глубине души, и ему хорошо известно, что ничто, даже тень смерти, не вырвет тайн его из меня. Нет, сэр, – продолжает юный спартанец, сурово смотря на Дёрдльса, который сильно занят своим носом, – тайны кого бы то ни было, – тут Столоп патетично бьёт себя в грудь, – остаются здесь и умирают здесь!»

Дёрдльс подливает ещё в стакан Столопа и требует четвёртой бутылки, замечая Столопу при этом:

«Ещё капельку, мистер. Эге! Да мы, как видно, не ровня пока; вы допытались до имени моего отца, а я не знаю ещё и первой буквы вашего».

«Имя моё Столоп», – отвечает со скромным достоинством юный приказчик.

«Сто-лоп! – повторяет Дёрдльс между двух похлёбываний из стакана. – Теперь ладно, Столоп, приятель мой; теперь мы ровня, как оно и следует между настоящими джентльменами; теперь мы зальём чуточку вон этот эль, – продолжает он, дружески тыкая Столопа в брюхо, – джином с тёплой водицей, а затем и отправимся по нашему делу».

Столоп смутно чувствует, что он уже и так выпил более, чем бы следовало, но не смеет противиться уговариваниям своего нового приятеля, который, называя его «сладенькой нюней», заставляет его пить с ним принесённый пунш.

Через несколько минут пьяная иллюзия начинает уверять Столопа, что Дёрдльс самый верный ему друг, и он мало-помалу начинает изливать все свои душевные горести в грудь своего нового друга.

Нежно протягивая свою руку Дёрдльсу, которую тот заключает в свою мощную лапу, он кладёт другую на стол и, поддерживая ею лицо, орошённое слезами, начинает посвящать товарища в грызущую ему сердце тоску.

«О, мой благородный друг! – говорит он со стремящимися по красному носу слезами, уподобляющими его физиономию кирпичной стене, окроплённой дождевыми каплями, – вам не понять всей бесконечной терзающей меня муки. Я люблю, страстно люблю, боготворю, сэр, одну молодую, знатной фамилии леди», – икота прерывает на минуту следующее.

«Знатной фамилии леди», – подсказывает заинтересованный Дёрдльс.

«Фамилии знатной, да, мой небом посланный друг! – восторженно повторяет Столоп и утирает рот рукавом. – Любовь эта зажглась мгновенно, сэр, поэзия в ней так небесна, так... – и Столоп приподымает стакан к потолку, проливая половину джина себе и Дёрдльсу на

[223] Слова из трагедии У.Шекспира «Гамлет».

физиономию. – Да, впервые в молодой, беспорочной жизни моей я узнал сладость и вместе с тем всю горечь любви...»

Дёрдльс сочувственно и важно кивает головою и замечает:

«Сладость и горечь, понимаем, как в добром джине, примерно сказать».

Столоп приведён в такой восторг этой дружеской метафорой, что требует обняться с Дёрдльсом.

«Однако ж, – замечает последний, отталкивая вдруг лезущего к нему друга, – нам пора и идти. Письмо спешное, да и Дёрдльса ждут назад».

И он встаёт, чтобы рассчитаться.

У Столопа хватает ещё довольно сознания, чтобы чувствовать, что он не может явиться в подобном виде перед мистером Пеккрафтом, и он восклицает, трагически размахивая руками:

«Никогда, сэр! Я мог утратить в отношении себя, сэр, всякое чувство собственного достоинства, но никогда, нет, никогда не решусь я опозорить седые волосы или, скорее, древнюю лавку мистера Пеккрафта. Положите меня, – продолжает он, впадая разом в жалобный и слезливый тон, – положите меня в молчаливую гробницу предков моих, – если последнее жилище их только можно найти, – но не просите меня привести старого, уважаемого Пеккрафта к могиле; оставьте меня, сэр!» – отбивается он и таращит глаза на Дёрдльса, который является перед ним в таинственном тумане.

«Дёрдльс не таковский, чтобы много разговаривать, коль раз сказал, что пора идти, так мы и пойдём», – грубо говорит он, хватая Столопа за шиворот.

Но Столоп только смотрит на него мутными взорами и, пробормотав что-то о муках любви, снова заливается слезами.

«Вставай, болван! – кричит Дёрдльс, подымая его силою. – Обопритесь на меня, “нюня”, коли не можете идти. На воздухе полегчает и весь хмель пройдёт!»

И он тащит его к двери, но не прежде успевает с ним сладить, чем Столоп, ухватившись за какого-то почтенного джентльмена у дверей, увлекает его в своём падении, стараясь всё время убедить публику, «что любовь есть мука!».

Дав ему приличное время выспаться на брёвнах неоконченного строения, свежий ветер, наконец, пробуждает Столопа, и Дёрдльс ведёт его далее, проклиная всех лондонских молокососов, «которые и пить не умеют».

Столоп приходит до такой степени в себя, что объявляет Дёрдльсу, что может теперь идти и без его помощи, и изъявляет надежду, что если он прилично вымоется холодной водой, то, быть может, мистер Пеккрафт и не заметит его беспорядочного состояния. С этой целью они заходят на обратном пути своём в некий башмачный магазин, где у Столопа есть знакомый приятель. Там с помощью мыла и холодной воды под помпою на заднем дворе удаётся Дёрдльсу вместе с башмачным приятелем привести Столопа в несколько более нормальное состояние.

Они находят мистера Пеккрафта, расхаживающего по магазину в сильном волнении; при входе их он даже не оборачивается, как бы не замечая своего приказчика, и продолжает шагать между древностями всех стран и эпох, как какой-нибудь «Вечный жид», переходящий от Северного полюса к Южному и обратно.

«Мистер Пеккрафт», – робко начинает Столоп.

Старый джентльмен останавливается и, повернувшись теперь к нему, грозно смотрит на него блистающими яростью глазами.

«Вы мой приказчик, если не ошибаюсь?»

«Извините меня, сэр, но я...»

«И были посланы мною для передачи[224] пакета с книгами сегодня утром, что могло быть исполнено всяким обыкновенным приказчиком в полчаса. Вы находились в отсутствии целых пять, не потрудитесь ли вы объяснить мне, что это значит?»

Мистер Столоп, хватаясь за эту неожиданную доску спасения, тотчас же принимает вид напрасно обиженной жертвы и объясняет Пеккрафту, как встретил он на дороге этого джентльмена (указывая на Дёрдльса), который объявил ему, какое важное у него было письмо к

[224] Далее зачёркнуто: с.

мистеру Пеккрафту, и так как он боялся заблудиться один, то он и уговорил его, Столопа, пойти с ним за письмом в чрезвычайно далёкую часть Лондона, где он, Дёрдльс, остановился. Вот почему так опоздал он.

«Из одного усердия к вам, мистер Пеккрафт», – заключает Столоп.

Окончив эту счастливую комбинацию лжи, Столоп обращается к Дёрдльсу за свидетельством, что всё это истина. Но Дёрдльс довольствуется тем, что машет головою и тотчас же передаёт письмо Пеккрафту в виде хитрейшей дипломатической выходки, которая отвлечёт гнев Пеккрафта от Столопа, привлекая внимание его к письму.

Принимая письмо из рук Дёрдльса, Пеккрафт действительно успокаивается и с любопытством начинает читать.

При первых же строках лицо старого джентльмена изображает удивление, испуг и вместе с тем радость. Много раз сряду прибегает он к подписи и как бы не веря глазам своим. В письме он читает следующее:

«Дорогой сэр!

Знаю, как удивлены будете вы, получив это письмо от особы, которую вы, быть может, считаете уже давно умершею. Но я жив и, не зная к кому обратиться за помощью скорее, чем к вам, старому другу отца моего, прибегаю к вам в полной надежде, что вы, как по характеру своему, так и вследствие просьбы моей, сохраните пока тот факт, что я жив, в тайне. Вам известно, что покойный отец оставил распоряжение (неизвестное опекуну моему Джону Джасперу), что в случае, если этот опекун окажется недостойным его доверенности, то завещание его должно совершенно измениться вследствие сего. Постарайтесь добыть эту добавочную страницу, которая, если не ошибаюсь, хранится у вас самого. Я должен по некоторым обстоятельствам, которые объясню позднее, отлучиться, во всяком случае, скрываться ещё пока. Приезжайте с бумагою в Клоистергэм накануне Рождества – ни раньше, ни позже – и в гостинице «Крозгёр» спросите некоего Дэтчери. Пишу вам заранее, дабы не причинять вам дальнейшего беспокойства за того, кто, искренне уважая вас, также надеется на старую дружбу вашу.

Искренне преданный
Эдвин Друд».

Бегло прочёл это письмо Пеккрафт в первый раз, потом медленнее, потом совсем уж тихо и глубоко задумался над ним. Он не мог понять, почему молодой Друд, который, если и не убит, как думают, находится в Клоистергэме и скрывается?

«Что за запутанная, непонятная тайна такая!» – думал старый джентльмен.

«Когда вы выехали из Клоистергэма?» – осведомляется Пеккрафт у Дёрдльса.

«Вчера, вечерним поездом».

«Разве вы не могли также поехать сегодня утром? Для чего вы ожидали ночного поезда?» – спрашивает подозрительно Пеккрафт.

«Дёрдльс идёт туда, куда его шлют, и Дёрдльс не беспокоит себе головы, зачем и почему», – отвечает каменщик, огрызаясь.

«Когда вы оставили этого джентльмена?» – осторожно спрашивает ещё Пеккрафт, указывая на письмо.

«Я принёс сюда письмо потому, что меня послали с ним, а не для того, чтобы надо мной смеялись да таращили глаза, вот и всё тут. Есть какой ответ к тому, кто послал, – ладно; нету, так и скажите, да ещё дьявольски живо вдобавок, оттого что с Дёрдльсом – дело есть дело, и чем меньше между нами будет слов, тем лучше. Дёрдльс бросил свою работу для этого письма, и работа ждёт Дёрдльса».

Молча слушал Пеккрафт это заявление самостоятельности Дёрдльса и, не отвечая ни слова, разглядывал его с таким вниманием, как будто бы почтенный каменщик превратился в одну из самых любопытных редкостей его магазина. Но самая грубость этого человека успокоила старого джентльмена, и он, сев за конторку, написал следующий ответ:

«Мистер Эдвин Друд, юный друг мой. Я невыразимо поражён удивлением. Я не ожидал такого письма по многим причинам и даже заподозрил на минуту предъявителя и письмо как подложное. Но, не зная, почему бы кто стал заниматься подобными делами, уведомляю вас, что если буду жив, то явлюсь на место, назначенное в вашем письме, ровно вечером накануне Рождества.

Да благослови вас Бог, и считайте меня таким же другом вам, как ваш отец был

Питеру Пеккрафту».

Письмо запечатано и вручено Дёрдльсу, который, засунув его в один из многочисленных карманов своих, не прощаясь, исчезает.

На другой день маленький старый джентльмен, очень утомлённый, очень запылённый и очень вспотевший, приезжает в Лондон и, наняв кэб, едет в Степл-Инн. Отпустив кэб у Фёрнивальской гостиницы, этот самый джентльмен направляется тотчас же к *П.Ж.Т.,* который, может, желает выразить в эту минуту буквами своими: «Полюбуйтесь жалким товарищем»; так думает, по крайней мере, мистер Грейджиус, потому что он сам и есть этот жалкий товарищ старого *П.Ж.Т.,* который только что вернулся из Клоистергэма не умнее насчёт Розы, как и уехал. Войдя в комнату, он встречен Баззардом, которого он и приветствует следующими грустными словами:

«Баззард, я не нашёл её».

Мрачный юноша не выказывает ни сочувствия, ни удивления, но лаконически отвечает:

«Я так и думал».

«Но я, по крайней мере, имел удовольствие назвать подлеца в лицо по имени».

«А молодой леди всё не нашли».

«Баззард, мой добрый друг, не придумали ли вы чего? Куда идти мне теперь?»

«Туда, где и она», – ответствует Баззард, не подымая головы от писания, но указывая пером в пространство через плечо.

Мистер Грейджиус, который так глубоко изучил своего Баззарда, замечает в нём то, чего он не выражает словами, а именно, что Баззарду известно кое-что, быть может, Баззард даже знает, где Роза. Задыхаясь от надежды, он спрашивает, стараясь сдерживать с великим трудом волнение:

«А где бы это могло быть, Баззард?»

«Сильвер-сквер, у Пеккрафта, мисс Кип, №18».

И снова принимается за работу.

Влюблённый, пламенный юноша не так спешит на первое своё свидание, как поспешил обрадованный Грейджиус к Сильвер-скверу. Через две минуты он был уже у подъезда и затем в приёмной мисс Кип, за которой отправилась служанка.

Хотя мисс Кип вовсе не сомневается в тождественности столь ожидаемого Розою опекуна, но как многие другие леди притворяется, что не знает его, и, спросив имя и фамилию ещё раз, собирается послать за мисс Бёд.

Но не прежде оставляет она комнату, как осведомившись у несчастного, пылающего нетерпением джентльмена, как велика его привязанность «к музам», и хотя в рассеянности своей Грейджиус и не ясно понимает вопрос, но чтобы отделаться от неё отвечает, что он полагает, что любит их действительно, когда «они вкусны». Мисс Кип, довольствуясь на этот раз таким странным ответом, который она приписывает, как и следует, нетерпению, отправляется самолично за Розою.

Мистер Грейджиус в нетерпении своём увидать снова столь любимую и оплакиваемую им питомицу, услыша голос её, бросается из приёмной на площадку и вовремя поспевает, чтобы подхватить маленькую Розу в объятия свои с последних ступеней.

«Благодарение Богу! Хвала Ему, вы возвращены мне, дитя моё!» – восклицает он со струящимися по лицу слезами радости и покрывая поцелуями голову и волосы её.

И так лежит она на руках его как малый младенец и почти столь же беспомощная от охватившего её счастья, почувствовав себя ещё раз на этой любящей груди и под покровительством преданных рук его.

Он бережно сажает её на диван и садится сам возле неё, всё ещё не выпуская этой маленькой ручки, как бы боясь снова потерять её. Так долго сидят они, более похожие на отца и дочь, нежели на опекуна и питомицу.

Наконец, Роза прерывает молчание.

«Никогда не думала я, – говорит она, – до этого страшного происшествия, насколько я должна была во всех случаях жизни моей надеяться на одного вас; и, пожалуйста, прошу вас, мой милый, дорогой опекун, не принимайте моих слов за одну фантазию глупого, напуганного ребёнка, потому что я долго обдумывала мой план со вчерашнего дня, и чувствую, что если вы откажете мне в просьбе моей или будете смеяться надо мной, то очень-очень огорчите меня. Теперь только понимаю я, насколько вы дороги мне, и если бы не вы, то некому было бы в целом свете любить меня и заботиться обо мне. Нет у меня ни отца, – продолжает она, закрывая личико, снова заблестевшее слезами, – который бы заступился за меня и оказал покровительство, ни матери, которая помогла бы советами и любовью своей, и я чувствую себя столь одинокой и лишней на этом свете, что если бы не вы, то я давно бы погибла. Так позвольте же мне, милый мой, добрый мистер Грейджиус, смотреть на вас с этой минуты как на отца моего, позвольте мне называть вас отцом и считать себя вашей послушной, любящей дочерью. О! Не откажите мне в этом утешении».

И снова рыдающий ребёнок кладёт ему голову на руку и снова прижимается к нему как к последнему якорю спасения.

Нежно кладёт свою руку мистер Грейджиус на эту почти детскую головку, ещё нежнее разглаживает он ей волосы и деревянные черты лица его озаряются как бы новым, незнакомым им чувством чистой, непорочной, преданной любви, которая, отделяясь мало-помалу от невидимого, много лет втайне боготворимого им образа, всецело переходит на осиротелое её единственное дитя.

«Дорогое моё, милое дитя, – отвечает ей слегка дрожащим голосом Грейджиус, – не могу выразить вам, как счастлив я, слыша от вас такое несомненное выражение вашей ко мне привязанности; много лет провёл я грустно и одиноко с одной вечно жившей во мне памятью о той, которой так давно уже не стало, и теперь я чувствую, что во сто крат вознаграждён за все эти годы одинокого сожаления. Надеюсь, дитя, что я не оскорбляю памяти умершей, когда часто приходит мне на мысль, что, может быть, и лучше для меня, что она умерла вовремя, но слова мои вам непонятны, не обращайте на них внимания и уверьтесь в том, что никогда никакой отец не любил бы вас более, чем я. Постараюсь доказать это теперь на деле, – добавляет Грейджиус, стряхивая с себя незнакомое умиление и делаясь снова старым прежним Грейджиусом. – Будь по-вашему, моя милая, дорогая дочь, – если прилично такое выражение подобному мне угловатому человеку, – я постараюсь всеми силами заслужить эту честь. Встаньте теперь, милая Роза, и оботрите глазки, нам надо много о чём поговорить. Если вы в силах только, то я желал бы услышать от вас во всех подробностях об этом последнем подвиге нашего музыкального друга касательно вас. Или я очень ошибаюсь, или же я-таки подрезал ему крылья, – если смею так выразиться, – в моё последнее к нему посещение. Боюсь, что он так сильно запутался в своих собственных сетях, что трудно ему будет вылезти из них. Но я слушаю вас, дитя моё».

Много и часто в продолжение рассказа Розы вскакивал он, чтобы быстро побегать по комнате и успокоить себе нервы прерывистыми восклицаниями в следующем роде: «Негодяй! Трус. Низкий разбойник» и тому подобное, и снова садился он на прежнее место только для того, чтобы опять вскочить. Услыша, что Принцесса не оставила своего адреса и даже не хотела и слушать о вознаграждении, мистер Грейджиус почувствовал невыразимое удивление и долго колотил себя по носу при всяком вопросительном восклицании: «Но кто же она? Кто такая?», как бы действительно питая внутреннее убеждение извлечь какое-либо о ней сведение из этого органа.

Когда Роза кончила свой рассказ, он заметил:

«Не знаю и не смею подумать, до чего дойдёт ещё эта музыкальная личность. Хотя он очень уж близок, по-моему, к неприятному финалу всех затей своих, но всё же невозможно, зная этого человека, поручиться, что он снова чего-нибудь не придумает, а за жизнь молодого Ландлесса я не дал бы ни одного пенса, попадись он только ему. На несколько недель квартира эта представляет много удобств, лучшую трудно было бы и отыскать. Только, чур! не гулять более одной, дочь, –

ласково прибавляет он. – Я придумал, кажется, ещё один хороший план, посмотрим. Как вы полагаете, приятно ли было бы моей хорошенькой дочери постоянное общество брата и сестры, прозябающих в настоящее время на высотах Степл-Инна? Я, во всяком случае, должен буду позаботиться переселить их на другую квартиру по разным известным мне обстоятельствам. Но не лучше ли попросить сюда мисс Кип?»

Мисс Кип, которая деликатно предоставила с первой минуты приёмную свою Розе и её опекуну, была отыскана первой в восторженной беседе с поэзиями Лонфелло́у[225] и приведена снова в приёмную.

«Я позволил себе попросить вас сюда, – начинает Грейджиус, как только все уселись, – потому что имею нечто предложить вам для большей пользы и ещё большего удовольствия трёх молодых особ, которыми я сильно интересуюсь. Быть может, врождённая во мне угловатая способность разгадывать при первом взгляде на них характеры встречаемых мною личностей – причина тому, что я прямо обращаюсь к вам с моей просьбою, так как мне сильно кажется, что я ясно прочитываю на вашем лице ваше доброе сердце, которое всегда открыто для всех нуждающихся в вашей помощи. Прав ли я?»

Мисс Кип чрезвычайно как польщена этой некромантической[226] способностью мистера Грейджиуса и лепечет, сладко улыбаясь: «С удовольствием, сэр», но только таким же точно тоном, каким она отвечала бы ему более патетичную фразу:

«До самой смерти ваша я!»

«Очень хорошо, – продолжает Грейджиус, – положим теперь, что я попросил бы вас приготовить две отдельные квартиры для трёх молодых особ. Одну для двух девиц одинаковых лет, а другую для молодого человека, брата одной из них. Все трое чрезвычайно достойные молодые люди, которые, – если смею так выразиться, – могут служить украшением вашему дому и платили бы сверх того чрезвычайно приличное вознаграждение. Согласны ли бы вы были принять их у себя на некоторое время?»

Мисс Кип возводит полинялые очи к потолку и под влиянием вдохновенной импровизации отвечает:

«Коль то, что сделать я могу,
Утешить может их,
То приводите их, прошу,
Я ж помещу их вмиг!»

Деревяннейшая из всех деревянных лёгких улыбок мелькает на деревянных устах и деревянный спрашивает:

«Так когда же могу я привести сюда остальных двух, так как одна уже здесь», – говорит он, указывая на Розу.

На что мисс Кип серьёзно и с достоинством отвечает:

«Добро пожаловать, когда угодно; снова
Я повторю, что я всегда готова!»

«Хорошо, очень хорошо», – отвечает Грейджиус, который, потирая руки, вероятно, от радости, не может удержаться, чтоб не захохотать.

Устроив окончательно все переговоры, подробности коих Грейджиус принуждён переспрашивать не раз прозою, так [как] они обыкновенно являются в первобытном своём виде – стихами, почтенный джентльмен смотрит на часы и объявляет, что ему пора в таком случае и

[225] Генри Уодсворт Лонгфелло (Longfellow, 1807–1882) – американский поэт и переводчик.

[226] То есть способностью угадывать; некромантия (*греч.* νεκρός, мёртвый + μαντεία, прорицание) – способ гадания, который предполагает общение с душами умерших.

поспешить. Мисс Кип, слыша это, приподымается, догадываясь, что ей лучше оставить их теперь вдвоём, так как, быть может, Грейджиусу понадобится что сказать Розе о собственных делах, и, прощаясь, любезно обращается к нему:

«Когда молодые люди окончательно устроятся, сэр, надеюсь, что вы будете как можно чаще навещать всех нас, и, верьте мне, будете постоянно приняты с тем же восторгом. Я всегда счастлива, когда мне удаётся подружиться с людьми, которые поклоняются музам.

Каких бы лет они ни были,
Кем бы ни сотворил их Бог,
Но только б муз они любили,
Всегда заслужат мой восторг!»

И разрешившись сим последним замечательным произведением, она грациозно раскланивается и оставляет их наедине.

По удалению этого поэтического создания Грейджиус прощается с Розою, обещая ей скоро вернуться в обществе Елены. Он уходит с таким лёгким, счастливым чувством на душе, которого он и не подозревал бы накануне. Не мудрено, если с головою, наполненною мыслями об одном будущем благосостоянии Розы, ему снова мерещится другой невидимый ни для кого, кроме самого его, образ, который улыбается и одобряет его, паря над ним.

Глава XXXVII

Джон Джаспер страдает нервами, а мистер Сапсеа оскорблён в своём достоинстве

Страшная бурная ночь грозит клоистергэмским жителям. В горячем спёртом воздухе царствует такая духота и затишье, что самые птицы, неслышно пролетающие целыми стаями почти в уровень с землею, быстро прячутся в гнёздах, и мало-помалу древний городок принимает вид давно уснувшей безмолвной Помпеи[227]; временами порывистая горячая струя воздуха обдаёт раскалённым дыханием своим минор-канонский угол, и густая листва старых буковых деревьев вздрагивает и шелестит под этим прикосновением, а испуганные пернатые обитатели их ещё боязливее запрятываются в воздушных жилищах своих, прерывая всеобщую тишину лёгким пищанием.

Старожилы городка посматривают на свинцово-чёрную массу туч на горизонте и, значительно покачивая головами, отдают приказание младшим членам семейств не зевать, а покрепче запереть ставни и двери на эту ночь. Но мало кто из них, старых или молодых, ложится спать в этот вечер; сидя, собравшись все кругом домашнего очага, они со страхом прислушиваются к завываниям всё усиливающегося ветра, который свищет и стонет, безумно врываясь в трубы, перебирая с дикими воплями черепицами кровель и вламываясь к ним насильно в окна, пока им [не] начинает мерещиться, что всё воздушное пространство наполнено демонами-музыкантами, задающими демонскую серенаду и влача за собою целую армию таких же демонов, которые потешаются и пляшут под эту музыку.

Вечерняя служба в соборе отошла, и немногие из тех прихожан, которые рискнули выйти в этот вечер, спешат домой, не останавливаясь, как по обыкновению, поболтать отдельными группами.

Ветер, дувший сперва со стороны реки капризными порывами, захватывает с последним вихрем всю пыль, лежащую по дорогам, и, наполняя ею воздух, превращается в долгую, непрерывную бурю.

Минор-канон появляется из последних под кафедральной дверью, сопровождаемый мистером Топом, который ожидает только, чтобы хор переоделся, чтобы поскорее запереть двери и бежать без оглядки.

«А что, Топ, ведь маленькая гроза разыгрывается, мне кажется», – замечает Криспаркль, поглядывая сомнительно на нависшие тучи.

«Вы могли бы, ваше преподобие, назвать это и сильнейшей грозой и всё-таки не ошибиться, – с подобострастным упрёком в голосе отвечает пономарь. – Не дай Бог, как сглазите ещё её».

Минор-канон, не отвечая, убеждается в том, что лучше спешить домой, и уходит.

Вот являются, наконец, члены хора, приостанавливаются у входа, подымают головы кверху и, понюхав воздух, бегут; последним выходит Джаспер, бледный, как и всегда; поджидая Топа, он смотрит, в свою очередь, на свинцовое небо и обращается к пономарю:

«Внезапная перемена погоды, Топ; должно быть, будет неприятная ночь».

«Хоть бы вы уж сказали яснее, мистер Джаспер, – отвечает, всё более труся «дурного глаза», Топ. – Просто будет самая страшная буря, почище той ещё, что завывала в ночь под прошлое Рождество, когда...»

Джаспер внезапно бледнеет и хмурится; Топ, спохватясь, прикусывает язычок.

Регент, не дожидаясь более Топа, спешит домой и, зажигая лампу, приготовляется провести одинокий вечер. Ветер дует прямо теперь с реки в окна Джаспера и потрясает ими в бессильной ярости, грохоча стёклами; деревья гнутся и стонут, как беспокойные души привидений, хлеща ветвями об стены квартиры его; нервно ходит он по комнате, прислушиваясь ко всем этим зловещим звукам, пока они начинают звенеть в ушах его, и ему мерещится, что он ясно различает следующие слова:

«Как посеешь, так пожнёшь!»

---

[227] Помпеи – древнеримский город недалеко от Неаполя (Италия), погребённый под слоем вулканического пепла в результате извержения Везувия 24 августа 79 г.

Он останавливается у окна и смотрит на облака, бешено гонимые по небу ветром, и машинально рассеянно начинает считать редкие капли дождя, которые постукивают об стёкла, как невидимые существа, просящие его об убежище от дикой бури.

Он так же нервно отворачивается и садится за фортепьяно, стараясь заглушить музыкальным грохотом грохот всех этих раздражающих его звуков, но не успевает заглушить внутреннего, громко раздающегося в нём голоса, повторяющего:

«Как посеешь, так пожнёшь!»

Он вскакивает с места и снова прислушивается к буре, которая ревёт и свищет в эту минуту с таким неистовством, что весь дом дрожит до основания всякую минуту, угрожая ему падением на его грешную голову.

Он вспоминает слова пономаря, и грозные видения проносятся перед ним, ясно рисуя картины прошлого. Джаспер не может ни минуты сидеть спокойно теперь. То садится он за фортепьяно, то снова бросается к окну, но всюду постоянно преследует его тот же образ и те же слова раздаются с точностью маятника; он различает их в вое ветра, в глухом стенании деревь, и самая кровь его, кажется ему, переливаясь в жилах, всё сильнее приливает к голове, нашёптывая ему в уши:

«Как посеешь, так пожнёшь!»

Лёгкий стук в двери слышится ему теперь, но до такой степени овладевает им суеверный ужас, что он сидит неподвижно, и только когда стук повторяется несколько раз, способен он выговорить слабым голосом:

«Войдите!»

Мистер Дэтчери всовывает свою седовласую улыбающуюся голову и осведомляется, «не обеспокоит ли он мистера Джаспера?».

«Войдите, войдите, прошу вас, сэр», – отвечает поспешно регент, обрадовавшись даже этому столь почему-то антипатичному для него гостю.

«Я не знал, как провести этот бурный вечер одному, – извиняется холостяк, покойно растягиваясь в предложенном кресле. – Племянник мой, Джо, ушёл к приятелю в гостиницу «Крозгёр», и так как он ещё не вернулся, то я и осмелился прийти посидеть с вами; вы знаете пословицу “тоска любит компанию”, а она что-то напала на меня сегодня вместе с сестрицей своей хандрой».

«В таком случае мы действительно можем оказаться друг другу хорошей компанией, так как я только что сам так сильно скучал, что желал весьма искренне, чтобы кто-нибудь зашёл».

«Тем лучше, тем лучше, и я весьма рад, что зашёл вовремя, видно», – отвечает Дэтчери так серьёзно и с таким странным выражением в лице, что Джаспер невольно пристально смотрит на него.

«Благодарение Всевышнему ещё, что подобные грозы не так часто встречаются у нас, – продолжает Дэтчери, – потому что они всегда напоминают мне... Чу! – восклицает он. – Слышали вы стук в дверь? Это, верно, Джо».

И прежде чем Джаспер успевает понять, в чём дело, холостяк схватывает лампу и бежит к двери, быстро отворяет и внезапный порыв ветра тушит её, оставляя обоих в темноте.

«Господи, помилуй нас! – восклицает Дэтчери. – Какие гадкие штуки разыгрывает этот ветер. Кто там?»

Тяжёлый вздох отвечает ему с лестницы, а позади его слышится прерывистое дыхание Джаспера.

«Кто там, отвечайте!» – снова кричит холостяк, но, не получая ответа, запирает снова дверь.

Тень ли то от хлещущих в окно древесных ветвей, или же игра воображения, но Джасперу кажется, что между ним и стёклами мелькнул знакомый образ? Дрожащею рукою он зажигает спичку и быстро осматривается; никого не видно, всё пусто и перед ним стоит один извиняющийся в неловкости своей Дэтчери.

«Я не люблю выходить из комнаты в подобные ночи, – замечает старый холостяк, когда лампа снова зажжена и Джаспер успокоился, – они слишком подвергают человека разным неприятным случайностям. Иногда может свалиться вам на голову черепица с крыши и пришибить, или же другой какой удар свалит вас с ног и перепугает до полусмерти... Нет, не люблю я так рисковать. Полагаю, что и вы того же мнения; случалось вам когда выходить в подобную ночь?»

«Уж ручаюсь за то, что нет, – поспешно отвечает регент. – Я предпочитаю подобным прогулкам сидеть у себя и даже скучать. В точно такую ночь, – добавляет он медленно и грустно, – без вести пропал мой бедный, дорогой мальчик, вот почему так грустно мне сегодня вечером».

«Да, странный, таинственный то был случай, мистер Джаспер, но вы сумели расположить к себе ещё более всех наших знакомых с того времени. Мало случалось им, я полагаю, быть очевидцами такого искреннего горя, как видали они в вас, но всё напрасно, вы чуть не свели себя в раннюю могилу, но тайны не открыли, и она осталась тайною. Да, ловко же сумел схоронить концы негодяй!»

«И в этом ничего нет странного, – отвечает Джаспер, неловко передвигая стул. – Если, как я почти уверен в том, убийца окончил его разом и бросил тут же тело в реку, – а они оба стояли возле реки, это нам всем известно, – то течение воды, конечно, быстро унесло его в море и не могло быть найдено».

«Так-так, – поддакивает Дэтчери, устремляя глаза в древние барельефы потолка, – но старая пословица говорит недаром: “грехом пролитая кровь кричит до открытия”, и время укажет нам, не сомневаюсь в этом, на преступника».

«Надеюсь, что имею право утверждать, – по известным мне так верно уликам, невзирая на недостаточность этих показаний при судебном следствии, – что преступник известен мне, сэр».

«Именно вследствие вашей столь часто выражаемой при мне уверенности вполне убеждён в том, что *вы* знаете *его* хорошо».

«Но что могу я сделать, сэр? – грустно качая головою, продолжает Джаспер. – Я имею только одно нравственное, хотя тем более верное убеждение, но этого недостаточно, к несчастью! Кто знает, уличу ли я его когда?»

«Но когда этот низкий, трусливый смертоубийца будет, кто бы он ни был, уличён, – а я всё ещё надеюсь почему-то, что будет, – то да понесёт он достойную кару своего преступления. Рано или поздно всё открывается на этом свете. Как посеешь, так пожнёшь».

Быстро отшатывается Джаспер, вперив дикий, помутившийся взгляд на Дэтчери. Почему, какой злой демон влагает в уста этого человека страшные слова, которые целый вечер преследовали его, то приносимые на крылах ветра, то нашёптываемые собственной совестью. Но обычная хитрость заставляет его[228] сдержаться, и он спрашивает Дэтчери довольно спокойно:

«Что значат ваши последние слова?»

«Значение их, кажется, очень ясно, – хладнокровно отвечает Дэтчери, рассматривая лежащий на столе альбом. – Если бы, например, вы решились пойти против закона Божеского и людского и совершили бы убийство, или же обманули бы женщину лживыми, коварными обещаниями и, убедив, что женитесь на ней, лишили бы её чести, то, конечно бы, вы в таком случае посеяли семя, которое вам пришлось бы наверное пожинать рано или поздно».

«Для чего говорите вы мне это?» – бешено восклицает Джаспер, теряя всякое самообладание.

Седовласый с удивлением подымает на него глаза, и регент, чувствуя, что выдал себя, опускает взгляд перед его пристальным взором.

«Вы спросили у меня значение этой старой пословицы, существующей со времён первого христианства, если не ошибаюсь, и я отвечал вам».

Но тут музыкальный учитель чувствует, что разговор ему не по силам, и поэтому, заметив, что уж очень поздно, намекает, что он на другой день собирается ехать очень рано в Лондон.

Дэтчери, учтиво схватив мяч на лету, встаёт и начинает извиняться, что так долго засиделся.

Оставшись один, Джаспер чувствует, что, несмотря на то, что нервы его немного успокоились, он всё-таки не может превозмочь какого-то странного чувства беспокойства и решается постараться уснуть.

Раздевшись, вой продолжающейся бури и собственные тревожные мысли не дозволяют ему сомкнуть глаз и он долго и беспокойно переворачивается с боку на бок.

Так проходит несколько часов, и Джаспер всё не спит и лежит с открытыми глазами.

Он встаёт и, зажигая свечу, подходит к окну спальной своей. Буря не утихла, но если возможно, то ещё усилилась и продолжается также разрушительно.

В доме минор-канона, который находится напротив, огонь давно потушен, и в переулке царствует один непроницаемый мрак. Недолго остаётся у окна регент и, поставив зажжённую

[228] Далее зачёркнуто: у.

свечу на столе в углу, снова ложится. Какой-то безотчётный страх овладевает им, и он, решившись не тушить огня, скоро впадает в дремоту.

Сквозь сон он слышит будто шорох, но не открывает глаз. Дверь комнаты, некогда занимаемой Эдвином Друдом, находится прямо против его постели, и ему чудится, будто кто-то отворяет её. Широко открыв блистающие ужасом глаза, Джаспер приподымается на подушке и чувствует, как холодный пот катится крупными каплями с лица его на руки. Тяжёлый вздох, нечто между воплем и стенанием раздаётся, как ему кажется, над самым ухом. Дыбом подымаются волосы регента, ещё минута тяжёлого страшного ожидания, дверь полуотворяется и на пороге соседней комнаты он видит Эдвина Друда!

Дикие крики, нечеловеческие вопли ужаса снова раздаются по всему топовскому жилищу и поднимают на ноги весь дом. Дэтчери бросается в авангарде с племянником своим Джо; дрожащий и бледный от страха злополучный Топ в самом лёгком из всех ночных костюмов, заключает шествие, по обыкновению своему, в арьергарде, и все бегут к джасперовской двери.

К удивлению их они находят её незапертой и, не слыша более ни малейшего звука, исходящего из спальни, они решаются войти.

«Ради самого неба! – восклицает старый холостяк. – Чего вы так дико кричите, мистер Джаспер? Вы нас просто перепугали с племянником моим... Что с вами?»

Бледный как сама смерть, всем телом дрожащий Джаспер долго не может выговорить ни слова. Наконец, он объясняет им слабым голосом, что раздражённый страшной грозой и долгой бессонницей в присоединении к тому же постоянных мыслей своих о племяннике ему показалось, будто бы он ясно увидал лицо дорогого своего мальчика!

При этом страшном известии в комнате раздаются снова два крика, мужской и женский, и, выскочив или, скорее, вылетев кубарем из комнаты на лестницу, пономарь, крепко ухватившись за белые юбки супруги, бежит стремглав в свой собственный покой, оглашая весь переулок рёвом ужаса, который подхвачен тотчас же свирепым ветром и унесён в пространство.

«Вы видели племянника вашего? – спрашивает с сильным любопытством заинтересованный Дэтчери. – Конечно, вы видели не его самого, так как он убит, но привидение бедного молодого человека».

«Я не верю в эти глупости, – злобно отвечает Джаспер, – и приписываю это видение тому, чему и следует его приписать: грозе и сильному раздражению всей нервной системы».

И он встаёт и, накинув халат, просит их сойти с ним в гостиную, куда бодро сходит первый, хотя и чувствует, что у него подкашиваются ноги.

«Нервной системе, так, – повторяет задумчиво и как бы про себя Дэтчери. – Напрасно, потому что я первый верю в привидения, скажу более, я сам видал один раз привидение. Никто не уверит меня в противном».

Они все трое стоят теперь посреди гостиной, и одинокая свеча, пламя которой трепетно борется с врывающимися в открытую дверь порывами ветра, то ярко освещает это фантастическое трио, то, разбрасывая по комнате капризные чёрные тени, оставляет их почти в темноте; Джо Слоджерс, который отделился немного от других, рассматривает, позевывая, портрет Розы и вдруг, неожиданно толкнув дядю под бок, указывает ему на картину, замечая:

«Нам бы следовало повесить у себя несколько картин, дядя Дик; посмотрите на эту вон. Не правда ли, какое хорошенькое лицо, а?»

«О, Джо, Джо, ты такой же, как и другие твои сверстники, только и занимаешься, что смазливыми личиками. Но это уж в мужской природе; бьюсь об заклад, когда дойдёшь до моих лет и сделаешься старым холостяком, как дядя твой, то узнаешь тогда, как опасна бывает женская красота и сколько поклонников своих она прямо передаёт чёрту в руки, губя и тело их и души. Прав ли я, мистер Джаспер?»

«Совершенно правы, не сомневаюсь в том. Но портрет этот, которым так любуется наш молодой друг, висит здесь не ради красоты лица. Он представляет бывшую невесту моего дорогого незабвенного племянника и подарен мне им. С тех пор я никогда не снимал его с того места, куда он первоначально повесил его, и берегу его, скорее, как последнее воспоминание о нём».

«Пожалуйста, не принимайте сказанных мною слов за личности, сэр, – отвечает Дэтчери. – Я говорил вообще, ни на кого не намекая, тем менее на вас, который, я убеждён в том, имеет целью в жизни более высокие и благородные стремления, нежели одни хорошенькие лица».

«Вы правы, сэр, – говорит Джаспер, – я действительно имею более глубокую цель в жизни».

«Я сказал: благородную», – поясняет Дэтчери.

«А я говорю: глубокую, – отвечает Джаспер. – По-моему, мало разницы в этих выражениях».

«Может быть, что и нету, – небрежно замечает Дэтчери. – Но нам всем пора идти уснуть хоть немного. Надеюсь, что вы почувствуете себя спокойнее остальную часть ночи».

Джаспер смотрит на часы и находит, что уж почти утро; холодно раскланявшись, все трое отправляются восвояси.

Войдя в свою комнату и заперев двери, Дэтчери замечает племяннику:

«Буря помогла нам и принесла общему делу видимую пользу. Наш друг может похвастаться эластичностью нервов своих; желаю ему сохранить оную до финального поднятия завесы. Мне приходится сильно по вкусу подобный род наказания. Оно поддерживает его в постоянной душевной тревоге, и если мы не запугаем его до смерти, то надеюсь позабавиться подобной методой ещё несколько времени».

«Чудовище! – бормочет Джо, который почему-то сильно ненавидит музыкального учителя. – Заметили вы, какими глазами он смотрел на портрет, когда я заговорил о нём. Как будто хвастался своим обожанием к оригиналу! Я насилу удержался, чтобы не сорвать его со стены и не вышвырнуть из окна».

«И весьма мало бы оказали пользы этим, любезный Джо, – отвечает Дэтчери, – мгновенно разрушив весьма приятный, задуманный нами план, который очень-очень недалёк от окончательного выполнения».

И, подойдя к шкафу, седовласый глубоко погружается в расчёты своих таинственных меловых чёрточек, бормоча всё время об «итогах и умножениях», после чего оба отправляются почивать.

Следуя непреложным законам первоначального сотворения мира, бурная ночь уступает место брату своему – дню; ослабев после гигантских подвигов ночи, ветер утихает, гоня лишь для проформы запоздалые тучи по небу, словно рачительная хозяйка, чисто подметающая и приводящая в порядок залу после безумного пьяного пиршества гостей своих. Солнце проталкивается бесцеремонно сквозь сплошную массу дождевых облаков и, окончательно разогнав их, с любопытством посматривает на разрушительные следы элементов, выбравших жертвой своей тихий кафедральный городок.

Солнце заглядывает и в жилище его чести, мистера Томаса Сапсеа, как бы желая упрекнуть высокоумного мэра в том, что его великий разум допустил непокорные элементы до такой шалости в отношении вверенного ему округа. Но разум этот, именно в силу своей громадной деятельности, требовал более крепкого и продолжительного сна, нежели другие менее развитые умы. Такие мелочи, как бури, грозы, ураганы и тому подобное, мало тревожили сон этого великого мыслителя по той простой причине, что он не допускал даже той обидной для него мысли, чтобы стихии осмелились коснуться до него.

Поэтому сия необыкновенная личность проспала крепко и мирно целую прошлую ночь, ни разу не удостоив даже проснуться, чтобы обратить внимание на происходящие вокруг него разрушения.

Окончив туалет, он отворяет окно и слышит на улице разговоры об опустошениях, произведённых бурей. Вполне убеждённый в неуспешности всякой попытки со стороны ветра повредить ему в чём-нибудь, он даже не принимает труда пойти взглянуть на принадлежащие ему постройки и довольствуется приятным зрелищем через улицу материальных утрат соседей в виде сорванных домовых труб, поломанных черепиц и с корнем вырванных тополей из палисадников. Насладившись новым доказательством уважения стихий к его высокой особе, мистер Сапсеа закрывает окно и звонит, чтобы потребовать завтрак. На звон его поспешно является служанка с явными признаками ужаса и смятения на лице и почтительно приглашает его сойти вниз взглянуть, что позволила себе совершить буря со «старым барином».

Услыша эти слова, выговоренные с чувством суеверного страха, мистер Сапсеа не верит самому себе и переспрашивает с гордым достоинством служанку:

«Про какого старого барина позволяете вы себе говорить, Марианна?» – и устремляет на оторопевшую девушку глаза, блистающие проницательностью.

«Про старого мистера Сапсеа, сэр, вашего отца», – отвечает она.

Страшная мысль о том, что сила бури не пощадила даже покоящихся последним сном усопших на кладбище мелькает в великом уме. Ужасные видения о разбросанных ураганом мёртвых телах вокруг минор-канонского угла и даже – о, страх! – по соседним улицам заставляют великого человека содрогнуться, но и тут даже возникает в нём сомнение насчёт почтенного усопшего родителя. Неужели осмелились бы разъярённые стихии коснуться до одного из Сапсеа? Он сам положительно убеждён в неприкосновенности живого Сапсеа и всё ещё считает и мёртвого Сапсеа столь же священным в глазах природы. Нет, это невозможно! Подобная мысль не может быть допускаема, тут кроется какая-нибудь ошибка, и если даже и другие покойники подверглись столь позорной участи, то не Сапсеа, никогда!

«Как же вы знаете, что отец мой находится в таком состоянии?» – продолжает он допрос свой спокойнее.

«Потому что, сэр, – серьёзно отвечает Марианна, – я сама видала его! Голова его вся чисто сорвана, и одна из рук также».

«Великий Боже! – восклицает Сапсеа, – неужели голова моего уважаемого родителя находится не с остальным туловищем?»

И великий человек подымает высоко руки к небу с неописанным ужасом на лице.

«Нет, сэр, не находится; только всё же она не пропала, так как кто-то поднял её, видно, и положил вместе с рукой на верхнюю ступеньку возле двери. А туловище всё торчит там же, где и торчало».

Обыкновенный вульгарный разум никогда не догадался бы, что всё дело относится не к бренному телу старшего Сапсеа, мирно покоившегося в продолжение стольких лет на соседнем кладбище, но великий необычайный разум разом начинает смекать, что, быть может, служанка говорит о деревянном изображении уважаемого аукционера №1, красовавшегося с незапамятных времён над входом, и поэтому снова обращается к ней с вопросом:

«Да вы о ком говорите? Не о статуе ли моего покойного отца?»

«Господь благослови нас и помилуй, сэр! – восклицает озадаченная служанка. – Да о ком же другом и могла я говорить? Неужели вы полагали, что я намекала о *настоящем* старом барине?»

И чувствуя себя не в состоянии удержаться от смеха при этой нелепой мысли, она фыркает в передник.

«Без комментариев прошу вас, мисс! – восклицает раздражённым голосом Сапсеа. – Если бы вы были менее глупы, то и объяснились бы яснее. Конечно, теперь, несмотря на ваши нелепые слова, я *сам* понял, что вы говорили о *статуе* моего отца, а не о его теле и крови. Всё-таки мне и это кажется странным и неправдоподобным, коль скоро *я* сам раз навсегда решил, что с изображением ничего не может такого случиться. Это весьма серьёзное дело. Я сейчас сам сойду вниз, дабы лично убедиться в размерах этого общественного несчастья. Ступайте, и прошу вас вперёд не позволять себе подобных вольностей», – сурово добавляет великий муж.

Сапсеа, назвав это происшествие «общественным несчастьем», едва удержался, чтобы не прибавить «и дерзкой смелостью стихий», но он всё-таки в глубине своей гордой души считал это неслыханной дерзостью природы касательно даже деревянного члена семьи великих Сапсеа.

Он сходит на крыльцо медленными и величественными шагами, и на лице его лежит печать суровой торжественности, которая, по мере его приближения к дверям, изменяется на выражение такой вызывающей горделивости, что можно было бы предположить, что сам заваривший всю эту кутерьму ветер стоит[229] собственной своей особью на крыльце и поджидает быть прогнанным или даже совсем уничтоженным на месте одним мановением великой руки. Сапсеа отворяет двери и видит обезглавленное тело, сидящее в прежнем положении, опираясь единственной оставшейся рукою на аукционный стол, но голова покойного аукционера в завитом парике лежит в ногах у сына своего лицом вниз, как бы стыдясь униженного положения, в котором он находит её.

Мистер Томас Сапсеа продолжает не доверять своим глазам и, сделав шаг назад в переднюю, начинает щипать себя за руки и ноги, как бы желая убедиться в том, что всё это не один страшный сон. Но нет: перед ним лежит поверженная в пыли, израненная, горькая действительность.

Громкий голос подошедшего к месту преступления ветров кого-то раздаётся возле убитого горем Сапсеа и спрашивает:

«Это что ещё за кутерьма?»

[229] Далее зачёркнуто: в.

Сапсеа подымает глаза с родительской головы и видит стоящего перед собою Дёрдльса, грязнее и запылённее ещё обыкновенного.

Великий человек складывает руки на мощном брюхе, как бы боясь лопнуть от постигшего его удивления, и спрашивает каменщика с видом оскорблённого достоинства, как ему кажется такое необычайное происшествие?

«Чего тут казаться? – говорит Дёрдльс, бесцеремонно переворачивая ногой голову Сапсеа-старшего. – То и кажется, что это чертовское ещё счастье старику, что подобная штука случилась не с ним самим».

«Не могу опомниться! – продолжает уныло Сапсеа-младший. – Ничего подобного не случалось мне видать на своём веку!»

«Благодарите свои старые башмаки, что это не вы сами! – утешает Дёрдльс мэра. – Эту вон голову можно ещё привинтить как-нибудь, а вашу собственную не так-то скоро можно было бы приклеить к туловищу, да и тогда вам было бы мало толку с того. Ну, да довольно болтать. Дёрдльс пришёл к вам по делу, оповестить вас ещё о кой-какой беде, что вчерашняя буря накуролесила вам. Да, может, вы уж слыхали?»

«Нет, не слыхал, ради Бога, говорите скорей!»

«Да вон монумент-то ваш здо̀рово полетел вверх тормашками за ночь. Всего так и скрутило его, и он лежит весь в кусках на кладбище, да и не он один, а ещё два или три брата вместе с ним, для компании, видно. Должно полагать, “костлявым” надоело прислушиваться к буре взаперти, так они вон и вылезли погулять на свежем воздухе».

И каменщик равнодушно подбрасывает вверх молоток, ловко ловя его на лету. Так равнодушно рассуждает он, действительно, об этом новом, неожиданном бедствии, что несчастный Сапсеа совершенно уничтожен этим известием и слабо надеется ещё, «что тот шутит».

«Чего там буду шутить! – гневно восклицает Дёрдльс. – Нашли шутника, как же; коль раз что Дёрдльс сказал, так так ему и быть. Пойдите да посмотрите сами, как шутил Дёрдльс».

Поспешно направляются они к кладбищу и находят там кучу любопытных, осматривающих развалины многих поломанных, сокрушённых бурею памятников. Но они не останавливаются и идут прямо к последнему жилищу обожательницы сапсеавского ума. Памятник валяется в траве, и одно лишь красноречивое воззвание к совести прохожего, советующее ему удалиться «с краской на лице» уцелело. Всё остальное в мелких кусках.

Известие о непростительных буйствах ветра достигло и до ушей обитателей дома у калитки, и в эту самую минуту выбегает из него Джаспер с безумным, диким взором и помертвелым лицом. Проталкиваясь через толпу, он бросается к Сапсеа и хриплым задыхающимся голосом спрашивает его, что случилось?

Но сердце мистера Сапсеа слишком переполнено горестью, чтобы отвечать. Великий ум парализован и как бы прекратил за неожиданным банкротством обыкновенные ему отчётливые[230] платежи звонкой монетой; он молча указывает рукой на погибший великолепный памятник мистрис Сапсеа и, воздымая глаза к небу, как бы ожидает хоть некоторого извинения со стороны стихий.

Все с изумлением замечают, что Джаспер кажется ещё более поражённым и убитым, нежели прямо заинтересованный в деле сам великий оскорблённый муж. Он пристально рассматривает с увеличивающейся бледностью различные куски памятника и, заметив Дёрдльса, осведомляется у этого джентльмена, не нашли ли «чего необыкновенного в раскрытом перед ними склепе».

«Какого чёрта хотели бы вы там найти?!» – спрашивает с удивлением каменщик, тараща на него глаза.

«Кто знает! – с трудом выговаривает Джаспер, и жалкая попытка на улыбку скривливает его побелевшие губы. – Вы носите постоянно с собою ключ от всех склепов, и я подумал, что, быть может, вы могли забыть в этом склепе несколько плетёных бутылок для лучшего их удобрения», – и пытается так странно захохотать, что все чувствуют себя глубоко поражёнными этим разбитым дребезжащим хохотом, который так неестественно звучит в ушах слушателей.

«Этот вон склеп, – серьёзно и важно отвечает каменщик, – не был отперт с самого того дня, как поставили над ним монумент. И Дёрдльс сильно советует, кому бы то ни было, быть

[230] Далее зачёркнуто: ему.

поосторожнее на словах и не обвинять его в том, что он превращает последние спальные “костлявых” в винные погребки».

Но Джаспер не слушает его даже и продолжает действовать чрезвычайно странно, как будто не сознавая вполне ни слов, ни поступков своих. Он колеблется ещё немного, затем подходит ближе и, нагнувшись, лезет в открытый склеп.

«Не старайтесь обмануть меня! – кричит он оттуда, и голос его раздаётся между испуганными зрителями как голос выходца с того света, до такой степени он удушлив. – Я лучше знаю сам! – и исчезает из глаз публики; потом, тотчас же снова появляясь у входа, вылезает назад, и с лицом действительно разительно похожим на лицо мертвеца, шатаясь, подходит к Дёрдльсу и, восклицая. – Я не позволю *этого*... Мошенник! Ты обманываешь меня... Ты украл *его*!..» – падает у входа в гробницу, бесчувственнее и холоднее её самой.

Толпа смотрит на лежащего Джаспера с суеверным страхом и молча расходится, не оказав ему ни малейшей помощи. Один оскорблённый им Дёрдльс нагинается и старается привести его в чувство по-своему.

Вдали показываются Дэтчери и его племянник Джо рука об руку и, медленно проходя мимо бесчувственного Джаспера, останавливаются на секунду, бросая на него любопытный взгляд.

Ни словом, ни делом не стараются они помочь музыкальному учителю и так же рука об руку отходят они прочь, Дэтчери замечая племяннику, что «хотя людской суд и часто заставляет себя ждать, но что зато суд Божий не ошибается и рано или поздно посещает повинную голову преступника».

Облегчив себя этим последним замечанием, оба входят к себе, и седовласый, молча и не говоря ни слова, подходит к стенному шкафу и медленно прибавляет длинную черту мелом к счёту. Эта последняя черта оказывается длиннее всех прочих. Полюбовавшись ею, старый холостяк запирает шкаф и садится так же молча возле племянника, погружённого в глубокую задумчивость.

Глава XXXVIII

Розы и тернии

Тихая семейная жизнь в доме дяди Соля следует[231] своему мирному течению в продолжение нескольких недель без малейшей внешней перемены, но маленькая Бесси, хотя чувствуя себя счастливее, чем когда-либо в жизни своей, делается с каждым днём бледней и задумчивее. Часто находит её дядя Соль сидящей тихо на садовой скамейке; держа в худой маленькой ручке своей цветы, Бесси так пристально смотрит на них, что можно подумать, что она прислушивается к тайному, слышанному ею одной лепету растений этих, которые, исповедуя ребёнку чистые мысли свои, рассказывают ей о других цветах, цветущих в далёкой прекрасной стране дȕхов, где никогда они не блекнут и не умирают.

Добрый дядя Соль привязался к этому бедному, заброшенному так долго ребёнку всеми силами своей честной, любящей натуры. Всё, что мог придумать он для доставления ей утешения или забавы, было сделано. Кротко и серьёзно улыбалась девочка в подобные минуты, не по-детски благодарила его и впадала снова в задумчивость.

Бробите, зная её страсть к цветам, поместил её в хорошенькой комнате нижнего этажа, выходящей окнами в сад. Решившись отдать слабую здоровьем девочку как можно позднее в знаменитый «Дом монахинь», дядя Соль сам учил её читать и писать; и такие успехи делала его ученица, что добрый джентльмен не раз сознавался, смеясь, как легко мог бы он заменить покойную мистрис Сапсеа, когда она принуждена была уступить свою «Семинарию для девиц», принимая на себя великую честь быть супругой «разума».

У Бробите был заведён раз навсегда порядок в доме – пить чай в четыре часа пополудни; после чего он обыкновенно брал за руку Бесси и выходил с нею в свой любимый сад.

В один день, именно в тот, на котором открывается наша глава, старик ходил с маленькой Бесси по цветущим аллеям и старался развеселить её различными рассказами о свойствах растительного царства. Девочка одета всё в то же старенькое платье, купленное ей родительницей Фопперти за часть денег, полученных ею от Джаспера; и хотя много новых нарядов было подарено ей Солем, она почему-то постоянно отказывается надевать их. Часто ласково укоряет он её за это нежелание, называя её гордой девочкой и прося нарядиться хоть раз ради него. Но Бесси всегда находит какую-нибудь детскую отговорку, и, боясь раздражить её ещё более, Соль не настаивает. В этот день он снова наводит разговор на эту тему и замечает, что его маленькая племянница делается такой неприступной, что скоро, может быть, откажется и выходить вместе со старым дядей своим, одетым в изношенный сюртук и в старые штиблеты. Бесси подымает к нему свои задумчивые[232] большие голубые глаза и, прижавшись сильнее к руке старика, отвечает:

«Дорогой мой дядя Соль, я знаю, что вы только шутите со мною. Но чтобы вы в самом деле не рассердились на меня за это, я лучше скажу вам всю правду, почему я не хочу носить этих хорошеньких платьиц. Они такие свежие и чистые, без одного пятнышка на них, что я боюсь даже притронуться к ним, чтобы не замарать их тем пятном, которое лежит на мне. Об этом пятне сказала мне бабушка Педлар в тот день, как вы взяли меня к себе. Случись мне замарать их, я стала бы чувствовать за них тот же стыд, какой я чувствую к несчастной девочке, которой они подарены».

«Что такое говоришь ты, дитя? – восклицает бедный дядя Соль, открывая изумлённые глаза во всю их ширину. – Бабушка твоя или, скорее, та, которая была когда-то бабушкой, – злая, глупая болтунья, и ты не должна обращать внимания на её слова. Посмотри вон на этих летящих птичек; послушай, как весело поют они; они не унывают и не гневят Творца своего за посланную им долю; тем менее должны унывать люди, и какая бы ни была их горькая доля, они не должны роптать на Него!»

«Я и сама часто думаю, что грешно мне так скучать и чувствовать, тогда как вы так стараетесь баловать и любить меня. Я знаю, что Бог добрый, и вижу доброту Его во всём – и в вас,

[231] Далее зачёркнуто: за.
[232] Далее зачёркнуто: свои.

и в этих маленьких хорошеньких цветочках, которые Он посылает нам, но я не могу, не могу, дядя Соль, заставить себя быть веселее, – продолжает бедное дитя, едва удерживая слёзы. – Днём и ночью я вижу над собой лицо, такое грустное и скучное, и знаю я, что это мама моя, хоть лица её не помню живым. И так меня тянет к ней, так хочется мне улететь с ней, что кажется, не буду я никогда веселей, пока оно не сбудется».

Дядя Соль так озадачен всеми этими словами, что не находит ни одной мысли в ответ ребёнку. Странно сжимается его любящее сердце, слушая её, и грустное предчувствие, что скоро потеряет он этого ребёнка, не оставляет его; он смотрит на неё и продолжает молчать.

К счастью его, грустный разговор этот прерывается Бритвой, которая показывает свой острый облик меж осенних георгин.

«Сэр, – говорит она, – к вам пришёл какой-то седой джентльмен и ожидает вас в приёмной».

«Разве не сказал он своего имени?» – спрашивает дядя Соль.

«Нет, сказал, да только такое чȕдное, что я совсем позабыла. Хетчите или Смешите, право, не вспомню, сэр».

«Должно быть, это Дэтчери из дома у калитки, – замечает Бробите, – да только я с ним не знаком. Что ему нужно от меня?»

«Может, сэр, вы скорее бы отгадали, когда б сами спросили у него», – замечает Бритва.

«Весьма, весьма разумное замечание с вашей стороны, Бритва; сейчас иду; попросите обождать».

Горничная ушла, и Соль ещё раз обращается к Бесси, спрашивая, как она хочет, ждать ли его возвращения, или же вернуться домой?

«Да, я пойду лягу лучше, дядя Соль, – отвечает ребёнок. – Мне кажется, что у меня что-то болит, только не знаю где. Я опять видала за решёткой большие чёрные глаза этого… этого джентльмена, что приходил к бабушке и к Фопперти. Неужели правда то, что мне сказала бабушка?» – прибавляет она, со страхом оглядываясь кругом.

«Что такое ещё сказала тебе “бабушка”?» – нетерпеливо спрашивает Бробите, мысленно отправляя старую родительницу в очень знойное место.

«Она сказал мне, – отвечает Бесси, и крупные слёзы катятся у неё по лицу, – будто этот джентльмен – с злыми глазами – мой отец! О, дядя Соль, разве это возможно?»

Но дядя Соль так же мало знает об этом щекотливом предмете, как и сама Бесси, и потому предпочитает прервать этот опасный разговор и увести разом девочку в дом.

Мистер Бробите, войдя в приёмную, находит в ней не только Дэтчери, но также и мистера Фопперти, который представляет седовласого хозяину и снова садится на прежнее место, на котором продолжает сидеть неподвижно, устремив глаза на узорчатый ковёр с таким вниманием, что можно подумать, будто он считает нитки этой ткани.

«Постараюсь, – говорит Дэтчери, – задержать вас как можно менее. Поэтому тотчас же заявляю, что обязан этому джентльмену (указывая на Фопперти) большим для себя открытием».

Бробите бросает доброжелательный взгляд на Фопперти, всё-таки не понимая, в чём это открытие последнего Дэтчери может интересовать собственно его самого.

Но Фопперти не подымает глаз с ковра и продолжает так же внимательно считать нитки.

«Вы, вероятно, заметили уже, сэр, – продолжает седовласый, – что по наружности я кажусь почти одних с вами лет. Но наружность бывает обманчива. Много странствовал я по морю и по суше и много выпало на мою долю горя и лишений. Скажу более, такое горе, какое выпало на мою долю, редко, очень редко не убивает человека. Но прежде, чем стану продолжать, позвольте мне надеяться, что всё, сказанное мною, останется между нами в величайшей тайне до поры до времени».

Бедный дядя Соль, чувствуя, что уже дошёл до последнего предела удивления, становится с этой минуты готовым ко всему и уверяет честью джентльмена, что готов сохранить всякую тайну лишь бы только она не навредила ни в чём ближнему.

«В этом можете быть уверены, сэр. Тайна хотя касается одного меня, но разоблачить её заранее было бы равномерным, напротив, повредить человечеству. Как я узнал сегодня только, вы взяли под своё покровительство и на воспитание ребёнка, весьма близкого мне; родство это кровное; и хотя я не желаю заставить вас подумать, что я способен упрекнуть в чём-либо это дитя,

но я должен, несмотря на то, сознаться, что рождение этой девочки обрушило на мою голову – хотя и косвенным путем – более горя и бесчестия, нежели пожелал бы я своему самому лютому врагу».

Седовласый останавливается, и по бледности его смуглого лица, как и по прерывистому тяжёлому дыханию, Бробите может судить, как тяжело было это страдание в первое время. Но старик молчит, и Дэтчери продолжает:

«Не стану утруждать ваше внимание долгим рассказом. История жизни моей может быть описана в немногих словах. Пятнадцать лет тому назад я находился на службе у Ост-Индской компании и, получив место капитана на одном из судов её, уехал счастливый и довольный своим положением, оставляя,– как думал я в то время, – старую мать и обожаемую двенадцатилетнюю сестру в безбедном положении».

Опять прерывается рассказ Дэтчери, и снова он как бы борется с воспоминаниями.

«Сестра эта была гордостью нашей и украшением скромного очага. Мало братьев могут любить своих сестер, как любил я своё сокровище. Любовь эта заставила меня поклясться самому себе, что неустанно буду работать я многие годы только для того, чтобы сделать её счастливее. Многими годами старше её, она была для меня столько же дочерью, как и сестрой, со дня смерти нашего отца, погибшего на море. Мать моя была женщиной совершенно простой, но в высшей степени честной и доброй. Какова сделалась участь обеих, вы сейчас узнаете.

Не прошло и двух месяцев со дня моего[233] отъезда, как обыкновенная случайность – буря и туман – отбросила нас далеко, на незнакомые берега. Наткнувшись на мель, мы с каждой минутой ожидали смерти, и умерли бы, благословляя её, знай только мы, что ожидало нас впереди. На первую же ночь мы были захвачены и ограблены малайскими пиратами, которые предложили нам на выбор: или присоединиться к ним, или же быть оставленными на острове, знаменитом своими дикими каннибалами. Ни один из нас не предпочёл первого, повторяю это с гордостью за себя и за своих товарищей; к утру мы очутились одни, без воды, ни куска хлеба и почти нагими на ближайшем острове. Не прошло и двух часов, как нас заметили, окружили и все, кроме трёх, меня и двух товарищей, были убиты и съедены. Товарищи умерли через несколько дней, остался я один; полагаю, что меня сохраняли в виде редкости или же что, к горю моему, они не почли меня за довольно лакомый кусок. Девять долгих лет не видал я ни одного белого лица, но к тому времени я стал замечать, что за мною менее присматривают, и успел бежать, бросившись в море, заранее заметив вдалеке парусное судно. К счастью моему, судно оказалось принадлежащим нашему торговому флоту. Но оно увезло меня сперва в Индию, где я должен был остаться на несколько лет и где приобрёл себе порядочное состояние. Не получая писем в ответ на мои письма, я списался с одним товарищем, прося его отыскать мать и сестру. Не знаю, что понудило его к подобной лжи, но он написал мне в ответ, что мать и сестра здоровы и что последняя счастливо вышла замуж, но адреса их не прислал. Счастливый выше всяких слов этим известием, я стал работать ещё усерднее, откладывая со дня на день и с года в год свой отъезд, желая обрадовать старую мать и дорогую сестру мою независимым состоянием, которое мечтал я передать ей со дня своего неожиданного для них возвращения. Как горько проклинал я это состояние с тех пор!

Наконец, почувствовав непреодолимое желание увидать их, а может быть и увлекаемый таинственной рукою судьбы, я превратил всё своё состояние в наличные деньги и, передав их в английский банк, заранее сделал своё духовное завещание в пользу сестры в случае смерти или другой какой случайности на море. Окончив все эти необходимые предосторожности, я пустился в путь и через несколько месяцев благополучно добрался до родины. С сердцем, переполненным ожидающей меня радостью и великого счастья обнять своих, столь милых мне сестру и мать, я, не останавливаясь, поспешил к нашему старому жилищу, но в нём никто и не помнил их. Нетерпеливо ожидал я другого дня, чтобы постараться найти товарища, который писал мне о них, но он умер. Так прошло две недели в бесплодных поисках, и я было уж предался отчаянию, когда вдруг вспомнил о некой старой приятельнице матери моей, жившей в отдалённой части города. От неё узнал я, что с тех пор, как мать с сестрой перешли жить на новую квартиру, она не слыхала о

[233] Далее зачёркнуто: отъе.

них более, и с этого дня прошло более восьми лет. Всё-таки, тщательно записав адрес дома, я прямо отправился туда.

Не знаю почему, но когда я стал подходить к этому зданию, страшное предчувствие чего-то недоброго овладело мною, и я постучал в двери с таким чувством, как будто боялся увидать одни могилы их вместо их самих. Мне отперла совершенно незнакомая женщина, и на все мои расспросы долго не могла припомнить никого, кто назывался бы моим именем. Но потом вдруг вспомнила.

“Ах, да, – сказала она мне, – мать-старуха и дочь-красавица. Долго говорили о них старые жильцы, только эти две женщины несчастливо расстались с домом. Молодая леди, как я слышала, была обесчещена каким-то негодяем, родила девочку и с горя померла, а старуха-мать пропала после смерти её без вести!”

Как я не умер на[234] том самом месте, на котором услыхал подобное известие, я не знаю. Не знаю также, что подумала обо мне эта женщина, но помню, что, сжалясь, вероятно, над моим страданием, она назвала мне ещё один дом, где я мог узнать кое-что. В этом доме я узнал только то, что если успею открыть одно семейство по имени Педлар, то узнаю от них многое. От дома к дому и от одних соседей к другим я отыскал, наконец, этого молодого человека. И лучше бы умер я в неволе своей, нежели довелось[235] мне услышать то, что услыхал я от него! Моя чистая, дорогая, бесценная сестра, которой я посвятил все дни и часы жизни моей, обесчещена и многие годы как умерла, а бедная старая мать сделалась уличной бродягой, нищей!»

С бледными щеками и крепко стиснув зубы при последнем восклицании, седовласый закрывает себе лицо руками, и только судорожные подергивания плеч указывают, как велико страдание этого сильного мужчины. Доброго дядю Соля влечёт к нему невыразимое сочувствие, и даже Фопперти приостанавливается в своих математических исчислениях и смотрит на него исподлобья с искренним чувством жалости на грубом лице. Наконец, Дэтчери успевает овладеть собою и продолжает среди мёртвого торжественного молчания.

«С той минуты, сэр, – медленно произносит он, – я поклялся посвятить всю остальную жизнь мою на страшное отмщение тому, кто погубил целое наше семейство, если этот человек находился ещё в живых. Взяв с Фопперти честное слово в том, что он никогда не произнесёт моего имени, я дал ему нужные средства – по отысканию негодяя – переселиться сюда на житьё.

Мать я долго не мог отыскать, но, наконец, и в этом мне посчастливилось, но в видах собственной пользы её, хотя я и пекусь невидимо о ней, она не должна знать, что я так близок к ней, по крайней мере, ещё на некоторое время.

Хотя так как это чудовище никогда не видало меня и поэтому трудно было бы предположить, что он узнает брата жертвы своей, но из предосторожности и чтобы менее рисковать быть признанным матерью в случае, если я где встречу её, я успел так изменить себя, что первое время почти сам не узнавал себя в зеркале. С первого вечера мне посчастливилось найти себе квартиру в одном с ним доме. Едва я успел перебраться, однако же, туда без всякой определённой ещё мысли, как узнал, что племянник его пропал без вести. Я тотчас же заподозрил его, и с тех пор работаю медленно, но верно, чтобы сперва вывести негодяя на чистую воду, а затем расквитаться с ним самому».

Медленно и спокойно, по обыкновению своему, произносит эти последние слова Дэтчери, но всякий, услыхав их, прочёл бы в выражении этого сурового лица смертный приговор Джасперу.

«Я думаю, что было бы напрасно рассказывать вам, до какой степени я успел доселе в моём предприятии. Скажу вам одно: с каждым днём он выдаёт сам себя всё более и более, запутываясь в своём преступлении и помогая нам лучше всякого другого уличить его. Всё это тёмное дело скоро должно распутаться само собою. Я пришёл к вам только для того, чтобы вы знали человека, который так близок к ребёнку, по-видимому, искренне любимому вами, и охранили бы его от зла. Этот человек на всё способен. Следя за ним неусыпно, я знаю также, что он часто прячется возле вашего дома. Какие чёрные, адские мысли питает он в своём чудовищном сердце касательно несчастной девочки, не возьмусь теперь решить; в одном вполне уверен: ничего, кроме

[234] Далее зачёркнуто: э.
[235] Далее зачёркнуто: бы.

преступного, не может гнездиться в этой душе. Берегите Бесси; молю Бога о том, чтобы никогда не вселяла она ни в ком чувства, подобного тому, которое отравило всю жизнь мою через её несчастную мать!»

«Искренне и глубоко сочувствую вам, сэр, – отвечает Бробите, – и всем сердцем своим презираю ненавистного негодяя. Последние слова ваши напоминают мне нечто, сказанное перед самым свиданием нашим малюткой касательно этого человека, которого она инстинктивно избегает, хоть, боюсь, и подозревает в нём отца своего. Бесси замечательно развитой ребёнок, и если Господь сохранит мне её, из неё выйдет столь же замечательная женщина».

«Мать её, – задумчиво замечает Дэтчери, – была не менее замечательной по уму и раннему развитию своему девочкой, и была настолько же нравственно выше чудовища, соблазнившего её, как ангелы небесные выше демонов. Но это не помешало ей погибнуть. Самая чистая лилия не может помешать гнусному пресмыкающемуся червяку подточить её у самого корня, так же как не могла дорогая моя, несчастная сестра понять в своей сердечной чистоте, что этот человек искал лишь одной её погибели».

Когда Дэтчери встал, чтобы проститься, дядя Соль попробовал ещё раз склонить его к свиданию со своей любимицей. В сердечной невинности своей добрый старик надеялся, что, быть может, помешает подобным знакомством с чистым и невинным ребёнком мщению, по-видимому, столь глубоко вкоренившемуся в непреклонной душе седовласого.

«Не желаете ли вы, сэр, – робко произносит Бробите, – повидаться с Бесси. Может быть, она успеет успокоить вас несколько...»

«Нет, благодарю вас, не теперь, – отрывисто отвечает холостяк, – теперь поздно, и мне пора идти по другому делу. И так до свидания».

И так, Дэтчери уходит из дому старого честного Бробите и оставляет последнего в сильном замешательстве и страхе о последствиях. Хотя имя Джаспера не было ни разу упомянуто, но дяде Солю не трудно было узнать его, конечно. Постоянно является в нём воспоминание слов девочки: «Я опять видала эти злые чёрные глаза из-за решётки», и неспокойно отправляется он спать в этот вечер.

Дэтчери и Фопперти отошли всего только на несколько шагов от дома дяди Соля, когда заметили приближающуюся к ним знакомую фигуру «младенца»-феномена. Подкравшись, как кошка, к холостяку, он толкает его под локоть и произносит шёпотом:

«Видите цель? Видите кременёк?»

«Какую цель и какой кременёк?» – спрашивает Дэтчери с любопытством.

«А вот глядите в оба», – ответствует Депутат, и, ловко пустив довольно большим камнем в какую-то неподвижную тень, притаившуюся под стеной напротив дома Соля, он испускает рычание наслаждения, когда эта тень, быстро поднявшись на ноги, так же быстро исчезает прихрамывая.

«А что, не цель разве?» – восклицает ликующий «младенец» и пускается в фантастическую пляску.

Затем, дёргая Дэтчери за руку и наклоняя ухо его к природной, широко раскрывающейся расщелине вместо рта, шепчет:

«Вас требует к себе тот в гостинице, что приехал с *Лундуна*[236], приятель – такой чёрный из себя – нашего пастора».

«А! – проговаривает сквозь зубы Дэтчери, – стало быть, мне надо идти. До свидания, Фопперти, – также шёпотом говорит он товарищу. – Тартар ожидает нас с племянником».

«Ты славный мальчик, Уинкс, и проворный, – обращается снова Дэтчери к Депутату. – На тебе за то».

И он подаёт ему несколько мелких монет.

«Вот раздолье-то! – вопит «младенец» на всю улицу. – А тот шустрый-то, что проглотил только что мой камешек, он не желает видать Дэт-че-рея, нет! А – я! А – я! То Джарспер, небось, сам он и есть; ишь ты, как заковылял-то крикун из *кин-фри-драла*! Недаром я вышел в проходку из-за здоровья своего, да и вытравил его из-под забора. Ей – я!»

[236] Речь идёт, по всей видимости, о Китае.

И в диком восторге от удачной травли Депутат снова пускается в воинственный танец торжества американских краснокожих, припевая:

«Уѝде, уѝде – уень! Ти!
Я сло-вил е-го после десяти!»

И заключает уединённое преставление в собственную пользу, маршируя головою вниз, а ногами вверх в виде демонского арьергарда удаляющимся Дэтчери и мистеру Фопперти.

Глава XXXIX

Невидимый попутчик догоняет невидимые силы, а мистер Грейджиус зрит картину и кольцо

Оказался ли климат на поднебесных высотах очарованной страны волшебного горошка нездоровым, или же ему пришлась не по силам уединённая затворническая жизнь, которую он вёл столько месяцев под страхом постоянного открытия, только здоровье Невиля Ландлесса видимо расстроилось, и когда этот несчастный юноша был перевезён вместе с сестрою на квартиру мисс Кип, все друзья его содрогнулись, так страшна показалась им перемена, произошедшая с ним к худшему.

Хотя он редко жаловался, но Криспаркль, как и Грейджиус, давно заметили в нём необыкновенную прозрачную желтизну лица и ввалившиеся, ярко светящиеся глаза; и чувствуя, – что теперь, когда он жил на глазах у всех и когда не было для него близкой опасности со стороны Джаспера, – что времени не следует более терять, они, несмотря на нежелание Невиля, потребовали к нему доктора, одного из знаменитейших. Доктор не замедлил явиться на зов, и после тщательного осмотра больного, в продолжение которого он стучал пальцами правой руки, украшенной брильянтовым солитером, по костям левой, украшенной двумя брильянтовыми солитерами и растопыренной по всем частям груди, желудка и спины Невиля, «знаменитый» задумывался, пыхтел и прикладывал ухо к тем же частям, делаясь очень красным в лице при этом и пыхтя ещё более. После чего он потребовал себе умыть руки и так же тщательно стал оттирать свои солитеры, полируя их в том же молчании, как и при осмотре; окончив оба процесса, он взялся за шляпу, видимо, поджидая таинственного пожатия руки одного из джентльменов, ожидающих его мудрого решения с тяжёлыми сердцами. Убедившись с тем характеризующим его братию тонким чувством осязания, что пожатие руки преподобного оказалось пятифунтовым билетом английского банка, «знаменитый» решился изречь своё решение; и конфиденциально поманив разукрашенным пальцем мистера Криспаркля, а затем и мистера Грейджиуса, он отвёл их в соседнюю комнату и объявил с приятной улыбкой на жирных красных губах, что их *protégé*[237] одна лишь развалина, душевно, как и телесно, и может умереть с часу на час от сильнейшего, найденного в нём «знаменитым» расширения сердца; и, облегчив свою совесть таким точным исполнением обязанности, знаменитая звезда медицинского фирмамента[238], изящно раскланявшись, села в свой собственный брогэм[239] и отправилась чертить пятифунтовые гороскопы другим пациентам.

После многократных совещаний и даже консультаций с другими такими же, как и менее знаменитыми медиками, из которых самые добросовестные объявляли, что никакие лекарства, кроме величайшего душевного спокойствия, не помогут в болезни молодого Ландлесса, а другие наводняли в продолжение нескольких недель соседнюю аптеку самыми мудрёными латинскими словами, начерченными на изящных рецептах, бедный Криспаркль решился не мучить более Невиля и предоставить жизнь его в руки Того, на кого Одного он надеялся.

Одно время Невилю, казалось, стало лучше, и он с оживлённым взором и пылающими щеками проводил по несколько часов в обществе сестры своей и маленькой Розы. Но в скором времени он стал опять впадать в сделавшиеся ему привычными припадки меланхолии, столь гибельные для его болезни, и мистер Криспаркль потерял всю возвратившуюся было к нему надежду.

Кротко и терпеливо ухаживала за братом страстно любящая его сестра. Елена ничего не знала о столь близко предстоящей опасности и твёрдо была уверена, что если бы нашлась возможность заставить его забыть на некоторое время бесчестное обвинение Джаспера, то Невиль в очень скором времени снова бы поправился.

---

[237] протеже (*фр.*).

[238] небосвода (*англ.* firmament).

[239] Брогам (*англ.* brougham) – четырехколёсный экипаж с закрытым кузовом на двух человек и козлами для кучера впереди, построенный по эскизам лорда Брума (Брогама) в 1854 г.

В одно утро Елена сидела вместе с Розою в знакомой нам приёмной, и можно было предположить, что между ними шёл очень серьёзный и грустный разговор, так как первая сидела с заплаканными глазами, а Роза была чрезвычайно печальной.

«Он сказал мне сегодня, что ему не для чего и не для кого жить, – говорит Елена. – Теперь только начинаю я серьёзно за него боятся».

«Милая моя Елена, вы не должны так предаваться ничего не значащим предчувствиям; я почти уверена, что здоровье Невиля не так плохо, как вы себе то воображаете. Развеселитесь, дорогая моя, и не тоскуйте так заранее».

И маленькая Роза, обвив руками прекрасную, наклонившуюся к ней головку, нежно целует её смуглые щёки.

Но Елена начинает ещё сильнее рыдать, несмотря на искренние утешения приятельницы.

«Нет, моя милочка, я вижу, что вы и не понимаете настоящую причину моего горя, – отвечает она, ещё крепче прижимаясь к детскому личику Розы. – Я стараюсь не верить, пока могу, в близкую опасность касательно его жизни; хотя лучше бы желала я, в тысячу раз лучше как для него самого, так и для меня, видать его мёртвым, нежели ведущего такую ужасную мученическую жизнь! Смерть его была бы только избавлением и следствием воли Всевышнего, но видать его, как день за днём он страдает в благороднейших, лучших чувствах своих, знать, что за ним гнались, как за диким зверем, за вором или убийцей, пока принудили его действительно вести жизнь преступника, скрываться и прятаться от людей, и всё это только из-за того, чтобы удовлетворить кровожадную месть негодяя, который знает так же, как и сам он или мы с вами, до какой степени невинен Невиль во взводимом на него преступлении, и всё-таки продолжает преследовать его; когда я начинаю думать об этом и вижу, что мой бедный брат так же далёк сегодня от избавления, как был он далёк от него с первого дня, я чувствую, что или должна выплакать своё горе, или же сойти с ума. Я боюсь одного, чтобы Невиль не увидал моих слёз; они удвоят собственное страдание его. Он уверен, что я сильна духом и уповаю на будущее, и потому только и сносит своё горе, пока видит, что я не отчаиваюсь. Заметь он малейшее колебание во мне, и он погиб, а я, видит Бог, не могу долее поддерживать его надежду в то, чему сама верить не могу!»

«Но, дорогая моя, – говорит Роза, – мне действительно кажется, что вы напрасно так отчаиваетесь за будущее. Верьте мне, мы окружены друзьями, и эти дорогие друзья не успокоятся, пока не откроют тайну, поглотившую бедного Эдди. А ведь как мало нужно иногда, чтобы напасть на след, и этот след тотчас же освободит Невиля от лежащего на нём обвинения. [Ни] мистер Криспаркль, ни мой опекун не отчаиваются ещё, и оба уверены, что скоро для всех нас наступят лучшие дни и мрак рассеется. Не знаю, как вас, а меня это сильно ободряет, и я чувствую, что Джаспер, этот гадкий, злой человек, будет наказан рано или поздно за преследование бедного Невиля; и знаете ли, я часто-часто обвиняю себя во всём этом! Если бы в прошлое Рождество меня не было бы на свете, то не пропал бы, может быть, бедный Эдди и Джасперу не было бы причины преследовать вашего брата. Разве вам не приходит та же мысль, как и мне, Елена? Вы никогда, никогда не ненавидите меня, скажите?»

И хорошенькие чёрные глазки блестят от сдерживаемых слёз, а побледневшее от собственного вопроса хорошенькое личико со страхом наклоняется над Еленой.

«Как можете вы делать подобные странные вопросы, глупое дитя? – ласково отвечает Елена. – И за что буду я обвинять вас или ненавидеть. Я так способна ненавидеть вас, что если бы нам пришлось расстаться теперь, а я осталась бы в полной уверенности, что никогда не услышу более вашего дорогого мне голоса и никогда не увижу вас, то с радостью бы легла тотчас же сама в гроб. Я люблю вас, Роза, слышите, люблю вас столько же, насколько ненавижу смертельной ненавистью мерзавца, измучившего нас всех... О! Когда бы могла я держать его, только его, в продолжение пяти минут под рукою… с каким наслаждением бы я убила его!»

Смуглое великолепное лицо молодой девушки разгорелось при этих словах, а чёрные глаза метали молнии. С невольным чувством страха любовалась маленькая робкая Роза этой красивой тигрицей и, несмотря на свою собственную ненависть к Джасперу, испугалась за него...

«Вы пугаете меня, Елена, дорогая моя! – говорит она, наконец, после мучительного молчания. – Сегодня я вижу во второй раз в жизни моей подобное страшное выражение на вашем лице. Помните, когда я раз сказала вам в “Доме монахинь”, как он преследует меня. О!.. Неужели вы решились бы на что-нибудь ужасное?»

Снова чёрные как смоль глаза мечут искры, но цыганское прекрасное лицо выражает нежную, почти материнскую любовь к сидящему возле неё ребёнку и уж не пугает его более.

«Я знаю, Роза, – говорит она, не отвечая на её вопрос. – Я знаю и сознаю сама, что я страстная, необузданная женщина во всех чувствах своих, в любви, как и в ненависти. Если я способна каждую минуту пожертвовать собой для любимых мною, то зато, когда я ненавижу, ненависть моя не знает пределов и так всасывается она мне в сердце, что одна смерть может охладить подобное чувство. Вы видели меня, когда терпеливо сносила я и унижение, и горе, выпавшее на долю бедному брату моему, для того лишь только, чтоб лучше поддержать его и подкрепить в минуты отчаяния. Доколе успеваю я доставить ему этим хоть малейшее облегчение, я довольна, и врагу нашему нечего страшиться от меня; я чувствую к нему одно презрение пока. Но если брат мой погибнет, если преследования этого чудовища доведут несчастного, невинного мальчика до могилы, то пусть бережётся тогда низкий трус – десять тысяч таких преступных жизней, как его, не удовлетворят меня за жизнь моего любимого, драгоценного брата!»

Крепко стиснуты белые зубы, и поднятая со страшной угрозой рука остаётся в воздухе, как окаменелая, уподобляя Елену Ландлесс самому ангелу мщения.

Дрожащая Роза бросается к ней на шею, стараясь успокоить её самыми приятными перспективами будущего наказания, ожидающего Джаспера по уверению опекуна. Видя тщетными усилия свои в том и замечая, как дрожит от сдержанной ярости Елена, она прибегает к последнему средству, как для утешения подруги, так и ради собственного облегчения, и начинает рыдать.

«Милая, дорогая моя, успокойтесь, – говорит она, – если любите меня... О, Боже мой, Боже мой, – восклицает бедная Роза отчаянно. – Сколько горя и несчастья принесла я всем вам; зачем только родилась я на свет! Если бы не родилась я, бедный Эдди был бы жив и здоров, вы и Невиль были бы счастливы! Кому, когда принесла я малейшую пользу! Зачем не родилась я на островах Южного океана[240] или меж готтентотами[241], лучше бы было то и для вас, и для меня».

И переполненная горестью за эту гибельную ошибку судьбы, она начинает ещё сильнее рыдать, ломая свои розовые пальчики.

Теперь наступила очередь Елены утешать своего маленького друга, и она старается переменить разговор, спрашивая её, почему ей кажется с некоторого времени, будто Роза старается избегать брата её?

«Вы разве совершенно уверены, – отвечает Роза, колеблясь и немного смущённая, отирая блестящие слёзы с лица, – так и уверены в том, что я избегаю его?»

«Может быть, мне *это* только показалось, но и Невиль заметил то же, что и я, но его просто убила бы мысль о том, что я повторила вам это замечание, поэтому не сердитесь на меня, милочка, и не отвечайте, если не хотите. Я уверена, что всё сделанное вами, так и должно быть... Но он ещё вчера спрашивал меня, как я думаю, не неприятно ли его общество мисс Бёд? И на моё опровержение он грустно покачал головою и заметил, что он давно уже стал убеждаться в том, что вы избегаете встречаться с ним, не только что оставаться с ним одной. Все старания мои оказались тщетными, и я не успела уверить его в противном».

«Милая моя, – говорит Роза после минутного колебания, грустно целуя подругу, – мне жаль, что ваш брат может приписывать мне подобное чувство незаслуженного к нему отвращения; он ошибается в причине, но как ни больно мне это выговорить, не ошибается в самом действии. Лучше уж нам разом понять друг друга. Вы знаете так же, как и я, что главной причиной в преследовании Невиля со стороны Джаспера была несчастная ваша Роза. Любя вас, я не могу не чувствовать дружеской привязанности и к брату вашему, но я заметила, что этим он не удовольствовался бы. Поэтому, боясь за него и через Джаспера и, признаюсь, боясь также обнадежить и самого его в том, чему никогда не быть, я предпочла избегать его по возможности. Видит Бог, что я старалась всеми силами своими не дать ему заметить этого. Но, к несчастью, видно, я не родилась для хитрости. Тот факт, что бедный Эдди и Невиль поссорились из-за меня в Клоистергэме, дал мне право предположить, что ваш брат надеялся на то, чему никогда не

[240] Южный океан – наименование совокупности южных частей Тихого, Атлантического и Индийского океанов, окружающих Антарктиду и нередко выделяемых как «пятый океан», не имеющий, однако, четко очерченной островами и континентами северной границы.

[241] Готтентоты – этническая общность на юге Африки.

сбыться, повторяю снова вам, на дружбу которой я столько надеюсь, что уверена, что вы не разлюбите меня за грустную истину. Милая Елена, дорогой любимый друг мой, простите меня и не вините за то, что я не могу любить Невиля, я знаю, он достоин любви самой лучшей, самой благородной из всех женщин, но на мою любовь он не может рассчитывать, я люблю другого, и открыла это чувство в себе, когда уж было слишком поздно! Пожалейте меня, Елена, и не сердитесь. Я так несчастна! Горько виню я себя в том, чему теперь невозможно уж помочь. Я была глупой, ветреной девочкой в то время и не понимала собственных чувств моих... О, бедный, бедный мой погибший Эдди!»

Спрятав личико на груди своей верной подруги, маленькая Роза снова начинает горько рыдать, а прекрасное, полное нежного сочувствия к ней лицо низко наклоняется, чтобы скрыть собственные слёзы за разбитые надежды любимого брата.

Какая удивительная перемена произошла между[242] избалованным, беззаботным ребёнком, пансионеркой «Дома монахинь» и этой плачущей, испытанной горем молодой девушкой. Как необдуманно рвала она в то время розы, бросая их далеко от себя и сохраняя одни лишь тернии, и как горько сожалела она теперь о том, что не видала их заранее, теперь, когда уж стало слишком поздно и розы эти увяли и рассеялись.

Она едва успела успокоиться, как служанка явилась объявить им, что у дверей ожидает мистер Криспаркль, и следует ли просить его к ним в верхнюю гостиную.

«Ах, Боже мой! – восклицает Роза, – что подумает он обо мне, что я такая заплаканная! Но всё-таки попросите его скорее наверх!»

Преподобный Криспаркль осведомляется, как только они обе входят в гостиную, о здоровье Невиля и, услышав грустный ответ Елены, что ему если не хуже, то и не лучше, высказывает искреннее сожаление.

«Тем более неприятно я изумлён этим известием, что оставил его, уезжая отсюда в последний раз, в сравнительно чрезвычайно спокойном состоянии против прежнего. Но я надеюсь, что теперь он скоро поправится, тем более что я готовлю для него приятнейший сюрприз, который разом подымет его на ноги. Сюрприз этот будет столь же радостным и для вас обеих, мои милые леди, – добавляет добросердечный каноник, весь сияя улыбками. – Угадайте».

Обе девушки смотрят на него молча, но с бьющимися сердцами.

«Но вы должны, прежде всего, – продолжает Криспаркль, – дать мне честное слово, что не станете расспрашивать меня о разных подробностях до Рождества».

Он обращается к обеим им, но смотрит на одну Елену, которая обещает ему исполнить требуемое. Взглянув на Розу, мистер Криспаркль замечает, что она очень побледнела и глядит на него вопросительно, едва дыша.

«Обстоятельства переменились, – начинает снова минор-канон, – и скоро все печали и невзгоды, постигнувшие нас прошлым Рождеством, изменятся на радость и хвалы Тому, Кто невидимо для нас приготовляет нам столько утешения, когда мы менее всего ожидаем их».

Роза дрожит и бледнеет ещё более, а Елена впивается в говорящего своими огненными глазами. Наконец, не выдержав более, первая подходит к нему и голосом, который прерывается от страшного внутреннего волнения, спрашивает минор-канона:

«Эдди жив?»

Он ласково берёт её за руку, как бы желая приготовить к этой великой радости, и, подняв глаза к небу, торжественно произносит:

«Воздадим хвалу нашему небесному Отцу за всю благость и милость Его, Эдвин Друд жив и невредим!»

Широко открыв глаза, как в припадке сомнамбулизма, маленькая Роза прижимает обе руки к сердцу и падает на руки минор-канона без чувств, в то самое время как Елена, медленно опускаясь на колени, высоко воздымает руки к небу, восклицая в порыве восторженного счастья:

«Благодарю тебя, о Боже Всемогущий! Благодарю за то, что очищаешь Ты невинного брата моего от вечного позорного пятна человекоубийства, так долго тяготевшего на нём! Благодарю Тебя и за то, что, наконец, рассеян мрак, скрывавший доселе низкого преступника!»

[242] Далее зачёркнуто: этим.

Слабость Розы проходит почти так же скоро, как и овладела ею. Не успевает испуганный Криспаркль бережно опустить её на близстоящее кресло, как она раскрывает глаза и, мгновенно вспомнив всё сказанное, под влиянием неописанной радости, всплеснув руками, восклицает:

«О радость! О счастье!.. Эдди жив, жив! Я снова увижу его... О Боже, Боже мой, как... о как благодарить мне вас всех? Благослови, о благослови вас Бог, мистер Криспаркль!»

И не помня себя от восторга, к неописанному удивлению и замешательству молодого каноника вдруг бросается к нему на шею и горячо целует, целует в обе краснеющие щеки смущённого джентльмена.

После чего, вспыхнув как огонь от своего необдуманного поступка, она зарывает головку под диванной подушкой и начинает рыдать, но на этот раз это слёзы давно невиданной ею радости.

Розы снова появляются на пути жизни её, а тернии приближаются к смуглой подруге.

Успокоившись немного, они все трое собираются уж идти к Невилю, чтобы обрадовать его неожиданным известием, когда дверь отворяется и мисс Кип, видимо взволнованная, вбегает в комнату, восклицая:

«Ступайте все скорее к мистеру Невилю,
Несчастный юноша теряет всю уж силу!»

Как громом поражённые, Елена и Криспаркль с ужасом глядят на неё, пока она объясняет им, наконец, прозою следующее:

«Преподобный сэр, и вы, молодая леди! Что-то недоброе приключилось с мистером Невилем. Одна из служанок, выходя из моей комнаты, которая, как вам известно, находится возле комнаты, что служит приёмной для вас, только что нашла его лежавшего без чувств на верхней площадке лестницы. Крики её испугали меня; я в первую минуту было подумала, что он совсем умер, но, подойдя ближе, услышала слабые стоны. Мы тотчас же перенесли его и уложили в его спальной на диван, а затем я поспешила уведомить вас».

Последние её слова адресуются к одной Розе, так как при первом известии о случившемся Криспаркль бросился вслед за Еленой наверх, но Роза, колеблясь и не зная на что решиться, сидит в неловком и грустном раздумье на диване, и хотя искренне сочувствует бедной Елене, но не может пока изгнать из сердца своего преобладающего в нём чувства радости вследствие переданного ей минор-каноном известия об Эдди. Чувствительная и добрая мисс Кип опускается возле неё на кресло и продолжает печальные свои замечания о Невиле.

«Я сильно жалею об этом молодом джентльмене, – говорит она, – видя, как он день ото дня худеет и чахнет. Тем более жалею я о нём, что знаю, как искренне привязан он к музам,[243] вследствие чего и должен вдвое более страдать и чувствовать свою болезнь, нежели другие».

Почему именно является в ней эта странная уверенность в зловредном влиянии любимых ею муз на человеческие немочи, мисс Кип не объясняет, а Роза и не спрашивает, так как решила, что ей лучше идти наверх и помочь подруге в случае надобности. Но поэтическая хозяйка ещё раз останавливает её на пороге патетической импровизацией:

«Да, я боюсь, мисс Бёд, за юношу больного,
Струна ослабла жизни в сём любимце муз,
И ждать мы не должны исхода с ним иного,
Как зреть полёт души из сих телесных уз!»

Невзирая на всё своё уважение к сей престарелой импровизаторше, Роза, вложив два пальчика в оба уха, быстро убегает от неё и идёт к Невилю.

Невиль обращает глаза на входящую Розу, и слабый румянец вспыхивает на его бледном лице, как прощальный луч солнца на темнеющем западе. Возле него стоит мистер Криспаркль и ласково держит за руку, нагибаясь к больному.

[243] Далее зачёркнуто: и.

«Невиль, мой дорогой мальчик, – говорит минор-канон, – что это такое значит? Я оставил вас весёлого и почти здорового несколько дней тому назад. Вы, верно, поступили как-нибудь неосторожно без меня?»

И он старается весело глядеть в лицо больному, но Невиль грустно качает головою и говорит:

«Недолго стану я беспокоить вас ещё за себя, мистер Криспаркль. Конец недалеко».

Он останавливается, чтобы перевести дыхание, и, положив руку на грудь, шепчет:

«Это жгучее страдание становилось не по силам мне».

Рука опускается безжизненно, а глаза его наполняются слезами.

«Мой милый мальчик, что могу я сделать для вас, говорите, – спрашивает огорчённый минор-канон. – Я пошлю за доктором».

«Никакой доктор не поможет мне на земле, – отвечает голос ещё слабее прежнего. – Мои страдания подходят к концу, и я жалею только о бедной Елене, которая останется после меня одна на свете. Зачем, для чего мне жить, когда вся жизнь моя связана по рукам и по ногам?»

Голос его прерывается, а лицо становится так бледно, что перепуганный Криспаркль просит Розу послать скорее за доктором.

Слабая, печальная улыбка освещает черты Невиля и, открыв глаза, он тихо просит минор-канона остаться с ним на несколько минут наедине, и затем делает слабый знак рукою плачущей Елене увести Розу и оставить их вдвоём. Она смотрит на минор-канона, и тот повторяет ей просьбу брата. Тихо наклоняется Елена над бледным лицом умирающего мальчика и, сделав над собою нечеловеческое усилие, чтобы не выказать своего отчаяния, целует его в лоб и уходит с Розой.

Невиль просит Криспаркля повернуть его на сторону так, чтобы ему было удобнее смотреть ему прямо в лицо, и, слабо пожимая его руку, обращается к нему едва слышным голосом:

«Мистер Криспаркль, вы мой лучший, мой единственный друг на свете после Елены. И я вполне уверен, что вы поймёте меня, когда узнаете причину всех моих страданий. Мне остаётся немного часов жить, – нет, не старайтесь убедить меня в противном, – продолжает он, заметив, что тот собирается прервать его. – Я чувствую это здесь, в груди, и потому умоляю вас обратить внимание на то, что я скажу, как на слова умирающего человека».

Он останавливается как бы для того, чтоб собраться с новыми силами, и продолжает:

«Когда тело Невиля Ландлесса будет лежать под землей, не забывайте, о не забывайте тогда, что последние слова его были клятвой в том, что он невинен в причине погибели Эдвина Друда!»

Умирающий смотрит тоскливыми, полными слёз глазами на Криспаркля, как бы желая убедиться, насколько тот верит словам его.

Нежно отирает минор-канон с чела Невиля крупные капли пота, выступившего вследствие усилий его превозмочь физическую слабость, и отвечает с поспешностью:

«Невиль, мой бедный мальчик, я никогда не сомневался в невинности вашей, даже тогда, когда всё и все были против вас, тем менее могу я сомневаться теперь, когда явился к вам именно для того, чтобы окончательно успокоить вас, убедить, что вы совершенно вполне очищены от всякого подозрения и – соберитесь с силами – сказать вам, что Эдвин Друд нашёлся... Дорогой мой мальчик, Эдвин жив!»

Крик невыразимого восторга вырывается из груди больного, он силится привстать, но не в состоянии совладать со слабостью и тяжело падает навзничь.

Заметив смертельную бледность лица его и выступающий холодный пот, минор-канон с отчаянием в голосе зовёт Невиля по имени, упрекая себя в том, что убил его неожиданной радостью.

Но Ландлесс испускает тяжёлый вздох и снова открывает глаза; слабым, прерывающимся от волнения голосом начинает он теперь расспрашивать Криспаркля, умоляя его повторить ещё раз сказанное и убедить его, что всё это не сон.

«Нет-нет, мой добрый друг, не сон это, а действительность! – повторяет преподобный джентльмен со слезами на глазах. – Эдвин Друд жив и здоров, и золотой луч пробился, наконец, сквозь тьму, нависшую над вашей юной жизнью».

Небесная улыбка счастья озаряет лицо умирающего, в то время как подымая глаза в немой молитве, он произносит наконец:

«Теперь могу я умереть спокойно. Моя бесценная сестра не будет принуждённой более скитаться отверженицей – клеймо позора брата её снято с неё навеки!»

Слишком ясно для бедного, огорчённого Криспаркля, что конец этой молодой жизни очень близок, но он делает над собой усилие и говорит весёлым тоном, стараясь обнадежить Невиля:

«Не говорите так уверенно, мой добрый Невиль, о близком конце своём; даст Бог, он не так ещё близок и много счастливых дней приготовляет для вас будущее, успокойтесь, постарайтесь уснуть теперь для подкрепления сил».

Невиль не отвечает и только грустно качает головой при этих словах надежды, которой никогда не сбыться более. Минор-канон молчит и не старается более уверять его в противном.

Через несколько минут входит Елена, а за нею доктор, который, поспешно раскланявшись с Криспарклем, садится возле больного. Лицо этого нового медика выражает ум и чрезвычайную доброту; вероятно, вследствие этой последней, столь редкой черты в его невозмутимых собратиях он не успевает совладать с внутренними своими впечатлениями, и лицо его так красноречиво, в то время как он щупает пульс брата, что сестра, которая не спускает с доктора глаз, с диким криком отчаяния падает на близстоящий стул.

Невиль слышит этот вопль, и он раздирает ему душу. Нежно, с полным немой мольбы взглядом смотрит он на свою дорогую сестру и, сделав знак Криспарклю, тихо просит его увести Елену из комнаты.

Доктор встаёт и, пригласив минор-канона в другую комнату, объявляет ему с искренним сочувствием в добрых глазах, что Невиль может быть – хотя оно и невероятно – проживёт до вечера.

«Горькая обязанность сопряжена с нашей профессией, сэр, – говорит он ему, – и часто более чем грустно бывает мне убивать в родных и друзьях последнюю надежду. Но ничто в мире не может спасти бедного молодого человека, и вам следует приготовляться к смерти его каждую минуту».

Медик уходит, а Криспаркль, воротившись на своё прежнее место возле Невиля, не в состоянии сдерживать долее горьких чувств своих.

Но в Невиле незаметно ни волнения, ни сожаления; ни одного слова ропота не выходит из уст его; напротив, светлая улыбка счастья озаряет черты лица его, увеличивая дивную красоту молодого человека.

«Не бойтесь за меня и не сожалейте, дорогой друг мой, – говорит он, слабо прижимая руку минор-канона к груди своей. – Я не боюсь смерти. Скажу более: если бы не мысль о Елене, которую я покидаю одной на свете, я был бы невыразимо счастлив в эту минуту. Чувствуя приближение столь желаемого освобождения, я хотел видать вас поэтому самому наедине. Жизнь моя была недолгой, но зато, видит Бог, так мало было мне в ней радости, что я далеко не сожалею о ней».

Голос его снова прерывается, и он закрывает глаза, чтобы собраться с мыслями. Минор-канон не прерывает безмолвия и даже не старается долее скрывать горячих слёз своих.

«Если мне случалось стремиться к несбыточному и предаваться сладким надеждам, которым было суждено разбиться скоро в прах, то зато теперь я мечтаю только о том, что не трудно будет вам осуществить, если вы только не откажете мне в последней просьбе моей».

Он останавливается в ожидании желаемого ответа. Голосом, прерывающимся от рыданий, минор-канон спешит убедить его, что он заранее готов исполнить свято всё, чего бы он ни пожелал.

Невиль становится так слаб, что Криспаркль спешит намочить виски и голову его одеколоном и заставляет выпить глоток воды. Собравшись с силами, он продолжает:

«Немного менее года, в те счастливые дни, когда я ещё и не подозревал, сколько обрушится на меня горя, я создал в сердце у себя кумира – образ девушки, и с тех пор этот кумир не покидал меня более ни днём, ни ночью. В самые тяжёлые часы затворничества моего, как в самые жестокие минуты преследования врага, присутствие этого любимого идола души моей поддерживало и утешало меня, заставляя надеяться, что когда-нибудь она узнает, как любима она, и полюбит меня в свою очередь. Убеждённый вместе с прочими в смерти соперника моего, я давно бы высказал ей всё боготворение моё, если бы лишь знал наверное, что она не подозревает меня во взведённом на меня преступлении. Но я не имел, к несчастью, этой уверенности в себе, и

многое заставляло меня подозревать в ней, что она любила умершего более, нежели любила его живым».

Он умолкает и просит минор-канона открыть один из ящиков бюро, где спрятана небольшая шкатулка. Затем, открыв её дрожащей рукою и вынимая оттуда полинялую голубую ленту, он снова переводит дыхание и говорит:

«Безделица, но, о Боже мой, какая драгоценность, однако, для меня!»

И две жгучие, блестящие слезы падают на ленту, которую он покрывает поцелуями.

«Она не знает даже, что подобное сокровище находится в моих руках; она и не должна знать. Бедная, бедная ленточка, столь ничтожная для всех, но столь драгоценная для меня и с которой я желаю не расставаться ни в жизни, ни после смерти!»

Снова целует он её и продолжает после минутного молчания.

«Помните ли вы тот незабвенный для меня вечер в день первого нашего приезда в Клоистергэм, когда мы все собрались у вас? С ней сделалось дурно и её посадили к открытому в сад окну; в ту минуту на ней была надета эта лента, но когда она отошла от окна, её уж не было на ней, я один заметил потерю, и когда все разошлись, нашёл её на траве под окном. С той самой минуты я берёг её как самое драгоценное для меня сокровище – эта лента касалась её шеи; я и тогда боялся, что никогда не иметь мне ничего более от неё, кроме этой бедной ленточки, а теперь, да подкрепит меня Бог, я уверился в том!»

Грустно смотрит на него Криспаркль, но, не желая прерывать последней исповеди, продолжает молчать.

«Я знаю, что кажусь вам глупым и смешным, и если бы я не умирал, вы давно остановили бы меня, как бывало и прежде. Но я люблю её – Розу – с первой минуты нашей встречи так же страстно, как люблю её и теперь, хотя всё время – долгое, тяжёлое время для меня – успел сохранить свою любовь на самой глубине болящего сердца и не выдал себя ни словом, ни делом».

Минор-канон начинает теперь смутно подозревать причину болезни Невиля, но всё ещё не знает, что ответить умирающему юноше.

«Я начинаю сильно слабеть, – шепчет Невиль, – прошу вас, отворите окно, теперь уж поздно бояться простуды».

Окно открыто, и свежий осенний ветерок, врываясь в комнату, освежает лицо умирающего. Он сильно вдыхает воздух раза два и продолжает:

«Она не знает, как я её люблю, и пока я жив, она не должна этого знать, но когда всё будет кончено, а сердце перестанет биться, когда положат навеки уснувшее тело моё под зелёный дёрн кладбища, тогда, и только тогда, скажите ей, что Невиль Ландлесс умер, любя её, но молчал, предпочитая смерть презрению её, зная, что ей его никогда не полюбить, любя другого... Молю вас перевезти тело моё в Клоистергэм, там я буду счастливее, лёжа под землёй, по которой, быть может, ступала нога её и где я увидал её впервые. Скажите ей, что я не виню её, но напротив, благословляю смерть, посылаемую мне через неё!»

Осенний ветерок снова ласкает чело умирающего, и хотя прикосновение его нежно и легко, как дыхание ангела, оно, освежая его, подкрепляет силы, и он способен снова заговорить:

«Когда станут класть тело моё в гроб, заклинаю вас всем святым положить эту ленту мне на грудь и руку так, чтобы она отправилась со мною вместе до последнего жилища моего и чтобы погибший Невиль и потерянная лента могли бы вместе обратиться в прах. Попросите её навещать иногда могилу мою, скажите ей, что сердце моё было её, пока билось оно в живой груди, а душа моя будет принадлежать ей и на самых небесах; и если может дух возвращаться на землю, то, прибавьте, что мой дух станет охранять её с любовью столь же чистой, какой была моя любовь к ней на земле. Обещайте мне исполнить всё это свято, и я умру спокойно».

Опять осенний ветерок тихо прокрадывается в окно и обвевает грудь и лицо всё более слабеющего Невиля, как бы желая подкрепить ещё немного силы умирающего мальчика.

Сильно растроган минор-канон и обещает свято исполнить последние предсмертные желания, прося не беспокоиться и о Елене, о которой он будет всегда заботиться.

Слабая улыбка благодарности мелькает на лице Невиля, и он просит прислать сестру.

Криспаркль выходит на минуту и тотчас же возвращается с Еленой. Дикое горе сверкает в тёмных глазах молодой девушки, когда она приближается к нему; наклоняясь, она целует его в

лоб и в ужасе отскакивая назад, и до такой степени кажется ей, что она целует уже мёртвого, что она с воплем отчаяния хочет снова послать за доктором.

Но Невиль берёт её за руку и делает знак, чтоб она наклонилась к нему.

«Поздно, дорогая моя, – шепчет он с усилием. – Я должен расстаться с тобою, сестра моя; я ухожу туда, куда уйдёшь и ты со временем, как и все другие. Не горюй, на то Божья воля, чтоб отправился я первым... Наш добрый друг обещал мне позаботиться о тебе... и о моих последних желаниях... Не плачь, Елена... поцелуй меня ещё...»

С раздирающим душу рыданием бросается Елена на брата и, крепко сжимая его в объятиях, готова, кажется, выступить на бой с самою смертью.

«Нет, нет!.. Мой любимый, мой дорогой брат... Я *не хочу*, чтобы ты умер... Я не могу снести этой муки! О, Боже мой, теперь, когда лишь только засиял для нас луч счастья, – о, нет, нет... Это невозможно!»

Бледнее самого Невиля, она рыдает и мечется в судорожных страданиях и падает на колени, зарывая голову в простыни, покрывающие его.

«Зачем... зачем вы не посылаете за доктором? – свирепо восклицает она, быстро вскочив на ноги и становясь перед плачущим Криспарклем с видом помешательства. – Не жестоко ли это с вашей стороны видеть, как он страдает, и не помочь ему?»

И снова припадает она к подушкам, обвивая брата мощными, прекрасными руками.

Тихо впархивает снова осенний ветерок, раздувая кисейные занавеси, и влечёт за собой заблудший солнечный луч… Луч недолго остаётся в комнате и, поиграв в волосах умирающего, исчезает, но ветерок всё так же ласково веет свежим дыханием своим на лицо Невиля.

Минор-канон, сердце которого изнывает при виде такой грустной картины, спешит исполнить желание Елены и посылает за доктором, хотя и сознаёт в себе всю бесполезность этого поступка.

При входе доктора Елена вне самой себя от отчаяния припадает к ногам его и умоляет спасти брата её в таких выражениях душевной муки, что как ни привычен он к подобным сценам, но и его сердце сжимается от искреннего сочувствия.

«Дитя моё, – говорит он ей, – положение вашего брата вне всякой земной помощи. Успокойтесь и смиритесь перед волей Всевышнего. Не терзайте последних минут жизни его подобным отчаянием; вы не поможете себе, а для него смерть явится ещё мучительнее».

Последнее замечание его производит на Елену глубокое впечатление. Вся сила энергии её возвращается к ней мгновенно, и хотя смертельная бледность лица и судорожно сжатые губы и свидетельствуют ещё о её чувствах, но она садится уже возле Невиля, по-видимому, спокойная, как мраморная статуя.

Невиль выходит из своего полусознательного состояния, в которое он впал было на несколько минут, и глаза его, остановившись на Елене, смотрят на неё сквозь приближающийся мрак смерти с глубокой преданной любовью и сожалением.

«Елена, – выговаривает он, делая ей знак глазами приблизиться, – Елена... так лучше... и я буду менее страдать *там*... Я слышал сегодня утром, как она сказала тебе... что никогда-никогда не может полюбить меня. Теперь она счастлива, он вернулся к ней и это... убило меня... Не плачь, тяжело будет тебе первое время без меня, но ты... утешишься... хоть и никогда не забудешь меня совсем, – не правда ли?.. Не забудешь нашей преданной братской любви... не...»

Голова его опрокидывается назад, а голос прерывается на полуслове. Он закрыл глаза, теперь и лицо его так бледно, что Криспаркль и Елена, боясь потревожить приближающуюся смерть, умоляют доктора знаками убедиться, не всё ли кончено. Доктор наклоняется пощупать пульс и сердце и передаёт им шёпотом, что теперь больной лишь сильно ослабел, но что подобное состояние не может долго продолжаться и через час, не долее, всё будет кончено.

Затем, раскланявшись с ними во второй раз уж в этот день, он берёт шляпу и неслышными шагами выходит из комнаты.

Неподвижно сидят Криспаркль и Елена возле Невиля, боясь пошевелиться, и с жадностью прислушиваются к малейшему его дыханию. Лёгкий вздох вырывается из груди его и, полуоткрыв глаза, он начинает произносить, как бы говоря во сне, бессвязные фразы.

«Умерший... так, но не забытый! Оно и лучше... Если бы я остался здесь... она скоро забыла бы меня... О, как невыразимо... был бы я счастлив... если бы... Теперь поздно... всему конец... Увы!.. Неужели всё кончено?..»

Так же безмолвно сидят они, не отрывая глаз от умирающего, и на некоторое время в комнате воцаряется страшная тишина. Слышно лишь как бьётся сердце Елены и глухими, прерывистыми ударами стучит оно под конвульсивно прижатой к нему рукой.

Невиль снова открывает глаза и, взглянув на них тусклыми глазами, просит отдернуть занавески, чтоб ещё раз взглянуть на небо и на деревья сквера.

Криспаркль спешит исполнить желаемое, а Невиль приподымается с помощью Елены и, крепко обвив руками шею её, глядит в открытое окно.

Маленькая птичка прилетает на близстоящее дерево и, весело чирикнув, перелетает на окно. Так тихо сидят все трое, что она продолжает прыгать, беззаботно заглядывая в комнату. Криспаркль и Елена, оба, замечают её, но Невиль не обращает внимания и пристально смотрит в окно. Перед ним расстилается серое осеннее небо, и он как будто ожидает, чтобы раскрылось оно, с приветом ожидая дух, который должен так скоро исчезнуть в нём.

Но вдруг всё лицо его озаряется лучами заходящего солнца. Лучи пробиваются сквозь осенние тучи и, осветив ярким светом черты умирающего, так же внезапно начинают бледнеть, исчезая один за другим.

Всё темнее становится тень, по мере того как подымаются они и скользят всё выше и выше по лицу Невиля. Вот ползёт последний луч и достигает до глаз, оставляя нижнюю часть лица, уж покрытую бледностью смерти; вот дрожит он на лбу, рассыпая в волосах яркие искры.

«Они идут... за мной... они здесь... уводят меня... О счастье!.. Готов!.. Прощай, Елена... Она... Роза...»

Луч дрожит, искрится и исчезает.

Голос Невиля превращается в тихий, неслышный шёпот, и бледная голова опускается на грудь сестры.

Осенний ветерок влетает снова в комнату через открытое окно. Он ещё нежнее и легче порхает, едва касаясь до мёртвого лица, как будто желая помочь освободившемуся духу скорее улететь на родину.

И маленькая птичка улетела с окна с последним вздохом Невиля. Не вестником ли радости летит она оповестить *Невидимых* о приближении ещё одного бессмертного, присоединённого к сонму жителей Страны неиссякаемого блаженства?.. Кто знает!

На долю живых выпадает печальная обязанность позаботиться о мёртвых. Но в комнате остаётся один лишь живой человек – Криспаркль, так как Елена лежит на диване, холодная и бесчувственная, крепко прижимая к груди голову мёртвого брата. Требуются невероятные предосторожности и усилия, чтобы высвободить из её объятий Невиля. Но, наконец, с помощью явившегося Тартара, который совершенно поражён этой внезапной смертью, и мисс Кип, которая, заливаясь искренними слезами, забывает в эту минуту даже муз, мистеру Криспарклю удаётся перенести мёртвого Невиля на постель, а бесчувственную Елену, почти не подающую признаков жизни, отправить в её спальную на попечение рыдающей Розы.

Позаботившись о первых необходимых распоряжениях, минор-канон отправляется тотчас же к своему приятелю мистеру Грейджиусу, чтобы уведомить его о смерти бедного Невиля.

В то самое время как Криспаркль занимался своей грустною обязанностью в отношении живых и мёртвого, неутомимая престарелая личность, известная под псевдонимом Принцессы Курилки, нарядившись в то, что она называла деловым мундиром своим, но что оказывалось в глазах прочих смертных чёрной коленкоровой шляпкой, оригинальнее и громаднее даже той, которая скрывала её *мумиеобразное* лицо в обыденные дни, и древней полинялой шалью, Принцесса оставляет свой курятник, запирая дверь в комнату, наполненную полуночными, фантастическими видениями добра и зла, вызванными раздражёнными мозгами её посетителей под безумным влиянием опиума. Проталкиваясь сквозь сплошные ряды полунагих, валяющихся детей, осыпающих узкие и грязные переулки в соседстве её обители, Принцесса получает по дороге должные её летам и занятию знаки уважения от собратий по ремеслу, которые следят за ней тусклыми взорами, отражающими, как в запылённом калейдоскопе, целый мир баснословных видений. Но она не обращает внимания на это любопытное зрелище, уподобляющее квартал

продавцов опиума зловредной чаще леса, густо покрытой ядовитыми грибами, и поспешно направляется через Друри-Лэн к западной части Сити.

Движения её сделались осторожнее обыкновенного и напоминают ещё разительнее приёмы животных кошачьей породы. Быстрыми, неслышными шагами крадётся она вдоль стен, то приостанавливаясь, чтобы оглядеться кругом, то снова двигаясь ещё быстрее. Рука её крепко сжимает что-то в кулаке, и для большей безопасности она держит её в кармане со стороны строений.

Наконец, она подходит к Степл-Инну и после минутного колебания останавливается под привлекшим её взгляд *П.Ж.Т.* С головою, наполненною одной преобладающей мыслью, таинственная надпись пляшет перед её глазами, раздуваясь в ясные три слова, сладко являющиеся её мстительному воображению в виде пророческого обещания: «Пропал Жаспер Теперь!», и она, не колеблясь более, стучит в дверь; мрачный голос отвечает ей войти, и Принцесса, войдя в комнату, останавливается перед вопрошающим и не узнающим её взором мистера Грейджиуса.

Замечая эту странную фигуру, которая приближается к нему кошачьей поступью, не вынимая руки из кармана, как бы держа в глубине оного какое смертоносное оружие, первая мысль Грейджиуса та, что перед ним стоит убежавшая квартирантка из дома умалишённых. Мысль эта не уменьшается в нём, когда Принцесса, желая возбудить в нём память прошлого, пристально смотрит на него, не спуская глаз, и улыбается с выражением демонского торжества.

«Благослови вас Бог, добрый джентльмен, разве забыли вы уж совсем бедную старуху, у которой такие-то несчастненькие лёгкие, что никто и не слыхивал никогда о подобных им; старуху, которая так кашляет, что дух её вырывается из тела по двадцати раз на день?»

Память Грейджиуса быстро переносит его на место встречи с ней в обществе Розы и так же быстро напоминает ему об услуге, оказанной старухой питомице.

Он ласково берёт её за обе руки и, сажая её на стул, добавляет, что никогда не забудет её великодушного поступка.

«Садитесь, садитесь, моя милая, – продолжает он, вертясь возле неё с необычайной угловатостью движений. – Как поживаете, моя милая? Рад видеть вас, наконец, моя добрейшая леди. Так давно прошло с минуты нашего первого и, если смею так выразиться, последнего свидания, что я было и не узнал вас совсем!»

И он, усаживаясь, наконец, сам против неё, ныряет в своё обычное место на кресле возле камина и, мгновенно превращаясь в собственное каменное изображение, ласково смотрит на Принцессу.

Старуха таинственно кивает головой и, указывая выразительным морганием глаз на пишущего в углу Баззарда, двигает беззвучно впалыми губами.

«Вы можете смело объясняться при этом джентльмене, – замечает Грейджиус, поглядывая с уважением на своего писаря. – Он, если смею так выразиться, первый здесь секретарь и главное поверенное лицо, от которого у меня нет сокрытых тайн».

«Нет, есть», – произносит внезапно поверенное лицо, не подымая головы.

«А! Стало быть, выходит, что я немного ошибся, – добродушно отвечает угловатый. – Но вы всё-таки не должны стесняться его присутствием, моя милая».

Старуха стягивает в ответ морщинистый рот и отрицательно качает головою.

«Если ваше дело касается до моей питомицы, мисс Бёд, то можете смело говорить. Мистер Баззард принимал в несчастном, постигшем её происшествии столько же участия, как и я сам».

«И не думал», – отрывисто буркает Баззард.

И встав из-за бюро, берёт шляпу и выходит, не обращая более на остающихся ни малейшего внимания.

«Чрезмерно чувствительная натура, – замечает Грейджиус, указывая через плечо большим пальцем в направлении запирающейся двери. – Преданная и вместе с тем наблюдательная личность. Но теперь можете объясняться, моя милая. Что могу я для вас сделать взамен незабвенной услуги?»

Старуха снова качает головою, уверяя Грейджиуса, что дело её с ним ничуть не касается до её услуги.

«Если не видали вы меня с тех пор, ягнёночек, то не потому, чтобы я берегла свои старые кости аль ленилась зайти; и когда узнаете вы, мой добрый джентльмен, какое такое моё к вам

дело, так сами аж удивитесь без сумления, что такая старая, как я, старуха да оказалась больше прыткой, как вы все. С вами ли леди-ласточка, мой серебряный джентльмен?»

«Серебряный» отвечает отрицательно, добавляя, что Роза теперь находится в сохранном, безопасном для неё месте.

«Полагаю так, ягнёночек, что ещё ничего не было слышно о том молодом джентльмене, что звали Эдди?»

И старуха с замиранием сердца смотрит на Грейджиуса. Последний, в свою очередь, таращит на неё глаза, удивляясь подобному вопросу.

Не получая ответа на свой вопрос, Принцесса продолжает.

«А дядя молодого джентльмена не умер ещё от горя? Аль он ещё всё тоскует о племяннике?»

«Насколько известно *мне*, то он всё ещё обретается на сей земле живым и даже здоровым».

Принцесса боязливо оглядывается, и рука её, которую она ещё ни разу не вынимала из кармана, нервно двигается в своём потайном месте.

Грейджиус, удивляясь всё более и более, следит за непонятными ему движениями и продолжает молчать.

Всё ещё, видимо, колеблясь, она просит его запереть дверь на задвижку и, принимая удивление мистера Грейджиуса за страх, внушаемый ему собственной её особою, прибавляет нетерпеливо:

«Вам нечего бояться, дорогой джентльмен, такой, как я, бедной старухи; и коль вы видите меня в бедной дурной одёже, ещё не следует из того, чтобы сама старуха была такой же дурной аль поступала бы нечестно. Кто знает, нет ли чего такого под этим старым тряпьём, что более удивит вас и, может, обрадует, чем все красивые платья и драгоценности Англии».

Грейджиус, не говоря ни слова, идёт и запирает дверь.

Убедясь, что теперь они одни, старуха после небольшой паузы решается и говорит:

«Вам небезызвестно, ягнёночек, что малые тропинки да дорожки ведут всегда к большому полю; также оно бывает, что и малые приключеньица приводят к большим открытиям».

Она останавливается, и Грейджиус не прерывает её, ожидая припадка кашля с её стороны. Но кашель не является, и, странно, с этой минуты он не слышит его более, как не услышит и впоследствии.

Она медленно вынимает руку из кармана, и на раскрытой ладони руки её Грейджиус видит медальон. Но он не узнаёт его, и она подаёт его ему со следующими словами:

«Рассмотрите его поближе, дорогой сэр, и скажите мне, видали ли вы его когда прежде и у кого?»

Он открывает его, подавив пружину, и на первой золотой пластинке замечает нацарапанные булавкой слова:

«Эдди от кошечки».

Надев поспешно очки, он подносит медальон к окну и убеждается, что не ошибся:

«Я не сомневаюсь в том, что эта вещица принадлежала когда-то пропавшему молодому человеку», – говорит он, наконец, подозрительно глядя на Принцессу.

«А если пропавший джентльмен да встретился с другим человеком по пути, который вернулся один да принёс с собою эту вещь, которую прятал от всех с тех пор, как вы думаете, что подумает о нём суд?»

И она вперяет в него горящий злобою и нетерпением взор.

Мистер Грейджиус открыл теперь медальон с другой стороны, и перед глазами его является портрет маленькой Розы.

Он отвечает старухе, что если действительно можно было бы доказать, что эта вещь находилась во владении того, который вернулся один, то хотя подозрение и могло бы пасть на него, так как эта вещица принадлежала пропавшему или даже убитому, но что улика не была довольно сильна, так как этот человек мог получить медальон на сохранение от исчезнувшего джентльмена до преступления, выбравшего его жертвой.

«Счастливо для вас, джентльменов, – говорит старуха, – что ваши головы будут поумнее, чем голова старой старухи. А я ведь было думала, что и это улика добрая. Хорошо ещё, что я не спешила выдать её, а пообождала, пока *тот*, что вернулся *один*, заметит пропажу свою да придёт ко мне. Он и пришёл было, да с тем и ушёл, – продолжает она, злобно усмехаясь, – а лекарствецо-

то моё всё-таки подействовало, и через него я и узнала, что если вы не так дорожите этой первой штучкой, то зато не побрезгаете вот этой…»

И она снова опускает руку в карман и вынимает оттуда кольцо; так сияют крупные брильянты и рубины его на солнце, что их блеск, отражаясь в глазах мистера Грейджиуса, заставляет его привскочить с места с криком изумления. С быстротою молнии бросается угловатый надолго потерянную добычу, и так необычайно угловаты манеры его, что они вполне оправдывают собственное, придуманное им себе прозвище.

«Легче, легче, добрый джентльмен, – восклицает Принцесса, в то время как Грейджиус почти вырывает кольцо из её рук. – Я для того и принесла вам его, чтобы отдать. Теперь я вижу, что оно ваше и что я не ошиблась. Доброе, доброе лекарствецо, как оно помогает старухе да рассказывает ей всё, что она желает только знать».

«Каким образом... как... где достали вы это кольцо?» – спрашивает Грейджиус, заикаясь от внутреннего волнения и пожирая глазами эту последнюю память о матери Розы.

«Прежде всего, ягнёночек, отвечайте мне на то, что я спрошу у вас: что подумал бы суд о том человеке, у которого нашлось бы это кольцо почти с год спустя после того, как пропал молодой джентльмен?»

Ещё более зловещим огнём горят теперь подслеповатые глаза старухи при этом вопросе.

«Суд сказал бы и подумал то же, что и я думаю: что в том человеке, у которого нашлось кольцо, бьётся сердце низкого преступника, убийцы! И с этой уликой я докажу свои слова целому свету! Эдвин Друд получил его от меня накануне прошлого Рождества и не расставался с ним до последней минуты; убийца его не мог добраться до кольца иначе, как умертвив его самого!»

В страшном волнении мистер Грейджиус уж не бегает более лёгкой неожиданной рысью по комнате, но измеряет её тяжёлою неровной поступью, и лицо его покрыто необычайной в таком деревянном человеке бледностью.

«Бог да благослови вас за ваши слова, дорогой джентльмен, – восклицает, в свою очередь, старуха, выпрямляясь во весь рост и подымая иссохшие руки к небу. – Благослови Он вас и сохрани! Возьмите и сохраните кольцо, дорогой сэр, а я стану благодарить вас и молиться за вас во все остальные дни моей недолгой жизни лишь бы только удалось вам затянуть петлю виселицы на шее Джона Джаспера! Чудовище... низкий, жестокий убийца моей бедной единственной дочери! Он погубил её, моё сокровище, и заставил скитаться по улицам её старую мать на целые долгие годы... Так! Так... Зато теперь пришла и моя очередь, мщение-то ещё слаще теперь после стольких лет мучения...»

Страшно перекосилось всё лицо старухи, которая сорвав в минуту торжества свою громадную шляпу, машет ею теперь по воздуху. Взглянув на неё, мистер Грейджиус останавливается и с ужасом смотрит на эти всклокоченные седые волосы и на дико горящие, как у разъярённого зверя, глаза.

«Но, стало быть, вы… вы мать несчастной Бесси Трендерс? – спрашивает он в изумлении, вспомнив рассказ Фопперти. – Или же… неужели лежит на этом человеке ещё какое-нибудь – третье – преступление», – добавляет он, с ужасом ожидая её ответа.

«Ха, ха, ха! – дико хохочет она. – Ещё бы, я, конечно, я сама мать той несчастной Бесси, хотя как *вы* то знаете о ней я и не понимаю, только теперь я счастливая мать её и буду ещё счастливее в тот день, когда он повиснет на верёвке в руках у палача!.. По крайности, можно будет мне тогда спокойно умереть, моё дело будет сделано!»

«Но как вы успели получить от него эти вещи?»

«Потерпите, добрый джентльмен, сейчас скажу вам всё по порядку. А-га! – снова восклицает она с приливом свежей ярости. – Мало думал он, что я разгадаю его аль узнаю, кто он таков! Не узнал он меня, да я-то узнала его, разбойника; да, да, узнала, и доживу ещё до того благословенного дня, что повесят его как собаку!»

Затем Принцесса начинает своё повествование, и через полчаса Грейджиус узнаёт всю историю посещений Джаспера к Принцессе Курилке в её полуночный дворец опиума и видений.

Сильный стук в двери прерывает конец её рассказа; мистер Грейджиус спешит отворить и встречает на пороге бледного и усталого минор-канона.

Не замечая унылого вида Криспаркля под влиянием сильного негодования и вместе с тем довольства о найденной против Джаспера улике, Грейджиус восклицает при первом взгляде на гостя:

«Вы вовремя являетесь, преподобный сэр! Насилу-то мы добились вещественной улики против музыкального негодяя, и нашему молодому другу не для чего более скрываться. Теперь ему остаётся лишь заявить о себе и оповестить весь свет о гнусном преступлении, или что оказалось, к счастью его, попыткой [покушения] на жизнь его родным дядей. Ни ему, ни бедному Ландлессу не нужно более прятаться. Вот доказательство о преступлении Джаспера. Теперь нам остаётся лишь арестовать его и ожидать приговора его к каторжной работе по меньшей мере, так как он успел избежать – хоть и не по доброй воле конечно – виселицы!»

В эту минуту только замечает Грейджиус, что Криспаркль, который хотя слушает с видимым интересом о неожиданном появлении улики, так долго и терпеливо ожидаемой всеми ими, но что он бледен и, видимо, чем-то расстроен.

«Что с вами, дорогой сэр? – осведомляется Грейджиус. – Вы, по-видимому, не разделяете моего удовольствия насчёт приятной будущности, ожидающей наших двух молодых людей – Друда и Ландлесса?»

«Я именно и пришёл к вам с тою целью, – тихо произносит минор-канон, с грустью глядя на Грейджиуса, – чтобы уведомить вас, что молодому Ландлессу поздно бояться теперь живого человека, кто бы он ни был. Невиль Ландлесс умер!»

«Умер! – восклицает Грейджиус в невыразимом смятении. – Невиль Ландлесс умер? Но когда же?»

Мистер Криспаркль объясняет ему в нескольких словах всю только что произошедшую перед тем печальную сцену в доме мисс Кип, и на несколько минут между ними воцаряется глубокое молчание.

«Бедный молодой человек! – грустно произносит, наконец, Грейджиус с более выразительной печалью на лице, нежели возможно было бы ожидать от его неподвижной физиономии. – Я давно ожидал этой смерти, но никогда не предполагал, чтобы она застигла его так неожиданно. Эта смерть убьёт сестру его, я очень боюсь за неё. Невыразимо жалею о нём, как и сожалею также о том, что он не дожил до того дня, в который ожидало его такое справедливое, блестящее оправдание во взведённом на него преступлении. Да, бедному малому не видать более дня наказания врага его! Но мне лучше тотчас же отправиться и помочь бедной Розе... Кстати, – добавляет он, как бы вспомнив что, – как долго придётся нам ждать, чтобы окончить всю эту печальную церемонию похорон бедняги?»

«Пока нам будет необходимо похоронить его на время здесь. Дэтчери умолил – по каким-то известным ему одному причинам – Друда повременить ещё с открытием до Рождества, и нам лучше всем пока промолчать о смерти бедного Невиля. Кроме нас мало кто интересовался или знал его. Для избегания случайного открытия племянника своего Джаспером Друд переехал по настоятельной просьбе Дэтчери к Тартару, с которым я его познакомил. Он будет ждать здесь, недалеко от вас, чтобы минул ровно год со дня неудавшегося преступления. Какая тайна лежит между Дэтчери и Джаспером, что побуждает его к преследованию последнего и каким новым, неизвестным нам пока преступлением навлёк на себя негодяй эту страшную, неутомимую жажду мщения и ненависти со стороны этого незнакомца, вдруг явившегося так неожиданно между нами, этого я не знаю, а Дэтчери не желает сам открывать. Но я боюсь, сильно боюсь будущего... Страшный отчёт придётся отдать несчастному как Творцу его, так и людям!»

Грейджиус, обращаясь к Принцессе, всё время неподвижно сидевшей в углу до того, спрашивает её:

«Вы настаиваете на том, чтобы Джаспер был уличён и наказан?»

«Господь сохрани и помилуй нас, добрый сэр, неужто ждала я восемь лет в муках, голоде и холоде, чтобы отказаться теперь от этого счастливого дня?» – отвечает старуха, свирепо глядя на обоих.

«Хорошо! Стало быть, с вашей стороны не будет затруднения ехать тотчас же в Клоистергэм и ждать там терпеливо дня возмездия? Можете ли вы приготовиться сегодня же к вечеру?»

«Не много нужно времени такой, как я, старухе, чтобы приготовиться ехать, куда ни потребуют её, даже хоть на кладбище в гробу; скажите мне, когда мне следует ехать, и я готова хоть сейчас!»

Грейджиус, посоветовавшись в стороне от неё с минор-каноном, возвращается к Принцессе и уведомляет её, что она должна тотчас же идти домой и, захватив там всё нужное ей на несколько недель, ожидать в семь часов вечера на станции железной дороги минор-канона, который и отвезёт её сам в Клоистергэм с вечерним поездом, а что она проведёт эту ночь у мистера Криспаркля, но что на другое же утро он постарается найти для неё такую квартиру поблизости, в которой бы она могла оставаться, не привлекая на себе внимания музыкального учителя.

Принцесса, призвав ещё раз благословение небес на головы обоих джентльменов, выходит тотчас же из *П.Ж.Т.*, который, сияя для неё невидимыми для других словами, быть может: «Попался Же Ты!», заставляет её ещё раз в этот день оскалиться на них с зловещей радостью. Фантастическая её фигура исчезает за углом Степл-Инна в то самое время, как минор-канон со старым Грейджиусом печально направляются к дому, в котором проливаются в эту минуту столько горячих искренних слёз.

О! Когда прозрит, наконец, род человеческий? Когда освободится он от этой мучительной, добровольно принятой на себя слепоты? То знает только Тот, для Кого ничего нет скрытого в будущем! Но он недалёк, тот день. Мы это чувствуем – когда *смерть* переменит своё мрачное имя на земле на *возрождение* в Стране свободы и чистой любви, а рождение на земной планете назовётся *временной неволей* и станет встречаемо со слезами и сожалением!

Глава XL

Путешествие мистера Питера Пеккрафта в Клоистергэм. Эдвину Друду позволяют встать и объясниться

Для некоторых особ, которые, как улитки к раковинам своим, прилипают раз навсегда к обыденной, заведённой ими колее жизни, с которой они спадают только в открытую для них могилу, даже один день вынужденного отсутствия из дому считается ими за эпоху в жизни, от которой они поведут своё летосчисление ко всем менее достопримечательным происшествиям жизни их.

Для мистера Пеккрафта, двигающегося с давних лет по улиточному принципу, канун Рождества сделался днём, который приближался к нему под всевозможными неправдоподобными видами. Обещая Эдвину Друду явиться 24 декабря в «Крозгёр» и провести ночь в Клоистергэме, наш почтенный антикварий принёс себя этим обещанием положительно в жертву на алтарь дружбы.

Но время, невзирая на желание Пеккрафта остановить его течение, проходило своим порядком, и наступил, наконец, тот страшный для него день, когда он повторил себе с невыразимым ужасом:

«Завтра».

Пришёл и вечер, а за ним наступил и час вечернего чая у мисс Кип. Мистер Пеккрафт сел за своё обычное место у стола видимо в раздражённом состоянии духа и в первый раз в продолжение восемнадцати лет забыл приготовить себе методически и аккуратно четыре ломтика намазанного маслом хлеба. Нервно хлебал Пеккрафт свой чай, угрюмо раздумывая о неосторожности механиков по железным дорогам и о непрочности человеческой жизни. Неуверенность его в том, что увидит ли он ещё когда стоящий перед ним в эту минуту чайный стол, заставляет разгорячённое воображение старого джентльмена выдумывать нарочно для него самые ужасные картины. То видит он себя далеко летящим в самом раздробленном состоянии через деревья и дома и как бы выстрелянного в виде заряда из одного из вагонов вследствие разрыва котла, то замаскированные разбойники (история, слышанная им в детстве от пеккрафтской бабушки) нападают на мирный клоистергэмский омнибус и предают его лютой голодной смерти в одном из подземелий, окружающих все клоистергэмские жилища и о которых ему известно в силу любимой профессии антиквария... Ужас его при этой страшной картине доходит до такой высокой точки, что бедный мистер Пеккрафт под влиянием горестной рассеянности чуть не засовывает отрезанного им кусочка хлеба в рот мисс Кип, принимая её рот за свой собственный. Последняя эта странная ошибка так взволновала поэтическую хозяйку, приметившую с самого появления своего старого постояльца, что он чем-то расстроен, что она не может долее воздержаться и восклицает, горестно разглядывая своего верного жильца:

«Что приключилось с вами, ради Бога,
Зачем такой тоской горит ваше лицо?..
Ваш чай забыт, душевная тревога
Заставила вас сыпать сахар на яйцо!!»

Мистер Пеккрафт чувствует себя очень смущённым этим замечанием и, отвечая ей, просит не беспокоиться за него, добавляя, что, в сущности, ничего не случилось такого серьёзного, но что ему следует ехать назавтра в один соседний город и поэтому с непривычки подобное путешествие тревожит его.

Услыша эти слова, Кип поражена, как бы громовым ударом, и, безмолвно всплеснув руками, даже не находит рифмы в голове, но, устремив удивлённый взор в потолок, принимается сочувственно следить за замерзающей мухой. Так молча сидят они одни в этот вечер и молча расходятся.

На другое утро мистер Пеккрафт встаёт в обычный час с чувствами, весьма напоминающими[244] впечатления приговорённого к виселице преступника, ожидающего только появления шерифа, чтобы отправиться в вечность. С такими же чувствами садится он к завтраку и уходит в обычный час свой в лавку древностей, где и борется в продолжение многих часов с тайным желанием привести в порядок дела и написать своё духовное завещание. Молча и задумчиво прогуливается антикварий, пока в нём не является сильнейшего сожаления, зачем он не может занять место флегматически курящего турка, спокойно проводящего жизнь свою за дверью конторы, и послать этого восточного джентльмена на своё место к тому, что, по его мнению, начинает уже казаться ему неизбежной смертью. В первый раз в жизни своей он пропускает час второго завтрака, возбуждая этим необычайным поступком изумление автомата-приказчика, который следит за ним исподтишка.

Но наконец смеркается; колокол глухо пробивает четыре часа на ближайшей колокольне, и Пеккрафт, бросив последний взгляд на дорогие сердцу его древности, отправляется на железную дорогу.

Усевшись в вагон, нравственная пытка его увеличивается тем знаменательным обстоятельством, что некий весьма грязной наружности маленький джентльмен проворно юркает между собравшимися пассажирами на платформе, предлагая каждому из них билет от[245] Общества застрахования жизни, принадлежащего к той же Компании железной дороги, и смотрит на каждого из них с таким жалобным, сочувственным взглядом – как бы желает добавить после формального:

«Билет, сэр? Один шиллинг билет? В полкроны билет? – Не лучше ли, бедный, осуждённый на смерть друг мой, расстаться вам при жизни с шиллингом, чтоб получить после смерти несколько сот фунтов? Решитесь!»

По крайней мере, мистер Питер Пеккрафт ясно читает на лице грязного агента это дружеское предложение, поэтому сев в вагон, он тотчас же закрывает глаза, приготовляясь умереть в самом спокойном положении, и раскрывает их, только услышав, как поезд останавливается, а кондуктора кричат:

«Клоистергэмская станция!»

К удивлению его и неожиданной радости также благополучно достигает он в древнем омнибусе через полчаса времени[246] самого городка, в котором Джо высаживает его у подъезда «Крозгёра».

Через несколько минут названный им в гостинице Дэтчери является. Представившись ему, он ведёт его прямо наверх к знакомой нам двери в коридор и, открыв её, мистер Пеккрафт находит себя в присутствии совершенно незнакомого ему человека, очень смуглого и с чёрной повязкой на глазу.

«Надеюсь, мистер Пеккрафт, что вы не забыли Эдди», – говорит ему голос, напоминающий ему кого-то.

И смуглая рука протягивается к нему.

Бедный джентльмен чувствует себя совершенно растерянным. Он узнал голос, но не узнаёт говорящего с ним молодого человека. Смутное подозрение того, что он незаметно для самого себя был убит на железной дороге, заставляет его на минуту приписать всё происходящее перед ним за посмертные видения...

«Неужели же вы всё ещё не узнаёте меня?» – повторяет голос, снимая одним взмахом руки курчавый чёрный парик и чёрную повязку.

«Эдвин Друд! Молодой друг мой! – восклицает изумлённый джентльмен, разглядывая его и радушно пожимая протянутую руку. – Но к чему это переодевание?» – добавляет он, начиная злиться и уж решительно ничего не понимая.

«Сейчас всё узнаете. Потерпите немного», – смеясь, отвечает Эдвин.

«Теперь, когда вы смеётесь и сняли этот удивляющий меня парик, – медленно произносит недоумевающий джентльмен, – я узнаю вас ещё более по улыбке, столь схожей с улыбкой вашего отца... Но вы так сильно загорели, что даже теперь трудно ещё узнать вас».

---

[244] Далее зачёркнуто: ему.
[245] Далее зачёркнуто: за.
[246] Далее зачёркнуто: до.

«Позвольте мне оставить вас на несколько минут с приятелем моим, мистером Дэтчери. Мистер Дэтчери – мистер Пеккрафт», – представляя их обоюдно и пользуясь пожиманием рук, Эдвин исчезает.

Через несколько минут он возвращается, снова повергая почтенного Пеккрафта в такое же изумление. Перед ним стоит знакомый ему Эдвин; загар совершенно исчез, уступая обыкновенному белому и прекрасному цвету лица, а широкое старомодное пальто, которое висело на нём за несколько минут до того, представляя его толстым и неуклюжим, заменилось обычной ему одеждой.

«Господи, помилуй нас! – восклицает Пеккрафт, высоко подымая руки от удивления. – Должен ли я думать, что вы потеряли разум, Нэд, или же что я сам помешался?»

«Надеюсь, что оба пока находимся в здравом рассудке. Тем более что теперь ваш ум и здравый смысл нам более чем когда-либо необходим», – отвечает Эдвин, смеясь.

«Позвольте мне, – замечает Дэтчери, – объяснить вам всё непонятное для вас примером, сэр. Если бы трое нас, сидящих здесь, открыли бы какое-нибудь зловредное, хитрое животное, а во всех четырёх залах комнаты находилось бы по открытой двери, в чём бы мы более всего нуждались в случае, если бы пожелали поймать это животное, чтобы не выпустить его из комнаты?»

Мистер Пеккрафт мигом открывает себя ещё более в потёмках после такого ясно объяснённого примера, но, подумав, решается сказать:

«Четвёртого человека для четвёртой двери?»

«Изумительно верно, дорогой сэр! Так, так, – отвечает Дэтчери, потирая себе руки. – Вот поэтому-то и решились мы обеспокоить вас, сэр, просьбою присоединиться к нам».

Пеккрафт молча оглядывается кругом, как бы отыскивая четвёртого охотника, но, не видя никого, так же молча предаётся в руки судьбы.

«Четвёртый явится в своё время, дорогой мистер Пеккрафт», – успокаивает его Эдвин, заметив взгляд.

«Он тот, который первый открыл зверя. А зверь, – продолжает он, горько усмехнувшись, – мой любящий опекун и дядя, Джон Джаспер. Но так как я не желаю вас долее мучить, то тотчас же примусь за объяснение. Это довольно длинная история, приготовьтесь заранее к терпению... Дэтчери, заприте дверь на ключ, – продолжает он, усаживая Пеккрафта к камину и садясь возле него, – и остановите меня, если я что забуду.

В прошлое Рождество – ровно год тому назад – я приехал сюда, чтобы окончательно решить день свадьбы с Розою, – это вам было известно. Но не думаю, чтобы было столь же известно и то, что случилось со мною затем».

«К счастью своему и спокойствию, не знал, – прерывает Пеккрафт ворчливо, – и оплакивал вашу смерть только за несколько часов до получения от вас письма».

«Хотя мы искренне были привязаны друг к другу, но любви между нами не было, и Роза решила вместе со мною в последнем нашем свидании, что так как мы представили бы из себя весьма печальный образчик супружества, то лучше было нам разойтись друзьями».

Объяснив Пеккрафту все известные читателю обстоятельства, произошедшие перед Рождеством между им и Невилем, как и события, касающиеся до него лично в доме Джаспера, Эдвин продолжает:

«Наше примирение за ужином прошло благополучно, и Невиль и я искренне пожали друг другу руку. Джек оказался самым любезным хозяином, но одно любопытное, сделанное мною замечание в тот вечер объяснилось для меня гораздо позднее, всего несколько месяцев тому назад.

Я заметил, что в продолжение целого вечера он не спускал с меня глаз, и два или три раза я положительно уловил в этих опускающихся пред моими глазами взглядах что-то особенное, что поразило меня тогда же. Взгляд этот до такой степени стал тяготить меня, преследуя всюду, что я, наконец, сказал ему, полушутя и полусерьёзно: “Мой дорогой Джек, если бы я был женщиной, то, клянусь честью, подумал бы, что ты смертельно влюблён в меня!” Он засмеялся своим обычным нервным и прерывистым хохотом и спешил оправдаться тем, что так как я на другой день уезжаю, то он, быть может, не увидит меня долго. Оправдание было странное со стороны человека, который мог быть уверен видеть меня когда угодно, взяв на себя небольшой труд съездить в Лондон. Но я промолчал, почувствовав к нему какую-то странную неприязнь.

В полночь мы расстались с тем, чтобы прямо отправиться полюбоваться рекой в эту бурную ночь, так как Невиль уверял почему-то, что зрелище должно быть бесподобное.

Джек отказался идти с нами под тем предлогом, что очень устал и тотчас же отправится спать. Мы не настаивали и пошли одни.

Через полчаса, наболтавшись и налюбовавшись вдоволь рекой, мокрые и усталые, мы простились. Невиль Ландлесс пошёл к минор-канонскому дому, а я направился к себе. Дождь перестал, но ветер дул с силою урагана со стороны реки; чтобы сколько-нибудь предохраниться от него, я завязал большой фуляровый[247] платок вокруг головы и приподнял стоячий воротник от тёплого пальто вокруг шеи. Спеша домой, я шёл прямо, не глядя по сторонам, когда, поравнявшись с собором почти возле переулка, узкого и всегда тёмного даже днём, а в эту ночь особенно мрачного, сильный удар по голове ошеломил меня. То было мгновенное, быстрое, как молния, чувство сознания об этом ударе, потому что я тут же свалился на землю без чувств, не успев даже вскрикнуть. Как долго лежал я в этом состоянии – не знаю, но когда очнулся, то увидал себя в низкой четвероугольной комнате с каменными потолком и полом и такими же стенами; и на одну минуту так убедился, что лежу в гробу и склепе, что даже вид надетого на меня савана не удивил бы меня более, подтвердив во мне эту уверенность. Но не успел я пошевелиться, как знакомое лицо наклонилось надо мною, стараясь вложить мне горлышко бутылки между губ. Заметя во мне возвращающиеся признаки жизни, стоящий возле меня посоветовал мне “здоровее хлебнуть”. Глоток водки так подкрепил меня, что[248] через несколько минут я мог уже ясно отдать себе отчёт в полученном мною ударе, тем более что, желая повернуть к нему голову, почувствовал в ней такую сильную боль, что чуть было не потерял снова сознание. Оправившись, я увидал себя лежащим на полу с каким-то старым сюртуком под головою, бессмысленно глядя на старающегося привести в чувство товарища.

“Редко когда приходилось Дёрдльсу ухаживать *дохтуром* за своими “костлявыми”, – проворчала надо мною фигура. – Дёрдльс доселе являлся только после этих учёных джентльменов. Коли мне Бог поможет вас воскресить, так завтра же вывешу я вывеску над этой дверью: “Дёрдльс – гробокопатель, каменщик и дохтур”. Что, лучше, что ли, вам?”

Хотя я понимал всё сказанное им, но не мог ещё отвечать от слабости. Наконец, собравшись кое-как с силами, шёпотом спросил его, что всё это значит? Он поднёс указательный палец к моему лицу и стал медленно и выразительно трясти его над моим носом; окончив эту предварительную операцию, он сделал мне следующий странный вопрос:

“Помню ли я Джаспера?”

Конечно, я помнил его, не зная, почему бы мог забыть его. Я так и отвечал.

“Ладно, – говорит он мне, – так вот, через этого-то достойного джентльмена вы и здесь с проломанной головою”.

И принимаясь тут же за свою удивительную фразеологию, он рассказал мне в выражениях, которых я даже не стану пытаться передавать, как он нашёл меня лежащего, как показалось ему, совсем убитого, и что – страшно выговорить – убийца мой был человеком, которого дотоле я считал любящим меня искренне и сам любил его как родного брата.

«Но ради Бога? – восклицает Пеккрафт в невыразимом ужасе. – Кто же?.. Неужели...»

«Джон Джаспер – родной брат моей матери, дядя и опекун мой! – отвечает Эдвин, побледнев при этом воспоминании. – Оказалось, что Дёрдльс, – продолжает Эдвин, – который, как вы сами скоро убедитесь в этом, известен всему городу как чрезвычайно эксцентричная личность, имеет привычку проводить большую часть ночей своих на чистом воздухе. В эту самую ночь ему почему-то показалось, что ветер должен непременно сыграть какую-нибудь штуку со старой кафедральной башней; поэтому он решился караулить её. Усевшись спокойно за одним из больших памятников кладбища, он потерял всякое понятие о времени по его же собственному сознанию, так как вследствие холодного дождя и ветра слишком часто прибегал к согревающей его бутылке. Проснувшись, он хотел было уж встать, когда внимание его стало привлечено чьими-то быстрыми шагами и крадущейся вслед за прохожим тенью. Поравнявшись с тем местом, из-за которого выглядывал Дёрдльс, тень внезапно бросилась на прохожего и, повергнув его одним ударом на землю, за решёткой кладбища всё утихло. Первым движением Дёрдльса было бежать на

[247] Фуляр – тонкая, лёгкая и очень мягкая шёлковая или полотняного переплетения ткань.

[248] Далее зачёркнуто: я.

помощь, но он был остановлен непонятными ему движениями тени, поэтому притаившись ещё более, он стал приглядываться. Тень тащила быстро, но осторожно чьё-то тело к кладбищу; и прямо направившись к памятнику мистрис Сапсеа, отворила дверь гробницы ключом и, втащив туда тело, вышла оттуда и, заперев снова дверь, повернулась идти. Но как наказание Божье в эту самую минуту блеснула сильная зарница и, осветив всё лицо тени, Дёрдльс узнал в ней к ужасу своему регента Джона Джаспера! Собираясь уходить, Джаспер споткнулся и выронил при этом ключ; пошарив несколько минут по земле, он не нашёл его, так как каменщик услыхал несколько слов проклятия. Уходя, он обернулся ещё раз и, проходя в двух шагах от Дёрдльса, последний ясно услыхал следующие непонятные для него слова:

“Я предостерегал его, но он не послушал предостережения!”»

«Но ради самого неба! – восклицает Пеккрафт. – Разве мистер Джаспер с ума сошёл, что ли?»

«Терпение, сэр; сейчас всё объяснится вам, и вы поймёте.

Всего более удивило хладнокровного Дёрдльса то обстоятельство, каким образом мог Джаспер достать себе ключ от памятника, когда единственный существующий, по его мнению, ключ находился у него в эту минуту в кармане? Но будь сказано к чести достойного каменщика, эта забота тревожила его недолго, и он сосредоточил всё своё внимание на теле, задыхающемся в ту минуту в гробнице. Как только затихли вдали шаги Джаспера, он отпер, в свою очередь, гробницу и нашёл меня в ней бесчувственным. Он убедился тогда в той мысли, что регент хотел убить меня, и поэтому тотчас же решился перенести меня к себе и стараться спасти прежде всего, а уж затем предоставить всё дело мне одному. Вынося меня из склепа, он наступил и на ключ и припрятал его себе в карман. Вот всё, что узнал я от Дёрдльса в то время, так как впал в крепкий лихорадочный сон и проснулся только на другое утро.

Несмотря на свою слабость, я хотел одеться, но узнал к неприятному своему изумлению, что всё моё платье было снято с меня Джаспером в гробнице. О платье я не беспокоился, но зная, что в боковом кармане у меня лежал медальон с портретом Розы и чрезвычайно дорогое кольцо, которое я должен был возвратить тотчас же, вернувшись в Лондон, – потеря эта чрезвычайно взволновала меня.

Услыхав об этих вещах, Дёрдльс попросил меня посидеть пока спокойно взаперти, обещая принести мне платье моё, о котором также, по-видимому, знал кое-что.

Через полчаса он вернулся ворча и с очень мрачным лицом; платье он принёс, отыскав его чрезвычайно оригинальным образом, но драгоценности исчезли.

Вот что узнал я от него: у Дёрдльса по специально заключённому контракту находится в Клоистергэме ночная тень, некий мальчишка Депутат, специальная обязанность которого заключается в том, чтобы ходить за ним по пятам всякую ночь и загонять домой, когда тот пьян, что с ним случается регулярно всякий вечер. В ту самую ночь Депутат, рыская за ним по всем закоулкам минор-канонского угла, заметил Джаспера, которого он страшно ненавидит, отворяющего дверь монастырского подземелья и отправляющегося туда с фонарем. Убедившись, что он был один без Дёрдльса, этот мальчик с врождённой ему хитростью прокрался за ним в древние склепы, любопытствуя узнать цель такого путешествия; знакомый к тому же через дружбу свою с Дёрдльсом со всеми закоулками подземелья, Депутату нетрудно было следовать за Джаспером незамеченным и в отдалении. Должно быть, хорошо был он знаком с местностью и принял меры свои заранее, потому что, по словам мальчика, направлялся, не колеблясь, как “летящий кременёк”, и прямо вошёл в восточную часть склепов. Там, тщательно осмотревшись с фонарем и убедясь, вероятно, в глубине души, что за ним не следят, Джаспер раскопал кучу мусора и открыл один из склепов, вероятно, заранее замеченный им. Туда сложил он моё платье, вынув оттуда все вещи предварительно тому. Долго рассматривал он при свете фонаря портрет в медальоне и начал снова засыпать склеп. Но Депутат не ждал окончания работы, а удрал, боясь быть открытым им. Выбежав из склепов, мальчишка долго искал Дёрдльса, не подозревая, чтобы тот мог быть дома иначе, как загнанный по примеру рогатого скота и “подгоняемый камнями”. Но на заре прибежал к нему в его оригинальное жилище, куда Дёрдльс его не впустил, чтобы не выдать меня, но разузнал от него все обстоятельства на дворе. К счастью, в тот день было Рождество, и работники Дёрдльса не являлись целый день. Запретив мальчишке говорить кому бы то ни было о виденном им под угрозою смерти, Дёрдльс пошёл с ним в склепы и по указанию его

отыскал моё платье; ему чрезвычайно была неприятна та мысль, что я могу обвинить его друга и сподвижника в покраже вещей, но сам он был убеждён, что Депутат говорит правду. Узнав все эти обстоятельства, мне пришла мысль наказать Джаспера, которого я возненавидел с этой минуты за его лукавство, и, перехитрив его, заставить мучиться в тысячу раз более, нежели могло то сделать правосудие. Сообщив свой план Дёрдльсу, бешенство которого не знало границ за то, что Джаспер обесчестил "дома его костлявых" преступлением, я, по совету его, должен был поневоле открыться и Депутату, прежде чем тот услышит о моём исчезновении; под влиянием страха виселицы Депутат легко мог выдать тайну о виденном им в подземелье, несмотря на угрозы каменщика, а тогда весь план мщения моего рушился бы. И так, мальчишке объяснили, что следует, и восторг его был неописанный при той мысли, как он может насолить врагу "Джарсперу", если сумеет только молчать.

Цель моя была убедиться, во-первых, какая могла быть причина, заставившая Джаспера решиться на такое преступление в отношении меня. С другой стороны, я желал узнать, как примут мнимую смерть мою все друзья и знакомые; и, сознаюсь вам в том, моя хорошенькая кошечка, Роза, играла немалую роль в моём проекте. И так, решившись, я должен был стараться привести свой план в исполнение самым лучшим образом. Дело было трудное, так как единственными помощниками моими были Дёрдльс и уличный сорванец. Но последний оказался умнее всех нас. Ненависть его к Джасперу и врождённая дьявольская хитрость помогли нам как нельзя лучше. На его долю выпала обязанность наблюдать за Джаспером день и ночь. Переодевшись с помощью Дёрдльса, который обрезал мне волосы и превратил в каменщика, я в ту же ночь уехал с ним в Лондон, где, наняв комнату под чужим именем, оставался на попечении у доктора целых два месяца; во всё это время Дёрдльс регулярно навещал меня каждые два-три дня; эта философская личность, пользуясь во всём околотке славою величайшего оригинала, снуя и днём и ночью всюду, где собирались поговорить о моём таинственном исчезновении, делая вид, что ничем не интересуется, и слыша всё, передавала мне малейшие подробности о происходящем в Клоистергэме. Положительно можно было ручаться, с другой стороны, что Депутату оставались неизвестными одни лишь действия в собственной квартире Джаспера, так как он следил за ним как тень его. По выздоровлении своём я долго обдумывал, как бы мне так измениться, чтобы Джасперу невозможно было бы узнать меня. Наконец, я успел, и вы сами видели теперь, мистер Пеккрафт, удалось ли мне это переодевание», – добавляет Эдвин, весело смеясь.

«Действи-тель-но, – протягивает Пеккрафт, – но продолжайте».

«Приехав в Клоистергэм, я заперся в этой комнате и с тех пор мало выходил из неё. Таким образом я мог ближе наблюдать за моим угнетённым горем дядюшкой.

Вначале я было составил другой план, а именно, довериться опекуну Розы во всём и, быть может, также и минор-канону. Признаюсь, мне делалось скучно, и я готов был развязать Гордиев узел самым прозаическим образом, если бы Дёрдльс не останавливал меня почему-то. В один день, когда я приготовлялся, сорвав с себя парик, прямо идти к Джасперу и уличить его как негодяя, пришёл Дёрдльс и объявил мне, что в Клоистергэме поселился один джентльмен, который признался ему, что Джаспер погибнет лишь от его руки, и так как он доверился ему, Дёрдльсу, то Дёрдльс и не видал причины, почему бы ему и не возвратить его доверенности насчёт меня, так как "две головы всегда лучше одной", прибавлял он, а его голова годна лишь к беседе с бутылкой да с "костлявыми"; не дав мне времени опомниться, он ввёл в комнату этого джентльмена, моего лучшего друга!»

И Эдвин молча указал на Дэтчери.

«Я открыл мистеру Дэтчери все подробности, известные мне о Джаспере, а он, в свою очередь, доверив мне страшное, неисправимое зло, сделанное ему Джаспером, умолил меня пообождать с открытием ещё и, к удивлению моему, объяснил мне неизвестную мне самому причину ещё ненависти ко мне Джаспера.

Джон Джаспер любил Розу, невесту мою, не зная о решении нашем расторгнуть этот задуманный брак; для удовлетворения своей страсти он решился на преступление! Услышав это, я согласился на всё; не знаю почему, то, что казалось мне едва три месяца тому назад одною братской привязанностью, разгорелось при этом неожиданном известии в положительную сильную любовь. Я возненавидел Джека ещё более за это, узнав, как бежала бедная девочка из

Клоистергэма от страха к нему, по соображениям Дэтчери и из-за того, что он слыхал от минор-канона».

«Имела некоторое основание опасаться его, – замечает поражённый Пеккрафт, – если судить по случившемуся с нею несколько времени тому назад. Грейджиус назвал мне негодяя, узнав, что вы живы».

И раздражённый антикварий рассказывает историю о похищении маленькой Розы.

«Чудовище! Развращённый демон! – восклицает побледневший от ярости Эдвин. – О! Он ещё мало страдает! Я мог бы простить ему желание убить меня, но её – обесчестить несчастного ребёнка! Никогда не прощу я ему этого!»

«Успокойтесь, Эдвин, – хладнокровно перебивает его седовласый с лицом страшнее в спокойствии своём, нежели вся ярость молодого человека. – Час жатвы наступил! Он посеял, ему и пожинать. А вы, – продолжает он, обращаясь к Пеккрафту, – как вы чувствуете себя?»

«Я чувствую себя, – ответил задумчиво Пеккрафт, – что я брожу впотьмах, не быв в состоянии отдать себе отчёта, как может природа допускать себя до произведения подобных нравственных уродов? Я давно знаю Джаспера, с малых лет его, и отдаю себе теперь справедливость в том, что разгадал характер его вполне, когда он был ещё мальчиком».

«Как вы думаете, мистер Пеккрафт, – говорит Эдвин, – будет ли у вас довольно терпения выслушать ещё об одном достойном Джаспера поступке?»

Пеккрафт с раздражением наливает себе стакан принесённого Дэтчери вина и, залпом проглотив его, синеет от злости, отвечая:

«Полагаю, что если у меня хватило терпения выслушать то, что я слыхал от вас, то меня уж впредь ничего не может более удивить[249] со стороны этого человека».

В свою очередь, Дэтчери повторяет ему рассказ о своей жизни и о несчастной кончине сестры.

«Я посетил дом, в котором находится теперь её дитя, ещё вчера, желая заботиться о малютке, насколько будет мне то возможно. Но до сей поры не мог ещё решиться увидать её саму. Мне говорили люди, знавшие её мать, как удивительно она похожа на неё... И я не смею довериться самому себе; один взгляд на этого ребёнка, вероятно, был бы достаточен, чтобы заставить меня забыть все свои планы продолжительного мщения и разорвать чудовищного негодяя на мелкие куски!»

И, схватив стакан, Дэтчери давит его вдребезги в своей мощной руке.

«И весьма, весьма натурально, хотя, между нами сказать, это немного и кровожадные чувства, – ответствует мистер Пеккрафт примирительно. – Мало кто может извлечь себе пользы, взяв в собственные руки закон, принадлежащий одному легальному суду. Девять раз из десяти негодяй пользуется всей симпатией публики, а настоящая жертва осуждена и законом, и людьми».

«Неужели вы можете полагать, что в этом случае я стану ожидать законного суда, на который мне даже нечего и рассчитывать в подобном проступке, и оставлю этого негодяя на произвол судьбы?» – бешено восклицает Дэтчери.

«Мой дорогой сэр, – спокойно отвечает Пеккрафт, – я человек старый и придерживаюсь старых правил. По-моему, никто не должен брать на себя беззаконно роль палача. Может быть, я и ошибаюсь; в таком случае будьте так добры и позвольте узнать ваш собственный взгляд на предоставленное вам вместо закона право? Что вы намереваетесь сделать с Джаспером?»

«Я поклялся вырвать жизнь этого человека по кускам! – восклицает Дэтчери с таким внезапным порывом ярости, что оба собеседника его вздрагивают. – Пролить всю кровь его капля за каплей, и, клянусь небом, совершу всё это! Я удерживался доселе одной силой своей непреклонной воли, потому что желал умертвить его на медленном огне, мучить его с наслаждением, мало-помалу, как собака мучит крысу, попавшую под её власть, прежде чем убивает её последним[250] ударом!»

«Мистер Дэтчери! – сочувственно говорит Пеккрафт, и в голосе его слышится важная торжественность. – Я уважаю вас за подобную любовь к несчастной умершей сестре. Как сказал я вам и прежде, эти чувства естественны в вас в подобную минуту при воспоминании обо всём горе и бесчестии, которые понесла она через этого человека. Но когда ярость от этого воспоминания

[249] Далее зачёркнуто: впредь.
[250] Далее зачёркнуто: уда.

утихнет и вы поймёте, что кровь врага вашего, пролитая вашими честными руками, не воскресит сестры вашей и не поможет ей, но, напротив, брызнув на вас, запятнает самого навеки и приведёт лишь одного лишнего благородного человека на виселицу за убийство негодяя, то вы согласитесь со мною, что я прав, советуя вам предоставить Джаспера суду Божьему!»

«Простите меня, мистер Пеккрафт, – отвечает Дэтчери, взяв старика за руку и говоря тихо, но с горечью. – Простите меня, если я не успел сдержать чувств своих пред вами и оскорбил в вас понятие о законах божеских и людских. Я уверен в том, что вы мне желаете одного добра моего, но я не могу согласиться с вами в этом случае. Я должен отмстить за сестру мою собственными руками! Нет, нет, дорогое дитя моё, сирота, завещанная мне отцом нашим! – восклицает он, дрожа всем телом. – Я отомщу тому, кто погубил тебя! Памятью твоего детского личика, которое улыбалось мне из колыбели, памятью всей чистой, незапятнанной дотоле девичьей жизни твоей, памятью мученической смерти твоей *клянусь* в присутствии всего света, что этот человек умрёт лишь от моей руки, *если только Творец Вселенной не пошлет видимой преграды к тому*!»

Наступило мучительное мёртвое молчание. Эдвин сидел бледный как полотно, а мистер Пеккрафт упорно глядел на огонь, не подымая глаз и опираясь подбородком на набалдашник трости. Наконец, он прервал тяжёлую тишину следующими словами:

«Не стану долее противоречить вам, сэр; вижу ясно, что вы решились и что ничто не поколеблет вас, но я обязан – как честный человек,[251] как верный гражданин – предупредить вас, что торжественно отказываюсь помогать вам своим вмешательством в осуществлении подобного, извините меня, кровавого преступления!»

И, сурово нахмурив брови, старик берётся за шляпу, чтобы уйти.

«Вы ошибаетесь, сэр, – останавливает его Дэтчери, – я не прошу у вас помощи, как не прошу её и у никого другого; я совершу всё сам, один, как и давно решился. Наш друг Эдвин просил вас приехать по собственному, касающемуся до одного его делу, а я ожидаю лишь окончания его дела, чтобы покончить с своим. Я оставлю вас теперь наедине, и когда вы условитесь во всём, то я узнаю всё, что мне нужно знать, от него. Благодарю вас за добрый совет, сэр, искренне благодарю, но не могу бросить работу свою неоконченной. Я поклялся, и взять назад своей клятвы не в состоянии; надеюсь, что вы не измените моей доверенности».

«Будьте спокойны, сэр, – отвечает Пеккрафт. – Я никогда не повредю вам ни в чём».

Избегнув таким образом прямого обещания, старик прощается с ним и остаётся наедине с Эдвином Друдом.

Тогда молодой человек посвящает его в решённый ими заранее план. План этот был обдуман и условлен заранее на квартире у мистера Тартара в адмиральской каюте между Грейджиусом, минор-каноном и Эдвином. Мистеру Пеккрафту предстояла обязанность потребовать у Джаспера все бумаги и дела, касающиеся до опеки племянника, и, посвятив его в неприятную для него новость о том, что Эдвин неожиданно вернулся из страны Елисейских теней[252] и требует назад наследство, посоветовать ему как можно скорее исчезнуть из Клоистергэма. Последний совет, впрочем, Эдвин взял на себя без всякого предварительного совещания с друзьями, которые с нетерпением ожидали его ареста и ссылки на каторгу, и под влиянием только что произошедшей мучительной сцены со стороны Дэтчери.

Объяснив подробно все желания свои Пеккрафту, Эдвин снова идёт переодеться, в последний раз, а Пеккрафт отправляется в приготовленную ему комнату, так как было далеко за полночь.

Надев свой ночной колпак в этот вечер и залезая в постель, мистер Пеккрафт долго не может уснуть под влиянием всего слышанного, а когда сон явился и смыкает наконец вежды почтенного антиквария, не раз пугливо просыпается он, грезя, что видит толстого турка, убивающего Столопа чубуком алжирского дея, а что мисс Кип, схватив Джаспера за горло посреди вихря вагонов железной дороги, душит его, требуя немедля жениться на ней.

---

[251] Далее зачёркнуто: обязан.

[252] Элизий или Элисий, Элизиум (от *греч.* Ἠλύσιον πεδίον, Елисейские Поля) – в античной мифологии часть загробного мира, где царит вечная весна и где избранные герои и особо праведные люди проводят дни без печали и забот.

Глава XLI

Свидание с мистером Пеккрафтом заставляет Джаспера принять решение, а свидание Джаспера с мистером Фопперти изменяет оное

В этот самый вечер, в который происходила описанная нами в последней главе сцена в гостинице «Крозгёр», Джон Джаспер сидел один у себя с тяжёлым, мрачным на душе предчувствием, которое ему не удавалось отогнать от себя, как он ни старался.

Его частые поездки в Лондон давно уж прекратились, с тех самых пор как Роза успела ускользнуть из рук его. Визиты седовласого соседа сделались реже, и его племянник давно уехал куда-то, домой, к родным, как говорил Дэтчери. Минор-канон как будто избегал регента в последнее время, и несчастный дошёл до последнего предела мрачного, безвыходного отчаяния.

Но не раскаяние, не угрызения совести мучают его; нет, подобное чувство незнакомо его закалённой душе: горькое сожаление и дикое бешенство злобы овладевают им всё более и более по мере того, как в нём усиливается убеждение, что все преступления его оказались бесполезными.

Всё чаще прибегает он к курению опиума в последнее время, безусловно отдаваясь в распоряжение полуночных дружелюбных ему демонов усыпляющего дыма. Но он так свыкся с ними, что даже сами демоны в видениях его изменяются и смотрят на него с сатанински-злобными усмешками, приподымая завесу будущего. И таким образом страдания его удесятерились, а нервы так раздражены, что поневоле, думает он, возбуждают они в этой расшатанной системе нелепые предчувствия, в которые он не верит ещё. Но предчувствие продолжает овладевать им, усиливаясь и укрепляясь, как морской прилив, достигающий до последней черты, пока ему начинает казаться, что он весь охвачен огненным вихрем.

«Великий Боже! Неужели этим мучениям не будет конца? – восклицает он, вскакивая на ноги и пугливо озираясь, как бы боясь увидать страшный призрак. – Неужели в одной могиле найду я успокоение этому растерзанному телу и душевным мукам? Идиот! – продолжает он, презрительно глядя на собственное изображение в зеркале. – Джон Джаспер, ты, видно, жалкий трус, когда не в силах найти другого убежища кроме могилы!» Он останавливается и, схватив себя за голову обеими руками, пристально всматривается в зеркало, как бы стараясь отдать себе отчёт в чем-то ужасном; затем, дрожа всем телом, опрокидывается в кресло, закрывая себе лицо руками. «О, эта Тень! – шепчет он. – Она преследует меня и днём и ночью – хоть бы на несколько часов уснуть, но это невозможно!.. Я знаю, он жив – с тех пор как убедился я, что его тело исчезло из гробницы, иначе нельзя было бы понять этого страшного затишья со стороны правосудия. Но кто нашёл его, кто спас?.. Дёрдльс, он, он! Иначе и быть не может!.. О! Эта ужасная неизвестность будущего – она хуже смерти!»

Он впадает в глубокую задумчивость и затем снова шепчет:

«Завтра прощай навеки Клоистергэм! Почему не подумал я об этом раньше... Я могу переменить имя и жить ещё счастливо, далеко от этих мест и страшных воспоминаний... Но, – продолжает он, хватаясь снова за голову, – что это за странное ощущение овладевает мною по временам?.. Точно растопленным оловом шевелится во мне мозг! Не могу понять... верно, от бессонницы, – он смотрит на часы и продолжает. – Ровно полночь! Пойду, постараюсь уснуть».

Зажигая свечу, он тушит лампу и отправляется тихими шагами в спальную. Раздевшись, он бросается на постель, всё ещё закрывая себе лицо руками, и остаётся неподвижным. Час проходит за часом, но сон не является; он ворочается с боку на бок, и пот катится с него крупными каплями, в то время как он призывает всеми силами души своей рассвет другого дня, потому что тогда он чувствует, что уснёт. И так, с первыми лучами зари несчастный засыпает тяжёлым, непробудным сном и забывает на время страдание.

Рождественское утро рассветает над Клоистергэмом, рождественские праздники явились снова, и в это утро солнце ярко светит над старинными домами, рассыпая тысячи ослепительных блёсток по древним стенам кафедральной башни, окутанной в покрытый инеем плющ. Мороз

весело трещит под ногами жителей, и все жилища украшены зелёными ветками с горящими на них, как красные капли крови на солнце, ягодами[253].

Но измученный человек всё продолжает спать, правда, лихорадочным и беспокойным сном теперь, но всё же утешительным для него. Он спит и видит сон. Ему кажется, будто он стоит на бесконечной, освещённой луною поляне. Вдруг перед ним является отвратительная незнакомая ему Тварь, а под одним из крыльев Твари он видит спокойно спящего Эдвина Друда. В то время как он не может оторвать глаз своих от племянника, Тварь отворяет рот и сребристо-нежным, музыкальным голосом, поразительно противоречащим её ужасной наружности, говорит ему:

«Смотри не промахнись – раздави его до смерти. Один он лежит меж тобой и земным счастьем твоим».

И с этими словами Тварь подаёт ему смертоносную, со свинцовой оконечностью дубину, указывая на Эдвина. Он принимает дубину из рук Твари и одним взмахом убивает спящего. Бросив далеко от себя орудие смерти, он хочет бежать, но ноги его врастают в землю и корни их, вылезая на далёкое пространство, высовываются из-под земли, и на каждом из них является хохочущее, насмешливое лицо Дёрдльса и Депутата. Но хохот, ещё злобнее и ужаснее, раздаётся за спиной его, он оборачивается и видит, что Тварь превратилась в Дэтчери, а Эдвин ожил и смотрит на него грустными глазами.

С удушливым криком вскакивает Джаспер на постели, покрытый холодным потом, и трясясь как осиновый лист. Не успел он опомниться ещё, как кто-то стучится в дверь его.

Страшный испуг овладевает им в эту минуту; вся уверенность его исчезла и предчувствие, что этот ранний стук предвещает что-то недоброе, отымает у него последнюю бодрость. Поспешно одеваясь, он выходит на ступени, ведущие из его спальной в гостиную, и дрожащим голосом просит пообождать.

Кое-как одевшись, он отворяет дверь и видит перед собою Топа. Пономарь извиняется перед своим постояльцем, что потревожил его так рано, но оправдывается тем, что незнакомый ему джентльмен настаивал на том, чтобы тотчас видеться с мистером Джаспером.

Незнакомый джентльмен показывается из-за спины Топа и, кивнув головою регенту, входит без приглашения в комнату, бесцеремонно запирая за собою дверь в лицо любопытного мистера Топа.

Джаспер старается припомнить лицо его, но не может вспомнить.

«Я не сказал своего имени, – угрюмо начинает Пеккрафт, – любопытствуя узнать, догадаетесь ли вы, кто я, если вы меня не забыли ещё. Но я вижу, что вы не узнаёте меня, поэтому позвольте напомнить вам Питера Пеккрафта, старинного партнера отца Эдвина Друда, мужа вашей сестры».

Если бы Джон Джаспер мгновенно увидал обрушивающуюся на него старую башню, то он не более бы испугался, как в эту минуту, вспомнив о строгом, суровом старике, который с детства Джаспера умел читать насквозь в душе его.

«Посещение ваше, естественно, удивляет меня, – отвечает слабым голосом растерявшийся регент, – и я не придумаю, не могу понять причины оного...»

«Причина та, что я желал вас видеть наедине», – сухо объявляет Пеккрафт.

«Но как нашли вы мою квартиру?»

«Спросив о ней, вероятно, у тех, которым она была известна, – отрезывает антикварий и, не давая Джасперу времени ответить, продолжает. – Выслушайте меня внимательно с этой минуты, сэр, и прошу вас сделать мне честь не прерывать меня на некоторое время. Вы давно знаете меня, и с вашими рано развитыми в вас способностями к лукавству, вероятно, давно могли убедиться в том, что я человек прямой и не позволяющий себе говорить обиняками... Прошу вас ещё раз, не прерывайте меня, – продолжает он, заметя движение Джаспера заговорить, – дайте мне, прежде всего, высказать вам то, зачем я явился сюда к вам, а потом можете говорить сколько угодно».

Злобная улыбка раскрывает уста Джаспера, но он не говорит ни слова.

«Я не стану спрашивать вас, – продолжает спокойно Пеккрафт, – где сын умершего человека, который доверил его вам, передавая в ваши руки всякое будущее попечение о нём в продолжение малолетства этого единственного сына. Ваша обязанность была священнее всех

[253] Речь идёт о падубе остролистном или остролисте – традиционном рождественском растении в Британии, красные ягоды которого созревают зимой.

других обязанностей – ограждать его от всякого зла. Исполнили ли вы её? Про то ваше дело знать; я же не спрашиваю у вас ничего, желая избавить вас от лишнего греха солгать, отвечая мне, что вы не знаете, где Эдвин Друд».

Брови Джаспера хмурятся, и зловещий блеск освещает чёрные глаза, но он всё молчит,[254] нервно кусая до крови бледные губы.

«Нет, – продолжает Пеккрафт, – я не спрошу вас о том, что мне самому известно. Не прошло ещё и часу, как расстался я с Эдвином Друдом, он послал меня к вам».

Если бы мистер Питер Пеккрафт мог заранее разгадать, какой эффект[255] произведут эти последние слова, то, быть может, он и не выразил бы их так внезапно. Вспрыгнув со стула своего, как если бы пуля прострелила его прямо в сердце, Джаспер зашатался и схватился за спинку кресла, чтобы не упасть; дикими, помешанными глазами смотрит он на старика, силясь произнести что-то. Беззвучно шевелятся посиневшие губы, но ни одного слова не вылетает из них, и он снова падает на своё прежнее место. Наступила реакция; всё тело его дрожит, подёргиваясь конвульсивными движениями, лицо смертельно бледно и со страшным, болезненным стоном он закрывает лицо руками, произнося вслух, как бы забывая о присутствии постороннего свидетеля:

«О Боже, спаси меня! Худшие опасения мои сбылись; я погиб! погиб! погиб!»

Хладнокровно и сурово следит за всей этой сценой Питер Пеккрафт, и ни один мускул на этом строгом лице не выражает сочувствия.

«Я пришёл сюда, – начинает Пеккрафт после минутного молчания, – не для того, чтобы судить вас или укорять за всё зло и горе, причинённое вами в вашей преступной жизни живым и мёртвым, я предоставляю подобную обязанность вашей собственной совести, если есть она у вас. Нет, мой долг состоит в том, чтобы передать вам слова того, с которым вы так жестоко поступили. Он посылает меня к вам, к тому, кто хотел отнять у него молодую жизнь его, – забывая в христианском милосердии своём все преступления несчастного грешника, – дабы предупредить вас об угрожающей близкой к вам опасности и спасти вас, если ещё не поздно!»

Питер Пеккрафт умолкает, а Джаспер приподымает голову, как бы желая что-то спросить, но слова замирают на устах его и он молчит.

«Я желаю, – продолжает старый джентльмен, – окончить с вами как можно скорее все дела мои. Вот бумага в виде *кодицилла*[256] к духовному завещанию покойного Друда, предоставляющая мне право в случае, если вы окажетесь недостойным доверия, возложенного им на вас, потребовать от вас отчёта во всех ваших действиях касательно наследства питомца вашего, и принять все бумаги, которые будут находиться в вашем владении в то время. Спрашиваю вас теперь, Джон Джаспер, готовы ли вы, удовольствуясь одним судом моим с глазу на глаз с вами, передать мне эти бумаги, или же предпочитаете, чтобы я потребовал их от вас законным судом в силу находящейся у меня в эту минуту прибавки к духовному завещанию?»

Замечательно интересно было наблюдать за Джоном Джаспером с той самой минуты, как он услыхал от Пеккрафта готовность Эдвина простить ему попытку [покушения] на жизнь его. Быстро сообразив что-то в уме своём, он мгновенно успокоился, и лицо его приняло обыкновенный ему вид вызывающей дерзости. По-видимому, спокойный и снова уверенный в самом себе, выслушав желание Пеккрафта насчёт сдачи опекунских дел, он встаёт со своего места и, открыв стоящее в углу бюро и вынув оттуда большой запечатанный пакет, подаёт его старику с следующими небрежно произнесёнными словами:

«Вы найдёте в этом пакете всё, касающееся до требуемых вами дел, сэр; давно ожидая подобного визита, я тщательно привёл их в порядок и приготовил заранее».

Мистер Пеккрафт, распечатав бесцеремонно пакет, не заботясь о том, понравится ли такое недоверие с его стороны Джасперу, тщательно проверяет бумаги и, сложив их аккуратно, прячет к себе в карман.

Джон Джаспер хмурится, но не делает никакого замечания.

«Теперь обязанность моя здесь окончена, – говорит Пеккрафт, застёгивая пальто, – передав вам слова племянника вашего, внушённые ему, по-моему, памятью благородной матери его,

---

[254] Далее зачёркнуто: и.

[255] Далее зачёркнуто: он.

[256] Кодицилл – письменное дополнение к завещанию; завещательный инструмент, изменяющий или дополняющий существующее завещание.

вашей сестры, мне остаётся проститься с вами, удивляясь лишь одному, а именно благородству чувств этого молодого человека в отношении к преступному, недостойному дяде. Будь я на его месте, говорю откровенно, не стал бы ни минуты колебаться сослать вас в каторгу на целую вашу жизнь».

Это откровенное заявление задевает Джаспера за живое; выпрямившись во весь рост, он бросает дерзкий, вызывающий взгляд на старика и произносит с саркастической улыбкой:

«Не слишком ли вы спешите, мистер Пеккрафт? *Моё* преступление ещё не доказано».

Не обращая на него внимания, Пеккрафт продолжает:

«Вы жалки в глазах вашего племянника, потому что довольно уж сильно наказаны и так справедливой судьбою. Но он желает к тому же дать вам время раскаяться на этой земле за все те преступления, которые если и остаются иногда безнаказанными людским судом, но за которые пришлось бы отдать вам горький отчёт Тому, Кто будет судить всех нас за гробом, если бы вы искренне не покаялись в них теперь, когда ещё есть время».

Та же злобная, насмешливая улыбка порхает на крепко сжатых губах и не сходит с них. Заметя её, Пеккрафт продолжает ещё суровее:

«Я пришёл с тем, чтобы предостеречь вас в минуту смертельной опасности, чтоб посоветовать немедля спасаться бегством; уезжайте и сию же минуту как можно дальше, туда, где вас никто не знает; желаю вам от всей души покаяться и сделаться лучшим человеком. Предупреждаю вас, что если вы не послушаетесь меня теперь же, то будете умерщвлены до вечера».

Подобная угроза оказывается чем-то новым для Джаспера, непредвиденной в его программе опасностью. Недоверчиво взглянув на Пеккрафта, он произносит с презрительным смехом:

«Неужели вы принимаете меня за такого трусливого ребёнка, которого можно напугать подобными штуками?»

«Странно мне, – продолжает Пеккрафт так же сурово, но взглянув на Джаспера в свою очередь с презрительным сожалением, – что подобный вам человек, жизнь которого, полагаю, должна быть лучше известна самому ему, нежели всякому другому, так непоколебимо уверен в безнаказанности всех своих проступков. В последний раз говорю вам, выбирайте: или тотчас же ехать отсюда, не оглядываясь, или же оставаться здесь в полной уверенности, что завтрашнее солнце найдёт вас мёртвым!»

«Вы говорите загадками, сэр, – произносит Джаспер с небрежной аффектацией в голосе. – Позвольте полюбопытствовать, за какое это ужасное преступление хотят умертвить меня и кто?»

Нахальность этого вопроса и тон, которым он сделан, выказывая всю зачерствелость сердца преступника, возмущают до глубины души честную, прямую натуру Пеккрафта. Теряя всё хладнокровие, старик вскакивает со своего места и, становясь перед Джаспером, отвечает, глядя ему прямо в лицо, с чувством неподдельного омерзения в голосе:

«Джон Джаспер, я пришёл к вам сегодня с тем, чтобы спасти жизнь вашу и постараться, вместе с тем, спасти и душу вашу! Я твёрдо решился, направляясь сюда, сдержать в себе всё презрение, которое подымается во мне при одном взгляде на такого закоснелого преступника, как вы, но вы вызываете меня на откровенность, которая должна быть вам в высшей степени неприятной. Теперь же, с настоящей минуты, нахожу излишней предосторожностью щадить долее чувства ваши. Джон Джаспер, где Эдвин Друд?»

«Странный вопрос, – отвечает Джаспер с насмешливой улыбкой. – Кому лучше это знать, как не вам, которые только что расстались с ним, по-вашему?»

«И кому лучше знать, как не вам, Джон Джаспер, – восклицает старый джентльмен в совершенном бешенстве от такого возмутительного хладнокровия, – что если бы попытка ваша [покушения] на жизнь его удалась бы вам[257] прошлым Рождеством, то вы сидели бы теперь передо мною низким убийцей!»

«Лжец! – ревёт Джаспер, вскакивая и дрожа от ярости. – А-га! Я вижу теперь насквозь всё, затеянное между вами и моим драгоценным племянником! Всё это одна лишь клевета, низкий, чёрный против меня заговор потому только, что я открыл любовь свою к мисс Бёд, думая, – на что имел полное право, – что он бросил её и шатается где-нибудь по белому свету. Но вы заплатите

[257] Далее зачёркнуто: на.

мне вместе с ним за это оскорбление, сэр. Вы забываете, кажется, что против меня не существует ни малейшей улики в этом неудавшемся преступлении!»

«Что касается до относящегося ко мне лестного эпитета “лжец”, – отвечает старик, который успел вернуть к себе всё прежнее спокойствие, – то оно нисколько не оскорбляет меня, выходя из таких достойных уст, как ваши, сэр, и поэтому я отвечу вам только на последнюю замечательно уверенную фразу. Будьте уверены в том, что легче, чем вы предполагаете, могу я подтвердить всевозможными доказательствами, как и несомненными уликами, то, чем я назвал вас – убийцей!»

«Другая ложь! – восклицает Джаспер. – Ещё чернее первой!»

«И если понадобилось бы когда, – продолжает невозмутимо Пеккрафт, – другое и лучшее свидетельство в подтверждение сказанного, то стоило бы только обратиться к двум очевидцам вашего преступления и вы были бы несомненно сосланы в Ботани-Бей[258] на целую жизнь, и не ваша то вина, конечно, если Эдвин Друд жив и здоров в настоящую минуту. Несмотря на всю развращённость вашей души, он не может забыть, что в ваших жилах течёт[259] частица крови его родной матери. Но если он великодушно прощает вам ваше преступление, то не так-то легко забыть другим подобные обиды. Берегитесь, Джон Джаспер, брат той несчастной девушки, которую вы так бесчестно обольстили и бросили на произвол судьбы с ребёнком вашим, брат её ближе к вам, чем вы подозреваете!»

И старый джентльмен, боясь выдать Дэтчери в своём желании спасти нераскаявшегося грешника, торопливо берётся за шляпу и направляется к двери.

«Замечательно плодотворное воображение у вас, сэр! – насмешливо произносит ему вслед Джаспер. – И я преклоняюсь перед ним!»

Взявшись за замок, Пеккрафт ещё раз оборачивается и произносит торжественным голосом:

«Невзирая на всю вашу неслыханную дерзость, я не могу оставить вас, не сказав вам ещё раз: “Берегитесь!” Вы не можете спасти вашу жизнь иначе, как бежав немедленно из этого города и как можно далее. Несчастный! – добавляет старик внушительным тоном сожаления. – Поспешите, или через час, быть может, через несколько минут, брат обесчещенной вами жертвы, брат Бесси Трендерс, многие уж месяцы неусыпно следящий за вашими шагами, явится перед вами, потребовав от вас страшного отчёта; и тогда – да поможет Господь Бог злополучному грешнику!»

Он уходит, оставляя Джона Джаспера с лицом ещё бледнее прежнего. Теперь он понял всё; и, тупо устремив взор на запершуюся за Пеккрафтом дверь, повторяет его последние слова:

«Да поможет Господь Бог злополучному грешнику!»

Он медленно подымается со своего места, повторяя как бы во сне эту поразившую его фразу. Взглянув на часы, он находит, что уже время отправляться на утреннюю службу в собор. Машинально двигается он по комнате и так же машинально приготовляется уходить. Мысли его как бы мгновенно разлетелись, оставив одну пустоту вместо мозга. Привычка заставляет собирать нужные ноты для рождественской обедни, и он собирает их. Вдруг снова раздаётся в двери стук. Джаспер вздрагивает и в одну секунду к нему возвращается всё сознание опасности. Как дрожит и бледнеет теперь этот низкий трус! Куда девались вся уверенность и хитрость его? Он останавливается на пороге спальни, колеблясь, отворить ли ему дверь или бежать... Что если это брат её?.. Но он слышит затем голос Топа, который зовет его из-за двери, и спешит отворить ему, прося войти. Но Топ, не подымая глаз на него, вручает ему письмо и, молча раскланявшись, поспешно уходит. Дойдя до поворота лестницы, пономарь любопытно оглядывается. Джаспер всё ещё стоит на пороге отпертой двери, стараясь узнать почерк по подписи письма, а мистер Топ, моргая издали на музыкального учителя, идёт далее и, грустно кивая самому себе головой, держит также самому себе следующую речь:

«Что всё это значит, я уж и не пытаюсь более понять. Мне отдано приказание не впускать его более в собор, поэтому надеюсь, что он не станет стараться удостовериться, исполняю ли я приказания старших. Тяжёлая, очень тяжёлая обязанность пономаря, тем более в отношении таких друзей, как мистер Джаспер! Только что всё это может значить?»

Между тем, Джаспер, вернувшись к себе и заперев дверь на ключ, решается распечатать записку и читает:

---

[258] Ботани-Бей (*англ.* Botany Bay) – ссылка, каторга, каторжные работы; выражение происходит от названия австралийской бухты в Новом Южном Уэльсе, служившей местом ссылки.

[259] Далее зачёркнуто: та.

«Мистеру Д.Джасперу, регенту.

Сэр,

Обязанность моя заставляет меня, следуя в этом совету декана, предупредить Вас, что вы должны сегодня же отказаться от вашего места регента хора в Клоистергэмском соборе и, получив всё следующее Вам жалование, искать чего-нибудь другого, и советую Вам – в другом городе. Покорнейше прошу прислать пономаря Топа за следуемой Вам суммою. Я положительно должен отказаться от всякого личного свидания.

Септимус Криспаркль,

минор-канон Клоистергэмского собора».

Неужели дошло до этого? Сам минор-канон пишет ему такую записку? Точно, это его собственный почерк, печать и подпись! Как громом поражённый, Джаспер сидит неподвижно, не имея силы даже думать. Но вот ему слышатся снова шаги в отдалении, и он с испугом вскакивает, прислушиваясь к ним с замирающим от ужаса сердцем... Решено! Он должен немедленно бежать!

Поспешно написав несколько распоряжений для мистрис Топ на лоскутке бумаги, он быстро собирает несколько необходимых ему вещей и, уложив всё в беспорядке в небольшой саквояж, кладёт записку к хозяйке на видном месте и сходит из спальни вниз, в гостиную. Проходя мимо портрета Розы, он бросает на неё невыразимый взгляд любви, и ненависти, и отчаяния – всё вместе, и выходит из жилища, в котором оставляет столько неизгладимых следов преступных надежд и горького страдания, но ни малейшего следа очистительного раскаяния или угрызений совести.

Он сходит в переулок задним крыльцом, направляясь осторожными, неслышными шагами, чтобы не возбудить подозрения в соседях по квартире. Дойдя до калитки, он свёртывает к реке, желая добраться до железной дороги пешком, боясь погони, если узнают, что он уехал в дилижансе.

Он осматривается ежеминутно по сторонам, со страхом озираясь и дрожа встретить брата той, которую ненавидит теперь всеми силами души своей, проклиная даже память умершей.

На пути своём он встречается со многими из жителей, которые весело разгуливают, пользуясь праздничным весёлым днём, и ему кажется, будто все они отворачиваются от него и избегают, как бы боясь, чтобы он не прикоснулся к ним нечаянно. Он приписывает это воображению и раза два поворачивается, чтобы посмотреть им вслед, находя всякий раз, что и они остановились также и со странным на лицах выражением глядят ему также вслед. По дороге он встречает группу, внимательно слушающую рассказ стоящего между ними Дёрдльса. Джаспер кивает ему дружески головою, стараясь казаться развязным, но каменщик, взглянув ему прямо в лицо, молча повёртывается к нему спиной, а прочие отшатываются боязливо в сторону.

«Так вот оно что! – глухо и злобно ворчит Джаспер. – Он явился и теперь уж нечего скрываться... Странно, как неотвязно звучит у меня в ушах эта фраза: “Да поможет Господь Бог злополучному грешнику!” Фу! Как это глупо!.. Я, должно быть, ослаб от всех этих волнений... Довольно, передо мною ещё целый свет впереди!»

Дойдя до реки, тихо катящей свои холодные тёмные волны, он останавливается. Им овладевает непонятное желание взглянуть ещё раз на старый собор и на этот тихий древний городок, которых он более уж никогда не увидит. Он кладёт саквояж на мёрзлый дёрн и, сложив накрест руки, неподвижно стоит на одном месте, вперив глаза на расстилающуюся перед ним картину...

Тяжёлая рука опускается к нему на плечо; так внезапно в нём чувство испуга, что, не смея повернуть головы, он испускает невольный крик ужаса и удивления. Но тут же мгновенно оправившись, он оборачивается и смеётся над своим ребяческим страхом, узнав Фопперти.

«Как вы испугали меня, Фопперти! Я не слыхал ваших шагов, задумавшись. Я уезжаю на несколько дней и остановился полюбоваться рекой...»

Но Фопперти не отвечает ему. Лицо его угрюмо и бледно, а чёрные ввалившиеся глаза недружелюбно смотрят на Джаспера.

«Что с вами? – продолжает Джаспер. – Вы как будто нездоровы. Как поживает Бесси?»

«Вы не должны уезжать ещё пока из Клоистергэма, – отвечает ему Фопперти решительно. – Я искал вас, мистер Джаспер, всюду. Вы пойдёте со мной к кой-кому, кто желает поглядеть на вас». Произнеся эти слова, гигант кладёт ему на плечо свою мохнатую лапу, а другой берёт под руку как бы в подкрепление аргумента.

«Но к кому ведёте вы меня?» – бормочет Джаспер, страшно бледнея.

«К Бесси. Она больна и умирает; она желает видеть вас, поэтому, чего *дитё* желает, того и я желаю. Вы пойдёте!»

«Но какую же пользу принесу я ей?.. Ведь за ней ухаживает ваша мать!.. Мне некогда, я спешу... Я вернусь завтра вечером и увижу её».

И Джаспер под влиянием непонятного предчувствия дрожит с головы до ног и старается вырвать руку.

Но ему не так-то легко сладить с Фопперти.

С ужасным проклятием, не выпуская Джаспера из рук, Фопперти объявляет ему, что он (Джаспер) сию же благословенную минуточку пойдёт с ним к ребёнку или что он (Фопперти) в следующую же благословенную минуточку так исковеркает его (Джона Джаспера), что сама его родная мать не узнает, коли эта почтенная леди ещё жива.

Не желая навлекать на себя опасности подобной неприятной операции, пойманный в ловушку музыкальный учитель принимает отчаянное решение и соглашается идти. Таким образом возвращаются они по городу, Фопперти важно ведя Джаспера за руку, как деревенский полисмен пойманного вора. Много окон отворяется вслед за ними и много удивлённых голов высовываются, чтобы посмотреть на них, не понимая, что значит это необычайное шествие. Подходя к калитке дома Бробите, Джаспер с холодеющей в жилах кровью замечает стоящего через дорогу со сложенными на груди руками седовласого Дэтчери. Возле него стоит Джо Слоджерс, повернувшись к регенту спиною, и с жаром говорит что-то тихо холостяку. Быстрее молнии мелькает в уме Джаспера всё случившееся в последние месяцы и отношение его к незнакомому, так неожиданно явившемуся между ними переселенцу… и тайный голос нашёптывает ему, что перед ним стоит брат умершей!.. Поравнявшись с холостяком, глаза последнего устремляются молча на регента[260], притягивая к себе взоры Джаспера какой-то магнетической силой, и в этом неподвижном взгляде он прочитывает свой смертный приговор!

[260] Далее зачёркнуто: и.

Глава XLII

Заря для других, для Джаспера ночь

Оставив так бесцеремонно после смерти бедного Невиля всех наших действующих лиц, вернёмся на несколько минут назад ради некоторых необходимых объяснений.

Решась вернуться после смерти молодого человека немедленно в Клоистергэм, добрый минор-канон был так поражён страшным отчаянием Елены, что серьёзно стал раздумывать о необходимых сильных мерах, которые следовало принять для отвращения другого несчастья. Хорошо знакомый с подобными впечатлительными натурами, он тотчас же, посоветовавшись с доктором, который приходил навестить Невиля в день смерти его, и действуя по его совету, решился увезти Елену подальше от знакомой обыденной обстановки, так напоминающей ей потерянного брата.

Если сердечные чувства мистера Криспаркля оставались неразгаданными для него доселе, то зато уж теперь он ясно читал в своём честном сердце. Сердце это принадлежало всецело чудной красавице; мягкосердный каноник убедился в этом вне всякого сомнения, в то время как бледное цыганское лицо девушки лежало на руках его, переносимое из комнаты, где только что поселилась непрошеная гостья, которая подмела неумолимой косой своей юную жизнь, приготовляя из будущего праха одну лишнюю соломинку в стоге сена для грядущих поколений. Он убедился в этом по биению собственного замирающего тоскою сердца, которое приостанавливалось и замирало [вместе] с её сердцем и снова начинало трепетать, когда она стала приходить в чувство. Так громко заявило о себе это чувство, распустившееся среди мглы и печали первых ужасных минут, как заявляет о себе яркий свет, являющийся посреди мрака и который остался бы незамеченным, быть может, утопая в волнах сияющего дня.

Всецело поглощённый мыслями своими об убитой горем девушке, минор-канон совсем было позабыл о назначенном свидании своём на вокзале железной дороги с Принцессой Курилкой. Он вспомнил о ней лишь садясь в вагон и услыша возле себя дребезжащий голос старухи, который приветствовал его словами:

«Добрый вечер вашему преподобию!»

Поспешив усадить её возле себя, он спросил немного сконфуженный:

«Вы долго ждали, моя милая?»

«Добрых часа два, ваше преподобие, но это ничего не значит; я готова была ждать даже целую неделю, и тогда бы ещё всё не устала от одной радости, что вот-вот приближается благословенная та минута, что рассчитаюсь я с этим чёртовым сыном, прося прощения у вашего преподобия, что упоминаю о его отце при вас».

Помолчав немного, минор-канон снова заговорил с нею:

«Меня удивляет, признаться[261], одно с вашей стороны, моя милая, как это вы могли так долго ждать и не приняли с первых же дней каких-нибудь мер к наказанию его? Я говорю о законных мерах. Полно, уверены ли вы в том, что не ошибаетесь, принимая его за другого? Джаспер ли погубил вашу дочь?»

«Благослови и люби вас Бог, преподобный ягнёночек, – восклицает она, – да неужели могу я ошибаться, примером сказать, в вас, которого и меньше знаю, чем того? Ошибаюсь! Да разве я для того хоронила в старом сердце своём проклятый образ его в продолжение целых восьми годов, чтобы позабыть его? Нет, нет! я не забыла его и не ошибаюсь в нём, и он сам убедится в том очень скоро, хотя и не узнало меня *его* аспидное сердце! Да правду сказать, я и сама не узнала бы себя, коли перемена не происходила бы во мне на собственных глазах. Да одна из рук моих, что теперь скелет скелетом, – продолжает старуха, протягивая высохшую, морщинистую руку, напоминающую гнилой сучок дерева, – была в то время толще всего бедного тела моего теперь!»

Погружённый в собственные печальные мысли, Криспаркль почти не слыхал её болтовни. Согласясь с Грейджиусом в том, что старуха окажется главным свидетелем в уличении Джаспера, он не противоречил ей, когда та заранее наслаждалась, сопровождая замечания свои злобным

[261] Далее зачёркнуто: сказать.

хохотом – восторженной перспективой самых фантастических средневековых мучений и пыток, которые она выдумывала в распалённом воображении своём для Джаспера.

«Вам кажется чудны̀м, не правда ли, – продолжала Принцесса, подъезжая к Клоистергэму, – что я не требовала его в суд за погибель моей бедной Бесси? Но наказание, которое я желала для него, закон не мог бы дать мне. Да когда бы я только думала теперь, что закон возьмёт его из моих рук да сам накажет, то я бы сейчас же пешком вернулась назад в Лондон да опять бы засела в своём углу ещё на другие восемь лет, ожидая терпеливо случая доконать его собственными руками! Не мешайте мне, молю вас Христом Богом о том, дорогой сэр! Не старайтесь спасти его теперь, когда я добрела почти что до цели старой жизни своей. Не пугайте старуху тем, что может он ещё выкрутится! Не то лучше мне сейчас же живой лечь в могилу!»

Рассеянно уверил её минор-канон, что ей нечего бояться, и, приехав в Клоистергэм поздно вечером, он тотчас же отправился с нею к себе домой.

Если бы настоящее дрезденское украшение в виде фарфоровой пастушки было бы нечаянно окроплено водою, то оно не могло бы представить из себя более изящного вида, и капли воды не были бы прозрачнее капель слёз, оросивших доброе личико мистрис Криспаркль при внезапном известии о смерти Невиля. Но слёзы эти были искреннее и горячее самой чистой воды, вот почему Септимус ещё нежнее обыкновенного прижал сочувственную пастушку к своему огорчённому сердцу и долго целовал её добрые, заплаканные глазки, говоря ей о горе Елены.

«Бедное, бедное дитя! – вздыхала пастушка. – Надеюсь, она вынесет это тяжёлое испытание! Знаешь ли что, Септ? Нельзя ли её перевезти сюда? Хотя на время... Несчастная девочка, мне её так жаль, так жаль. Я постараюсь, чтобы она нашла во мне мать на это время, мне так хотелось бы её утешить! Что ты скажешь на это, Септ?»

Предложение доброй старой леди быть матерью для бедной Елены находит готовый отголосок в сердце минор-канона, мысли которого перескакивают немедленно через неизвестное ещё ему пространство времени и останавливаются невольно на счастливой картине возможного будущего.

«Предложение достойное моей милой ма, и я могу только сказать одно, что если не могу ни любить, ни уважать её более чем уважаю и люблю теперь, то, по крайней мере, имею право ещё крепче расцеловать её за эту готовность утешить бедную, несчастную сироту. Всё будет сделано по вашему желанию, дорогая моя ма», – прибавляет Септимус с маленькой, естественной в влюблённых джентльменах хитростью.

Рассказав ей в нескольких словах о плане, составленном им с Грейджиусом насчёт Принцессы Курилки, которая, ожидая во время этого разговора в полуосвещённой приёмной, наслаждалась приятным препровождением времени в безмолвной, но выразительной пантомиме кулаков по направлению дома у калитки, Криспаркль попросил мать отдать приказание служанке, чтобы отвести старуху в верхнюю комнату и уложить её покойнее на эту ночь. Затем, обещав дополнить объяснения к своему рассказу на другое утро, минор уговаривает пастушку лечь спать и отправляется сам на покой.

Два или три часа сна совершенно освежают Криспаркля. Встав с ласточкой, он спешит окунуться в глубоких водах маленького залива, и, лёжа на спине на мягких голубых волнах, задумывается о том холодном зимнем утре, когда, увлекаемый непонятным предчувствием, он так странно нашёл часы, принадлежащие убитому, по его мнению в те дни, Эдвину. Вся честная, благородная душа минор-канона возмущается при этом воспоминании, и в первый раз в жизни ненависть и презрение преодолевают в его чистом сердце лучшие чувства. Выйдя из воды, он одевается и прямо идёт к дому у калитки. В боязни своей встретить Джаспера и найтись вынужденным заговорить с ним заставляют его сделать большой крюк, и он, спеша через задние переулки к обители Топов, входит, не оглядываясь, в комнату Дэтчери.

Он находит седовласого, по обыкновению своему, одного, с тех пор как племянник его исчез неизвестно куда. Находясь не в состоянии отдать себе правдоподобного отчёта в таинственных действиях оригинального холостяка касательно Джаспера,[262] Криспаркль инстинктивно понимает, что не одно эксцентричное желание вывести негодяя на чистую воду заставляет Дэтчери преследовать регента. Но он уважает эту тайну и с каждым днём всё более начинает уважать и

[262] Далее зачёркнуто: о.

героя оной. Приязненные отношения окрепли, и теперь минор-канон спешит к нему, чтобы посоветоваться насчёт временного помещения Принцессы.

Узнав о смерти Невиля, Дэтчери искренне сочувствует горю Криспаркля, но разговор продолжается на эту тему недолго, так как решив общим мнением, что лучше скрыть на время эту преждевременную смерть от Джаспера, если то возможно, и перевезти так же тайно на несколько недель Розу и Елену в Клоистергэм или – что ещё лучше – отправить их на несколько недель с доброй пастушкой на воды куда-нибудь подальше, Криспаркль тотчас же приступает к цели посещения своего – о распоряжениях касательно мстительной старухи.

Узнав, что Принцесса, при имени которой Дэтчери почему-то изменяется в лице, желает скрываться в доме у Педларов, где, по её словам, живёт близкая ей по родству девочка, холостяк, объяснив минор-канону, что ребёнок давно уже взят на воспитание неким Бробите, предлагает поговорить с этим старым джентльменом насчёт временного приюта для старухи, и, попросив Криспаркля пообождать, изъявляет желание сходить тотчас же к брату покойной супруги великого ума.

Но бедный, добросердечный минор-канон так пугается одной мысли остаться под одной кровлей с регентом, прерывистые шаги которого глухо раздаются над их головами, что Дэтчери изменяет свой план и предлагает пойти вместе к Бробите, завернув по дороге к дому Криспаркля, чтобы предупредить Курилку о том и послать её вслед за ними к этому джентльмену.

Последний план приводится немедленно в исполнение. После секретного совещания с мистрис Криспаркль, цель которого состоит в просьбе Септимуса у дорогой его ма дара для оборванной Принцессы в виде одного из «самых старых» пастушечьих костюмов её, опасаясь, что иначе «её высочество» может привлечь на себя внимание Джаспера, мистрис Криспаркль, у которой, по собственному выражению, «мозг начинает приходить в жидкое состояние» от всех этих непонятных для неё совещаний и тайн, немедля отправляется в свою комнату, и тотчас же весь дом наполняется ароматами душистых трав от некоего отворённого гардероба. Через несколько минут Принцесса призывается к минор-канону, который со сконфуженным выражением в лице просит её не обижаться, но в видах общего блага и удовлетворительнейшего приведения в исполнение задуманного плана – переменить свой несколько помятый и слишком памятный для всех наряд на это старое, но более чистое платье. Платье, которое оказалось старым разве только в фарфоровом пастушьем воображении, принимается Принцессой беспрекословно и тотчас же надето сверх собственного одеяния, но её высочество положительно бунтуется касательно всякой перемены в «куафюре»[263] и наотрез отказывается расстаться с приросшей как бы к голове старой шляпой.

«Нет, нет, ягнёночки, – говорит она жалобно, – не заставляйте бедную старуху расстаться с тем, в чём лежит вся сила её последнего мозга. Без шляпы своей я стала б чувствовать себя как без головы. Я накину на неё платок, идучи, и никто не узнает меня».

Криспаркль и Дэтчери принуждены уступить, чтобы не терять времени. Впрочем, последний мало мешался в это дело, так как в продолжение всего разговора он был чрезвычайно заинтересован посторонним зрелищем в окошке; это зрелище привлекло даже столь пристальное с его стороны внимание, что, когда он обернулся[264] выходить,[265] глаза его видимо покраснели от напряжения, к которому он был вынужден [прибегнуть], чтобы удобнее следить за освещёнными солнцем предметами.

Почтенный Бробите с удовольствием согласился оказать им эту услугу, тем более что он подозревал, что то была та самая старуха, навестившая Педларов и о которой ему рассказывала маленькая Бесси, прибавляя, что она очень желала бы видеть её ещё, так как та знала «её маму».

Представив Бробите явившуюся скоро вслед за ними Принцессу, которая сильно напоминала в своём шёлковом платье и громадной коленкоровой шляпке старомодную бричку с шёлковыми новыми занавесками, восхищённые успехом оба джентльмена простились с дядей Солем и разошлись у выхода.

---

[263] головном уборе (*устар., фр.* coiffure).
[264] Далее зачёркнуто: чтобы.
[265] Далее зачёркнуто: его.

Не теряя времени, Септимус снова бросился домой и счёл первым долгом, после предварительных обниманий и поцелуев, повергнуть добрую старую леди в новое неописанное смятение.

«Милая, дорогая ма, – говорит он ей, – нам надо будет на время расстаться!»

«Расстаться, Септ?» – восклицает хорошенькая старушка, широко раскрывая на сына свои блестящие глазки.

«Только на месяц, не более, дорогая моя мать, только на месяц, не более», – отвечает Септимус утешительно.

«Но во имя всего удивительного на свете, Септ, что может ещё значить эта новая затея?» – спрашивает изумлённая леди, кидая вокруг себя беспомощные взгляды.

Криспаркль решается, наконец, посвятить её во все так долго скрываемые от неё тайны. Он объясняет ей, почему в видах достижения наказания, которое оказалось бы достойным преступного Джаспера, им необходимо скрыть на время смерть Невиля и удалить с места печального происшествия Елену (имя которой он произносит заикаясь и краснея) и Розу. Но так как трудно было бы скрыть их присутствие и траур бедной девушки от зорких глаз регента, то лучше всего было бы, если бы дорогая его мать согласилась съездить на воды куда-нибудь поблизости, куда он (Септимус) мог бы ездить каждую неделю, чтоб навещать свою милую ма, и (тут ещё раз заикнувшись) Криспаркль начинает расправлять вовсе не нуждающиеся в поправке ленты на хорошеньком фарфоровом чепчике.

«Но, – замечает мистрис Криспаркль, видимо, внушённая силою своей собственной женской логики, – если этот ужасный регент наделал столько – оставь и не мни мне чепчика, Септ, – наделал столько преступлений, почему же его просто сейчас не повесят, зачем принимать столько хлопот и предосторожностей против него?»

«Милая ма, необходимо уличить его сперва, а затем уж приступать к последнему процессу, – снисходительно отвечает Септимус. – К тому же Эдвин, слава Богу, жив, и поэтому Джаспера невозможно повесить. Но мы твёрдо решились преследовать его законным судом за все его преступные действия».

«Но ведь улика существует, и достаточная, по-твоему, чтобы доказать эти преступные действия. Так почему же медлить? Зачем не выходит Эдвин прямо и честно заявить свои права?»

Этот последний аргумент, видимо, выбивает Криспаркля из стремян. Не зная ровно ничего о намерениях Дэтчери, он не может поэтому сообщить их своей неумолимой логичной пастушке. Но так как он дал слово Эдвину Друду соображаться с желаниями Дэтчери, то, в силу данного обещания, кончает тем, что выходит победителем из борьбы и заставляет мать торжественно пообещать, что [она] будет готова к следующему вечеру уехать с Еленой и Розою.

Часто и тяжело вздыхает слабая пастушка, но материнская любовь превозмогает, и она решается уступить.

Восхищённый минор-канон, расцеловав мать, насилу может дождаться завтрака в своём нетерпении вернуться в Лондон, чтоб приготовить Розу и… и… Елену (он даже в мыслях своих заикается, выговаривая её имя) к этой перемене.

К вечеру того же дня, повидавшись с угловатым другом своим, он отправляется к мисс Кип и находит эту леди в приёмной. Заглянув в святилище муз и увидя её там, Криспаркль чувствует сильное желание уйти незамеченным, опасаясь, что импровизаторша задержит его, по обыкновению своему, одной из быстрокрылых неожиданных поэм, но не успевает исполнить намерения. Услыша шорох, почтенная Сафо[266] Сильвер-сквера подымает сияющую поэтическим светом голову, украшенную летучим чёрным бантом (в знак домашнего траура), и приветствует его грустным двустишием. От неё минор-канон узнаёт, к великому своему огорчению, что мисс Ландлесс *решительно* не брала ничего в рот с самой минуты смерти брата и *положительно* отказывается оставить его комнату, сидя возле него и не отымая рук от покойного, а что мисс Бёд умирает со страха, глядя на неё.

К счастью его, что в эту минуту является к нему на подкрепление Грейджиус. Оба джентльмена отправляются наверх и снова входят в комнату смерти.

Первое, что различает минор-канон при тусклом мерцании двух свечей, заставляет его отшатнуться назад, и слёзы снова брызгают из глаз его.

[266] Сапфо (ок. 630–572/570 до н.э.) – древнегреческая поэтесса и музыкант.

Неподвижно лежит на постели неподвижная форма. Лицо умершего прекраснее ещё в своём торжественном спокойствии, нежели было при жизни, а правая бледная рука обвивает шею другой неподвижной формы. Лицо последней лежит на груди его, и бледная щека живой касается бледной щеки умершего. Так мало разницы в этой прозрачной, восковой бледности обоих и так поразительно между ними сходство в эту минуту, что минор-канон невольно испускает лёгкий крик ужаса при этом зрелище, страшась найти двух умерших вместо одного. Этот крик пробуждает маленькую Розу, заснувшую от усталости и бессонной ночи, проведенной возле подруги на диване. С широко раскрытыми глазами от удивления она вскакивает и, увидя опекуна, падает к нему на руки, рыдая. Но Елена не двигается.

Её принуждены высвободить во второй раз силою из объятий умершего, и при этом в ней просыпается вся пламенная, неудержимая кровь родного острова. С бешенством отчаяния вырывается она из рук Криспаркля, то проклиная его, то умоляя с дикими воплями похоронить её вместе с братом, внушая подозрение этим странным, хотя и искренним желанием Грейджиусу, что несчастная молодая леди безумствует под ошибочным впечатлением, что она всё ещё находится на острове Цейлон, где подобные необычайные для всякого европейца зрелища могут иногда свершаться.

«Елена, мисс Ландлесс! – повторяет растерянный Криспаркль. – Придите в себя, опомнитесь, бедное дитя моё?»

Но Елена не слушает его и, вцепившись в тело Невиля, она уступает лишь в ту минуту, как изнурённый организм поддаётся слабости и она лишается чувств. Пользуясь этим счастливым случаем, Криспаркль уносит её в комнату Розы и не оставляет ни на одну секунду одной до самого утра. Так остаются оба джентльмена, каждый из них охраняя ту, которую он любит выше всего в мире, но как различно чувство любви в этих двух честных сердцах!

Едва рассвело на улицах, как Грейджиус поспешно распоряжается похоронами. Невиль уложен в гроб вместе с голубой ленточкой, и тело его отвезено на кладбище, где и положено во временную могилу.

К утру Елена делается спокойнее. Кризис миновал, и опасная гроза – как тропические быстрые грозы на её родине – ослабевает, убитая своею собственной силой. Долго ещё не утихнут бурливые волны печали до глубины своей потрясённого океана, но мало-помалу и они успокоятся под благотворными ласкающими лучами преданной любви Криспаркля и дружбы маленькой Розы.

К вечеру того же дня путешественник и две путешественницы пускаются в обратный путь, и затем хорошенькая фарфоровая пастушка хлопочет возле них часть ночи, приготовляя всё нужное к поспешному отъезду и останавливаясь по временам лишь для того, чтобы нежно, с глубоко материнским чувством поцеловать печальное бледное личико убитой горем девушки.

Поселясь так нежданно в доме дяди Соля, Принцесса, которую маленькая Бесси тотчас же узнала к своему большому удовольствию, терпеливо стала ожидать минуты так давно задуманного дорогого ей мщения.

Осень приходила к концу. Жёлтые сухие листья поминутно отрывались от родных сучьев, падая на землю с тихим жалобным шелестом, как будто прощаясь навеки со сверстниками, приветствуя через секунду и их падение, и поочередно укладываясь в пушистый лёгкий ковёр для старых ног дяди Соля.

Но и его посещения в любимый сад сделались реже. Холодный, резкий ветер распоряжался теперь вместо хозяина в когда-то зелёных, но в настоящую минуту печально обнажённых кустах. Старик проводил большую часть своего времени в обществе видимо угасающей малютки и печально поглядывал вместе с Бесси из окна на увядающие гряды поблекших цветов.

Никогда не бывала счастливее маленькая девочка, как в те часы, когда, сидя между стариком и Принцессой, последняя рассказывала ей (не намекая, впрочем, на родство) о её умершей матери, о детстве её и болезни.

Если когда и приходило к ребёнку желание узнать что-нибудь о своём отце, то она всё-таки ни разу не намекнула о нём, а Принцесса тщательно избегала упоминать о чём-либо подобном.

Так проходили долгие дни и длинные осенние вечера. Бесси никогда не жаловалась, но когда с ней делались припадки острой, мучительной боли в маленькой груди или когда кашель схватывал её слишком продолжительно, то девочка тихо ложилась на постель и, закрыв глаза,

лежала неподвижно и терпеливо. В подобные минуты Принцесса устремляла на неё полный суеверного ужаса взгляд – до такой степени становилась она похожа на умершую мать, и, прячась за занавесы кровати её, плакала, бормотала бессвязные слова и бешено потрясала кулаками, уподобляясь нераскаявшейся грешнице у ложа католической святой на древних литографиях.

Бробите недавно только узнал ожидающую бедного ребёнка участь. Старый единственный клоистергэмский доктор, похоронивший много поколений пациентов, сладко покоящихся под древними буками клоистергэмского кладбища, несколько раз навещал её и всякий раз объявлял дяде Солю, что у Бесси изнурительная детская лихорадка, поразившая лёгкие и что ему недолго придётся ухаживать за ней; признаваясь тут же, что он мало понимает её болезнь, но что последняя принадлежит, по его мнению, к таинственному разряду так называемых «психических недугов».

Не удовольствуясь подобным учёным термином, Бробите, сильно привязавшийся к девочке, сходил к минор-канону и, узнав от него адрес одного из лучших лондонских медиков, выбрал теплый день и свозил Бесси в город для консультации. Но результат оказался тот же. С этого дня ребёнок стал быстро угасать.

Много раз вспоминалось бедному, одинокому холостяку мудрое решение, принятое им в юности ещё, – никогда не иметь никаких сношений с теми, которых он не мог разгадать. Вся жизнь его прошла в избегании женитьбы и женщин как самых непонятных для него, таинственных существ. А тут, на старости лет, он привязался всеми силами своей любящей души к ребёнку.

«Хоть бы к мальчику ещё, – говорил сам себе дядя Соль, вырывая давно исчезнувшие кудри, – а то к девочке, к маленькой женщине!.. Вот и нагрянули непонятные болезни... Теперь и плачь, и тоскуй, старый дурак!»

Но подобные лестные эпитеты не могли вырвать из сердца его горячую любовь к малютке, и дяде Солю приходилось переживать тяжёлые часы.

Наступил и декабрь с холодными пронзительными ветрами и морозными утрами, и накануне Рождества Бесси сделалось хуже.

Собрав с великим трудом несколько редких цветов, уцелевших в комнате, дядя Соль понёс их к своей любимице и, положив их к ней на маленькую кровать, сел у её изголовья.

«Дядя Соль, – произносит девочка слабым голосом и обвивая шею его худенькими ручками, – как вы думаете, будут такие цветы или нет в небесных садах?»

«Надеюсь, моя крошка, что там найдутся и лучшие, только тебе ещё долго придётся ждать, пока ты станешь рвать их там!»

Бесси грустно качает головою и произносит:

«Нет, не долго... а очень, очень скоро. Мы ухаживали за нашими красивыми, дорогими цветами в саду вместе, а весною вы будете ухаживать за ними один, дядя Соль! Не жалейте о том, а помните только и никогда не забывайте, – продолжает она, серьёзно смотря на него своими большими голубыми глазами, – что пока вы станете сеять их здесь, я буду приготовлять для вас лучший, ещё прекрасный сад – там! Бог не станет мешать мне в этом, я знаю, потому что Ему известно, как любите вы цветы и как вы были добры и ласковы к бедной, нищей девочке! Вы позволили ей разделять с вами земной сад, и за то она приготовит вам небесный. О! Как счастливы будем мы там с вами, гуляя вместе с мамой... Не правда ли, дядя Соль... дорогой?»

Но дядя Соль, дорогой, не отвечал ей. Дядя Соль рыдал, как старый мальчик, и не старался скрывать своего горя.

«Вы не должны плакать, – утешает его ребёнок, – право, не должны, если любите меня... Дайте мне поцеловать ваше доброе, милое лицо, дядя Соль, и я утешу вас!»

Он заключает её в свои объятия, и так сидят они более часа, старик, прижимая к своей груди единственное любимое им существо, кроме матери, а ребёнок, обнимая и целуя единственного милосердного человека, который сумел усладить несколько последних дней её короткой, но столь горькой жизни. Бесси заснула на его руках, и старик боится пошевелиться, чтобы не потревожить её сна.

К сумеркам в комнату входят мать Бробите и Принцесса. Поняв безмолвный знак, они тихо садятся возле кровати и не тревожат сна Бесси. Но этот сон делается тревожнее, несмотря на тишину, и ребёнок, открыв внезапно глаза, обращает их на Бробите, восклицая:

«Я хочу видать отца моего! Я должна видеть его! Мама не велит мне умирать, прежде чем я не увижу его!»

При этом странном, неожиданном желании её видеть человека, который так далёк от них, Принцесса и Бробите переглядываются в безмолвном удивлении.

Лицо старухи принимает свирепое выражение ненависти, а дядя Соль молча опускает глаза.

«Не тревожься, успокойся, моя дорогая девочка, – говорит, лаская её, Бробите. – Но какого отца хочешь ты видеть? Разве ты знаешь отца своего?»

Странная, загадочная улыбка является на лице ребёнка.

«Дядя Соль, – говорит она, – разве забыли вы то, что сказала я вам раз в саду? Я давно знаю, кто отец мой... Он тот человек с бледным, белым лицом и чёрными глазами, который приходил к Фопперти... Я должна, должна его видеть!»

Напрасно Бробите, чувствуя как неприятно было бы для всех подобное появление в доме и как вредно могло оно оказаться для самой Бесси, старается отговорить ребёнка. Она начинает метаться и плакать, но настаивает на желании, повторяя всё одно и то же, что «мама её хочет того».

«Но почему ж ты думаешь, Бесси, – говорит ей, наконец, дядя Соль, – что тот джентльмен – отец твой? Он никогда не обращался с тобой, как если бы был твоим отцом? Что заставляет тебя так думать... и почему ты знаешь?»

Она бросает на него недетский взгляд и, помолчав, отвечает, как бы говоря во сне:

«Кто говорит цветам о том, кто создал их? Почему наш большой подсолнечник, что растёт у крыльца, повёртывает жёлтое лицо своё к солнцу поутру, а затем всё крутится с ним и следит за ним целый день, пока солнце не зайдёт за собор? Он чувствует, что солнце – отец ему, хотя никто не учил его тому... Так и со мною. О, дядя Соль, дорогой мой, не отказывайте мне в этом. Прошу вас, пошлите за ним! Мама хочет знать, поцелует ли он меня, когда увидит, что я умираю, и я хочу попросить его поцеловать своего бедного ребёнка!..»

И маленькая Бесси начинает горько рыдать.

Свирепое лицо старухи делается ещё свирепее, но она не произносит ни слова и не мешается в разговор.

Видя горе ребёнка, дядя Соль соглашается на её просьбу и обещает завтра же послать за ним.

Бесси тотчас же перестаёт плакать и горячо начинает целовать старика, прощаясь с ним и замечая, что она теперь уснёт.

«Теперь пойдите и отдохните, дядя Соль, – говорит она, – не бойтесь оставить меня одну... Со мною останется мама».

Заметив, как странно блестят глаза девочки, Бробите приписывает её последнее замечание бреду; он собирается уходить, прося уйти и других, но втайне обещая себе не оставлять её одну.

В соседней с её комнатой каморке спит Принцесса, и так как она обещает ему не оставлять в этот вечер своего угла, то, поцеловав ещё раз ребёнка, он уходит с матерью.

В эту ночь, когда всё в доме утихает, тихие шаги раздаются по лестнице и старик сходит вниз, неся с собою кресло. Поставив его осторожно у дверей комнаты ребёнка, он садится в него и проводит в этом положении без сна долгую зимнюю ночь. Внимательно прислушивается он к малейшему звуку и в продолжение многих часов слышит лишь одно слабое, но ровное дыхание девочки, готовый при малейшем стоне больной тотчас же явиться на помощь. Материнское сердце бьётся в эту ночь в груди у старика, и горькие слёзы утирает он не один раз. Так проходят часы, наступает утро.

Он тихо встаёт и так же тихо входит в комнату. Рождественское утро освещает её худое бледное личико, но ясная улыбка раскрывает детские уста, и светлый ангел смерти только издали пока навевает на неё небесные грёзы в тот самый час, как преступный отец её борется в ужасном сновидении с демонами угрызения, но не раскаяния!

Так же тихо выходит, как и вошёл, дядя Соль, не потревожив сна малютки, и поспешно направляется к разрушенному дому мистера Фопперти Педлара.

Он находит его вставшим, хотя родительница ещё почивает, объявляя во всеуслышание о собственных грёзах громким прерывистым храпением.

Фопперти с удивлением подымает голову и первый вопрос его о Бесси.

Старый джентльмен объясняет ему в нескольких словах об удивительном желании больного ребёнка, спрашивая совета Фопперти, как лучше приступить к этому щекотливому поручению.

[Последний], испустив долгий и многозначительный свист, сильно задумывается.

«Я обещал ей это, хотя, честное слово, не знаю, как выполнить обещание. Не думаю, чтобы бедная малютка прожила ещё много дней. Может быть, вы согласитесь повидаться с мистером Джаспером и привести его ко мне? Грешно было бы ему не исполнить последнего желания умирающего собственного его дитяти! Но всё же мы не можем принудить его!»

«И вы говорите, что Бесси действительно желает этого?» – задумчиво произносит Фопперти.

«Я уверен в том и знаю также, что отказ с его стороны может оказаться ей гибельным».

«Так можете пойти сказать ей, что он будет у неё через несколько часов!» – решительно отвечает мистер Фопперти.

«Если только не откажет вам наотрез...» – грустно замечает старик.

«А коли откажет, – бешено восклицает Педлар, – и не пойдёт по доброй воле, то я принесу его вам в мелких кусках, будь он проклят! Ручаюсь вам в том, что придёт», – продолжает он, потирая громадные кулаки ладонь об ладонь, как бы желая заранее познакомить Бробите с операцией, которой подвергнется Джаспер, чтобы явиться в мелких кусках в дом дяди Соля.

«Благодарю вас, Фопперти, и надеюсь, что вы не найдёте себя вынужденным к такой крайности», – говорит довольный успехом своим Бробите.

Читателю известно уже как выполнил своё обещание Фопперти Педлар.

Войдя в дом старого Бробите, гигант, не отымая рук от Джаспера для большей безопасности, отворяет дверь приёмной, толкнув её ногой, и, посадив регента на стул или, скорее, швырнув его в него, становится сам у двери в виде почётной стражи и посылает отворившую им удивлённую Бритву наверх за хозяином.

Бробите не заставляет себя долго ждать и, войдя в комнату, обращается, слегка поклонившись, прямо к сидящему в угрюмой задумчивости Джасперу.

«Извините, сэр, – говорит он ему учтиво, но очень холодно, – если вас потревожили по просьбе умирающего ребёнка. Вам лучше знать, почему она так желает вас видеть».

Не отвечая ни слова, бледный и весь дрожа, Джаспер встаёт и молча следует за дядей Солем.

Взор Дэтчери впился в его память огненными чертами, а совесть неустанно нашёптывает последние слова Пеккрафта:

«Да поможет Господь Бог злополучному грешнику!»

Со словами этими, звучащими у него в ушах как похоронный колокол, входит он в комнату Бесси и, подходя к кровати её, те же слова раздаются возле него в тихом шелесте приподымающейся на смертном одре девочки.

Она медленно поднимает на него свои голубые, полные кротости глаза и тихо произносит:

«Благодарю вас за то, что пришли к умирающей девочке, которой очень, очень хотелось видеть вас!»

Отчего теперь так быстро подымается на неё его доселе упорно опущенный взор,[267] так пристально и дико вглядываясь в бледное детское личико? Почему лицо его покрывается такой смертельной бледностью, глядя на неё, но не отвечая ни слова, как если бы с ним говорило видение с того света, и почему так дрожит рука его, отирая с похолодевшего чела крупные капли выступившего пота?

Не узнаёт ли он в этом болезненном лице и исхудалой фигурке другое лицо давно умершей женщины, почти ребёнка, как и эта девочка, – лицо, обращённое к нему с такой отчаянной мольбой и с такой преданной любовью? Не слышит ли он в этом нежном голосе другой голос, который, силясь произнести его имя с проклятием – это имя, которое было столь же ложно, как и его жестокое сердце, – шепчет его с отчаянной любовью и повторяет его даже с последним вздохом?

Голос ребёнка снова раздаётся среди всеобщей тишины и заставляет его ещё сильнее содрогнуться. Он жалобно спрашивает его, неужели не чувствует он к ней ни искры любви теперь, когда она умирает?

Почему взгляд его делается ещё неподвижнее и пристальнее, слыша этот вопрос, и уста остаются беззвучными, между тем как он силится ответить ей, но не может? Разве память опять

[267] Далее зачёркнуто: и.

переносит его к другой такой же сцене, много лет как случившейся уже, когда умирающая женщина смотрела на него, как теперь смотрит на него это дитя, с любовью и прощением в кротком взоре и спрашивала, как она спрашивает, неужели не любит он её и в эту минуту, когда она умирает?

Но что это, что становится как будто между им и грустно глядящим на него ребёнком? Это *Что-то* явилось неслышно и внезапно и стало возле изголовья его в виде покровительственной Тени. Другие не замечают её. Он не может различить в этой Тени лица, и, однако же, он чувствует на себе взгляд этих невидимых, но всё-таки устремлённых на него глаз. Что это такое это неосязаемое *Что-то*, грозная прозрачная Тень, неподвижная, но заставляющая его невольно сознавать своё присутствие?

Он силится ответить ребёнку, но сознание *её взгляда* останавливает снова его и поражает немотою. Он чувствует непонятное ощущение, он чувствовал его один раз и прежде, но никогда с такою силою – как будто бы растопленное олово обращается в жилах его вместо крови, а мозг начинает двигаться и гореть, и он стоит как бы приросши к месту и смотрит на ребёнка, но не может ни двинуться, ни заговорить.

Не слыша от него ответа, Бесси манит к себе старика и просит помочь ей привстать на подушках. Нежно и ласково исполняет желание её дядя Соль и удаляется в отдалённый угол.

«Я не беспокоила бы вас, – продолжает девочка, – если бы не чувствовала, что недолго мне жить на этом свете и что я иду к небесному Отцу, который не откажет мне в жилище и приюте, в котором отказывал мне при жизни родной отец мой. Но я желала, прежде чем расстанусь с ним навсегда, сказать ему, что я прощаю ему всё то зло, которое он сделал мне и бедной маме моей. Я должна была видеть вас; так хотела мать, дорогая моя мать, которая приходит ко мне каждый день во сне, и она велела мне сказать вам, что когда я умру и буду с ней, то стану всегда молить Бога, чтобы простил Он вам и сделал бы вас менее злым».

Как может это грозное *Что-то* так глядеть на него, ещё пристальнее и суровее, когда он не видит ни глаз, ни лица Его, ничего кроме смертельного чувства Его присутствия?

«Когда унесут меня Божьи ангелы на небо, я стану молиться там за вас и стану просить и маму, чтобы и она молилась за вас также. Не знаю отчего, но хотя вы всегда ненавидели меня, я же чувствую, что люблю вас и жалею вас, может потому, что вы отец мой!»

Она умолкает, как бы всё ещё ожидая ответа; губы его шевелятся, но сам он не произносит ни слова.

Он чувствует опять, как устремляются на него глаза грозного *Чего-то,* и в нём начинает вселяться странная мысль, будто кровь его превращается в кипящий источник, брызгая из скалы, в которую он превратился сам. Огненные волны продолжают подыматься всё выше и выше,[268] зажигая мозг его, пока, наконец, они не пережигают его до самого основания! Но он всё-таки сознаёт присутствие грозного *Чего-то,* глаза которого не отымаются от него, сурово устремлённые из невидимого лица!

Старик и ребёнок начинают оба замечать, как странны действия Джаспера в эту минуту, но не понимают причины к тому.

«Почему, о… почему не хотите вы ответить мне, – продолжает жалобно Бесси. – Неужели вы откажете даже в одном ласковом слове вашей умирающей девочке? Вспомните, как целая жизнь моя прошла среди горя, незаслуженной брани и холодности. Кто может отказать даже чужому ребёнку в последнем поцелуе, если он просит о нём, умирая? Зачем же вы, отец мой, отказываете мне в этом утешении... О!.. – восклицает слабым голосом несчастное дитя, протягивая к нему худенькие бледные руки свои, и с горячими слезами на грустном личике. – О, неужели вы в самом деле не захотите и теперь обнять меня и полюбить в эту последнюю минуту? Подумайте, как рада будет мама, когда узнает, что вы полюбили, хоть и поздно, вашу маленькую девочку! Не смотрите на меня так страшно. Подойдите и поцелуйте хоть раз в её жизни вашу Бесси!»

Ради Бога... что это делает теперь возле ребёнка грозное *Что-то*! Как может *Оно* разрастаться до таких размеров, что способно медленно и тщательно как бы окутывать умирающую девочку с ног до головы своей прозрачной, тенистой формой и всё-таки не отымать с лица его пристального огненного взгляда, пронзающего его насквозь из невидимых глаз?

[268] Далее зачёркнуто: и.

Не мудрено, если старик и Бесси с удивлением смотрят на него, не слыша ответа от этого человека, так дико вперившего глаза на что-то, чего они не видят.

«Отец! – начинает снова рыдающая малютка умоляющим, нежным голосом. – Я сказала вам, зачем я так хотела видеть вас. Если нет уж в вас ни нежности, ни сожаления для меня, то неужели не чувствуете вы хоть одну, только одну, крошечку любви к моей бедной умершей маме? Я знаю, как любила она вас! Кому лучше знать это, как не мне, которой так много рассказывала она про вас в снах моих; разве не видала я каждую ночь в лице её столько горести... О, как много горя! Но всё-таки, говоря про вас, я видела и знала, что она любит вас и прощает. Я не знаю, какое вы сделали ей зло, но знаю, что она умерла по вашей вине».

Он не видит более перед собой лежащего ребёнка, хотя и смотрит на неё, слышит и понимает её слова, но голос её изменился, и ему кажется, будто говорит уж не она, а кто-то другой, стоящий над нею. Да... теперь её место заняло это грозное *Что-то*, и Его прозрачная, туманная Тень легла туда, где лежал до того времени умирающий ребёнок, и Оно всё ещё смотрит на него, обернув к нему прямо невидимое лицо.

«Я так надеялась, – продолжает голос девочки, но не она сама, – что, может быть, ещё сохранилась в сердце вашем хоть одна капелька любви к маме и что вам было бы приятно, зная, что я иду к ней, послать ей со мною хоть какое-нибудь ласковое слово или привет... Отец, мой дорогой отец, молю вас, подарите меня последним, единственным поцелуем для неё, и я сохраню его так верно и тщательно, что ни малейшее дуновение ветерка не дотронется до него, пока не передам я его ей на небе!»

Грозное *Что-то* отделилось теперь от девочки и направляется прямо к нему. По мере приближения своего Оно увеличивается в размерах, растёт всё более, пока, наконец, Оно не закрывает перед ним всё, кроме самое себя. Кровь в жилах брызжет с удвоенной теперь силой, заливая кипящими огненными волнами своими шевелящийся и как бы трепещущий мозг... Присутствие оного уже почти касается его, и он замечает в эту минуту, что у Него есть две руки, различая их ясно, в то время как они медленно подымаются в воздухе, раскрываясь, как бы желая заключить его в свои туманные объятия. Джаспер пятится, трепеща всем телом, и глаза его вылезают почти из головы от ужаса... Вот он чувствует уже холодное прикосновение и руки сжимаются вокруг его тела, обвиваясь туманными облаками,[269] в эту самую секунду фонтан брызгает на мозг, обливая его целым океаном огня...

Бробите и Бесси видят, как хватается он за голову, как трепещет он, пятясь всё далее и далее к стене, и двойной крик ужаса вырывается из груди обоих, когда он схватывает стоящий возле него стул и, высоко подняв над головою, бросает его как бы в невидимого врага, разбивая об пол в мелкие дребезги. Затем они слышат пронзительный дикий вой, и, испустив его, он и грозное *Что-то,* от объятий которого не освободиться ему во всю остальную жизнь его, бросаются бешеным бегом из открытой двери на крыльцо, а затем на улицу! Небо послало единственную преграду, видимую для всех, между ним и рукою мщения, о которой упомянул Дэтчери, потому что с этой минуты Джон Джаспер осуждён до последней минуты жизни быть бешеным сумасшедшим!

С руками, всё ещё вцепившимися в голову, безумный летит, как молния, через улицы и переулки, отгоняя от себя что-то и воя, как дикий зверь. Целые толпы бегут за ним, но он далеко перегоняет их, и нечеловеческие вопли, испускаемые им безостановочно, приводят в смятение и страх целый город... Вот мелькнул он вдали, исчез, вот снова показался и, ударясь со всего размаха о каменный столб, падает на землю, весь облитый чёрной горячей кровью, которая дымится возле него на мёрзлом дёрне и застывает.

Толпа догнала его и окружила мигом. Из-за угла показывается Дёрдльс, направляясь к городской стене; он несёт тщательно завязанный обеденный узел свой, из которого выглядывает протестующая нога зарезанной на Рождество индейки и горлышко любимой плетёной бутылки.

Двое сильных мужчин приподняли несчастного Джаспера и, прислонив в сидячем положении к столбу, поддерживают ему голову.

«Ради неба, – кричит кто-то из толпы, зовя Дёрдльса по имени, – что нам делать теперь с ним?»

Если бы Дёрдльс имел обыкновением когда-либо выражать искренне тайные мысли свои, то он ответил бы им советом, отправить Джаспера хоть к самому чёрту, коли не найдут лучшего

[269] Далее зачёркнуто: и.

места для него. Но после минутного колебания он решается подойти и, взглянув на регента, философически изрекает следующее мнение:

«Коли бы этот вот малый да приходился чем-либо по родству Дёрдльсу, то Дёрдльс тотчас же посоветовал бы вам снести его в ближайший дом, пока не отыщут *дохтура*. Вот что сделал бы первым делом Дёрдльс».

В эту саму минуту отворяется окно из углового дома, и какая-то добрая душа кричит им перенести его к ним. Но Джаспер пришёл в чувство, и требуется неимоверных усилий со стороны полудюжины здоровых работников, чтобы сладить с бешеным. Но они успевают, наконец, одолеть его и, связав толстыми верёвками руки и ноги, переносят в дом.

Через несколько минут является доктор, за которым кто-то успел сбегать; осмотрев внимательно безумствующего регента, доктор многозначительно качает головою и советует тотчас же предупредить власти, чтобы поскорее перевезти его в дом умалишённых, оповестив предварительно о случившемся друзей его или родственников.

При последних словах визгливый голос раздаётся из-за собравшейся толпы, и отвратительный малый мальчик восклицает тоном насмешливого торжества:

«У Джарспера нетути друзей... Был один родственник, да он и того спровадил! Небось, никто не станет жалеть о нём, окромя *Топсезов* да *кин-фри-драла*!»

Обернувшись и заметив Дёрдльса, доктор просит его сходить к минор-канону и пригласить для совещания по этому грустному случаю.

Так рассуждает сам с собою мистер Дёрдльс, шагая по направлению к жилищу Криспаркля:

«Моё мнение по причине этого “грустного случая”, как называет его *дохтур*, таковое: когда бы Дёрдльс, да с первых разòв, познакомился с мистером Джаспером как с “костлявым” заместо того, чтобы познакомиться с ним как с “лукавым”, то оно бы вышло куды как лучше для мистера Джаспера. Видно, пришло и его время, как приходит оно и для всего другого!»

Последнее мудрое размышление наводит почтенного джентльмена на ту мысль, что время пришло для него также хлебнуть из плетёной бутылки, и он останавливается под первым встреченным им гостеприимным портиком. Объяснившись с «плетёной», он идёт объясниться и с минор-каноном.

Глава XLIII

Старый друг открывается и старая пословица оправдывается

Узнав с огорчением и с сильным чувством отвращения о приёме, полученном Пеккрафтом от Джаспера, Эдвин Друд решается тут же не скрываться далее и появиться снова смело и открыто перед лицом целого света, оставив Джона Джаспера на произвол судьбы и Дэтчери. Так как регент, несмотря на старания Питера Пеккрафта, отказался послушаться предостережения его, то Эдвин решился избегать лишь одного в будущем – встречи с дядей, так как подобная встреча могла привести их обоих к страшному результату; кто знает, не к обоюдному ли кровопролитию? Будь Джаспер ему чужим человеком, то Эдвин не стал бы колебаться ни одной минуты даже в видах подобного опасного для себя результата, но все лучшие чувства молодого человека громко протестовали против возможной случайности пролить хоть одну каплю крови того, кто был сыном отца его матери, до какой бы низости преступления ни дошёл этот человек.

Хотя Эдвин до самой этой минуты не позволял себе сознаться в том, что его нетерпение снова показаться живым Эдвином происходило от некоторого желания убедиться собственными глазами, насколько капризное детское личико изменило выражение своё касательно его, но, тем не менее, истина подобного факта громко заявляла о себе в молчаливых беседах с собственной совестью; он узнал ещё накануне от седовласого, – в то самое время как, оставив неприступные вершины места заключения своего в Степл-Инне, он вылезал из допотопного омнибуса в Клоистергэме, – что мать мистера Криспаркля воротилась из поездки своей на воды и что с тех пор ставни в доме открылись, а Дэтчери заметил, выходя от минора-канона, два любопытных тёмных глаза, выглядывающих на него из-за полуопущенной занавеси. Кошечка, стало быть, была в Клоистергэме, и он должен тотчас же убедиться, на какой точке замерзания остановилась её привязанность к нему. Будь он предоставлен самому себе, то давно бы уж явился, отказавшись от первоначального плана. Но вдруг явился между ним и светом неизвестный холостяк, честно и открыто заявляя перед ним свои права на помощь его – смертельно оскорблённого врагом своим – ему, так же и более смертельно оскорблённого тем же врагом. Чувство тайного, франкмасонского как бы долга, присущего человечеству совокупно в отношении человечества в раздроблении, сказалось в Эдвине, и вот прошёл долгий год ожидания, нетерпения и душевных мук. Как понадобился для маленькой, балованной и всеми любимой пансионерки удар, нагрянувший так неожиданно на того, к которому чувство привязанности казалось столь холодно и неудовлетворительно в ней, что она решилась расстаться с ним в минуту брака, – для того чтобы разбудить в её детском сердце голос любви и более женственного сознания о собственных чувствах, – так понадобился и для него самого удар коварной руки того, кого считал он более чем братом для себя, чтобы заставить его заглянуть серьёзнее в глубину собственной души. Год одиночества и размышления принёс свою пользу; мало-помалу исчезли в нём все шероховатости отроческого характера, незнакомого дотоле с невзгодами жизни, и теперь, ровно год после того, как Роза простилась у калитки «Дома монахинь» с юным женихом, мало менее юным и ребяческим, нежели сама она, на его месте являлся молодой человек с серьёзным взглядом на жизнь и с глубоким знанием своего собственного характера.

Нетерпеливо ожидая той минуты, когда ему удастся сызнова нырнуть в[270] улиточную раковину своей обыденной жизни и войти в тихую однообразную колею, разделяющую дни его между обществом мисс Кип и лавкою древностей, измученный всеми этими неожиданными и непривычными для него сценами, Пеккрафт удостоверяет, что обязанность его в отношении Эдвина Друда кончена, поспешно приготовляется в обратный путь и доверяется с меньшей долей опасений в уме, чем за день до того, вознице омнибуса-мамонта, нашему старому приятелю Джо. Хотя последний является в этот праздничный день с видимой прибавкой на распухшем глазе в виде неприятно поражающей взгляд шишки и с несколько раздавленным носом, заставляющим близорукого путешественника подозревать при первом взгляде, что почтенный возница завяз носом в мягком плём-пудинге[271] и не имел время обтереть физиономии, – но, невзирая на всё это,

[270] Далее зачёркнуто: свою.

[271] Плам-пудинг (*англ.* plum pudding) – традиционный рождественский десерт в Великобритании.

мистер Питер Пеккрафт храбро влезает в *купе* и гордо осматривается кругом на хлопочущих вокруг лошадей конюхов (физиономии которых все более или менее представляют сходство с физиономией Джо в этот день), как бы желая прочесть на их подбитых физиономиях, насколько они удивляются его пеккрафтской храбрости. Горячо простившись с Эдвином всё ещё в виде кривого родственника Дэтчери, Джо Слоджерса, мистер Питер Пеккрафт успевает преодолеть в себе внутренний, смутно развивающийся снова страх и храбро пускается в обратный путь, уподобляя себя в душевной беседе с самыми отважными знаменитыми путешественниками как на суше, так и на океане.

Вернувшись не в гостиницу «Крозгёр», но к дому у калитки, Эдвин входит к Дэтчери, вглядываясь с невольным замиранием сердца на окна квартиры Джаспера, как будто опасаясь увидать в них нечто ожидаемое, но всё же ужасное. Но всё тихо, и по дороге он встречает одну лишь разряженную мистрис Топ, которая, стоя на пороге под вековыми арками свода, хвастает своим новым жёлтым одеянием и красными бантами перед невидимыми призраками давно усопших монахов, если только этим отошедшим джентльменам выгодно прогуливаться среди белого дня.

«Дэтчери, – говорит Эдвин, растворяя дверь, – я решился... идти открыто к минор-канону. Не пойдёте ли вы со мной?»

Седовласый бледен и не отвечает в продолжение нескольких минут.

«Сказать вам по правде, я не думаю, чтобы был способен сегодня к дамскому обществу. Вы знаете, у меня есть дело... хотя я и не решился ещё когда окончить мне его», – продолжает он с лёгкою заминкой и делаясь осторожнее.

Эдвин делает лёгкое движение, но не произносит никакого замечания.

«Дэтчери, – говорит он наконец, – дело это не уйдёт от вас; прошу вас, пойдёмте со мною; если вы не желаете идти к минор-канону, то пойдёмте хоть вместе до “Крозгёра”, где я желаю снять это», – дотрагиваясь с чувством отвращения до старомодного пальто.

«Напрасно, Эдвин, вы принимаете меня за дитя! – отвечает холостяк с грустной улыбкой, расхаживая большими шагами по комнате и бренча чем-то металлическим в широких карманах. – Вы свободны идти теперь куда угодно, но я не свободен отдалятся от предпринятого мною дела».

Он быстро повёртывается на каблуках, как бы внезапно поражённый мыслью, и, сделав шаг к Эдвину, поспешно спрашивает со зловещим блеском в глазах:

«Эдвин, поклянитесь мне честным словом, что Пеккрафт не предупредил этого негодяя?»

Горячая кровь приливает к щекам Эдвина, но он молчит, нервно барабаня по столу.

«Эдвин Друд, – медленно произносит Дэтчери, глядя на него, – если бы я думал, что вы были способны оградить осуждённого мною злодея в глазах неба и собственной совести моей и помочь ему спастись бегством, я проклял бы вас навеки, и вы никогда не увидали бы меня до той минуты, пока я не омыл бы бесчестия сестры моей в его низкой крови! Но помните, вы не спасёте его от меня нигде, поэтому, прошу вас, поклянитесь мне, что вы не предупреждали его и не просили Пеккрафта предупредить».

Обрадованный подобный лазейкой, открытой для чести его, Эдвин отвечает торжественно:

«Клянусь вам честью своей, что я не предупреждал, как и не просил Пеккрафта предупредить. Я не поручал для него ничего такого, кроме просьбы оставить навсегда эти места, чтобы никогда не встречаться с ним».

Если бы Дэтчери был не так погружён в настоящую минуту в собственные соображения, то, вероятно, не остановился бы на этом единственном сведении и доискался бы истины в подобном юридическом *базисе* присяги.

Но Дэтчери удовольствовался этим заверением и рассеянно стал глядеть в окно на развевающиеся красные банты мистрис Топ, которые порхали в морозном воздухе, как флаги пикадоров на воображаемом бое с быками.

«Выслушайте меня, мой дорогой друг, – говорит Эдвин после минутного молчания, действуя под влиянием постоянной упрямой цели. – Неужели собственные угрызения совести этого человека, целая долгая жизнь под бременем тяжёлого позора (потому что я решился не скрывать более его преступного намерения и опозорить нравственно, если прощаю ему легально), неужели всё это не худшее для него наказание, чем минутная, разом поражающая его смерть? Одна жизнь по закону требует жертвы другой жизни – вам это известно, как и всякому другому. Неужели же

стоит его низкая, трусливая жизнь, столь переполненная жалкими попытками на преступления, ложью и хитростью, вашей благородной, честной жизни? Преступление, за которое вы желаете мстить ему, этот презренный трус даже не посмел совершить под собственным именем... Поверьте мне, обдумайте хорошенько и взвесьте, прежде чем решитесь запятнать свои честные руки такой жалкой кровью. Тысячи таких, как его жизнь, жизней не стоят одного лишнего дня вашей!»

«Для человека, посвятившего столько долгих месяцев и поклявшегося посвятить даже всю остальную жизнь свою, если то потребуется, на справедливое удовлетворение – не мщения, нет, но естественного возмездия, – странно слышать от вас подобные слова. Неужто вы так мало знаете меня, что можете предполагать, что теперь, когда я так близок к цели жизни моей, я откажусь от неё? Быть может, с вашей стороны и естественно стараться спасти его... Но, повторяю вам, если бы Джон Джаспер был собственным вашим отцом и если бы, несмотря на всю дружбу нашу, мне следовало бы перешагнуть через ваше тело для того, чтобы добраться до него, то я и тогда не поколебался бы! Для подобного отречения от прав моих мне необходимо было бы сперва забыть о неизвестной мне нищенской... общей могиле, заброшенной среди далёкого кладбища, в которой спит несчастная, убитая сестра моя... и не слыхать более день и ночь, как слышу я, голос её, призывающий мщение на голову её низкого убийцы!»

«Вы оскорбляете меня, мой бедный друг, – отвечает Эдвин с лёгким выражением горечи в голосе, – приписывая моим увещаниям одно желание спасти того, к кому я чувствую лишь одно презрение. Поймите меня, Ричард Дэтчери, я молю вас, желая спасти *вашу* жизнь, а не его!»

«Вы правы, Эдвин, и я чувствую, что вы говорите мне одну лишь правду. Но теперь поздно! Во мне слишком сильно вкоренилось то убеждение, что откажись я теперь от мщения своего, я сделался бы в собственных глазах своих участником бесчестия сестры. Довольно об этом. Я сказал вчера и повторяю сегодня: *если сам Творец не пошлёт только видимой к тому преграды*, Джон Джаспер погибнет от одной руки моей!»

Дэтчери произносит эти слова спокойно, гораздо спокойнее, чем произнёс бы их, когда бы мог видеть то, чего не видел, а именно, что квартира Джаспера пуста и что сам Джаспер час тому назад прокрался из неё с видимым намерением избегнуть мщения человека, забывая о мщении Всевышнего, которое он не предчувствовал, но которое было так близко.

Решась наконец исполнить желание Эдвина, который боялся выпустить его из виду, они выходят вместе, с тем чтобы идти в «Крозгёр». Привлечённые, как и другие, необычайным зрелищем мистера Фопперти, тащащего за собою Джаспера в виде упрямого барана, они останавливаются против дома Бробите и, увидя обоих входящих к дяде Солю, не предчувствуя того, что будет дальше, идут к «Крозгёру».

«Что случилось, Фопперти?» – спрашивает Дэтчери выходящего гиганта.

Гигант, наполняя вокруг себя воздух парами от вспотевшей собственной личности и поиграв глазами в прятки, отвечает:

«Ничего особенного. Бесси хотела видать *того.* Я побожился угодить больному дитяти, вот и захватил молодчика. Всё как и следует».

Если бы Фопперти успел прибавить, что он захватил молодчика удирающим, то, быть может, Дэтчери и приостановился бы. Но Фопперти не прибавил подобного сведения и отправился к родительнице.

Постояв достаточно на пороге дома у калитки и решив, что банты её выиграют ещё более в красе, если она прогуляет их до кладбища, предоставив им, быть может, ещё лишнюю выгоду в виде завистливого взгляда на них кухарки минор-канонской обители, почтенная супруга пономаря отправляется тихими шагами к старому углу, делая вид, что сосредоточивает всё своё внимание на расстилающейся перед ней перспективе, но не пропуская ни одной особы, чтобы не обозреть её туалет (если особа женского рода) одним беглым боковым взглядом. Так доходит она до поворота к дому мистера Криспаркля и, обернувшись, сталкивается с седовласым постояльцем своим, не обращая внимания на его спутника (так как он мужского рода) и, извиняясь, собирается идти далее, но внезапно остановлена странным приветствием:

«Моя драгоценная мистрис Топ! Как поживаете? Да как же вы похорошели!»

Смертельная дрожь овладевает мистрис Топ при звуке этого голоса, который заставляет её поднять голову с внезапным пронзительным криком. Красные ленты дрожат и трепещут на голове её, как захваченная сетью стая снегирей; отворив рот, она прирастает к земле и не находит даже

силы бежать. Смутные перепутанные идеи о том, что старое кладбище, на решётку которого она беспомощно опирается в эту минуту, выпустило постоянных жильцов своих, заставляет волосы её приподнять дыбом чепец... Ещё одна секунда и, вырвав свою руку из холодного, леденящего её пожатия руки стоящего перед ней привидения, мистрис Топ бросается бежать, оглашая весь переулок криками ужаса и преследуемая, как ей кажется, целым хором хохочущих бесов; так бежит она, пробуждая эхо в древнем минор-канонском углу, которое повторяет десятками замирающих голосов имя Эдвина Друда.

В старинной комфортабельной гостиной, где всё на своём месте и, однако же, всё так и приглашает каждого входящего усесться и не вставать более до преестественного окончания земной жизни своей, до такой степени каждый угол дышит спокойствием, а вылощенные почерневшие от времени карнизы как бы блестят от радости, приветствуя всех и каждого и приглашая полюбоваться собой, сидят возле старинного камина с каменными, баснословно толстыми херувимами по краям три знакомые нам леди. Весёлый огонь трещит в огромной нише своей, румяня щёки и носы херувимов, которые будто нарочно высовываются из-за углов, чтобы погреть свои окаменевшие туловища. В гостиной опущены тяжёлые оконные занавесы, поэтому в настоящую минуту в ней царствует полумрак и всё тихо и спокойно. На среднем большом кресле сидит мистрис Криспаркль и, несмотря на темноту, усердно занята вязанием. Это один из невинных коньков старой леди, что она может заниматься какой угодно знакомой ей работой так же легко в темноте, как и при сиянии дня. В настоящую минуту движение вязальных игл, видимо, следует движениям её мыслей, так как оно то прерывисто, то быстро, то медленно и спокойно. Глаза её задумчиво устремлены на огонь и отрываются от ярко горящих углей лишь для того, чтоб перенестись на грустно сидящую в стороне от огня стройную, одетую в глубокий траур девушку; в подобные минуты созерцания, не замечаемого Еленой, иглы мелькают в хорошеньких белых руках с удвоенной быстротой, а длинное шерстяное вязание извивается в конвульсивных подёргиваниях, пестрея при огненном отсвете камина, словно хвост тропического змея, точно как если бы хорошенькая фарфоровая пастушка мгновенно превратилась в индийского чаровника.

Возле Елены, прижавшись к углу кресла, где они помещаются вдвоём, полулежит Роза и печально смотрит на грустную подругу. По всем вероятностям, их разговор только что прекратился и не был из самых весёлых, должно полагать, так как глаза смуглой красавицы заплаканы.

«Дитя моё, – вдруг прерывает молчание старая леди, отбросив от себя брезгливо «тропического змея». – Вы неблагоразумны! И если будете продолжать таким образом, то или сами заболеете, или же заставите заболеть от разбитого сердца кого-нибудь из ваших друзей!»

Глаза старой леди устремляются на Розу при последних словах, но другой образ является её воображению, говоря о друзьях.

«Что же мне делать! – восклицает Елена, в то время как слёзы её усиливаются. – Я не могу свыкнуться с мыслью, что он далеко лежит от меня... Если его невозможно будет скоро перенести сюда, то мне необходимо будет ехать в Лондон!»

«И забыть всех живых, которые станут мучиться о вас, для мёртвого, которому не принесёте этим ни малейшей пользы», – резко отвечает старушка.

«И однако же я уверена в том, что если он может видеть нас, то для него должно быть очень грустно чувствовать себя так покинутым всеми!»

«Пустяки, моя милая, – отвечает положительная мистрис Криспаркль, не допуская сентиментальных воззрений на вещи. – Я похоронила мужа и шестерых детей, горевала не меньше вашего и, однако же, ни на минуту мне не приходило в голову, оставляя их могилы за собою, чтобы тела их тосковали за мной. Извините меня, – продолжает она, таща снова за хвост отброшенного «змея», – но это языческие понятия!»

Сдержанные рыдания отвечают старой леди; она нервно принимается за вязание, но через минуту, не выдержав и забывая всю свою непреклонную логику, встаёт и, нежно поцеловав неутешную девушку, снова принимается уговаривать её.

«Не плачьте так, бедное дитя моё... потерпите, – говорит она. – Септ уверял меня ещё вчера только, что через несколько дней перевезут сюда вашего брата; Дёрдльс приходил к нему сегодня поутру по этому делу... Потерпите только».

Маленькая Роза, которая до той поры молчала, задумчиво приложив пальчик ко рту, обращается к Елене в свою очередь, стараясь переменить разговор, обратив её внимание на другой предмет.

«Утрите слёзы, дорогая Елена, – говорит она, вскочив с кресла и обнимая её. – Мистер Криспаркль говорил, что с каждой минутой ожидает появления Эдди, а если он увидит вас заплаканной, то и не влюбится в вас, как я желала бы…»

И она продолжает рассматривать свою великолепную подругу с тайным, невысказанным желанием, чтоб Эдди явился *именно* в эту минуту.

Судьба, видимо, покровительствует её тонким дипломатическим соображениям; в соседней комнате раздаются поспешные шаги, и быстрый радостный стук предшествует отворенной двери.

Входит минор-канон, стараясь казаться серьёзным, но каждая черта его розового честного лица так и сияет счастьем в ожидании приготовленного дамам сюрприза. За Септимусом появляется Дэтчери и останавливается на пороге в ожидании формального представления, и сердце Розы сжимается при виде этой незнакомой личности.

Бедная Роза! Как поднимается она на кончики маленьких ножек своих, чтобы вглядеться за спину этого высокого седого джентльмена с таким серьёзным лицом, но спина его заграждает плотно, как неуклюжая Китайская стена, всякую попытку насладиться перспективой Небесной империи; Роза чувствует кого-то, но не видит.

«Милые леди, вот джентльмен, о котором вы все слышали, но которого мало кто из вас знает, – говорит Криспаркль, представляя седовласого и стараясь продлить церемонию как можно долее, так как от него не скрываются манёвры Розы. – Мистер Дэтчери, мисс Бёд, мисс... Но что с вами, мисс Бёд?» – продолжает неумолимый Септимус.

Но Роза не слушает его более, так как, забыв весь этикет, она успела, наконец, отдать себе отчёт в этом *ком-то*, выглядывающем теперь из-за спины Дэтчери. Устремив глаза друг на друга, неподвижные и почти бездыханные, Роза и Эдвин забыли всех окружающих. В этом безмолвном долгом взгляде оба прочли то, в чём доселе сомневались, но чего так надеялись... Маленькая Роза первая приходит в себя (маленькие женщины всегда нравственно сильнее больших мужчин) и начинает конфузиться. Румянец заменил бледность, и горячая кровь залила нежное детское личико... Она так была уверена в себе до этой встречи, так... А теперь? Теперь она протягивает к нему руки и со слезами радости на глазах может только прошептать:

«Эдди!»

«Кошечка!»

Схватив её в свои мощные объятия, Эдвин убегает с ней в соседнюю комнату, не обращая ни малейшего внимания на остальное общество; там поместив её в покойное кресло, он... Но не лучше ли читателю обратиться для окончания этого первого свидания к собственному воображению, если читатель молод, и к воспоминаниям, если рука времени тяжело легла на него.

«Аминь», – произносит торжественно преподобный Криспаркль с комическим подмигиванием левого глаза на мать, которая немного шокирована подобной выходкой, хотя в своём добром пастушьем сердечке не может сердиться на молодых людей.

«О, Эдди, – говорит Роза через несколько минут, рыдая от счастья. – Не правда ли, что я всё ещё очень, очень глупое маленькое создание?»

«Нет, нет, моя дорогая кошечка, теперь мы оба поумнели и не станем более ссориться, – поспешно говорит Эдвин, предаваясь ещё более юношеским глупостям в виде поцелуев и нежного заглядывания в большие тёмные глаза, которые уж не отворачиваются от него, как бывало, во времена посещений его в приёмной жрицы приличий, мисс Туинкельтон. – Роза, – говорит он, улыбаясь, – кошечка, должен ли я *притворяться* опять, что обручён с другой?»

Но Роза-кошечка не хочет более притворяться ни сама, ни заставлять его притворяться, она даже забывает о своём старинном предлоге, чтобы не позволять ему поцеловать себя, и ни разу не *притворяется*, что она «такая липкая» от булки или какого-либо другого сахарного предлога.

Через несколько минут является преподобный Септимус Криспаркль в виде посланного из гостиной Deus ex Machina[272], и, отторгая их от уединённой беседы, приводит тотчас же назад к

[272] «Бог из машины» (*лат.*) – выражение, означающее неожиданную, нарочитую развязку той или иной ситуации, с привлечением внешнего, ранее не действовавшего в ней фактора.

маленькому кружку, собравшемуся у камина, где и приносит обоих беглецов, как живую жертву, на алтарь приличия.

В то самое время как маленькое общество, складывая вместе головы, по старой пословице, чтобы прийти к финальному решению насчёт некоторых неприятных, могущих приключиться встреч с музыкальным учителем, мистер Криспаркль вызван из гостиной испуганной служанкой к великому неудовольствию старой леди, которая ненавидит всякие тайны и перешёптывания. Но не одна мистрис Криспаркль осуждена в эту минуту на тревогу. Через две минуты является назад Криспаркль, бледный и видимо чем-то поражённый, и вызывает Эдвина молчаливым жестом, в первый раз в жизни не обращая внимания на вопрос матери, которая нетерпеливо восклицает:

«Бог мой! Что *ещё* случилось такое, Септ?»

Но Септ не отвечает и уводит с таинственной сдержанностью Эдвина, который оглядывается на беспомощно бледнеющую Розу.

В ту саму минуту как является поспешно посланная от имени минор-канона служанка попросить гостя пообождать на полчаса возвращения хозяина и мистера Друда, Криспаркль и Эдвин спешат, молчаливые и растерянные, вслед за вызвавшим их Дёрдльсом.

Дёрдльс ведёт их прямо к дому, в котором лежит связанный Джаспер; несмотря на толстые верёвки, крепко затягивающие ему ноги и руки, нашлось необходимым поручить его под присмотр двух сильных мужчин, которые почти сидят на нём в бессильных попытках сдержать бешеного человека. При виде Криспаркля он, по-видимому, утихает и хочет как будто обратиться к нему, но взгляд его падает на входящего за ним Эдвина и, с неимоверной силою разорвав верёвки и кидаясь на него с пенящимся ртом, он остановлен в своей безумной попытке лишь подоспевшим на помощь Фопперти. Схватив Джаспера поперёк тела, Педлар опрокидывает его навзничь в ту самую минуту, как раздаётся крик ужаса со стороны зрителей и побледневшего минор-канона.

«Уйдите скорее, – восклицает дрожащий Криспаркль. – Ради неба уйдите, Эдвин! Один взгляд на вас удесятеряет силы несчастного!»

«Оставьте меня! – рычит отбивающийся лунатик. – Я хочу вырвать душу его и отправиться вместе с нею в ад! Посмотрите, как он смотрит на меня, глаза его прожигают мне сердце! Прочь! Прочь! Земные черви! Я царь преисподней!.. Отгоните! Отгоните белое видение!.. Туманные руки душат меня. О! Поздно!.. Поздно!» – хрипит несчастный, одолеваемый дюжиною сдерживающих его людей.

Лицо, искажённое бешенством, лицо, на котором лежит печать кары Господней, синеет и падает с глухим треском на пол.

«Это слишком ужасно!» – произносит задыхающийся от волнения Эдвин.

«Там, где является суд Божий, навеки должна лечь преграда к суду человеческому! – говорит Криспаркль. – Наше дело кончено, Всевышний рассчитал вас с ним, Эдвин. Пойдёмте!»

«Да сжалится Он над ним и простит его, как я прощаю!» – отвечает благородный юноша.

По совещанию с доктором минор-канон отправляет немедленно эстафету к ближайшему дому умалишённых в графстве. Больница эта одна из самых знаменитых, но в ней нет приюта для тихих и безвредных пациентов. Здание выстроено совершенно в стороне от большой дороги и на приличном расстоянии от всякого другого жилого дома. Иначе один вой, поднимаемый временами адским унисоном бешеных, распространил бы в очень скором времени заразу в слабых мозгах соседей.

Рассчитав, что часа через два должна приехать за больным больничная стража и экипаж, оба возвращаются домой, решив по дороге скрыть до вечера печальное происшествие от дам и от Дэтчери, мысленно добавляет Эдвин, чтобы не испортить рождественского весёлого обеда.

Они находят обед готовым и всех нетерпеливо ожидающих их. Несмотря на взволновавшую их сцену, оба джентльмена успевают развеселиться в обществе Розы и мистрис Криспаркль. Маленькая Роза сияет счастьем, снова сидя возле Эдди прежних дней, а старая леди бросает довольные взгляды на своего Септа, беседа которого, если не успела совершенно согнать грустную тень воспоминания с лица Елены Ландлесс, зато несомненно вызвала давно угасший блеск огненных чёрных глаз.

Вскорости после обеда Дэтчери изъявляет желание уйти под смутным предлогом дела, и Эдвин как «рыцарь верный в дружбе и любви» сопутствует ему.

Дэтчери угрюм и молчалив, и на этот раз Эдвин Друд не берётся отговаривать его от кровавой перспективы мщения, желая познакомить его с фактами наедине в комнате холостяка. Так доходят они оба в молчаливой задумчивости до кладбища. Поравнявшись с высокими старыми буками, которые высовывают свои оголённые ветви далеко за решётку, словно костлявые руки ночных призраков, намеревающихся схватить каждого прохожего за шиворот, Дэтчери останавливается и, подняв опущенную голову, повёртывает к Эдвину своё бледное лицо, которое кажется ещё бледнее, освещённое холодными лучами зимней луны.

«Эдвин, – говорит он спокойно, но решительно, – я не желаю снова начинать тягостного для себя, как и для вас, разговора, но, дорогой друг мой, почему не остались вы провести остальную часть вечера в доме у минор-канона?»

«Если я в тягость вам, Дэтчери, то расстанемся здесь, хотя, признаюсь, я желал бы сказать вам несколько слов».

«Вы знаете сами, что вы не в тягость мне, Друд, но... всякая дальнейшая попытка с вашей стороны должна быть остановлена мною. Вы понимаете меня, и мне было бы напрасно объяснять вам, что вы только теряете время. Я *должен* остаться один на несколько дней... О, не бойтесь, – продолжает он с грустной улыбкой, – я слишком был радушно принят всеми моими новыми друзьями здесь, чтобы снова тревожить их тяжёлыми сценами и происшествиями. Клоистергэм священен для меня, и пока я в нём ни вам, ни *близким* вам нечего бояться за меня. Надеюсь, мы поняли друг друга. Теперь до свидания, мой дорогой мальчик».

И седовласый радушно, но решительно протягивает ему руку.

«Дэтчери, – произносит Эдвин, задумчиво вперяя взор в него, – подарите мне две минуты ещё».

«Странная просьба со стороны человека, с которым я провёл целый день», – замечает седовласый с видимым жестом нетерпения.

«Когда вы выслушаете меня, – продолжает Эдвин, не обращая внимания на движение товарища, – вы согласитесь сами со мною, насколько я был прав сегодня утром».

«В чём это?» – рассеянно спрашивает Дэтчери, разглядывая сапоги.

«В том, что всегда лучше ожидать суда Божьего, нежели людского и...»

Седовласый, круто повернувшись на каблуках, собирается резко ответить приятелю, но шум быстро катящихся колёс и появление плотно запертой и странной формы кареты заглушает его слова, и он молчит, ожидая более удобной минуты.

Карета, свернув из узкого переулка, заграждает им путь, и оба принуждены придвинуться плотнее к ограде кладбища, чтобы дать ей проехать, но в эту минуту нечеловеческий вой раздаётся из экипажа, и они оба вздрагивают от неожиданности. Дикие крики, за которыми следует, перемежаясь с ними, хохот, более похожий на смех дьявола, нежели на звук из горла человеческого, и затем сердитые возгласы двух других голосов – всё это производит на них впечатление скорее фантастического сна, нежели действительности. Внезапно пробуждённое сонное эхо старой башни звучит за ними, как будто все мертвецы клоистергэмского кладбища затеяли адский хор с гуляющими под луною ведьмами!.. Ещё одна секунда, и вся эта как будто заколдованная вереница исчезает из глаз их, увлекаемая быстрым галопом лошадей; крики затихают в отдалении, и от легендарного ночного поезда остаётся лишь далёкое грохотание колес да крики перепуганных ворон, перекликающиеся в переполохе из теплых гнёзд.

«Что это такое? – осведомляется Дэтчери, широко раскрыв глаза. – Словно все постояльцы Бедлама[273] собрались задать ночной концерт Клоистергэму!»

«Вы ближе к истине, нежели полагаете, – отвечает Эдвин торжественно. – Дэтчери, возле вас сейчас проехало мщение ваше – суд Божий, о котором я вам говорил, свершился!»

«Прошу вас, не говорите загадками, Друд, – замечает резко холостяк. – Мне пора, прощайте!»

«Одно слово и я кончил. Знаете ли вы, кто проехал теперь в этой карете?»

«Полагаю, что и вам это известно не более моего?»

---

[273] Бедлам (*англ.* Bedlam, искаж. от Bethlehem, Вифлеем) – психиатрическая больница в Лондоне (с 1547 г.), первоначальное название – госпиталь святой Марии Вифлеемской. Название Бедлам стало синонимом сумасшедшего дома.

«В ней провезли Джона Джаспера! Человека, через которого, – если бы сам Бог не посетил его сегодня поутру справедливой карой своей, – вы сделались бы Каином, мой добрый друг!»

Услышав это, сильный человек, давно пожертвовавший жизнью своей, человек, который глядел доселе прямо и хладнокровно в глаза позорной смерти, ожидающей его на виселице, – этот человек зашатался и тяжело опёрся на каменную ограду.

«Вспомните слова ваши, Дэтчери, слова, произнесённые вами два раза в продолжение полусуток, – продолжает Эдвин, – “*Если сам Творец только не пошлёт к тому видимой преграды*, Джон Джаспер умрёт от одной руки моей!” Преграда, которую вы так смело вызывали, послана против вас самим Творцом: Джон Джаспер сошёл с ума, безумие его – бешеное исступление, и его увезли теперь связанного по рукам и по ногам в дом умалишённых!»

Ниже, всё ниже опускался к земле седовласый, и вдруг, разом упав на колени, прислонил свою горемычную голову к ограде и зарыдал как ребёнок!

«О, моя несчастная, нищая, покинутая мать! – шептал он. – Теперь хоть ты станешь счастливой, у тебя остался сын!»

Через полчаса оба джентльмена сидели в комнате у Дэтчери, и явившийся Фопперти рассказывал им, насколько узнал сам от Бробите и Бесси, о случившемся с Джаспером.

Долго ходил в эту ночь, расставшись с гостями своими, Дэтчери по своей одинокой комнате, и странное, загадочное выражение не сходило с его сурового лица.

«Так лучше, – думал он, – и сам Бог пёкся о бедной старой матери, в то время как сын её жертвовал собой, принося и её в очистительную жертву... Завтра надо всё кончить... Узнает ли она меня?.. Бедная, как страдала она. И маленькую Бесси тотчас же навещу. О, если бы хоть её сохранил мне Бог».

Подойдя к таинственному шкафу, Дэтчери по привычке стал в первую минуту сводить счёты... Потом разом, схватив щетку, он стал вытирать запись, пока на стене не осталось ни одного знака от меловых чёрточек...

«Кончено!.. – прошептал он, затворяя шкаф. – Человек предполагает, а Бог располагает».

Глава XLIV

Трактуя о различных предметах, приводит читателя к повороту дороги, на котором следует проститься

Для тех, которых судьба окружила многочисленными друзьями и родственниками, благословив вдобавок достаточно лимфатическим темпераментом, для того, чтобы если один из перезрелых плодов, густо усеивающих родственное древо, и отпадёт когда, то тотчас же заменить его другим в своей привязанности; слишком подробное описание последующих сцен было бы непонятно и мало пробудило бы в нём сочувствия. Для тех же, которые родились на свет менее избалованными и находятся приблизительно в том же положении, как и бедная Елена, описание горя её и отчаяния, когда привезли тело брата её из Лондона, было бы слишком тягостным.

Три дня прошло после постигшего Джаспера удара, и на старом клоистергэмском кладбище роется новая могила.

Дёрдльс находится тут в своей сфере. Дёрдльс, мрачный и брюзгливый философ с живыми, делается общежительным, ласковым и весёлым товарищем с «костлявыми». В настоящую минуту он получил приказание минор-канона и выполняет приказание с любовью и рвением.

Клоистергэм, как все маленькие городки, древние либо современные, разделяется на два класса любопытных: любопытных-неумолимых и любопытных-мимоходов. Первые любопытны по профессии,[274] порода их может быть причислена к классу праздношатающихся, вечно суетящихся африканских обезьян. Вторые, если не упустят случая заглянуть в окошко к соседу, когда оно отворено, а они проходят мимо, но зато не оставят дела, как первые, дабы удостоверятся собственными глазами в совершаемом, задуманном и даже в том, чего никто никогда и не думал.

Поэтому первые, как только заметили Дёрдльса, направляющегося к кладбищу с инструментами, рабочими и обеденным узлом, тот же час наводнили древнее место успокоения, боясь пропустить малейший выброшенный камешек, разглядывая с любопытством зоолога-естествоиспытателя всякую окаменевшую от времени кость, будь то череп древнего аббата или хрящик от хвоста такой же древней клоистергэмской собаки, рассуждая, обсуждая и записывая с небывалыми подробностями на скрижалях памяти.

К подобным неумолимым Дёрдльс был ещё суровее и неумолимее их самих.

«Умер кто?» – вопрошает любопытный-неумолимый.

«Нѐшто[275] Дёрдльс копает спальные для вас, живых?» – летит к ним ответ с кучей грязной глины.

«А *на когда* назначены похороны, мистер Дёрдльс?» – настаивает любопытный-неумолимый примирительным тоном, как бы желая пощекотать самолюбие каменщика недосказанной фразой: «Кому же и знать, как не вам первому!»

Но мистер Дёрдльс, поддающийся на льстивые ласки, как медведь на табак, и давно знакомый с ухватками любопытных-неумолимых, ворчит:

«Дёрдльсу нужды мало *когда*; Дёрдльс выкопает вам постель и приготовит вам её, а вы ложитесь в неё, когда будете готовы; ему всё одно!»

Но даже такое печальное приглашение не обескураживает неумолимых.

«А из какого дома будет вынос?»

«Из такого, в котором найдутся двери для того».

И другой пирог из глины летит на вопрошателей.

Могила кончена, и Дёрдльс стоит над ней с любовью и гордостью.

«Нет, – бормочет он, утирая потный нос рукавом фланелевой куртки. – Лондонские-то вòроны такой не выкопают. Места нет у них довольно для того, да к тому и рук таких не будет!»

«К счастью лондонских покойников, что не найдётся для них *таких* рук, чтобы слать им последние постели, так как иначе им всем пришлось бы делать складчину для поднесения куска

[274] Далее зачёркнуто: род.
[275] Неужели (*прост.*).

виндзорского мыла мистеру Дёрдльсу», – ворчит один из обиженных любопытных, отходя в сторону.

Но вот пробил и час, тот страшный для остающихся час, когда могила должна сокрыть любимую особу навеки! Пробил этот час и для Невиля Ландлесса, и тело его должно быть возвращено земле – прах праху; и будет оно лежать там навеки, пока последняя былинка его не исполнит своего предназначения до последнего таинственного превращения!

Хотя любопытные-неумолимые узнали о его похоронах лишь в тот самый час, но вследствие своего врождённого в них безошибочного чутья наводнили клоистергэмское кладбище в ту самую минуту, как тронулась печальная процессия.

Многие помнили красивого юного «африканца», как звали они его, и многие грустно качали головою. Но большая часть обитателей городка находилась под влиянием какого-то суеверного страха, не быв в состоянии сообразить, каким это чудом обвиняемый когда-то убийца очутился на месте убитого, тогда как убитый положительно показывался все эти три дня по клоистергэмским улицам, пугая до истерики слабонервных леди и заставляя даже сильных мужчин бежать от него без оглядки при одной той мысли, что вот он подумает немного, да и снова превратится в привидение.

Является мистер Топ медленной печальной походкой, чтобы отворить двери собора, через которые столько поколений входило и выходило живыми и мёртвыми. Походка мистера Топа могла бы именоваться «собственной топовской походкой», хотя она и разнообразна, и представляет свою отдельную отличительную черту[276] в каждом соборном церемониале. Пономарь практиковался в них целые двадцать лет, и принадлежит к одним из малочисленных личных дарований, которыми он вправе гордиться.

Является и торжественный хор певчих в белых (когда они возвращаются из мытья) спальных балахонах, но – увы! – они являются как стадо печальных растерянных баранов, пастух и покровитель коих заблудился в непроходимой лесной чаще, и отсутствие покровительственного вожатого заметно в их блуждающих голосах и удивлённых взглядах.

Является и главное шествие в похоронных мантиях и с зажжёнными факелами, на которых трепещет, и задувается, и порхает пламя, как столько же блуждающих огоньков-призраков на вершинах заколдованных могил; и по мере приближения шествия похоронный колокол гудит, и стонет, и рыдает, пока тысячи отголосков из древних трещин и полуразрушенных углов и сводов не подхватывают гудения, разносимого на крыльях невидимых ангелов, сочувственно присоединяющих своё стенание к безмолвному стенанию обливающихся кровью сердец, провожающих любимого к могиле.

Могила зарыта, и немногочисленная группа друзей Невиля возвращается к дому минор-канона, и проходит ещё один тяжёлый, печальный день для мистрис Криспаркль и Розы, истощивших всевозможные утешения с Еленой.

Квартира Джона Джаспера стоит пустая со дня его неудавшегося бегства; с самого того времени мистрис Топ заперла её, предоставив в полное распоряжение бесчисленным призракам, вызываемых в продолжение стольких месяцев музыкальным учителем. На другой день после похорон Эдвин в обществе мистера Криспаркля и Дэтчери собрался идти в неё, дабы собрать вещи, принадлежащие Джасперу, и, сложив, позаботиться, чтобы их сохранили в порядке – в неправдоподобном случае, что регент выздоровеет. Очень неприятно и тяжело было для Эдвина выполнять эту обязанность, но он согласился по настоянию Криспаркля. Окончив все распоряжения и наблюдая за выносимыми вещами и мебелью, Дэтчери машинально опёрся на стоящий маленький стол с многочисленными бронзовыми украшениями, и к общему их удивлению из-под него выскочил небольшой потайной ящик, в котором лежал, по-видимому, знакомый минор-канону дневник Джаспера. Признав его и слыша от Криспаркля, до какой степени регент успел ослепить его этими лживыми строками, записанными, по всем соображениям Септимуса, в самые горькие минуты отчаяния, когда сердце регента должно было или излиться на конфиденциальную бумагу, или лопнуть, Эдвин стал с любопытством перелистывать дневник, стараясь найти в нём касающиеся до него места, но в ту самую минуту

[276] Далее зачёркнуто: свою.

Криспаркль заметил в кипе сложенных на полу запылённых книг двойник дневника, и это обстоятельство так поразило его, что он обратил на него внимание и других. Оказалось, что Джаспер, – лукавство которого, вероятно, предвидело за многие месяцы выгоды, которые он мог извлечь из покупки двух совершенно одинаковых, без одной линии разницы тетрадей, – купил две переплетённые тетради, словом, двух близнецов. Тетрадь из потайного ящика была обвита длинным чёрным шарфом, который красовался на шее Джаспера в последний день, когда видали Эдвина в живых. Этот шарф он снял с шеи, всходя по задней лестнице к себе, и Эдвин заметил его висящим у него на руке, как только что регент вошёл в комнату, извиняясь перед ним и Невилем, что заставил ждать его.

Пробежав дневник и оставив в стороне другой, в котором стояли лишь записи, показанные Джаспером минор-канону, трое джентльменов нашли в нём много интересного, чего никак не могли понять до того и что проливало совершенно ясный свет на самые загадочные до того обстоятельства.

«Джентльмены и благородные сотрудники! – восклицает Эдвин. – Целый год розысков и трудов заслуживают, по-моему, чтобы мы позволили себе удовлетворить справедливое любопытство. Я предлагаю составить митинг[277], на котором будут прочтены вслух выписки из этих тайных мемуаров при отборном и дружеском кружке слушателей!»

«А я предлагаю, – говорит Дэтчери, – в число слушателей достойнейшего клоистергэмского философа Дёрдльса как главного виновника того, что вы можете сегодня читать их телесными глазами. Согласитесь, что мы обязаны ему вашей жизнью; тем более достоин похвалы его поступок, что мрачный каменщик всегда предпочитал “костлявых” живым».

«Принято единодушно и с рукоплесканием! – замечает Эдвин. – Кого ещё?»

«Если бы я смел, – отвечает Дэтчери, смеясь, – то предложил бы ещё в члены комитета тень Дёрдльса, Уинкса, сиречь Депутата. Только боюсь, что этот молодой джентльмен будет единодушно заболтирован[278] под опасением всему обществу быть побитым каменьями до окончания интересных выписок из дневника».

«Последнего, – добродушно соглашается минор-канон, – действительно лучше заболтировать. Но о Дёрдльсе, вы правы, его следует пригласить. Он вчера ещё объяснял мне, что главное мучение его жизни состоит в том, чтобы дойти до открытия, каким образом успел Джаспер добыть себе двойной ключ от памятника мистрис Сапсеа. Эта тайна составляет задачу его жизни теперь».

Друзья расходятся, и Дэтчери направляется с тайным желанием зайти посмотреть на маленькую Бесси, чтобы убедиться в её сходстве с любимой сестрой. Он решился открыться и старой матери своей и разом вытянуть её из печальной среды, в которой она погрязла за последние годы.

Но дойдя до переулка, поворачивающего к реке, он замечает идущую по берегу старуху; Принцесса Курилка, видимо, не в духе и угрожает небу кулаками в одиночной беседе с бешеными сожалениями о вырвавшейся у неё из рук жертве.

Минуту, только одну минуту, колеблется ещё Дэтчери и затем поспешно следует за старухой, которая ковыляет по берегу.

Она поворачивает, так как прогулка её, видимо, бесцельная, и холостяк приближается к ней с трепещущим сердцем.

Увидев его, Принцесса не может удержаться, чтобы не приняться за старую хитрость: сильный кашель овладевает ею, и она притворяется, будто не видит его.

Но Дэтчери, поравнявшись с нею, тихо зовёт её, заставляя обратить на себя внимание.

«Мистрис, – произносит он слегка дрожащим голосом, – я бы хотел поговорить с вами».

Она останавливается и, озлившись, сердито отвечает:

«Аль вы так-таки и взяли в голову себе, что имеете право беспокоить да останавливать каждого крещёного человека, что идёт себе по делу? Некогда мне болтать с вами. Ступайте своей дорогой!»

---

[277] встречу (*англ.* meeting).

[278] забаллотирован (*англ.* balloting).

«Я не желаю задерживать вас против вашей воли, моя добрая женщина, – кротко ответствует седовласый с побледневшим лицом. – То, что я желал бы сказать, будет скоро сказано».

«Так говорите скорей! Какая там у вас нужда до старухи?» – ворчит Принцесса неприветливо.

Дэтчери ещё более бледнеет, с трудом выговаривая слова:

«Я желал бы знать... хорошая ли у вас память?»

При этом вопросе, который Принцесса принимает за насмешку, она с бешенством взглядывает на него и хочет уйти, но в ту же секунду, обернувшись, произносит со слезами ярости на покрасневших веках:

«Должно быть, мало знали вы горя да нищеты на веку своём, что имеете сердце, способное смеяться над бедной осиротелой матерью! Это вы на что намекаете? Не на то ли, что вот старая дура ждала-ждала благодати Божьей отмстить негодному развратнику, что погубил невинную ласточку её, как злой коршун... а коршун-то и ускользнул из старых рук её...»

И, залившись слезами бешенства и горьких воспоминаний, старуха ломает свои костлявые руки, приседая на обросший мхом камень, и судорожно рыдает.

В продолжение нескольких минут Дэтчери не произносит ни слова, желая дать время утихнуть этому пароксизму горести. Взгляд его на неё загадочен и губы дрожат.

«Вы неправильно поняли меня, милая моя, – начинает он так же кротко. – Не мне смеяться над чувствами, которые, к несчастью, слишком знакомы мне, как они ни мало христианские... Следите ли вы за мною, мистрис Трендерс?»

Последнее имя он выговаривает, как бы внезапно решась нанести первый удар.

«Кто... кто сказал вам имя это?.. – восклицает старуха, вскочив на ноги и глядя на него обезумевшими глазами. – Неужели Фопперти... Говорите, он предатель, а?»

«Не обвиняйте никого и не волнуйтесь. Приготовьтесь лучше к тому, что я должен сообщить вам, и выслушайте меня».

Старуха, сверкнув на него ещё раз глазами, бормочет непонятные слова, но не двигается.

«Я спросил вас, хороша ли у вас память, потому что желал узнать... помните ли вы все подробности вечера, проведенного вами со мною у минор-канона?»

«Как забыть, ягнёночек! – с горечью произносит старуха. – Не выжила я ещё из памяти, хоть и стара. В тот самый вечер вы сумели залезть мне в душу обещаниями да задабриваниями... так что и вытянули всё от старой, заставив её поклясться потерпеть ещё с расправой... Старая послушалась вас, а теперь вот и ускользнул из рук её тот!»

И она снова яростным жестом морщинистой руки вытирает набежавшие слёзы.

«Вы упомянули нам в то время, – продолжает Дэтчери, не подымая перчатки, – что у вас было двое детей?»

«Не спорю», – лаконически отвечает старуха, глядя в морозную даль.

«Но вы только упомянули слегка тогда о сыне вашем, приписывая все несчастья жизни вашей и нищенскую старость одной дочери? Правильно ли я понял вас?»

«Ну а хоть и поняли, что толку *теперь* с того?» – бормочет Принцесса, бросая на него взгляд ненависти.

«Не расскажете ли вы мне чего-нибудь об этом другом, вашем сыне?»

«Рассказать трудно того, чего сам не знаешь... Он умер!» – говорит она, желая отвязаться от докучливого собеседника.

«Но совершенно ли вы в этом уверены?»

«Слушайте-ка и не гневайтесь за правду, мой любопытный джентльмен, – говорит Принцесса, подымаясь с места. – Не знаю, откуда узнали вы имя, которое так опостылело мне самой, что чем скорее забуду я его, то тем лучше. Не знаю также, почему вам стало так желательно тогда узнать всё, что случилось да приключилось с теми, что не к добру носили это имя, вы успели вырвать у меня тогда то, чего никогда никому я не говорила, о чём боялась думать даже при посторонних, боясь, чтоб не помешали матери отомстить за дитё своё. Поверила я вам тогда, а теперь буду век каяться за то; когда бы не вы, то давно уже висела бы верёвка вокруг *его* бесовой шеи, – [произносит она] с усиливающейся яростью. – Чего вам захотелось ещё узнать от бездомной, осиротелой старухи. Радуетесь, что ли, что помешали один раз, так ищете, не

помешаете ли ещё в чём другом? Напрасно стараетесь, ягнёночек, – продолжает Принцесса со свирепой усмешкой. – Сын, что был, нету его, также как и дочери; да за него не с кого взыскивать. Он утонул!.. Довольны вы теперь?»

«Неужели не сохранили вы о нём никакого более нежного воспоминания, что говорите так равнодушно о его ужасной смерти», – спрашивает Дэтчери, стараясь прочитать яснее в этом морщинистом пергаменте и заглядывая ей в лицо с беспокойной тоской в глазах.

Принцесса оборачивается к нему как ужаленная:

«Спросите у железа, которое выковали десятками тысяч ударов да закалили его в огне, сжигая да пережигая, любо ли было *ему* под ударами, прежде чем оно затвердело!» – и грустно смотрит на холодные волны, убегающие в океан.

«Но почему же вы так уверены в смерти его?»

«А потому, – отвечает она злобно, – что лучше знаю собственного сына, чем вы! Он всегда любил и уважал свою старую мать, несмотря на то, что она была перед ним как неучёная, простая дура. Кабы был он жив, дорогой мой Энри[279], – продолжает она, тихо заплакав на этот раз, – то недолго бы заставил себя ждать. Бедная наша Бесси была для него всё одно, что Божья душа его, и он молился на неё... Нет! Отняла у меня злая судьба обоих детей моих, и чем скорее лягут в могилу эти старые кости, тем лучше!»

Странно слабы бывают в иные минуты нервы старых холостяков! У Дэтчери, глядя на неё, катятся две крупные горячие слёзы по загорелым щекам.

«А что подумали бы вы, – говорит он, дотрагиваясь до дряхлых дрожащих рук своей мощной, но не менее дрожащей рукой, – когда бы вам сказали, что вот уже несколько месяцев, как узнал он, где вы, и узнал даже саму вас, несмотря на страшную перемену, произошедшую в вас в эти пятнадцать лет, но молчал и не хотел открыться вам, боясь разрушить ваше счастье почти так же внезапно, как оно пришло бы к вам?»

«Я подумала бы, что это непохоже на моего Энри, и не поверила бы ни слову из всего этого!» – восклицает торжественно старуха.

Дэтчери нагинается к ней ещё ближе и продолжает:

«А что, если бы явился он сам к вам, удостоверяя вас, что узнал свою мать с самого того вечера, как вы открыли всю горестную свою жизнь минор-канону и мне, и что в то же самое время, как вы искали отомстить негодяю, разрушившему ваше счастье и убившему его сестру, он, ваш Энри, втайне преследовал того же негодяя, решившись пожертвовать собственною жизнью лишь бы пролить самому всю кровь чудовища?»

Старуха взглядывает на него и снова заливается слезами.

«Ох-ох! Мой ягнёночек! – жалобно произносит она, вздыхая и отирая слёзы. – Не говорите вы так со мною! Грех так пытать бедную старуху, что глядит-то прямо в могилу... Зачем вы только говорите мне всё это?»

«Неужели, если[280] сам он пришёл бы к вам и просил бы простить ему поступок его в том, что он не открывался вам из одной горькой боязни сделать вашу жизнь ещё несчастнее, когда пришёл бы час[281] заплатить ему жизнью за жизнь другого, неужели бы вы не простили ему и тогда?»

«Простила бы, но для чего вы говорите мне это?» – спрашивает старуха, едва дыша.

«Потому что я знаю капитана Трендерса, знал его всё это время, когда вы и не подозревали даже, что он ещё в живых, не только что сын ваш находится в двух шагах от вас!»

Она вытаращила на него глаза и стоит теперь, как статуя ожидания... Но не слыша продолжения, хватает его за руку, спрашивая прерывающимся и умоляющим голосом:

«Господь, помилуй нас и сохрани!.. Мой добрый, дорогой джентльмен, что это вы говорите?»

Странная, неожиданная перемена происходит с седовласым; он поспешно снимает шляпу, оглядываясь кругом, и, схватившись другой рукой за седую развевающуюся гриву, стаскивает с себя то, что всякий куафёр[282] признал бы за превосходно сделанный парик. Явившись перед

---

[279] Генри **(*англ.* Henry).**

[280] Далее зачёркнуто: бы.

[281] Далее зачёркнуто: ему.

[282] парикмахер (*устар., фр.* coiffeur).

оторопевшей Принцессой красивым человеком лет тридцати пяти или шести, он восклицает, обнимая её со всей горячностью любви:

«Мать! Моя бедная, старая мать! Неужели ты не узнаёшь меня?.. Меня, твоего пропадавшего так долго, но не забывшего тебя Энри?»

«Энри! – бормочет старуха. – Мой Энри!.. Господи, благослови и помилуй... Нет, это так. Наконец, Господь, хоть Ты сжалился над старой осиротевшей старухой!»

И она падает, задыхаясь, почти без чувств на грудь того, кого мы станем продолжать звать Дэтчери. Картина изменилась как бы волшебством.

Вместо дряхлой, лукавой, пронырливой Принцессы Курилки с её кошачьими ухватками, вечно жалобным нищенским завыванием и наружностью прародительницы семи смертельных грехов на груди холостяка лежит любящая старая женщина, превратившаяся под горячим божественным чувством материнской любви в священную и неприкосновенную для него личность.

Она скоро оправляется от незнакомого ей избытка счастья скорее, чем сама думала и надеялась, так как горячо молилась в эту блаженную для неё минуту – не умереть под влиянием этого неожиданного блаженства.

В то самое время как, взглянув на сына, она ещё раз бросается к нему на шею, почти за спиною у них раздаётся визгливый, неприятный голос, насмешливо восклицая:

«Ишь ты! И не стыдится ведь так целоваться на старости лет, словно сдурела совсем от седых *волосьев,* ей-а! А кто идёт прямо на воробушков? Вона, сам высокородный мэр у вас за затылком! Эх! Да и достанется же её королевскому высочеству от мистера Сап-се-и!»

И чудовищный Депутат заканчивает имя великого ума, присвистнув и пускаясь в неприлично оживлённый танец перед самым носом власти. Видимо, не узнавая Дэтчери, он оглядывает его, раскрыв беззубый рот и похрюкивая носом, всё время моргая ему поочередно на Сапсеа и на Принцессу, как бы желая внушить ему, что хотя он и поймал их, но промолчит, коли тот сумеет купить молчание.

Дэтчери, немедленно обернувшись при звуке знакомого голоса, замечает приближающегося мистера Сапсеа. Великий ум ступает медленно и величественно, не обращая, по-видимому, никакого внимания на происходящее вокруг него, как оно и подобает всякому сосредоточенному в самого себя разуму.

Чувствуя в себе весьма мало желания в подобную минуту входить в неизбежные прения с благородным мэром-аукционером по поводу столь быстрого изменения в наружности, Дэтчери, уловив удобное время, – когда глаза Сапсеа изучают проблему жизни в грязно-серых тучах, нависающих над ним, а Депутат, в видах собственных санитарных воззрений[283] на приятное препровождение времени, стоит на голове, – мгновенно облекается снова в седовласый парик и, надев шляпу, является по-прежнему старым холостяком, праздно живущим на собственные доходы. Едва успел он совершить преобразование, как чёртов «младенец», достаточно изучив земное пространство в ближайшем соседстве с носом, решается занять более нормальное положение и, взглянув по направлению незнакомого джентльмена, находит на его месте без всякой понятной на то для себя причины столь знакомого Дэтчери.

Ужас и изумление попеременно изображаются на лице юного феномена; издав пронзительный свист (обыкновенный проводник всех внутренних ощущений его), Депутат отшатывается назад, восклицая:

«Аль тот, аль та, либо оба черти!» – заканчивая восклицание характерным па, причём, споткнувшись, катится под ноги мистера Сапсеа.

Последний, медитация коего прервана этой неожиданной преградой, удостаивает человечество опустить глаза на землю и к неописанному удивлению своему замечает, что Депутат осмеливается плясать под аккомпанемент свиста, – да, положительно осмеливается на такой неуважительный проступок на собственной, выбранной великим умом тропе! На минуту мистер Сапсеа остаётся как бы подавленным при виде такого оскорбления, но вспомнив тут же, к счастью своему, что царь Соломон допускал подобные представления, поощряя их даже в народе, а далее,

[283] Далее зачёркнуто: стоит.

что вышереченный царь считался весьма неглупым человеком и даже мудрым в некоторых отношениях, великий человек успокаивается и приостанавливает свою прогулку, одарив Депутата коротким, но уже доброжелательным взглядом.

Так как мысли мистера Сапсеа спустились с высот величия и суеты мирской и сам мистер Сапсеа убеждается, что он, к сожалению своему, снова пришёл в соприкосновение с вульгарными земными умишками, то мистер Сапсеа и бросает вокруг себя рассеянный взгляд, который останавливается на Принцессе и Дэтчери; должно быть, великий человек находится в необычайно снисходительном расположении духа в этот день, так как, узнав холостяка, он тотчас же протягивает ему левый указательный палец, прочитав об этой привычке у одного из великих[284] мыслителей своей родины.

Сделав незаметный для других знак Принцессе удалиться, Дэтчери низко раскланивается перед стоящим мэром.

«Чрезвычайно рад, что имел счастье встретить вашу честь, так как эта встреча с вашей честью напоминает мне о некоторой покорной моей просьбе к вашей чести. Свободны ли Вы сегодня вечером, господин мэр?»

Хотя «его честь» знает лучше всякого, что его вечер так же свободен, как и он сам, от всякого занятия, но сей верховный представитель класса верховных двуногих ослов поколебался ответить утвердительно с первого слова, смутно подозревая, что великие занятые умы не должны быть часто свободны от занятий дневных либо вечерних; поэтому под влиянием этой вдохновенной мысли мистер Сапсеа, заложив большие пальцы обеих рук за разрезы рукавов жилета, полузакрывает глаза и, покачиваясь с пяток до оконечности носков и обратно (по другому вычитанному примеру), с видимым колебанием отвечает Дэтчери, что «кажется, насколько припомнит, не занят».

«Так не доставит ли нам ваша честь удовольствие присоединиться сегодня вечером к нашему кружку – все отборнейшие личности – в доме преподобного минор-канона?»

Мистер Сапсеа снисходительно соглашается, но с таким видом, который должен произвести на Дэтчери глубокое впечатление о громадности подобного снисхождения.

«Само собой разумеется, – добавляет великий муж, – и я вполне надеюсь, что собрание это будет принадлежать к разряду облагораживающих, к нечто возвышенному. Полагаю, что цель оного не одно вульгарное желание поболтать, но единственно размен разумных идей, соединение приятного с полезным; ничего такого, словом, что было бы *не* английским!»

Покачивание с пяток на носки и обратно делается величественнее, а самонадеянность в выражении физиономии ещё напыщеннее.

Случилось так, что оба джентльмена, повернувшись, чтоб идти, оба заметили зрелище, вызвавшее краску негодования на лице мистера Сапсеа и краску тщетных усилий, чтобы не расхохотаться, со стороны мистера Дэтчери.

В двух шагах от них Депутат, засунув оба больших пальца за подтяжки и подняв голову к бесконечному пространству, покачивался на пятках и носках в позе, отражающей, как в миниатюрном зеркале, позу мистера Сапсеа.

«Эй, Уинк! Иди сюда», – кричит ему холостяк, приводя необычайным усилием лицевых мускулов физиономию в серьёзное выражение.

«Чего вам?» – осведомляется «младенец», не переменяя позы.

«Сходи к Дёрдльсу и объяви от меня, что я ожидаю его сегодня вечером ко мне ровно в семь часов».

«Ай – вот – словил тебя – де-ржись –
Уѝде, уѝде, уек-кок – *бере-гись*!»

И провизжав последнее слово с завыванием прямо под нос *уму* (с беспримерным нахальством, в глазах этого великого человека), мальчишка отправляется исполнить комиссию тем же медленным и величественным шагом, который перенял у мэра.

[284] Далее зачёркнуто: д.

Вытаращив глаза на исчезающего Депутата, Сапсеа не может прийти в себя от подобного оскорбления, но, стараясь скрыть негодование своё от Дэтчери, произносит как бы вдохновляемый внезапным наплывом филантропии:

«Несчастный ребёнок!.. Какая будущность... Гмм!»

Дэтчери старается изменить течение мыслей обиженного в достоинстве своём Сапсеа и наводит разговор на недавние, поразившие весь город события.

«Гмм!.. Гмм! – мычит великий муж. – Да, странно, весьма странно кончил наш достойный регент, но, может быть, один *я* из всего города разгадал уже давно мистера Джаспера. Он был весьма замечательным индивидуумом, сэр, весьма. Так как я имею всякое основание считать себя справедливым и тонким наблюдателем рода человеческого, сэр, – хотя наблюдения мои ограничивались, правда, пределами моего родного города, который, если и не пространен, то зато доставляет всевозможные самые разнохарактерные материалы для философических воззрений на человечество, тем более для возвышенного ума, – то я давно и понял этого странного джентльмена, вывернув его, так сказать, всего наизнанку одною силою внушительной риторики, но, признаюсь, даже я (тыкая себя указательным перстом в отвисшую жирную грудь), я сам, ошибся несколько в этой загадочной натуре... сэр! Вы, может быть, не поверите такой странной случайности, можете подумать, что я ошибаюсь, что это невозможный, необъяснимый факт, но ручаюсь вам в том, что это так: Джон Джаспер успел, если не обмануть, то ослепить на минуту даже меня!»

Что бы мистер Дэтчери ни думал или во что бы ни верил, но он сохраняет это в самом себе, а вот что отвечает мистер Дэтчери мистеру Сапсеа:

«К чему относит ваша честь то странное обстоятельство, что Джаспер успел добыть себе вход ключом – очевидно, не Вашим – в склеп покойной супруги вашей чести?»

«Не имею ни малейшего понятия об этом, сэр; *я* не могу отдать себе отчёта в нём, поэтому имею право сомневаться в самом факте и даже отвергнуть его! Если факт существует, то он находится вне пределов моего понимания, и я не могу объяснить его, а если *я* не могу объяснить его, то *кто же* может?»

Последняя фраза произнесена с искренним сожалением к остальным мозгам человечества, и мистер Сапсеа выразительно кивает головой, как бы одобряя сказанное.

«Кто знает? – таинственно замечает холостяк. – Иногда самые пустые случайности открывают нам ключ к загадкам, которые не открыл бы сам Сфинкс иначе, но у меня есть некоторое дело, поэтому вы извините меня, если я принуждён оставить вашу честь до той приятной минуты, когда я снова встречусь с благородным мэром у минор-канона».

И с глубоким поклоном Дэтчери удаляется.

Когда Эдвин Друд открыто появился на улицах Клоистергэма, изумление было более или менее разделяемо всей публикой, но более всего кричали, спорили и удивлялись те, которые никогда не сомневались с первой минуты в том, что он убит. К числу последних принадлежал мистер Сапсеа; сей великий муж даже огорчился подобной для себя случайностью, так как она ясно доказывала, что Невиль Ландлесс был напрасно заподозрен в убийстве и даже в попытке на оное, как оно оказалось, а так как Сапсеа в силу своей непогрешимости всегда настаивал на вышесказанном факте, то понятно, что[285] неожиданное появление Эдвина служило явным противоречием неотразимой логике фактов, так представленных мэром. Одна идея о том, что происшествие это послужит к ослаблению его репутации клоистергэмского пророка, бесило и повергало супруга Этелинды в неописанную злобу. Поэтому услышав, что памятник, сооруженный *им*, памятник, который должен был перейти к будущим поколениям в виде *восьмого чуда света*, послужил местом бесчестного притона злодеянию, мистер Сапсеа пришёл в благородное негодование и напрямик отказался поверить заявлению.

[285] Далее зачёркнуто: Эдвин.

Глава XLV

Где берег достигнут, а мы должны сказать: «До свидания»

В этот самый день, когда Принцесса нашла сына, судьба готовила возмездие за доставленное ей счастье, как только она вернулась домой.

Домашний доктор входил и выходил из хорошенького домика дяди Соля чаще обыкновенного в тот день, и соседи из класса любопытных-неумолимых и любопытных-мимоходов чаще выглядывали из окон и ещё усерднее шептались. Первые всегда смелее вторых, даже бегали с самого утра по городу, разнося известия и уверяя за достоверное, что Соломон Бробите был разбит параличом вследствие внезапного испуга по тому случаю, что глухая мистрис Бробите, его мать, в первый раз в продолжение последнего сорокалетия ответила ему правильно на сделанный им вопрос.

Но пока сплетни разносились по городу быстрее легкокрылого ветра, в доме мистера Бробите царствовала лишь одна печальная действительность, та, что маленькая Бесси очевидно угасала, и доктор объявил, что она не доживёт до вечера.

Тихо и неслышно ступают по дому обитатели жилища, говоря шёпотом и боясь потревожить малейшим звуком умирающего, всеми любимого ребёнка.

Принцесса и Соль сидят, не отходя от постели её и глядя на неё, в то время как лежит она, бледная и прозрачная, с таким небесным терпением в глазах; старики чувствуют, что даже смерть обойдётся с нею ласково, дотронувшись так тихо до неё своей ледяной рукою, что ни одна черта этого прекрасного ангельского личика не изменится под прикосновением её!

В последний раз, как выходила она погулять с дядей Солем по городским улицам, детская фантазия её была поражена дешёвой гравюрой, которая и была тотчас же куплена для неё стариком.

Гравюра представляла густое дерево, усеянное почками, из которых некоторые приготовлялись распуститься, а другие едва только формировались. Фантазия, водившая рукою неизвестного, быть может, фанатично набожного живописца, представила только одну из бесчисленных почек дерева, которая вполне распустилась, и из этой почки выглядывала среди цвета маленькая ручка ребёнка, как бы протягивающаяся к другой руке. Над деревом[286] парил ангел, лик которого сиял как бы небесным светом, игравшим нежными лучами вокруг его головы. Одна из простёртых рук его к дереву ласково обхватила уже маленькую ручку из почки, а на шее ангела повисло несколько других детей, очевидно, появившихся из остальных засохших почек. Вдали летел, направляясь к небесам, другой ангел, уносивший других детей.

Повешенное против кровати Бесси это незатейливое произведение привлекало к себе первые и последние взгляды девочки каждое утро и вечер. Глаза её устремлены на картину и теперь с загадочным выражением ожидания.

«Дядя Соль, – говорит она, усиливаясь повернуть голову к старику, – вы *совершенно*, совершенно уверены в том, что вот та большая почка (указывая худеньким пальцем) не распускается? Посмотрите, как она как бы готова лопнуть...»

Старик уверяет её, что ей это так только кажется, что «почка не может распуститься на картине», добавляет он, стараясь улыбнуться сквозь слёзы. Но Бесси только качает головою, настаивая на том, что она видит даже, как рука ангела приближается к той почке, и что она *чувствует*, что сама почка шевелится.

Яркое, хотя холодное декабрьское солнце светит в морозное окно, и Принцесса спешит закрыть внутренние жалюзи, боясь, чтобы лучи его не потревожили девочку. Но Бесси молит её отпереть их снова, говоря, что она желает, чтобы всё было как можно светлее возле неё в этот день, и желание её исполнено.

«Кто знает, – добавляет странная малютка, задумчиво глядя на картину, – может быть солнце и поможет почке скорее распуститься! Я так хотела бы, чтобы ангел взял меня за руку скорее...»

[286] Далее зачёркнуто: б.

Ярко освещают лучи картину, проливая своё сияние и на девочку, золотя ей волосы и нежное, как самый чистый алебастр, личико. Всё ещё держа руку старика в своей руке, она заснула и спит тихим, спокойным сном с улыбкой счастья на устах около часа. Старый Бробите не шевелится, и в комнате царствует тишина, прерываемая лишь лёгким дыханием ребёнка да падающими крупными слезами старика и старухи. Наконец Бесси делает движение, и Бробите, видя смертельную, всё усиливающуюся бледность в ней, чувствует, что настал конец...

Открыв глаза, ребёнок бросает взгляд на картину и, силясь привстать, восклицает радостным дрожащим голосом:

«Дядя Соль, бабушка... посмотрите: почка распускается – вот и пальчики показываются уже!»

Но они не отвечают ей и не скрывают даже слёз, потому что знают, что то предсмертный бред ребёнка, а только жадно прислушиваются к последним словам девочки.

Бробите осторожно опускает её на подушки и не спускает с неё глаз, но Бесси смотрит на картину.

Через несколько минут она слабо пожимает руку старика и тихо произносит:

«Прощайте, дорогой дядя Соль, поцелуйте меня, и вы, бабушка милая, также... Смотрите, – восклицает она, пристально вперив глаза на картину, – смотрите! Почка распустилась, рука ангела достигает уж до моей руки... Как темно сделалось, а лицо ангела сияет как золото!.. Ах… вот-вот мама, и она… уводит свою… уставшую маленькую девочку с собой… наконец!»

С тихой, сияющей ангельским счастьем улыбкой детская головка опускается и детская жизнь отлетает.

Ещё один день канул в вечность, унося с собою в неизмеримое пространство события, принесённые с собою к добру, как и к злу. Весть о смерти Бесси достигает Дэтчери, и с тяжёлым сердцем он благодарит судьбу, что выдержал данное себе обещание, не видав лично ребёнка, так как знакомство с нею, столь похожую на любимую сестру, принесло бы только много лишнего горя для больного, исстрадавшегося сердца его.

В древней, старинной гостиной минор-канона собралось целое общество слушателей дневника Джона Джаспера. Вокруг весёлого трещащего в камине огня за большим круглым столом сидят в терпеливом ожидании все наши старые знакомые и друзья. Добрая фарфоровая пастушка одна выказывает знаки неудовольствия, боясь, чтобы чтение всей этой «языческой мерзости», по её собственному выражению, не растравило бы многих еле заживающих ран в её маленьком обществе. Пёстрый «тропический змей» подвергается в этот вечер в её быстрых пальцах всем предсмертным истязаниям, придуманными её деревянными спицами. Но суровая логика её неодобрения растаяла, как по обыкновению, под сыновними поцелуями слабого и добродушного Септимуса.

«Ма, дорогая моя, – сказал он ей, – всё это придумано Эдвином, и он нашёл бы отказ с моей стороны очень, очень неделикатным. К тому же и Дэтчери...»

«Ну уж лучше и не упоминай о твоём Дэтчери. Этот человек производит на меня впечатление вампира со своим бледным жестоким лицом и седыми кудрями!»

«Вампира, ма! – произносит оторопевший Септ. – Но Дэтчери благороднейший и добрейший малый!»

«Может быть, не спорю. Только этот благороднейший и добрейший человек был бы – лишённый этих двух спасающих его качеств – хуже самого Джона Джаспера, – отвечала старая леди с неумолимой, присущей всем леди парадоксальной логикой. – Я это чувствую».

Побив противника на этом пункте, старая леди, как все крепости, тратящие слишком поспешно заряды свои, принуждена была под конец сдаться и капитулировать.

И так общество собралось. Приехал с вечерним поездом и мистер Грейджиус, таща за собою, как тащит маленький буксирный пароход боязливое купеческое судно, старого мистера Пеккрафта; последний, окончательно закалившись в своих кругосветных путешествиях, решился снова выползти из раковины для этого случая. Явился и клоистергэмский пророк, который

оправдывал своим присутствием в обществе Эдвина справедливость библейского замечания[287]; непогрешимый заявлял о приближении великого ума сильным пыхтением и сопением из прихожей. Позднее всех появились герои происшествия – Эдвин и Дэтчери; холостяк был ещё бледнее обыкновенного.

Они нашли всё общество, ожидающее их одних, и немедля приступили к занятию приготовленных им мест. Эдвин нашёл средство, ловко крейсируя в водах буксирного парохода, вытеснить из занимаемого им возле Розы места мистера Грейджиуса; угловатый только провёл ладонью по голове с затылка до подбородка и с деревянной поспешностью уступил позицию без боя.

Только что они уселись, как служанка объявила им о мистере Дёрдльсе. Войдя в комнату, почтенный друг «костлявых» стал посреди гостиной и, несмотря на все убеждения, простоял всё время в виде каменного гостя; мизантропические ночные наклонности заставляли его невольно жмуриться от освещения, как любого филина из старой башни. Вообще вся наружность его в этот знаменательный вечер представляла из себя изображение сильно помятого ископаемого, только что вышедшего из неравной борьбы с допотопными «костлявыми» из глубины какой-либо неосвящённой могилы.

Встаёт мистер Дэтчери, избранный всеобщим согласием митинга в президенты, *чеерменом*[288]. Подавая минор-канону (в неловком, но приятном соседстве с Еленою) дневник, он произносит:

«Преподобный сэр, леди и джентльмены, прошу позволения предварительно открытию чтения сказать несколько слов в виде объяснительного спича о цели настоящего митинга. Всем нам был хорошо известен некий джентльмен (к сожалению *некоторых*, сильно наказанный самим Провидением) по результатам своих преступнодействий, но не по начальным причинам, не по тайным поступкам вследствие лукавых намерений.

Провидение, наказавшее преступника, не пожелало скрыть навсегда от взоров жертв его всё то, что по совершении преступления казалось столь непонятным и загадочным для многих. Сегодня утром, приводя в порядок вещи и книги, принадлежащие тому, кого нам лучше не называть по имени, найден был самым неожиданным образом этот *дневник* – единственный верный свидетель и улика преступлениям его (следует подробное описание находки). Пробежав оный, я позволил себе ввиду чувств некоторых лиц из числа слушателей вычеркнуть те места, которые бы слишком растравили всю горечь их воспоминаний, и подчеркнув, напротив, красным карандашом все выписки, представляющие ясное объяснение всему, доселе непонятному в его успешных действиях, или же имеющие сильный интерес для присутствующих по самому содержанию фактов.

Не угодно ли вам, преподобный сэр, начать чтение?»

Вынужденный оставить своё уютное местечко мистер Криспаркль, жертвуя собою ради общего интереса, садится напротив мистера Сапсеа (начинающего глубокомысленно дремать) и, открыв дневник, начинает:

«Приехал Нэд сегодня. Мой ад начинается в прогрессивной перспективе с настоящей минуты. Любовь его к Розе – капля холодной воды в сравнении с моей любовью, разгорающейся, как целый огненный океан! Так что ж? Всё же счастье их должно свершиться, хотя меж ними нет ни любви, ни страсти; одна холодная привязанность, долг. О, Боже великий! Неужели должен я видать, как отымают от меня моё счастье, и не трогаться с места? Разве не могу я помешать этому ненавистному браку, но как? О, Роза, Роза! Как ты прекрасна!..»

«О, нет, нет! Не читайте! Я боюсь...» – восклицает маленькая Роза, бледнея и дрожа от одного воспоминания.

«Начало, номер первый!» – замечает фарфоровая пастушка с многозначительным взглядом на сконфуженного Септимуса.

Минор-канон переворачивает две или три страницы дневника и продолжает:

---

[287] «Будут ли они слушать, или не будут, ибо они мятежный дом; но пусть знают, что был пророк среди них» (Иез. 2, 5).

[288] председателем (*англ.* chairman).

«Мы говорили откровенно сегодня с Нэдом. Он признаётся в том, что не влюблён в Розу, но всё же женится на ней, так как то было желание отцов их...»

Роза дуется и отодвигается от Эдвина, шепчущего ей, что это было писано год тому назад.

«Небо великое! А я люблю её так безумно, что готов погубить душу свою навеки из-за неё! О, если бы мог один из нас троих умереть, – я предостерегал его сегодня вечером, насколько осмелился, но он не хочет понять, – и я дрожу при мысли, что он сам подписывает свой смертный приговор!»

Перевернув ещё несколько листов, минор-канон продолжает:

«Надо постараться, если уж я решился, заслужить общее уважение и симпатию тех, которые могут оказать мне нравственную помощь со временем; я посетил сегодня Сапсеа в первый раз и нашёл его тем, чем и ожидал…»

Минор-канон приостанавливается, а великий муж прерывает его словами:

«Да, он выразил мне тогда же своё искреннее мнение обо мне, – произносит Сапсеа самодовольно, – и хотя я и ошибся впоследствии в нём, как это ни невероятно, но он, отдадим ему справедливость, не ошибся *во мне* и сумел оценить меня».

«…Нашёл его тем, чем и ожидал, то есть...»

Совершенно сконфуженный Криспаркль хочет явно пропустить кое-что, но седовласый холостяк, извиняясь перед ним, учтиво (под тем предлогом, что преподобный устал) берёт от него дневник и громко продолжает читать прерванное:

«Я нашёл его тем, чем и ожидал, то есть дураком, обтянутым более мясом и костьми, чем бы следовало на двоих таких же, и с весьма малым количеством мозгов; невежественным болваном, который, не зная ровно ничего, желает убедить весь свет в своём глубоком познании человечества. Я встречал и прежде несколько личностей в его роде, – хотя не до такой степени непроходимо глупыми, – и они были всегда сложены физически, как мистер Сапсеа, – очень тяжеловесны и мясисты. Быть может, такие особи и приносят свою пользу в мире, быть может, общество нуждается для равновесия в подобных мёртвых тяжестях, – если так, то Сапсеа выполняют свою миссию бесподобно. Пока я был у Сапсеа, зашёл Дёрдльс; разговор касался памятника мученице, жене Сапсеа, которую он, вероятно, убил[289] тяжестью своего ума. Внезапная мысль поразила меня там же. Необходимо будет лучше познакомиться с кафедральным криптом[290], и если то возможно, заметить ключ от памятника Сапсеа, сделав на нём такой знак, чтобы легко можно было бы потом узнать и, сняв оттиск воском, добыть такой же. Я тут же решился сделать глубокую насечку на нём с помощью двух других ключей, и успел в этом, незаметно от других ударив ключ сильно и ловко другим ключом. Теперь я узнаю его, когда придёт время».

Во время этого бесцеремонного чтения Сапсеа, сидевший дотоле с крепко сложенными на мощной груди руками, вытаращил глаза и замечает глухим голосом, оттирая пот с высокого чела:

«Леди и джентльмены! Совершенно ясно для всех нас, что несчастный преступник в эту самую минуту носил уже в себе зародыш безумия и сумасшествия! Все слова этого жалкого дневника должны подтвердить несомненную истину того, что я готов доказать перед целым светом!» – добавляет он вызывающим тоном в голосе и с театральным жестом жирной руки.

Никто не обращает, впрочем, никакого внимания на[291] вспышку раздражённого ума; минор-канон получает опять дневник из рук Дэтчери и принимается снова за чтение с тем же сконфуженным лицом и краскою на щеках.

«Едва начинал созревать у меня в мыслях план о физической преграде к ненавистному браку, как вчера сама судьба помогла мне. Нэд и Ландлесс поссорились, и теперь мне становится ещё легче действовать. Ландлесс влюбился в Розу с первой минуты;[292] ловко возбудив в нём ревность и ненависть к Нэду, я могу заставить подозрение суда и публики пасть на этого черномазого дурака и таким образом одним ударом избавиться от обоих».

Заглушённый стон горя и отчаяния раздаётся из угла, где сидит печальная Елена, и рыдающая девушка обращает на себя все взоры.

---

[289] Далее зачёркнуто: сво.

[290] Речь идёт о Дёрдльсе.

[291] Далее зачёркнуто: эту.

[292] Далее зачёркнуто: и.

«Я так и знала, что это тем кончится!» – раздражённо замечает пастушка, спеша на помощь к плачущей сестре Невиля и отбросив в негодовании своём далеко от себя пёстрого «змея» прямо на колени Сапсеа.

Последний рассеянно рассматривает вязание, не обращая ни малейшего внимания на происходящее, – так поражён великий ум незаслуженным оскорблением.

Когда Елена оправилась от этого нового удара, все снова садятся по местам и чтение продолжается:

«Сапсеавская гробница окажет мне великую помощь. Я совершил своё путешествие с Дёрдльсом в крипт, и пока он находился под влиянием мёртвого опьянения от примеси моего сонного порошка к подаренной ему бутылке джина, я успел снять оттиск с ключа и обойти все галереи склепов один. Я увидал довольно, чтобы вполне убедиться, как легко будет мне избавиться навеки от Нэда. Зачем он не послушал моего предостережения? Скрыв тело его в гробнице, пока не утихнет первое впечатление в умах и не прекратятся поиски о нём, мне будет нетрудно затем бросить его остатки в яму с крепкой известью, указанную мне Дёрдльсом, скрыв таким образом навеки концы».

Минор-канон умолкает, и дрожь ужаса пробегает в маленьком обществе при одной мысли о страшной участи, готовившейся бедному Эдвину. Все глаза устремляются в эту минуту с выражением благодарности на Дёрдльса, всё ещё неподвижно стоящего посередине комнаты как сам призрак, вылезший из извести и мусора.

Все глаза, говорим мы, кроме глаз Сапсеа, так как никакое ужасное происшествие не могло бы поразить его теперь более, чем он поражён в своём достоинстве и самоличном мнении.

«Дёрдльс полагает так, – внезапно выговаривает дотоле безмолвный призрак, – что когда бы Дёрдльс да окунул его в ту самую ночь головой вперёд в эту яму с извёсткой да прикрыл бы его хорошенько камнем как “костлявого”, то лучше бы было и для самого грешника, и для всей остальной компании!»

И, облегчив себя таким удивительным заявлением готовности к самопожертвованию, Дёрдльс умолкает, снова впадая в каменную неподвижность.

Мистер Грейджиус заявляет также в первый раз в этот вечер хотя угловатое, но справедливое мнение, что он удивляется, как громы небесные давно не поразили музыкальную особу, способную на такой дьявольский, адский план! Как небо не упало на него, чтобы раздавить его?

Хотя замечание его адресуется вообще к публике, но глаза его, рассеянно устремлённые на сопящего Сапсеа, заставляют последнего принять слова его обращёнными к себе, и он тотчас же отвечает с достоинством следующее:

«Без всякого сомнения, дорогой сэр, что подобная участь легко могла бы и даже, прибавлю, должна была бы, по всем вероятиям, постигнуть низкого преступника, если бы, к счастью своему, он не жил в Клоистергэме, где живут *другие*!»

Последнее слово, хотя выраженное во множественном, тут же ясно понято всеми в единственном роде; и присутствующим внушено, что небо, конечно, упало бы на Джаспера во всяком другом месте, кроме того города, в котором жил украшающий его ум. Из одного сожаления к земной планете, которой невозможно было бы заменить такую драгоценность возвышенного разума, небо приостановилось в своей карающей миссии из уважения к мистеру Сапсеа, живущему в осуждённом и проклятом – через грешника – городе.

Как только публика успела переварить эту замечательную истину, чтение продолжалось.

«Как сожалею я, что втянулся в эту несчастную, губительную привычку курения опиума. Пробуждение от оного ужасное. Страшное видение посетило меня во сне сегодня. Видал Бесси Трендерс, и мёртвая говорила со мною; непонятные угрозы лились из мёртвых уст. Я должен сжечь письма, адресованные к Ренлоу, в эту же ночь. Если кто посторонний прочёл бы их, мне могли бы они наделать неприятностей. Ребёнок её у Педларов. Фопперти может оказаться мне полезным, хотя я и не думаю, чтобы его сребролюбивая душа согласилась на преступление, задуманное мною. Слишком опасно пуститься на убийство из одной денежной выгоды. Завтра сочельник Рождества. Нэд и Ландлесс ужинают у меня. Всё готово и обдумано. Как бы я желал, чтобы всё уж было кончено и свершившимся!»

На этом месте дневника Елена и Роза, обе, заливаются слезами и объявляют, что не могут слушать далее. Маленькая Роза, закрыв глаза, прячется за спину Эдвина, который успокаивает её с помощью Грейджиуса, и общество решается продолжать чтение.

«Джон Джаспер – убийца! Огненные слова эти рисуются передо мною день и ночь. О, несчастный, зачем я так поспешил! Опекун Розы, этот холодный автомат на сломанных рессорах, посетил меня сегодня вечером после целого дня *тщетных* поисков тела Нэда. Я узнал, что преступление было бесполезно. Роза и Нэд решились разойтись по обоюдному соглашению, и оба сделались свободны в другом выборе. Великий Боже! Зачем не узнал я этого ранее? Поздно, поздно! Как неосторожно и глупо с моей стороны сохранять этот дневник. Завтра сожгу его. Он погубит меня. О, несчастный мальчик, я плачу кровавыми слезами теперь за совершённое мною. Но тише, я не должен позволить раскаянию моему ослепить меня к другой опасности! Молодой Ландлесс может ещё явиться главной преградой между мной и Розою. Роза могла узнать через сестру его, что она любима им; я должен найти против него окончательную улику и избавиться от него, если не виселицей, то довести его преследованиями до бегства из этой страны. За дело!»

«Помню хорошо, – замечает «автомат со сломанными рессорами», – тот вечер, о котором он упоминает. И с той самой минуты убедился в глубине души своей, что сам он был преступником, которого так искал. Но прошу вас, продолжайте, преподобный сэр!»

«Если какое-либо подозрение возникло против меня в Криспаркле,[293] – а я убеждён, что если не он сам, то другие помогли ему в том, – то я заранее нашёл средство для противодействия. Во время ссоры Невиля Ландлесса с Нэдом мне пришло в голову сделать двойное издание дневника, и в самый вечер ссоры я записал в нём как бы предчувствия свои о могущих случиться последствиях. После *удачи моей* я сделал новую запись в пользу преподобного идиота...»

(«Да, – перечитывает Криспаркль, – “преподобного идиота”, и он не ошибся в имени, сознаюсь в том искренне и униженно!»).

«...Идиота, с тем чтобы отвести ему глаза, поверяя ему одному писанное. Последняя моя запись упоминала о том, что я поклялся посвятить остаток дней своих на отыскание убийцы и никогда более ни с кем не начинать разговора об убитом племяннике. Таким образом я достиг двух целей разом: иметь предлог избавиться от скучной необходимости притворяться с надоедающими мне личностями и ослепить его так, чтобы ни малейшее подозрение не коснулось бы его в случае, если я сделаю предложение Розе, а он узнает о том. Тактика удалась. Сладенький, краснощёкий ханжа стоит за меня горою, я читаю это в телячьем выражении глаз его».

«Последние вульгарные выражения, – восклицает в сильном негодовании старая леди, затронутая за живое в любимом сыне, – отымают от этого человека даже всякую поэзию преступления. Джаспер – низкий и неблагодарный человек!»

«Он совершенно прав, милая ма, – отвечает Септимус, искренне смеясь над своим портретом и над негодованием матери. – Он одурачил меня лучше всякого другого в этом деле, и боюсь, что многие из присутствующих разделяли его мнение. Более: я сам разделял бы его, если бы совесть[294] не успокаивала меня в отношении исполнения в этом случае первой христианской обязанности: “Не осуждай, и не осудим будешь!”[295]»

«Само небо заставило его позабыть об истреблении этого дневника, – замечает мистер Пеккрафт задумчиво, нюхая табак и поглаживая больную ногу. – Иначе много поучительного осталось бы нам неизвестным».

«Роза мне отказала, – продолжает читать Криспаркль, – отвергнув моё честное, страстное предложение с презрением и негодованием! Вся жизнь моя будет посвящена с этого дня к погибели этого чёрного негодяя, которого, я уверен в том, она любит!»

Несколько далее дневник содержал следующее:

«Условился с Фопперти насчёт его поездки в Лондон: он должен нанять квартиру в том самом доме, где живёт Роза, помещённая там своим ненавистным мне опекуном, и стараться,

[293] Далее зачёркнуто: то.
[294] Далее зачёркнуто: моя.
[295] Лк. 6, 37.

следя за нею, узнать, где скрывается Ландлесс. Решился увезти её силою, и завтра же условлюсь о цене с одним человеком».

Эдвин взглядывает при этом вопросительно на Розу, замечая, что желал бы узнать от неё неизвестные ещё ему подробности этого злодеяния. Губы его сильно дрожат при одном воспоминании о поступке Джаспера, и теперь очередь Розы успокаивать его.

«Встретил Сландеса сегодня – самого нужного мне человека в настоящую минуту. Давно было потерял его из виду. За деньги всё готов сделать. Обещал доставить мне Розу, похитив и держа взаперти в своём доме, пока я не явлюсь. Надеюсь, что похищение удастся ему».

Далее: «Всё благоприятствует моим планам. Роза в моей власти, и она должна будет выбирать: или выйти за меня замуж, или же умереть в своём заточении у Сландеса. Я предпочитаю видеть её мёртвую, нежели женой другого! Еду в Лондон вечером к старухе, которая, мешая мне опиум, доставляет своим зельем самые счастливые минуты жизни моей! Упившись блаженством (даже во сне оно блаженство), зайду к Сландесу узнать, как поживает там мой идол.

Проклятие! Роза убежала, – о, какой демон преследует мою любовь? Отчаяние моё столь сильно, что сама смерть была бы легче для меня!»

Одна из последних заметок дневника была, очевидно,[296] писана под влиянием тяжёлых предчувствий и содержала следующие строки:

«Какой будет результат всех этих неудачных попыток? Я чувствую себя в положении человека, запертого в тёмной комнате, полной диких зверей, из которых я не могу видать ясно ни одного, и ожидая, однако же, каждую минуту, что один из них вспрыгнет на меня и задушит в темноте. Что ж, бояться нечего: кроме смерти ничего не будет худшего, а я решился. Что-то ужасное ожидает меня, я это знаю: днём – вследствие непонятных, но ясных предчувствий, ночью – вследствие страшных, тяжёлых снов. Более всех ненавижу я и боюсь, несмотря на всю учтивость обращения его со мной, квартирующего подо мной Дэтчери. Откуда явился этот человек? Зачем глаза его так преследуют меня и как будто стараются вычитать всю душу мою! Где видал я его прежде, не помню; мне даже кажется, что никогда я не видал его самого, но как будто знал кого-то, кто имел с ним далёкое сходство...

Непонятно! Я должен сжечь этот дневник, но не сейчас ещё. Подожду, пока смогу убедиться, что опасность близко; чувствую какое-то мрачное удовольствие перечитывать страницы его, напоминающие мне так живо сердца ненавидимых мною, которые я сумел так заставить обливаться кровью!

Теперь запру его в потайной ящик вместе с чёрным шарфом, купленным мною для Нэда, и оставлю их вместе в компании – один достоин другого. Я не имел духу решиться после того, как ошеломил Нэда ударом свинцовой палки по голове, задушить его собственными руками и шарф сделал верно и исправно своё дело. Потерянный мною ключ наделал мне много хлопот. Я должен был ожидать другой экспедиции в склеп и не имел времени и тогда снять другой снимок. Странно... мне даже кажется, что ключ этот не находился с другими. Я не имел, однако же, времени вполне убедиться в том, так нелепо подействовало на меня это видение в склепе – дитя расстроенного воображения. Надо будет серьёзно заняться, однако же, переноской останков убитого тела в известь. Удивительное счастье благоприятствовало мне с тех пор, что это пьяное животное Дёрдльс ни разу ещё не заглянуло в склеп Сапсеа... Но кто взял платье, положенное мною в подземный склеп? Очевидно, что я ошибся местом и что оно лежит нетронутое там до сей поры. Не вся надежда пропала ещё... О, когда бы я мог освободиться от этого ненавистного Дэтчери!»

«Конец, – замечает минор-канон. – Эта заметка, как видно по числу, была написана за несколько дней до происшествия ужасной ночной бури. Вероятно, открытие исчезновения тела мистера Друда заставило его потерять голову, иначе, быть может, и вам пришлось бы плохо, мой дорогой сэр», – прибавляет весело Криспаркль, глядя на седовласого.

Не понимая доселе, почему Джаспер так ненавидел Дэтчери, так как почтенный каноник никогда не догадывался о настоящей цели пребывания в городе холостяка, а последний открылся

[296] Далее зачёркнуто: на.

только одному Эдвину да Пеккрафту в последний день, мистер Криспаркль не видел далее того, что ему говорили. Знай он о кровавом мщении, затеянном братом Бесси, он никогда бы не продолжал так долго дружбы своей с Дэтчери или же испортил бы всё дело несвоевременным открытием. Но мистрис Криспаркль как женщина была дальновиднее его, и поэтому, когда Септимус обратился к холостяку со следующим вопросом, пристально устремила глаза на старого холостяка.

«Не откроете ли вы нам теперь, Дэтчери, – говорит Криспаркль, – причину, заставившую вас принимать так к сердцу уличение Джаспера?»

Но Дэтчери, сильно побледнев, извиняется, намекая что-то о том, что когда-нибудь преподобный узнает всё, и, встав поспешно с места своего, раскланивается. Но Эдвин не допускает его уйти и силою заставляет снова сесть, в то время как любопытная старушка качает многозначительно головою с чувством обманутого ожидания.

«Великая тайна исчезновения Эдвина Друда объяснена», – говорит Дэтчери, желая замять разговор о самом себе, направив его на другую жертву оскорбления Джаспера, мистера Сапсеа, который дремлет на кресле своём, сохраняя даже в спящей позе выражение горделивого достоинства.

«Узнав от самого преступника о хитрых мерах, принятых им, не мудрено, что *даже догадливый* мистер Сапсеа был обманут им, зная, по-видимому, как и прочие, о невозможности, в какой он находился, добыть от Дёрдльса ключ от памятника».

Услыхав впросонках имя своё, Сапсеа выпрямляет кивающую голову, которая уподобляла за несколько минут до того великого мыслителя китайским глиняным мандаринам с головкой и шеей на рессорах, и, величественно вытаращив глаза на публику, так же величественно встаёт, дабы проститься. Совершенно ясно для всех, что благородный мэр чем-то недоволен и даже как будто бы потерял частичку обычной всегда ему самоуверенности. Но он чувствует, несмотря на это, что не может оставить общество под губительным впечатлением своей психографии[297] в дневнике, и поэтому, откашлявшись и став в приличную ораторскую позу, обращается к сидящей публике:

«Леди и джентльмены, чтение из этого замечательного дневника поразило не одного *меня* (выразительный указательный палец стреляет в грудь). Все мы узнали в строках оного развращённость души автора в совокуплении с жестокосерднейшим лукавством – таким, что почти невозможно было бы найти ему подобного в другом англичанине. Выслушав, словом, до конца историю этой низкой души и выслушав оную, так сказать, с непредубеждённым умом, и даже с расширенным годами размышления умом, добавлю, – он останавливается тут незаметно, дабы дозволить им лучше пропитаться насквозь этой парентетической[298] сентенцией и затем, как бы опасаясь, что они всё-таки не раскусили слово, повторяет его ещё величественнее, – да, с расширенным умом, я дошёл до собственного заключения. Быть может, вы удивитесь тому, что я успел *прежде всех других* дойти до разумного заключения; быть может также, что, зная меня за человека, дошедшего до совершенства в искусстве разгадывать с первого взгляда, так сказать психометрически, все тайны человечества, там, где бы всякий другой вульгарный ум споткнулся бы только о непреодолимые препятствия, вы и *не* удивитесь. Но с какой бы стороны вы ни глядели на это дело, а факт останется фактом; и я повторяю, что пришёл к верному заключению обо всём читанном, которое и есть следующее: всё это дело представляет такую путаницу и бессмыслие, а что хуже всего, в нём так явно проглядывает желание со стороны этого человека, Джаспера, столкнуть меня с вышины заслуженного мною пьедестала общественного уважения как мэра города и частной личности, кои положения в обоих случаях, как всякий согласится, настолько выше критики, что заставляют даже ядовитую зависть замолчать, – что я заключил из всего этого, что всё дело, как оно теперь явилось перед нами, самая антианглийская, повторяю, антианглийская штука, о которой я когда-либо слыхал».

Окончив своё замечательное решение, мистер Сапсеа прощается со всеми, и с большим достоинством и учтивостью величественно уплывает в обитель лучшего украшения родного города.

---

[297] Психография (от *греч.* psyche – душа и graphein – писать) – описание личности.

[298] вводной (*англ.* parenthetical).

Быть может, было бы кстати теперь, как мы должны проститься с великим человеком навсегда, упомянуть о том, что мистер Сапсеа прожил до глубокой старости и никогда во всю свою жизнь ни разу не отлучался далее внутренних стен древнего кафедрального городка.

Да и к чему было бы оставлять ему его? Не было ничего на свете, по его понятиям, чего бы он не знал ни на самом земном шаре, ни вне оного, чего бы он не понял или не разгадал; чувствуя это и справедливо гордясь подобными познаниями, он не имел другого желания, как прожить весь свой век в виде гигантской устрицы, выбравшей себе такую же мамонтовскую раковину, составленную из суетного величия, из коей раковины он временами вылезал под прикрытием брони её лишь для того, чтобы удивить глазеющую на него публику чрезмерной обширностью как физических объёмов, так и объёма пустого пузыря, служившего ему головой.

Он сочинил собственную эпитафию для памятника своего задолго ещё до смерти – происшествие (мы говорим о смерти его), в неизбежность коего он даже стал под конец сомневаться, так как подлежало большому сомнению в великом его уме то обстоятельство, откуда достанет себе столько смелости курносая посланница, чтобы решиться схватить его, Сапсеа!? Заблаговременная эпитафия висела в собственном его рабочем кабинете в золотой раме и под стеклом. Часто огорчала его мысль, что общественные условия не дозволяют ему заранее, ещё при жизни своей, велеть её вырезать на мраморном памятнике и поставить пока над пустым склепом на восхищение и удивление проходящей публики. Но он стал чаще зазывать к себе гостей в последнее время и всегда сажал их прямо на нарочно устроенный для того диван против эпитафии №2, достойной сестры первой, этелиндиной, которая была снова вырезана над её новым, ещё более великолепным монументом на клоистергэмском кладбище; она поражала своим красноречием и трогательной скромностью всякого посетителя, удостоенного быть принятым автором её.

Клоистергэмская хроника сохранила её не в одном воспоминании грядущих поколений. Как мэр города мистер Сапсеа, воспользовавшись своими правами украшать город всевозможными редкими произведениями, приказал вырезать её дубликат на мраморе золотыми буквами (наскучив, вероятно, так долго ждать её появления над своей собственной усыпальницей) и распорядился, чтобы её вделали в одну из стен судебной камеры на самом видном месте.

Эпитафия была следующая:

«Под сим покоится
Томас Абрахам Сапсеа,
владелец при жизни своей
возвышенного ума,
пропитывающего мгновенно всё встречаемое им,
невзирая на то, что природа оделила его
редкими умственными дарами,
встречаемыми от века до века в простых смертных
“не более”,
он не забывал в душевной щедрости о невежестве
своих ближних,
стараясь развить их по мере их слабой способности
своими
мощными умственными силами.
Творец восприветствует с радостью на небесах
подобный разум,
с помощью коего Ему станет легче управлять могучей
планетарной системой.
Прохожий!
Прочти и удивись!
С благоговением
помолись,
чтобы подобный ему ум мог возрождаться в каждом

из веков грядущих!»

Так как подобные умы встречаются почти во всяком городе, и даже городке, станем надеяться, что «намёк к прохожим», заканчивающий эпитафию мистера Сапсеа, был понят и выполнен пунктуально и религиозно всеми прохожими читателями этой прекрасной загробной идеи.

Глава XLVI

Заключение

Путник, встречающий по дороге своей таких же товарищей-путников, с которыми он сближается и дружится, чувствует иногда, даже несколько лет спустя, любопытство узнать кое-что об их последующей жизни и похождениях.

Автор, принимая за правило, что какое-нибудь подобное тому чувство всегда существует в груди хотя бы некоторой части своих читателей и что им приятно было бы узнать о судьбе героинь и героев нашего рассказа, за жизнью коих они следили в продолжение целого года, берёт на себя доставить им все желаемые сведения.

Ровно через год после смерти Невиля, по снятию печального траура, Елена Ландлесс отдала руку свою (сердце было давно отдано) преподобному Септимусу Криспарклю, и трудно было бы сказать, кто был счастливее в день брака, сам ли минор-канон, или же проливающая слёзы радости хорошенькая фарфоровая пастушка.

В этот самый день подобная церемония свершилась над Эдвином и Розою, и хотя свадьба была весёлая, а лица сияли счастьем, но тёмное облачко явилось на светлом горизонте по причине отсутствия мистера Грейджиуса, который, несмотря на своё обещание приехать, не приехал однако же, а прислал Баззарда с запиской, в которой извинялся лихорадкой. Если бы весёлая чета, сидящая на своём свадебном пиршестве, вместо того, чтобы грустно переглянуться, могла бы перенестись каким чудом под сень загадочного *П.Ж.Т. 1747,* то она увидала бы вместо ожидаемой ею картины, представляющей мистера Грейджиуса в ночном колпаке и под десятью одеялами, мистера Грейджиуса, тихо шагающего (вместо обычной ему рыси) по комнате, одинокого и печального; она увидала бы так же, как странно смотрел он на маленький миниатюрный портрет красавицы, сильно напоминающий Розу, и как старик становился на колени с благоговением, едва смея прикасаться к нему губами, целовал его и плакал, и потом опять целовал и снова принимался плакать.

Часть капитала, предоставленная в пользу сына по совершеннолетию его отцом Эдвина фирме, преуспела за последние годы и сильно округлилась. Не желая противоречить своей маленькой жене, которая сильно не любила воспоминания о злополучном Бельцонни[299], съеденного летучими мышами в фараоновской пирамиде, так как он был причиной одной из её детских ссор с Эдвином, последний решился пойти по стопам отца и заняться выгодной торговлей древностями. Фирма не переменила имени и оба имени блистают по-прежнему между безносой сиреной и младенцем-крокодилом. Мистер Пеккрафт предоставил почти все дела молодому Эдвину, страдая всё более подагрой, но если он кажется ещё свирепее с другими, то зато балует маленькую Розу хуже Эдвина; власть её над старым ворчливым подагриком так велика, что даже когда в припадке юношеского воображения она выкинула из конторы толстого турка, безмятежно курившего свою трубку на одном и том же месте в продолжение более тридцати лет, под тем предлогом, будто глаза мусульманина напоминали ей о чёрных глазах Джаспера, мистер Питер Пеккрафт не сказал ни слова против подобного святотатства, но просто приказал Столопу отнести осуждённого в чулан наверх.

Капитан Трендерс, он же и Дэтчери, живёт с матерью недалеко от Эдвина и Розы Друд. Принцесса бросила опиум и преобразилась под влиянием сына в чистую, простую старушку, какой она была и до несчастья своего.

Фопперти Педлар служит у Трендерса, который, благодаря своим нажитым в Индии средствам, сделался поставщиком ост-индских кораблей. Родительница, напившись мертвецки пьяной в день похорон маленькой Бесси, чтобы «залить тоску», как она выразилась, свалилась или, скорее, провалила под собственной тяжестью полуразрушенную лестницу дома в Грязном переулке и отправилась к предкам Педларов.

[299] Джованни Баттиста Бельцони (1778–1823) – итальянский путешественник, авантюрист и расхититель гробниц, который стоял у истоков создания крупных коллекций египетского искусства в Западной Европе.

Грейджиус ежедневно навещает питомицу и Эдвина, но, несмотря на все их просьбы, ни за что не соглашается переехать к ним на житьё. По его словам, он такой угловатый человек, что, расставшись со своей угловатой квартирой и угловатой мебелью, не прожил бы и одного года; к тому же он не может бросить бедного поэтического мрачного Баззарда, который бы пропал без него. Таким образом, принципал и писарь, оба, продолжают жить и здравствовать под дружеским *П.Ж.Т.*, словно молящего их, указывая кривыми буквами над их дверью: *«Прошу Жить Там»*.

Мистер Баззард к тому же окончил свою трагедию наконец, но «Терние мучения» действительно оказалось для него тернием, до такой степени боится его мизантропическая натура увидать своё имя в печати; поэтому до сего времени один мистер Грейджиус служил ему публикою и вынужден выслушивать чтение оной трагедии по два раза в месяц, так что и для него она навеки преобразилась в колючее «терние мучения».

Портрет Розы, так долго висевший над камином у Джаспера в доме у калитки, был подарен мистеру Грейджиусу, и немного странно, что этот почтенный джентльмен в тот же самый день подарил его мистеру Тартару в свою очередь. Вообще достойный угловатый чувствовал и чувствует непонятное влечение к загорелому лейтенанту (смуглые щёки которого очень побледнели было в первое время замужества Розы) и заходит к нему так же часто, как и к Друдам. Мистер Тартар, вероятно по симпатии с Грейджиусом, также отказался присутствовать на свадьбе Розы, по болезни. Он почти не видится с ними, проводя большую часть своих дней на высотах волшебной страны заколдованного горошка, и слишком часто, посматривая на капризное, полное детской прелести лицо мистрис Друд, плавает с нею по фантастическому океану воспоминаний в уютной адмиральской каюте, часто вздыхая притом.

Неизвестно ещё, потому ли, что Дёрдльс был поражён страстью Депутата к побиванию каменьями всех и каждого, или же потому, что чудовищный «младенец» сделался необходимым его счастью, но только достойный покровитель «костлявых» решил в глубине своего сердца, что для Депутата оставался лишь один «предмет в виду», а именно – сделаться по его примеру каменщиком. И так, после бесконечных переговоров и нравоучений от Дёрдльса в третьем лице, [предпринятых] Дёрдльсом в первом, последний успел, наконец, в своём намерении и привёл Депутата к хорошему концу. В скором времени чёртов «младенец» сделался отличным каменщиком, как и следовало ожидать, побивая только временами, в силу неизгладимых воспоминаний, окна Джаспера, грустно выглядывающие из пустой квартиры, которую никто не нанимает из суеверного страха.

Топы продолжают жить по-прежнему. С тех пор как деятельная мистрис Топ потеряла разом своих постояльцев и ей [стало] некому более служить, она со скуки и ради супружеского препровождения времени накинулась на горького Топа. Несчастный пономарь проводит жизнь свою с постоянным туманом перед глазами. В мыслях его хаос сделался ещё безотраднее со времён всех непонятных для него ужасов, превращений и тайн. Лучшие часы его дней проходят в соборе, где он может, не страшась брани, вопрошать о прошлом каменных святых и мифологических химер, украшающих их обитель старого времени. На одном пункте только супруги не расходятся: по их словам, мистер Джаспер был невиннее новорожденного младенца, а всё несчастье его началось с тех пор, как поселился у них этот «седой, чернобровый квартирант», который заколдовал бедного регента.

Мисс Туинкельтон всё продолжает содержать в старом «Доме монахинь» свою «Семинарию для респектабельных молодых леди», как гласит надпись над одиноким, ярко вылощенным медным глазом. Овальный глаз этот также продолжает таращиться, как и по-старому, на горделиво восседающего под мелко завитым париком родителя мистера Сапсеа, которому снова приклеили голову по приказанию огорчённого сына. Болезненная Тишер[300] всё так же остаётся верной наперсницей принципалки своей и по-прежнему страдает слабостью спинной кости и хроническими вздохами.

Вскоре после свадьбы Розы, на которой мисс Туинкельтон превзошла саму себя изящностью и красотою обеденного спича, искрившегося в виде Млечного Пути красноречивыми цитатами из классных учебных книг, эта достойная девствующая матрона прислала мистеру и мистрис Друд

[300] Tisher.

раздушенную записочку с пожеланиями всего лучшего для новобрачных и небольшой пакет. По открытию оного в нём было найдено циркулярное печатное объявление о семинарии с подробным тарифом для желаемых преподаваний девицам. Ни Роза, ни Эдвин долго не могли догадаться о значении этой посылки, пока Эдвин не вывел то заключение из этого деликатного намёка, что могущее приключиться со временем обстоятельство, когда им понадобится семинария для дочерей Розы, осветило заранее предусмотрительный ум престарелой девы, на что Роза, покраснев до корня своих хорошеньких ушей, убежала, восклицая: «Нет, Эдди, пожалуйста, нет! Не говори!», затыкая алые уши двумя пальчиками.

Мистер Столоп остался в услужении новой торговой фирмы весьма недолго, всего несколько месяцев, и никогда не мог простить Эдвину женитьбу его на Розе, считая его самым злым врагом своим, пока окончательно не попросил увольнения. Он не сказал причины своего удаления, но только намекнул, что так лучше будет для обоюдного спокойствия. Простившись и уходя из дому, в котором провёл столько лет, он подал Эдвину записку с весьма странной просьбой, распечатать её ровно через полчаса после его отъезда. Исполнив желаемое, Эдвин тотчас же отнёс записку к Розе наверх, и, открыв её, они нашли, что она начиналась цитатой (из шекспировской трагедии), немного изувеченной для удобнейшего применения к обстоятельствам:

«Он не открыл любви,
Дозволив тайне, как червяку на Розе,
Грызть сердце, отражаясь на классической щеке[301]!
Злополучному Столопу, сэр, остаётся лишь умереть, коль скоро “тать”[302] ночной лишил его последнего сокровища!»

Записка эта содержала в себе (далее) опять известную шекспировскую цитату, слегка изменённую, как и первая:

«Узнал недавно я газель,
Желал ей жизнь посвятить,
Но вдруг явился кое-кто
Меж мной и ней нас разлучить!»

Так как можно часто видать разнохарактерных личностей в рубашке и белых передниках, вылетающих с крыльца известного билликинского владения со всеми признаками ужаса на лице и с длиннейшими счётами в руках, то мы имеем полное право предположить, что слабогрудая искренняя Билликин продолжает по-старому одерживать победы в одиночных турнирах с рыцарями бакалейных и мясных лавок.

Если дедушка время в своих странствованиях по Сильвер-скверу, собирая подать с лиц обоих полов и отдавая им расписку с приложением собственной печати на их физиономиях, и дотронулся слегка поэтического лика любимицы и жрицы муз мисс Кип, то это единственная перемена, заметная на её по-прежнему ясных чертах. Рифмофобия её распространяется по-прежнему на всех и всё. Принуждённая переменить поэзию на более рациональную прозу во вседневных сношениях своих со служанками, которые продолжали свою еженедельную эмиграцию из её дома, она с горя завелась попугаем, который удивляет посетителей её приёмной своими стихотворными способностями.

По случаю свадьбы Розы эта почтенная леди не преминула воспеть торжественное событие стихами, и через несколько дней молодая чета получила с экспрессным фургоном огромный сладкий пирог с сахарной голубкой на оном, целующейся с таким же сахарным голубком. Между носиками сих эмблем любви и верности развевался в виде длинного флага свёрток нежно-розовой бумаги, мелко исписанный знакомым почерком импровизаторши; заглавие с приличным и

[301] См.: «Она молчала о своей любви,
Но тайна эта, словно червь в бутоне,
Румянец на её щеках точила» (У.Шекспир. Двенадцатая ночь, или Что угодно).
[302] вор (*устар.*).

необходимым восклицательным знаком объявляло о «Дубе и плюще». Чтобы не утруждать терпения читателя, выпишем из числа тридцати девяти куплетов только первый и последний, из боязни, чтобы свет не потерял совершенно воспоминания об одном из лучших её произведений.

«Дуб и плющ»

«Приди, моя муза, о, где твоя лира?
Нам прозой возможно ль воспеть...
Как Роза Эдвина, любя выше мира,
Любила о музах радеть!
Нависшие тучи было дуб сломили,
Но верные ветви плюща не сразили!..
Так пусть же дуб-Эдвин теперь высыхает
От грязи и жизни невзгод,
А ветви плющ-Роза свои обвивает,
В честь муз пусть вкруг дуба цветёт!
Младая чета, оба, муз вы холили,
Обоих вас музы для нас сохранили!»

Самое подсолнечное, красивое место из всего старого клоистергэмского кладбища принадлежит смертным останкам маленькой Бесси. Под грядой, густо усеянной любимыми цветами ребёнка – фиалками и гелиотропами, спит сном ангелов девочка. Маленькое болящее сердце успокоилось навеки, и никогда не чувствовать ей более горькой, незаслуженной печали молодой жизни её. Когда уверятся смертные в истине того, что дорогие, любимые ими особы слышат и видят всё, происходящее вокруг них (а кто из людей, сознающих всё горе подобных утрат, не обрадуется этой быстро приближающейся к человечеству истине?), тогда поймут они, какая чистая радость наполняла дух малютки, витающий вокруг последнего жилища и привлечённый магнетической силой любви при виде седого старика, ежедневно посещающего её могилу! Многие весенние и летние дни проводил дядя Соль на кладбище, ухаживая за любимицами её при жизни, душистыми цветочками, поливая их и очищая от сорных трав и отдыхая по целым часам на священном кургане. Не мудрено, что маленький зелёный оазис привлекает своей очаровательной свежестью всех птиц из соседних мест. Весело распевают они над детской могилой такие же невинные и чистые, как сама лежащая в ней была при жизни, и тысячи усердных пчёл жужжат над цветами, копошась в них летние жаркие дни.

С любовью и неугасающим чувством воспоминания о ребёнке в груди занимается старик своей работой, часто думая при этом:

«Я чувствую, что она видит меня и что ей приятно сознавать, что старый её дядя Соль всё по-прежнему любит её!»

Прошёл год с того дня, как Джон Джаспер был отвезён бешеным безумцем в дом умалишённых. В бесконечной сердечной доброте души своей минор-канон нарочно ездил туда раза два с тех пор, чтобы убедиться в том, что несчастный регент ни в чём не нуждается и что его лечат, как следует.

Но всякий раз доктор, заведующий заведением, объявлял Криспарклю, что, насколько медицина и медики могли ручаться за непогрешимость мнения своего, для Джаспера не было надежды на этой земле. Безвредный, хотя суровый и молчаливый иногда, он большую часть дней своих страдал припадками бешенства, и в такие часы требовалось двойного комплекта надзирателей, чтобы удержать его от убийства, которым он грозит всем и каждому.

«Субъект этот, – говорил доктор, – самый опасный из всех виденных мною пациентов нашего заведения и по-моему не существует ни малейшей надежды на выздоровление его».

Минор-канон вздыхал и уезжал, не видав ни разу привязанного на цепи регента.

Снова наступил рождественский сочельник, и к вечеру Клоистергэм затих. Не видно было на пустынных улицах ни души, все и каждый отправившись по домам, чтобы провести торжественный вечер в семействе. На дворе начиналась снежная вьюга, и поэтому ещё более

никого не привлекали замерзшие тёмные улицы. Часам к одиннадцати вечера на клоистергэмской большой дороге, ведущей от рельсов соседней железной дороги к станции дилижанса, показался, осторожно прокрадываясь и боязливо оглядываясь по сторонам, бледный растрёпанный человек с безумно блуждающими чёрными впалыми глазами и похудевшим, мертвенным лицом. Несмотря на метель, густо устилающую поля снежным саваном, этот человек в одной изорванной рубашке и полотняных панталонах. Ноги его обуты в одни чулки и грудь совершенно нагая. Несмотря на поздний час, он останавливается поминутно, прислушиваясь к малейшему шороху, и, дико озираясь, прячется под заборы при всяком завывании ветра, печально воющего среди голых сучьев[303] придорожных буков. Так осторожно подвигается он, пока не доходит до слабо освещённого городка. Холодная бледная луна, ныряя меж снеговых нависших туч, освещает временами верхушку старой кафедральной башни и сплошную чёрную массу самого собора. Странный путник не сводит с неё глаз и радостно шепчет что-то, складывая свои худые посиневшие от холода руки как бы в немой молитве на груди. Теперь он идёт прямо, не останавливаясь и как бы совершенно уверенный в своей дороге. Достигнув кладбища, он как бы колеблется на одну секунду. С кем говорит он? Вокруг него всё тихо и пусто, и один ветер только может отвечать ему. Несмотря на то, он как бы прислушивается к раздающемуся для него одного ответу, и разом, не колеблясь, уже прямо отправляется к[304] покрытой снегом могиле маленькой Бесси.

Дойдя до неё, он опускается перед ней на колени и с диким блеском в глазах, заломив руки над головою, произносит внятно и отчётливо голосом, прерывающимся от рыданий:

«Видение послало меня помолиться на твоей могиле, дорогое моё дитя; оно сказало мне, что если попрошу я твоего заступничества за несчастного грешника, отвергаемого смертью и недостойного жить на земле, то Господь услышит твою детскую молитву! Ты простила мне перед смертью, Бесси. Я помню слова твои – о, как хорошо помню! Попроси у Бога простить мне, Бесси, и проведи мой грешный дух к стопам Всевышнего судьи. Теперь ты – чистый ангел, девочка моя, и можешь читать в моём разбитом сердце. Оно так полно раскаяния и горя – ты это видишь сама, не правда ли? Иди, иди, моя дорогая маленькая Бесси, а пока ты станешь ходатайствовать за бедного грешника, я лягу на твою могилу и отдохну. Мне очень холодно, о, как холодно, дитя моё... Не медли, дитя... Скорее... Пожалей отца!»

Голос его становится всё тише и невнятнее, и последние слова замирают на посиневших устах, всё ещё повторяющих шёпотом и с мольбою:

«Дорогое дитя».

Затем он ложится поперёк могилы, крепко обхватив её почти окоченелыми руками. Испустив глубокий тяжёлый вздох, он остаётся недвижимым и тихо начинает уплывать по безмолвной реке, уносящей его к Вечности!

Рождественское утро зарделось на синем ясном небе. Рождественское утреннее солнце, всходя во всём своём блистающем величии, золотит лучами своими верхушки деревьев и старые стены кафедрального собора, пока они принимают вид растопленного золота. По мере того как горячие лучи, проникая сквозь снег, заставляют его видимо таять, он скатывается на землю крупными каплями и капает, капает, пока не начинает походить на тёплые слёзы радостной благодарности, как будто сама природа ликует, что снова увидит Клоистергэм ещё одно благословенное рождественское утро.

Медленно направляется старческими шагами дядя Соль через мокрые тропинки к кладбищу, держа в руке зелёный венок из свежих листьев для украшения могилы своей любимицы. Дойдя до неё, он открывает на ней замёрзшую фигуру человека, которого не узнаёт ещё под тяжёлым саваном завалившего его снега.

Несколько прохожих отрывают тело, и вместе с ними являются два незнакомых человека, которые отыскивают с самого вечера убежавшего из дома умалишённых Джона Джаспера.

Весь Клоистергэм сбежался при первом известии и с ними вместе и минор-канон.

---

[303] Далее зачёркнуто: бу.

[304] Далее зачёркнуто: белой.

Служители больницы отправляются, так как миссия их окончена, и жители городка, так хорошо знавшие регента, с ужасом смотрят на это тело, обезображенное мучительной смертью и болезнью, хотя лицо умершего спокойно и улыбка выражает счастье.

«Если жизнь этого человека была преступной, то зато смерть очистила память его!» – говорит дядя Соль.

Минор-канон взял на себя похороны его, и, зарывая Джаспера в холодную могилу, даже Дёрдльс удержался от всякого размышления.